

ЮРИЙ
ПЕТУХОВ

ЖИЗНЬ № 8

Юрий Петухов

ЖИЗНЬ № 8
охота на президентов

ЖИЗНЬ №8

ОХОТА НА ПРЕЗИДЕНТОВ

Записки человеконенавистника

Действующие лица и исполнители

народные террористы:

Иннокентий Булыгин — благородный киллер.
Моня Гершензон — великодержавный шовинист, антисемит, русский фашист, скинхэд...
Эрнесто Че Гевара — герой-революционер.
Самсон Соломонов — узник своей совести.
Юрий Петухов — человеконенавистник.

международные террористы:

Веня Оладьин, он же Бенни О'Ладен, он же Ас-Саляма бен Аладин, он же Усама бин Ладен — потомственный агент ВЧК-ФСБ-ЦРУ.
Куш, Хуш, Буш, Чуш — президенты Заокееании.
Басай ибн Хаттаб — бригадный генералиссимус.

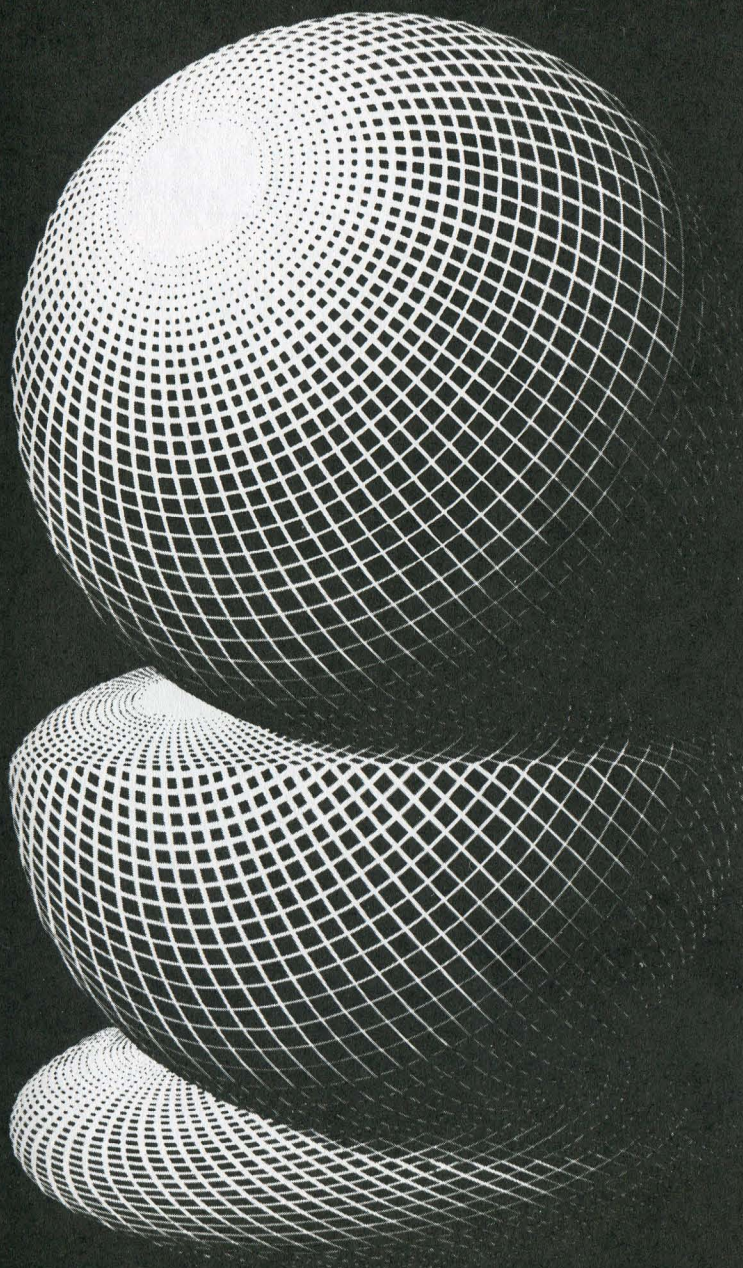
президенты (виртульные):

Матерый Человечище, узник палаты №8, Горбатый, Интриган, Меченный, Херр, Старик Ухуельцин, гауляйтер фон Капутер дер Перепутинг, Клин Блinton, домовый Доби, Буш, Чуш, Хрюш, их клоны и прочая нечистая сила.

люди из народа:

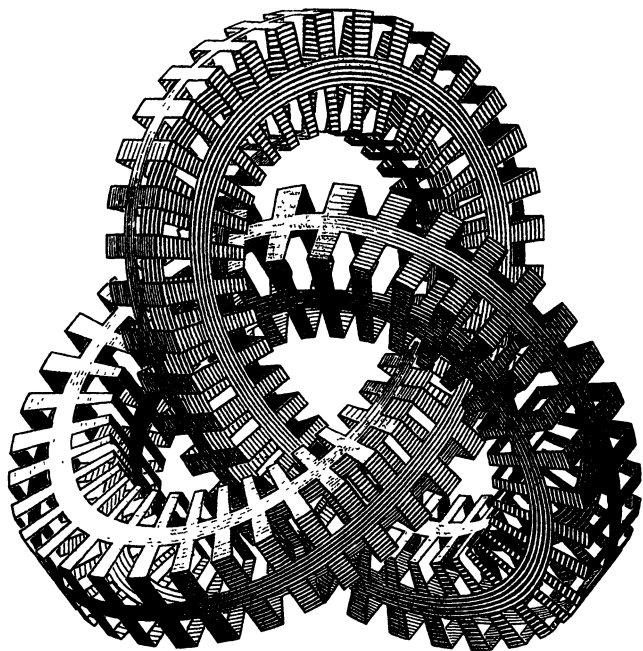
Мехмет-оглы — орденоносец Гроба Господня.
Поп Гапон — придворный смутьян-бунтовщик.
Патриархий Ридикюль — св. иезуит-экуменист.
А также врачи-вредители, санитары, матросы, философы, эллины, козлы, иудеи, апостолы, штопаные г.ны, демократы и охернительно умное народонаселение страны Россиянии..

ЖИЗНЬ №8

ЖИЗНЬ № 8

Охота на Президентов

ПФ

УДК 882
ББК 84 (2Рос-Рус) 6
П 31

«ПФ»
Индекс 70956

Гл. редактор Д.А.Андреев
Оформление Ник Дмитриев
ЮОП «Горгона-Х»

ПЗ1 Петухов Ю. Жизнь №8, или Охота на Президентов. Записки человеконенавистника. Роман. – М.: «Метагалактика», 2003.– 400 с. («ПФ», выпуск 1. 2003 г.)

Остросюжетный криминально-психологический роман. Следом за «международными террористами» (агентами ЦРУ и ФСГБ) на «мировую арену» выходят народные террористы: киллер Кеша Булыгин, махровый шовинист Мона Гершензон, узник собственной совести Самсон Соломонов и знаменитый писатель-маргинал, человеконенавистник (он же автор). Открывается Сезон захватывающей и смертельно опасной Охоты на Президентов...

Юрий Петухов своим новым романом доказывает, что ему по-прежнему нет равных в современной русской литературе: мощно, талантливо, иронично, неожиданно, смело, философично, нетленно... все прочие могут ещё долго отдыхать и ползти (как и обычно) по его стопам.

Лицам с пониженным интеллектом и неустойчивой психикой не рекомендуется.

ISBN 5-85141-017-5
ISSN 0869-2726

© Ю.Д.Петухов, 2003

www.juri-petuchov.narod.ru

Индекс 70956

Юрий Петухов

*«Вас мир не может ненавидеть,
а Меня ненавидит, потому что
Я свидетельствую, что дела его злы»
И.Х. (Ин. 7-7)*

*«Земную жизнь пройдя до середины,
я оказался в сумрачном лесу»
Данте Алигьери*

*«Не нам определять до коей черты жизнь наша
пройдена... но насчет сумрачного леса старик
Дант загнул неплохо... сумрачный лес,
сумеречное сознание, сумеречная жизнь,
в общем, - палата №8 – милости просим»
Автор*

Охота на Президентов

или

Жизнь № 8

❑ Записки человеконенавистника ❑

ЖИЗНЬ №2

«Нет ни эллина, ни иудея...»
Саул, он же апостол Павел,
он же восьмая аватара Мони Гершензона

«... есть только моя боль»
Автор

*«Истинно говорю вам: все эти ваши
эллины и иудеи просто козлы...»*
И. Булыгин, авторитет

Прелюдия. Козлы и апостолы

Я знал, что с ним могут замести... и замести надолго. Но я знал и другое: друзей не выбирают. И просто так от них не отказываются. Даже если они не в ладах с законом. Благодать круче закона*...

- Ну, и скольких ты завалил?

- Я этого дерьма не считаю, - ответил он философически и пожал плечами. - Сотни три-четыре... не больше. Все мы песок в дырявом мешке Создателя... что считать.

Мы стояли на Пиккадилли-сёркус, самой паршивой площади в мире. Косым азиатским углом расходились по сторонам Риджент-стрит и стрит Пиккадилли. Кругом гудел по-азиатски косой и по-африкански чёрный Лондон. Я всегда думал, кого тут больше: китайцев, итальянцев или папуасов? Но больше всего было придурков. Эти сразу бросались в глаза... Европа.

* См. «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, XI в.

Белая королева жила за дворцовой решёткой. Она, наверное, не знала, что творится в её королевском доме и что скоро Англию станут называть Верхней Вольтой без атомной бомбы. Ей за решёткой было хорошо... Он тоже недавно вышел из-за решётки, и его, как английскую королеву, кормили два года одной овсяной кашей. Он был большой и добрый.

- Я просто хорошо отдохнул, Юра, - сказал он мне и посмотрел на мордатого и важного «бобби»-полисмена. Тот чуть не свалился в ужасе с тротуара. - Отдохнул от всей этой паршивой сволочи!

Я помнил его вечно краснеющим второгодником с алыми ушами. Он был умен, скромен и застенчив. И честен до колик. Теперь он работал киллером. И иногда выезжал во всякие паршивые страны, вроде этой, чтобы немного расслабиться. За решётку он ушёл сам, когда его пуля отрикошетила и убила напарника, честнейшего и добрейшего человека, хорошего семьянина, аскета и подвижника, тоже завалившего сотни две-три всяких паршивцев. Он сам сдался, и сам определил себе срок, и сам страшал оперов, прокуроров и судей, у которых рука не поднималась засадить за решётку такого авторитета. Он их застрашал, и они его посадили. А потом приносили и присылали лангустов с шампанским. Он всё выбрасывал. И ел только кашу. Он был святым. Уж святее римского папы, точно. Отшельником. И почти апостолом.

Но отшельничества хватило только на два года. Как и было отмерено. Святые не отдыхают долго. Святым надо вершить свои святые дела...

В этом папуаском Лондоне у него тоже была квартира. Но он не любил наезжать в неё. Он вообще не любил наезжать в эти заграницы... Уже в аэропорту на паспортном контроле – в любой стране! – на него смотрели так: «Ну, вот... приехала русская мафия!» И бледнели, и зеленели. И руки у клерков начинали дрожать. И «бобби» падали в обморок, и «фараоны» теряли чувства. И он краснел от досады... сволочи! Русская мафия! О, эта русская мафия!

Я не разбирался в этих «мафиях». Ну их! А он разбирался. И очень неплохо. Он вообще любил разборки.

Он знал точно, что «русских мафий» было две: в первой были одни жида^{*} и чечены, вторая сидела в Кремле, но в ней тоже не было русских. Он не сидел в Кремле, и, к сожалению, не был жидом^{**}. Он был человеком мира и любил всех.

Это было невозможно... Но он любил.

Я ему говорил, что все люди равны, что перед Богом нет ни эллина, ни иудея... А он отвечал, что бог пусть сам разбирается в своих делишках: мол, подписался под заветом, так нечего на понт брать! а мы, мол, не подписывались! А мне советовал «для пущей равности намазать морду гуталином, разучиться писать книги и подцепить у этих пидоров вич-инфекционную спид-заразу».

- Мне охерительно надоели эти ниггеры, - говорил он, озираясь по сторонам и морщась.

Я поправлял его.

- Афроевропейцы или евроафриканцы...

- Во-во! – кивал он. – Эти долбанные евроафриканские ниггеры, мать их перемать афроевропейскую... Я тут что, в Нигерию приехал?!

Но я-то знал точно, когда он приезжал в Нигерию или в Танзанию, он любил всех черных афроафриканских негров, называл их братками, рассказывал им про русский снег, ругал беложопых сволочей-колонизаторов и поил братков русской водкой. Он был человеком мира с широкой и доброй душой, в которой хватало места для всех: и

* Я намеренно выбрал для сносок шестиконечную «давидову звездочку», чтобы ретивые доносители не заподозрили меня в зоологическом, мажорном, пещерном и прочих формах оголтелого антисемитизма. (Автор). С горячим шаломом!

** Мои старые добрые друзья-евреи в сердцах называют всех нехороших людей жидами. Я просто подражаю им, а вовсе не Николаю Васильевичу Гоголю, который называл жидами украинских жидов и жидков... Впрочем, отделились от Россиянин, пускай сами самостийно-незалежно и расхлѣбывают! Лѣхаим!

для нигтеров с русскими, и для жидов с евреями*, и для папуасов Лондона... Раньше это называли «русским космизмом». Сейчас за это могли дать срок.

В соседней с ним камере парились два пацана. Один был чеченегом. Он отрезал семь голов у семи федеральных солдат. Другой был то ли мордвином, то ли татаринном, короче говоря, русским. Его изнасиловали три студента из Патриса Лумумбы. Он написал на них жалобу и пошёл в милицию... а там как раз добивали план по скинхедам и прочим русским фашистам. Оба пацана получили по пять лет. Чеченегу через полгода поменяли на какого-то бомжа – какая разница кому досиживать. А мордвина, как говорил надзиратель, со дня на день должны были отправить то ли под Гаагский трибунал, то ли в Оклахому на электрический стул.

И это было справедливо... Демократия. Каждый день из телеящика говорили, что преступность не имеет национальности. Национальность имел только фашизм. Он был, понятное дело, русским... И все в это свято верили. В Россиянии вообще верили не в Христа, не в Иегову, не в Сварога с Буддой и Магометом и даже не в пень корявый и седьмое пришествие. В Россиянин верили в телеящик. В него верили, ему молились. В каждом доме в красном углу светилась эта голубая икона. А иконы не врут, это тоже знали сызмальства... Никаких эллинов в Россиянин не водилось. Иудеи были, но по-иудейски ни хрена не понимали, поэтому во всем мире российских иудеев называли просто русскими.

Кеша любил всех.

Он разводил руками и говорил:

- Все люди братья, Юра! Все они каины и авели... если бы не мы, эти козлы давно перемочили бы друг дружку.

Переделать его было невозможно. Он был обычным русским идеалистом. Романтиком. Хотя раньше он служил на флоте и был морпехом.

* Под понятием «евреи» подразумеваются не только обладатели общеевропейской валюты «евро».

- У матросов нет вопросов! – говорил он.

А я ему говорил:

- Зато у пехоты есть...

И я был прав.

Мы оба были ненормальными.

- Мне вечерним рейсом в Чикаго... – сказал он.

- Полетим вместе... – ответил я.

Он был под колпаком у Интерпола и российской охраны. Меня в очередной раз выдворили из страны за мои «злобные пасквили» – писателей гоняют не хуже волков и серийных убийц. И он это знал. Выдворили... чтобы убрать где-нибудь в Вирджинии или на Мальдивах, без шума и пыли, без ехидного скулежа в прессе... хотя нынешние власти клали и на «прессу», и на скулёж. Демократическая сволочь не любила, когда некоторые болтали лишнее. И потому не только эти некоторые, но и другие в Россиянии весьма сомневались: правда ли что наши демократы демократы, или только прикидываются. Вслух спросить никто не решался, чай, не при Сталине!

- Что ты забыл в этой паршивой дыре? – удивился он.

Я отпихнул бродягу-спидоноса, наткнувшегося на меня и полезшего обниматься. Таких в Лондоне, да и в Чикаго на каждом углу, и все обколотые и с бинтами на шее.

- Ностальгия, я не был там два года... Я хочу выпить чашечку кофе на скайдеке Сирс-тауэра... пока его не сшибли, как эти два рога в Нью-Йорке... пройтись по Мичиган-авеню к центру, к этим добрым «сталинским» высоткам... там я вспоминаю старую Москву, понимаешь, и я снова начинаю верить, что всё не так уж хреново, что мы ещё прорвёмся...

- Спрячь ствол, - просипел он, плечом прикрывая меня от любопытного взгляда полисмена, - опять носишь пушку в кармане... писатель!

Писатель... Когда-нибудь я надену на свою пылающую голову чёрный берет и назову себя Че Геварой. Я уйду в горы, в сельву и скажу: «Отсюда начнётся новый мир!».

Я так сделаю. Мне нужно только двести стволов. И двести парней, которые поверят, что пришла пора давать людям другой Новый Завет, что Господь сделал ставку на нас, что Он дал нам последний шанс не захлебнуться в собственном дерьме. Пусть не двести, пусть только двенадцать... главное, начать. Лиха беда начало.

Один начал уже! торопыга! сидит в саратовском центре, и до второго пришествия просидит! до нашего! это я о тебе, Эдичка! Ку-ку!

Свободу узникам совести!

Посадить писателя может только полный болван. В добрые времена умные цари и генсеки опекали писателей. А болваны травили... так и вошли в историю болванами.

У нас нет гор, нет сельвы... Мы бежим в свои башни из слоновой кости. Когда-нибудь эти башни, набитые пылающими мозгами, треснут, разлетятся в пыль и тысячи их обитателей вывалятся серо-пылающей лавой на улицы, на баррикады, они ломами и стальными прутьями выбьют всех, кто встанет на их пути, и ни омоны, ни омбздоны, ни «витязи», ни «вымпелы», ни «альфы» с «омегами» не остановят их... репетиция уже была, да, милые мои, кое-кто ещё помнит сверкающий и святой день 3 октября девяносто третьего года, этот безумный и праведный прорыв в будущее – я был там, не за бетонными стенами «белого дома», а в этом яром и яростном прорыве, в огненной лавине, что хоть на полдня, но смела нечисть с улиц Москвы, загнала её в дыры и щели, хоть на полдня освободила Россию от чёрного ига «нового порядка», вырвала из слащавого болота глобального «диснэйленда», я был там, я знаю, что говорю... Народ имеет право на восстание, святое и незыблемое право на восстание против любой деспотии – даже если это деспотия демократии. Демократии, экспортированной «бархатными» спецслужбами... Это право от Бога. А Бог не фраер!

И это будет не «бархатная революция». Бархатные революции делают агенты-цэрэушники и сексоты-фээсгэбэшники – пятая колонна демократии. Это будет

жестокий и осмысленный русский бунт. Он уже зреет по подвалам и хибарам, по мансардам и ночным притонам – это наши горы и наша сельва. И сотни тысяч парней делают наколки на груди: «родина или смерть!» И мы победим! Такой вот венсерэмос!

Иначе грош нам всем цена.

Назову себя Че Геварой. И пошлю на хер всю эту глобальную глобализацию глобализма. Эти жирные свиньи овладеют планетой, только когда убьют меня, отрубят мне руки и высосут из моего мёртвого черепа мой мёртвый мозг. Не раньше! Но ещё до того миллионы моих двойников моим Словом войдут в мозги миллионов и миллионов тех, кто скажет им: хватит! кто пошлёт их ещё дальше, кто наденет на свои пылающие головы чёрные береты и назовёт себя...

Мы победим! Потому что благодать круче закона!

Или не победим. Ведь на дюжину осененных благодатью апостолов всегда найдётся дюжина иуд-иудеев и дюжина козлов-эллинов. Или наоборот. И тогда уже со всех сбудется как с козла молока. Ибо козлов стригут и ведут на бойню. Вот так. Засранцы-заокеанцы с королевско-папуаскими островитянами раздолбали бойню №5 ещё в сорок пятом, в Дрездене, вместе со всем городом и всеми его мирно пасшимися козлами и козами (400 тыс. душ). Царствие тебе небесное, Курт! Но боем что-то не убавилось. А стало больше. Их стало настолько много, что все они слились в одну большую, глобальную как глобус.

И имя этой Бойне – наша жизнь – Жизнь № 8*.

Ну, а дальше всё будет не так красиво. Приготовьтесь, друзья мои дорогие! Вы ещё не наелись манной каши из других книжек?! А я наелся... Хватит! И лапши, которою нам вешают на уши... тоже хватит! Они нас долго лечили. Теперь мы их полечим! За мной, мои милые...

* Всех перекошим!

«Реальность, преломлённая нашим разумом, есть единственная реальность... и в этом романе все реальная правда, за исключением нереальной неправды...»

Автор

P.S. "А тем, кто не узнаёт себя в прямом зеркале, нечего пенять на кривое!"

*Преамбула**. Несвидетель.

Да, этот роман, написан ненормальным автором – нормального за такой роман расстреляли бы на месте, по крайней мере, сослали бы навсегда «без права переписки». Ненормальным, потому что нормального за такой роман били бы смертным боем левые правые и правые левые, квасные патриоты и безродные космополиты, красно-коричневые фашисты и голубые гомосексуалисты, демократы и пидормоты, нимфоманы и педофилы, футбольные фанаты и нанайские депутаты, скинхеды и жидоеды, русофобы и грибоёбы, людоеды и бабогубы, правдолюбые и любофиги, фигократы и казнокрады ... и все прочие эллины и иудеи, кайны и авели - кому не лень.

Этот роман – злобный пасквиль на человечество. Так скажут в любом случае. И потому я опережу всех, я скажу это сам. Злобный пасквиль! Записки оголтелого человека-ненавистника! Вот так!! Вот так!!!

Это роман для ненормальных читателей. Нормальные не станут держать дома книгу, за которую их арестуют и сожгут. Сожгут вместе с ней на радость замерзающему и

* Читать запрещается!

ехидному населению. Рукописи горят, ещё как горят! А целые тиражи просто полыхают! А-у, геростраты!

Ненормальный роман, написанный ненормальным автором для ненормальных читателей – роман о нашем ненормальном времени, которое никогда не кончится, ведь глупость наша изначальна, беспредельна и вековечна. Роман-зеркало. Ибо судить станут по написанному в книгах... Понимаете, судить! Нас! Вас! Станут! Поглядите в зеркало! По написанному в книгах – в том числе и в этой! А уж за эту книгу с вас спросят! Мало не покажется!

Читайте!

Это роман о бестолковом и нелепом мире, который иногда именуют «безумным». Но он не безумный - не надо красотостей и штампов - он просто нелепый и бестолковый, как нелепы и бестолковы его обитатели-обалдуи.

Это роман об одном заокеанском головорезе-«командосе», который мочил почем зря всяких там вьетконговцев, шурави, талибов, боснийских сербов, иракских феллахов, русских безусых мальчишек и прочих злобных международных террористов, врагов Америки и демократии, но который в конце концов сделал свой выбор и послал Америку на хер вместе с её херовой демократией.

Это роман о моих друзьях-бандитах, очень честных и порядочных людях. Одни из них спились, другие сгнили в лагерях, третьи живут себе поживают... кое-кто прошёл даже в Думу, и меня приглашал, но я отказался – видал я эту Думу! Думоседы, ку-ку!

Это роман об одном человеке, который всё искал правду и пытался наставить род людской на путь истинный, а потом его забили камнями, но плохо забили, не до конца, и тогда он сам повесился на ржавой трубе. А бросавшие камни в него объявили его Пророком и срубили на Нём целое поле больших-пребольших кочанов конвертируемой зелёной капусты.

Это роман о моём давнем и дальнем знакомом Моне Гершензоне, отпетом и махровом сионисте-русофобе, который через три года и три дня пребывания на историче-

ской родине в еврейских палестинах Ерец Исраэля вернулся на Русь-матушку отпетым и махровым антисемитом-жидоедом, квасным патриотом, нацболом, скинхедом и красно-коричневым писателем-«деревенщиком»...

Это роман о хмуром и подозрительном старике Ухуельцине, прятавшемся от народа то в одной загородной резиденции, то в другой. Подобно зловещему (по мнению беллетристов) императору Тиберию, заточившему себя на острове, подальше от избирателей. А может, и подобно царю Ироду, который выстроил свой неприступный замок-дворец на вершине горы... Ирод сам лично не убивал младенцев, и старик Ухуельцин детей давил не собственными руками – это их духовно роднило...

Звонок в дверь оторвал меня от писанины и сладостных предвкушений, как я их всех растребушу, раздраконю и уделаю, ух я им и ужю!!!

- Милиция!

Стражей порядка я не вызывал. Но дверь всё же открыл. У порога стоял весьма полный юноша в кителе, фуражке с нацистски вздёрнутой тульей и темных очках. Он был похож на новоиспеченного диктатора какой-нибудь латиноамериканской банановой республики.

- Я заменяю вашего участкового, - отрекомендовался юноша-диктатор. Скромно потупился, ожидая приглашения.

По-настоящему надо было выгнать гостя вместе с его банановой фуражкой и садиться за работу. Но любопытство разобрало меня.

- Чем обязан? – спросил я, препровождая юношу на кухню и предлагая чай.

Перерывы иногда тоже полезны.

- А вы что, ничего не знаете? – удивился он.

- Абсолютно ничего! – ответил я с такой прямоотой и искренностью, будто и вправду не знал, ни как меня зовут, ни где я живу, ни про то, что на белом свете есть гнусные преступники и благородные милиционеры...

- Вашего соседа по лестничной клетке, что напротив... убили! – признался банановый юноша-диктотар.

Я посмотрел на него так, словно это признание смягчало степень его вины. Юноша вздохнул, потом долго писал на коленке протокол. Наконец поднял на меня глаза и спросил в свою очередь:

- Где вы были в момент убийства?

Я не мог ему рассказать всей правды про жизнь №8, про параллельное время и перпендикулярное пространство. И потому ответил просто:

- В лесу гулял!

- Это в каком же?

Про сумеречный дантов лес объясняться на протокольном уровне тоже не очень-то хотелось. И я сказал, чтоб всё было понятно:

- В Измайловском...

- И выстрелов не слышали?!

- Не слышал...

Юноша заерзал. Он спешил. И потому забыл спросить меня про время и прочие дела... Он был явно начинающим и совершенно бестолковым следователем. Я сразу же пожалел, что это не я убил соседа! Потому что когда я кого-нибудь убью, мне пришлют самого матерого и хитрого следопыта, и уж тот наверняка меня прищучит. А этот нет, от этого я уйду, как колобок от бабушки...

- И правильно, что не слышали, пистолет был с глушителем. Он тут по всему двору бегал. А те за ним! Саданут в него... и глядят, готов или нет, а тот бежать, они за ним, опять саданут... тот вроде упал, а потом опять на ноги и бежать! они за ним! Полчаса бегал... или час! Мне всё охранники из фирмы рассказали!

Это точно, под окнами у нас была какая-то фирма, и её охраняли охранники в камуфляжах с дубинками, наручниками и пистолетами. Если бы убийцы начали прорываться в фирму, они бы их точно уконтропнули. Прямо за зданием фирмы был огромный отдел внутренних дел нашего округа, там несло службу сотни три-

четыре милицейских (сами себя они называли ментами). Но стреляли с глушителем, и потому менты ничего не слышали. Еще заместитель нашего участкового, похожий на бананового диктатора, рассказал мне, как бабушки, сидевшие тут же во дворе на скамейках, видели, что соседа наконец-то добились, долго вертели его, пинали, всё боялись, что оживет, потом ещё пару раз пальнули в голову, проверили по зрачкам и пульсу на запястье, вытерли руки о его рубашку, отдышались, попросили закурить у охранников... и уехали куда-то на иномарке.

Это была загадочная история. И вот теперь моему гостю поручили ходить по квартирам и собирать показания. Он был сильно расстроен. У него вообще, несмотря на роскошную бананово-диктаторскую фуражку и очки, был вид неудачника. Удачники сейчас стояли по рынкам и улицам у лотков, охраняли наших южных гостей, которые по замыслу правительства, восполняли естественную убыль русского населения. Гости были щедры. А русские всё равно вымирали. Юноша твёрдо знал, что ни в одной из квартир ему ничего кроме показаний не дадут.

А я думал про бедного соседа. Убили! Кого нынче удивишь этим! Каждый день шлёпают по десятку... Дело привычное.

- Вот тут распишитесь... и тут!

Я подписал протокол. И спросил:

- Да ведь я ж не свидетель, вроде...

- Вот вы и подписывайте, как несвидетель!

Крыть было нечем. Логика милицейского юноши-диктатора была железной и убийственной.

Все мы несвидетели в этой жизни.

Слава Богу, что не хватают и не везут в каталажку. Я проводил гостя. И сел за стол... потому что даже если всех вокруг переубивают, я должен дописать этот роман. Дописать... пока не убили меня самого. И пока мой пистолет не заржавел. И пока Господь диктует мне ещё своё последнее (не для Него, а для нас) завещание, пока я

сам не забыл, о чём я пишу... Господи, ну почему Ты меня всегда толкаешь наперекор и тем, и этим властям! ведь Ты же сам твердил не единожды, что «всякая власть от Бога!» и почему одним кнуты и ссылки, а другим госпремии, госдачи и ордена... О, вот уже и объявили, что «госпремия в области литературы в этом году присуждена выдающемуся россиянскому писателю Жуванейскому» (лучший писатель всех времен и народов! Лев Толстоевский, блин!) А кто... кто присудил и вручил?!

... это роман об одном витязе у перепутья – его так и звали Перепутин, хотя он был самым настоящим немцем и мечтал лучше иметь цирюльню в Гамбурге, чем геморрой в Кремле. «Нихт капитулирен! нихт капитулирен!» - твердил он на каждом углу, придерживая левой рукой невидимый маузер у бедра. Он втайне гордился званием бригадного ефрейтора и приёмного сына Хаттаба ибн Басая Масхад-Чеченежского. Но настоящей фамилией его оказалась фамилия Капутин, а любимой песней – «Ах, мой милый Августин».

Это роман об одном охерительно умном народоноселеении, которое мечтало лежать на печи и быть неграми, папуасами и итальянцами.

Это роман о разных мерзавцах, негодях и прочих почтенных людях. Об очень больших, и очень маленьких. Ибо бесконечно большое и бесконечно малое всё равно сходится в одной точке (я думаю, в преисподней, хе-хе!). Это роман о штопаных гондонах, набитых бешеной британской говядиной, шникерсами, памперсами и подкладками... и о сладкой моче демократии со сладким именем «пепси-пойло»... и о попе Гапоне, и о миротворце по кличке Меченный Херр, и о патриархии Ридикюле, и о страшном международном террористе Вене Оладьине, и о сказочной стране Россиянии, которую в древние времена называли то ли Полем Зла, то ли Империей Чудес.

Да, в этом романе многие получают по зубам. Не взирая на чины и ранги, не глядя на левизну и правизну. За что?

Почему? Потому что (я страшно не люблю этого выражения, просто терпеть его не могу... но именно его я и применяю) – потому что они просрали Россию.

Это роман о них, об этих высокопоставленных и лукавых засранцах.

Это роман обо мне.

Так всегда выходит, что каждый роман немножко и о том, кто его пишет. Я написал двенадцать романов, десяток повестей и рассказов, сотни статей, очерков, эссе, стихотворений – написал по всем правилам высокой классической и разухабистой поставангардной литературы. По всем канонам. Потому что я сам создаю эти каноны и правила. Потому что я сам классик и авангардист. Все прочие просто пишут ... нет, не буду обижать идущих по стопам, все они немножко и мои дети... нерадивые, бестолковые, самовлюблённые... но мои, увы. Я зубр, динозавр русской словесности, невымирающий динозавр-классик и зубр сверхреализма. И потому я получил право на этот один нелепый и бестолковый криминальный роман – роман-абракадабру.

Это так.

Это роман...

А это я.

Мне не очень повезло с профессией. Я писатель. Везде и всегда. От Бога. И ещё историк ... но это уже в другой, в настоящей жизни, где отдельные чудаки пока интересуются историей всего этого нелепого сонма неудачников, называющегося человечеством. Да-да, именно нелепого и бестолкового сборища олухов и дураков, которых за грехи их отправили на нелепую и бестолковую планету, на Землю – в каторжные работы, попросту говоря, сослали на галеры всем скопом, без права переписки...

Увы, но в жизни №8 я только писатель, и немного поэт, и ещё немного странник, я забываю про свои изыскания и серьёзные – очень серьёзные – труды, и я пишу книги: всякие романы, повести, иногда стихи – пишу от полной безысходности. Почему? Потому что жизнь №8

тоже каторга, только особая, это каторга в каторге. Каторга в квадрате. И как нечто, выходящее за пределы реального, остепененное, она больше, чем каторга, - она свобода неизреченная и полнейшая, какую на воле и осознать невозможно!

И не думайте сомневаться! Всё так, всё истинно так! Не нами положено, не нам и менять. Вот я и странствую по этой странной жизни, по всем её измерениям и временам. И пишу! Пишу, наживая себе кучу врагов.

Пишу как дышу. А они не дают мне дышать.

Ещё я пишу, потому что люблю писать и умею это делать лучше всех прочих. На этой нелепой и бестолковой планете таких как я, писателей от Бога, и было то всего с дюжину, не более. Пишу, хотя это и каторга. Ничего не поделаешь. Свобода требует жертв. Кого может принести в жертву бедный поэт? Только самого себя.

Пейте мою кровь. Ешьте моё тело.

Через неделю я нашёл тех троих фраеров, что прикончили бедолагу-соседа. У меня тоже есть кой-какие связи. И не всегда официальные. Они отпивались на одной дачке в Малаховке... Нашли, где отсиживаться! Малаховка! Второй Тель-Авив! И подмосковная Палестина! Я провёл там полгода моего детства. И слёзы текли из моих глаз, когда я въезжал в это обетованное местечко чьей-то осёдлости. Только поэтому я не пристрелил этих уродов. Я просто забил их своим зонтиком, в который добрые люди вставили свинцовый стержень. Я оставил им шанс... А там пусть «скорая» разбирается, кого на какой «свет» увозить. Я сам её и вызвал. Перед уходом. В сентиментальном порыве необузданного гуманизма. Ничего не поделаешь – грёзы! безоблачное детство! кролики на террасе! поломанный велик! рогатка в кармане, чистое небо и безумное счастье от того, что мы первыми вырвались в космос! И никакой пепси-колы и подкладок... Мы мечтали о вселенной! ведь вся Земля уже была нашей! правда! была! Теперь она принадлежит ка-

ким-то сукам... и никто не мечтает быть космонавтом; все мечтают быть бандитами...

А бандиты (настоящие бандиты, а не сляки на мерседесах) мечтают улететь на другую планету... на этой им всё обрыдло.

Мне не очень-то жалко было несчастного соседа. Я с ним и знаком-то не был. Просто эта шушера должна была знать, что м о и х соседей трогать нельзя. И ещё, что я человек творческий, впечатлительный, с лабильной нервной системой, как сказал мне один знакомый психиатр, с которым мы пили три года назад в одном препоганейшем лондонском пабе, что я могу не простить... просто не простить, и всё! я ведь не подписывался под библейскими заповедями и никому не обещал быть Иисусом Христом!

Я вообще несвидетель.

Горные лыжи, ночь, свет по трассе, охранка... тысячи верных «быков» расшибают лбы, ломают хребты, не отстают... дело государственное! Дельфины в бассейне... Портреты в кабинетах... Державник с вертикалью... Демократия, блин... Дед-повар и «Закон об экстремизме»... Писатели в тюрьмах... Олигархи на свободе... За хищение в особо крупных размерах - канал на ТВ и место в Думе... НАТО под Питером... Партнеры без галстуков и трусов... Немецкие лица... Турецкие бордели... Новый порядок... У преступников нет национальности... Аллах акбар! Сколько тысячелетий надо поливать свою землю кровью и потом, чтобы три толстяка сдали её в утиль... Альтернативы нет... Уряя-а! Вова едет по лыжне, а мы по уши в говне... Просто демократия... просто кратия... просто кря-кря...

«Отступление в реальную жизнь»

Матёрый человечине с глыбистым лбом философа мерил камеру-палату плюгавенькими шажочками, не вынимая больших пальцев рук из-за подтяжек и картаво бормоча себе под нос:

- Да-с, просрали! всё просрали!

Доходя до угла, обитого, как, впрочем, и стены и потолок, толстым серым войлоком, он резво подпрыгивал вверх, пытаясь дотянуться до края портрета, сорвать его... и не допрыгивал. Лишь изредка он повисал, вцепившись в край рамы, намертво пришурупленной к стене, и висел час, другой, третий, мелко суча ножками, дёргаясь и лукаво улыбаясь.

Полгода назад приходили дюжие небритые санитары. Это они сменили содержимое стальной рамы, выдрав изнутри какого-то седого одутловатого мужика с красным носом и мелкими злобными глазками, и вставив нового – лысоватого, с лягушачьим ртом и водянистым нездешним взором. Был он чем-то похож и на лоботряса Бухарчика, и на ренегата Каутского, и на иудушку Троцкого, коли того побрить наголо, помыть в бане и хорошенечко протрезвить, и даже на суетливого домового из заокеанского фильма про Гарри Поттера. Просто очень похож! Но матёрый человечиче знал, что это он сам в молодости, ещё без усов и бородки, но уже шустрый и настырный, а подпись под портретом – его новый партийный псевдоним...

И потому, вися и суча ножками, он орал:

- Только не делайте из нас икону!

Патлатая старуха с коровьими базедовыми глазищами, сидевшая в другом углу, крестилась на портрет-икону и шептала как молитву: «всё путём! всё путём!» На ней была майка с такой же надписью, в руке она держала голубенький флажок то ли с коалой, то ли с гризли. Старуха ёрзала, чесалась, скреблась под мышками... Клубы седой перхоти вздымались ввысь и оседали на майке и флажке, когда старуха осеняла себя большим пятиконечным знаменем.

Пела она тонюсенько, заунывно, но истово: *«Я себя под Капутиным чищу, чтобы плыть в демократию дальше...»*

Матёрый человечиче умилялся, плакал, размазывая сопли по жилетке, по галстуку в замусоленный горошек, и твердил что-то своё про иконы, интеллигенцию, говно и эмпириокритицизм... И было в палате благостно и лепо.

*«Тихо, тихо лети,
пуля моя, в ночи –
ласковым мотыльком –
и не тужи ни о ком»*

**Амбулолюдия: Черный человек,
народные террористы
и Охота на президентов**

* * *

Кеша приехал ко мне на огромном лимузине – раньше я такие видел только у президентия Россиянии и в Нью-Йорк-сити у толстых чёрных афроамериканских негров-мафиози. У негров лимузин был белый, у президентия чёрный, а у Кешы – перламутровый с прозеленью. Кеша был круче. Приехал он с двумя мордovorотами-охранниками. Но я этих быков в дом не пустил, не хрена тут свои порядки наводить.

Они поглядели на Кешу – мол, мочить его (меня) или в багажник и на правёж.

Кеша послал обоих вниз и одновременно на хер.

И сразу утратил весь лоск.

- Всё, мне кранты, - сказал он.

А я вспомнил, как в юности мы угоняли с ним машины – задрипанные «москвичи» и «победы», чтобы просто покататься, а потом бросить. Один раз даже угнали какой-то паршивенький грузовик с фанерной дверью. Он стоял почему-то во дворе. Вечером. В темноте. Раньше такого не бывало. Грузовик сам напросился. Когда мы допили последнюю бутылку «солнцедара», уже пресле-

дуемые милицейским «уралом» с коляской, грузовик пришлось бросить. Кеша первым выскочил из кабины – это было где-то на Кабельной улице – и прохрипел, задыхаясь: «Всё, мне кранты!» Он сломал ногу. В голеностопном суставе. Легавые тогда чуть не сцапали нас. Я еле успел дотащить Кешу до забора. Мы перевалились за него и притихли в кустах. Мы висели на волоске. Но тогда у Кеши не было столь обреченного лица.

- Застрелись, - посоветовал я.

Он усмехнулся. Отпил водки прямо из бутылки, из горлышка. Поглядел на меня умудрённо, будто был втрое старше, будто это он, а не я писал философские романы и исторические трактаты.

- Ты же знаешь, чем я занимаюсь.

- Знаю, - ответил я. – Ты мне мешаешь добить статью в субботний номер!

Ну, конечно же я лукавил. Мне самому порой очень хотелось заниматься тем же, мочить всякую сволочь, только не по заказу, не через себя, а как вольному художнику, по собственному выбору, уж я бы отвел душу.

- Они заказали старика Охуельцина! – прямо сказал Кеша. – Очень серьёзные люди заказали! Или он, говорят, или ты... понял?

- Какие люди? Говори точно...

Кеша скривился. Побледнел. Водка из бутылки полилась на мой ковёр... Он стал похож на обречённого, на смертника под топором палача. Или на гения, выпившего стакан яда.

Лик его стал одухотворенным и печальным.

- Он был один... Вчера после полночи, карета чёрная... нет, тачка, мерседес... была гроза, – Кешин голос дрожал, - и этот человек, весь в чёрном... он мне не назвался! я даже и лица не разобрал! это конец! я знаю это кто! – он схватился обеими руками за голову, сжал виски. – О, чёрный человек! о, чёрный человек...

Допился, подумал я про себя. Но я тоже кое-что знал, а именно, что расспрашивать у психов про их призраков

никак нельзя, иначе призраки начинают материализовываться. Лучше другое...

- Старика Охуельцина?! – уточнил я.

Это было невозможно. Охуельцин устраивал всех. Олигархов и патриархов, бомжей и ди-джеев, демократов и пидормотов, коммунистов и глобалистов, братву и прокуроров, либералов и бабуинов, банкиров и челноков, абсолютно всех... может быть, кроме патриотов. Но патриотов у нас в Россиянии не было, чай не Израиль! И даже не Палестина.

- Так прямо и заказали... самого президентия?

- Имен-фамилий он не называл, - пояснил Кеша, и совсем сумрачно добавил: - сказал лишь, генерального убирать! Всучил аванс... и тут же в ночь уехал! как провалился! и гроза прошла!

- Уехал в ночь он! А заказ оставил?! – переспросил я.

- Оставил! И пути обратно нет!

Кеша сел на ковёр и зарыдал. Я впервые видел его рыдающим. Да, пути назад у него не было, как и у меня, как и у Заокеев после 11 сентября, когда мир изменился* и поделился на «до» и «после». Мы все менялись. Неизменным оставался один Заказчик.

И это было круто.

Кто сказал, что мы живём в обществе потребления?

Мы живём в Обществе Истребления.

Милицейский юноша ещё раз пришёл ко мне, но уже без фуражки. Долго и скромно тёрся в прихожей. Потом сказал со смущением:

- Вы уж простите... я и не знал, что вы знаменитый писатель...

- Да ладно, - ответил я, - знаменитым вон госпремии дают, а меня и в тележик не пускают...

Оказывается, у него дома были мои книги, и он принес

* Это сказал не я. Это сказал Буш (объевшись груш).

одну подписать. Я подписал. А заодно подарил и совсем новую, про Америку... Юноша, как и все россиянские юноши, думал, что настоящее счастье там, в Заокеании. Он не знал, что счастья в жизни вообще нет.

Потом мы долго сидели и пили водку. Точнее, пил один он, а я просто косел вместе с ним от избытка чувств и вспоминал пьяного Вознесенского, который говорил мне что-то про вертикальные поколения, в которых нет возраста, а есть единение душ. Юноша так же, как и я, ненавидел всю эту хренократию. А когда я заметил к слову, что одну из очень - очень! - больших шишек уже заказали, он взвился под потолок.

- Да я б этих гадов собственными руками вешал на фонарях! Жаль фонарей не хватит...

Неделю назад то же самое мне говорил таксист, что подвозил меня в аэропорт с консилиума по архаической этнологии. Слово в слово!

Потом мы пошли вниз. И долго били морды охранникам из «фирмы». Те визжали, рыдали, распускали сопли, грозились заявить в милицию и подать в суд. В ответ мой пунктуальный и законоисполнительный милицейский друг вытащил из широких милицейских штанов лист бумаги и ручку.

- Свидетели! - грозно объявил он многочисленным зевакам, что радостно смаковали побоище. - Кто будет свидетелем! Подпишите протокол!

Старушки, пенсионеры, мамы с колясками и бомжи с алкашами начали деловито расходиться.

- Мы не свидетели, - сказали они хором.

Я несвидетель. Я просто зернышко в этом огромном мешке, что называется жизнью. Кто несёт этот грязный и драный мешок? Куда? И зачем?! Кеша говорил, Создатель... Я не уверен в этом.

Зерна сыпятся во все прорехи... Но мешок не пустеет. На мешке печатью чёрная восьмёрка... («большая», хе-хе!). Когда мешок качает из стороны в сторону, она пре-

вращается в знак бесконечности, в эдакую тоскливую и занудную ленту Мёбиуса... В прореху я вижу рог дьявола. Диа-Вола – бога Ваала, Бела, Велеса и Волоса. Это он князь мира сего. Он незрим, как гравитация.

Он правит жизнью.

А Бог просто отдыхает.

Он уже сделал своё дело.

Зёрна летят в прорехи... в пустоту, где нет никакого рая и никакого ада, нет гурий и эдемов, серафимов и куш... где нет ничего, даже пустоты.

Увы...

Нынче не то, что при проклятом тоталитаризме, когда была тишь да гладь, пустые лагеря и Божья благодать. Нынче мочат на каждом шагу: в основном у подъездов, в подъездах и в сортирах. По десятку на день. А то и по три. Демократия! Не захочешь, а кого-нибудь пришьёшь... Кого-нибудь? А почему кого-нибудь? Может, перед тем, как пришить, немного мозгами пораскинуть... Ай, да чёрный человек! ай, да сукин сын!

Ведь в России нашей непуτεύой пока до виновника всех бед доберутся, перемочат половину неповинного народонаселения... да и то не доберутся. Это только воланды всякие встречные-поперечные, с которыми не надо заговаривать, наперёд знают, кому какой кирпич на голову спихнуть... А мы всё больше в соседе главного вражину видим. Калечим ближнего своего почем зря, чтоб дальние боялись. А дальние не боятся, а смеются... над убогими дураками.

Вот и Кеша опять звонил, каялся:

- Стыдно, сам себя уважать перестаяю, Юра! – плакался он мне. – По мелочёвке работаю... на неделе двух губернаторов списал да банкира, блин! меня уже тошнит от этих банкиров! Не хотел... противно руки марать, да пацаны уговорили, у них семьи, тяжело без работы ...

- А губернаторов за что? – спросил я, хотя мне было плевать и на одних мародёров, и на других.

- Одного рыбная шобла слила, другого таможенники. Оба, сучары, не по чину долю с хабара драли...

- Так ты б заодно и шоблы-ёблы эти слил, остохренели они всем, не меньше отцов народа! – я знал, что говорил, я знал, что когда какого-нибудь «народноизбранного» бугра сливают, веселится и ликует всё народонаселение – праздник! бальзам на душу!

- Слил, - грустно признался Кеша, - только опять на сходняке будут пинать, мол, заказчиков скоро не останется... не принято у нас, Юра, кур резать, что золотые яйца несут. Я б и о пузанов руки не поганил, да бабульки с дедульками письма шлют: один, сучонок, всех поморозил на севере, другой азерам храм под казино сдал... пришлось наказать. Они ж иначе не понимают. Слышал, небось, намереди у чеченов бизнес-центр спалили? Моё дело. Сейчас людишек всё международными террористами пугают, чтоб вконец охмурить, забить и обобрать. А я, Юра, народный террорист... Я за народ...

Кеша говорил правду: со всей Россиянин писали ему горестные послания-жалобы, больше, чем в Кремль и прокурорам, добрая весть шла о Кеше по стране великой, никому кроме него не нужной.

Глазунов писал его портрет, а Клыков лепил статую.

- Богоугодное дело делаешь, - сказал я, - это тебе зачтётся. А про главное, небось, забыл?

Кеша засопел в трубку.

Я его хорошо понимал. Так бывает. Когда поднавалит-ся нечто огромное, тяжкое и давящее, так хочется рассло-иться по частям, на мелкое и суетное.

- Схемы строю, - наконец ответил он.

Но меня, старого ловца душ человеческих, не так про-сто было провести. В жизни всегда планы лопались, кон-струкции рушились и дело делать приходилось вне схем.

- Кеша, готовиться и прожекты лепить можно всю жизнь, - начал я зачитывать ему моральный кодекс строи-теля хрустальных замков и городов солнца, - а проще, как говаривал один знатный покойничек из парижского Пан-

теона, ввязаться в драку, а там поглядеть, кому рога вперёд сшибут... Кстати, как твои видения?

- Каждую ночь приходит... – признался Кеша.

- Пьёшь?

- На хлеб мажу!

- И что говорит?

- Помалкивает. Стоит в углу... и помалкивает. А у меня душа рыдает и трещит по швам... весь в слезах просыпаюсь. Из Швейцарии самого дорогого психотерапевта присылали... восемь сеансов!

- Ну и что?

- Нашим оказался. Петров, Моисей Соломоныч...

- Да, я не про него! Что нашёл? Диагноз какой?!

Кеша засопел. Обычно он сопел и кряхтел, когда не мог решиться, говорить или нет. Торопить его не стоило. И я молчал, уже догадываясь, что он скажет.

- Толковый мужик. Долго по душам беседовали, - начал Кеша издали. И вдруг выдал как на духу: - А после восьмого сеанса положил руку мне на плечо, гад, в глаза поглядел, печально и мудро, будто из плена вавилонского, и сказал: «Кеша, этот заказ надо выполнять. Надо!»

Я замер на своём конце провода. Будто предо мною встала вдруг тень черного человека и пахнуло ночью.

- Я ему, мол, Абраам Моисеич, а клятва Гиппократы? Вы же доктор?! – бубнил Кеша. – А он мне: «Послушайте старого еврея, молодой человек. Вам дали хороший заказ, чего вы пыль подымаете, делайте так ваше дело...» Я чуть со стула не упал. Профессор! Светило!!

Надо было успокоить друга.

- Кеша, любой фельдшер, ежели визави*, скажет тебе то же самое. Кончай комплексовать! Займись делом.

- А чёрный? – спросил он с ужасом.

- А что, чёрный, он тебя трогает, что ли?

- Нет...

- Ну и ты его не трогай! Делай своё дело... и не ной!

* Попросту: vis-a-vis или tet-a-tet.

- Сговорились! – прохрипел он. И повесил трубку.

Были понятные времена, боевики-бомбисты окаянные немилосердно мочили исполнительную власть: царей, министров, генерал-губернаторов, городских и городничих... Были да сплыли. Накатило непонятное третье тысячелетие, откуда ни возьмись объявились ужасные международные террористы и начали со страшной силой захватывать в заложники и мочить простых, никчёмных людей, тысячами и миллионами – с таким рвением, будто всё на свете зависело именно от этих никчёмных человечков, толпящихся толпами... И стали мудрые власти на них всё списывать. И стали ими народ до посинения пугать и страшать. Будто других проблем больше и не было... И все верили и очень сочувствовали отважным и бескорыстным властям, которые день и ночь не спали, а всё спасали мировую демократию от коварных и злобных международных террористов да всё строили себе новые укрепленные резиденции за многометровыми стенами, чтобы оттуда успешно и непримиримо бороться с международным терроризмом... Народ рыдал от умиления. И ставил свечи во здравие заботливых правителей-державников. Денно и ночью молил за них Бога...

Но Бог-то не фраер.

Иногда надо спускаться с небес. Увы.

Вчера утром, возвращаясь из ночного клуба, в который меня затащил один мой читатель (хозяин этого притона), я вышел из машины пораньше, отпустил водителя... и с километр брёл по родным улицам до дома. Брёл в самом мрачном расположении духа. Брёл мимо бесконечных деревянных ящиков, с которых азербайджанцы кавказской национальности продавали всё: от шнурков и ананасов до бюстгальтеров и героина. Кучки ментов, как цепные псы, готовые вцепиться в любого прохожего-перехожего, охраняли мордатых золотозубых хозяев... за что те им бросали время от времени кости и объедки со своего стола.

На остановке под лавочкой лежала пьяная русская бабёнка лет тридцати, опухшая и слюнявая. Раньше, при старой власти, да и при беспокойном старике Охуельцине бабы не валялись под лавками. Они стали валяться при реформаторе Перепутине...

Я нагнулся, взгляделся в лицо бабёнке, надеясь узнать в нём жену или одну из дочек нашего великого реформатора... Нет, те были где-то в другом месте... Такова суть реформ: ведь даже если все русские бабёнки будут валяться пьяными по дорогам, перепутинские всегда будут в другом месте... где? не знаю... может, в своих замках на Рейне... а может, в Грановитой палате или на показе мод в Париже... или на ранчо в Техасе... только не под лавкой.

Почему?

Потому!

Потому что реформаторы не ставят свои опыты на себе, на своих супружницах и дочурках. Подопытного материала и без них хватает. Оле-оле-алилуйя-а!

Я раньше читал, что вурдалаков отстреливают серебряными пулями. Однако! Всю жизнь едят с серебра... мало! не наедаются! и мочить их надо серебром! в серебряных туалетах! на золотых унитазах!

Кеша так и не попал в ту ночь на скайдеку Сирс-тауэра. Хотя в занюханный чикагский аэропорт мы прилетели вместе.

Жирный боров на контроле долго вертел его паспорт. Бледнел, зеленел, трясся. Потом вызвал двоих не менее жирных мордovorотов на подмогу. Ткнул в Кешу пальцем-сарделькой. И сказал:

- Это не Булигин! Это Япончик!

- Япончик сидит в тюрьме, - поправил его один из мордovorотов и злобно уставился на Кешу.

- Значит, сбежал!

Меня всегда поражали чудовищная тучность этих заокеанцев и ещё более чудовищная тупость. Не все штат-

ники были полуторацентнеровыми бегемотами. Но все были невероятно безмозглыми болванами. За исключением русских эмигрантов и россиянских евреев, которые здесь кичились, что они-то и есть настоящие русские (и это сущая правда! даю голову на отсечение!)

Япончик, этот благородный разбойник, русский Робин Гуд, сидел в задрипанной американской тюрьме, только потому что был аристократом духа и праведником. Шустрые прохвосты-«перестройщики» обобрали вчистую пол-Россиянии и умотали в Штаты. Япончик на свой страх и риск, как Дон-Кихот Ламанчский, поехал за ними, чтобы вернуть уворованное и просто восстановить справедливость. Справедливость восстанавливают праведники. Япончик, как и Кеша, был праведником. Почти святым. Он жил по Божьим заповедям, и потому был в законе. Но администрация и судьи Заокеании предпочитали дружить не со святыми авторитетами и благородными аристократами духа, а со всякой шпаной, с фраерней залётной, которая прибывала из разграбленной Россиянии с пароходами и самолётами баксов. И Япончика посадили.

Вся Россия вздрогнула от ужаса, покрылась смертным потом. Беспощадная расправа друзей-заокеанцев над её национальным героем стала последним гвоздём в крышку угрюмого русского гроба. На следующее утро Россия проснулась Россиянией.

И на то же утро Иннокентий Булыгин поклялся, что рано или поздно он вытащит Япончика из амэурыканских застенков! Даже если для этого придётся перебить половину Заокеании!

- Сукой буду! – заверил меня Кеша.

И я знал наперёд: не будет он никакой «сукой». Потому что он уже есть... кто? честь и совесть умершей России. Вот так! Россия умерла, сгинула! Но её честь и совесть остались: одна половина там, в Штатах, с Япончиком в камере, а другая здесь, в Россиянин, в Кешинем чистом и большом сердце...

Но что могли знать про его сердце чикагские боровы!

Кеша вырвал свой паспорт из грязных лап, плюнул в жирную рожу и неспешно, с величавостью и достоинством пошёл назад, к самолёту. По дороге он как бы невзначай сшиб с ног семерых амбалов, что пытались его задержать, вытер подошвы о последнего и царской поступью взошёл по трапу на «территорию независимой Российской Федерации».

Я просидел в зале ожидания, пока самолёт не улетел. Потом помахал вслед уносящемуся в поднебесье Кеше. Освобождение русского святого, в натуре, откладывалось... Я не был знаком с Япончиком. Лишь раз как-то мы сидели в одном застолье. Случайно, я вообще не любитель застолий, и затащил меня на него Кешин и мой друг-фээсбэшник, полковник, который люто, до скрежета зубовного невидел все эти «реформы», придуманные для лохов... Я сидел мрачный и понурый. Сволочи-критики изводили меня за очередной роман и почти все издатели глядели на меня волками за то, что я, по их мнению, как-то не так любил демократию и демократов. Я получал в день по пятьсот добрых писем от читателей, и не мог на них ответить – пресса обрубилась последнюю связь с народом, потому что я не визжал от восторга по части «свободы слова» и «гласности», которые достались кучке ублюдков. Но не это убивало меня... Болела мать. Ещё тогда. И я не знал, как ей помочь... Бессилие! Япончик читал Есенина, вдохновенно, со слезой... Ты жива ещё, моя старушка? жив и я, привет тебе, привет... Он читал сердцем. И я слушал сердцем. Так умеют слушать друг друга только русские. И такими бессильными могут быть только русские. Когда щемящая тоска убивает последние силы, и опускаются руки, и наворачиваются слёзы, и раскрывается бездна, в которой рано или поздно канет всё – во многая мудрости многие печали – и видится грядущее, и нет в нём света... но есть слово... ибо Вначале было Слово... и слово было Бог... и в конце будет слово... И молиться не учи, не надо, к старому возврата больше нет – почему? почему?! – ты одна мне помощь и отрада, ты од-

на мне несказанный свет... Это было незадолго до его отъезда. Мы не были знакомы, и так и не познакомились тогда... Но мы оба боролись с ветряными мельницами.

Я вернусь, когда распустит ветви
По-весеннему наш старый сад...

Он вернётся, я верил в это. Только сада больше нет, его вырубили на дрова, продали и пропили... Вишнёвый сад... всё в прошлом, теперь там куча грязных ларьков, чужая речь и бомж дядя Ваня, в стружьях, безумный, патлатый и бородатый лежит в замерзающей луже мочи и всё плачет по трём сестрам, которых продали в турецкие бордели.

Россия умерла. Да здравствует Россияния!

Через полчаса после отлёта Кеши я был под Сирс-тауэром, под этой уродливо-кособокой громадиной с двумя рогами-антеннами дьявола на макушке. И мне вдруг расхотелось подниматься наверх, пить паршивый американский кофий на «небесной площадке» самого высокого в мире небоскрёба. Нельзя дважды ступить в одну воду. И я медленно побрёл по набережной, по центральному району с дурацким названием Лупа, в сторону «сталинских» высоток. Я брёл, распугивая алчных и наглых чаек... и думал всё о том же. Надо было просто оставить голову с её мозгами, с её памятью в Россиянин, как это делают миллионы таких же как я бродяг... но у меня это никогда не получалось. И только встречные афроамериканские негры, такие же жирные, как и евроамериканские гринго, напоминали мне, что я бреду не вдоль Яузы... Мне хотелось основательно встряхнуться, забыть обо всём и улететь в одуряющую нирвану, просто чтобы не наложить на себя руки. И потому я оставил позади милые сердцу высотки тридцатых. И как зомби, ускоряя шаг и цепenea на ходу, двинул к чёрной полицейской вышке Хэнкок-центра, к этому кошмарному небоскрёбу, выстроенному в стиле барачно-лагерного ампира... Оттуда через всю Лупу неслись тяжелые и ритмичные удары беспощадных барабанов... а значит, вакханалия начиналась, без

меня, но я должен был успеть... Клин выбивается клином. А зло вышибается злом... я это давно понял... не молитвами и постом, не причастиями и смирением... нет! когда зло, вливаемое в тебя миром, начинает переполнять душу и разъедать её, надо просто броситься в океан зла, с головой, опрокинуться в него... и этот чёрный океан вытянет, высосет из тебя ту твою каплю, что кажется тебе вселенной... Под Хэнкоком уже бесновалось сотни четыре страждущих очищения – извивались, орали, прыгали, вопили... их вопли тонули в рёве и гуле тяжелого и разухабистого рока, наглого, напористого, заворачивающего душу, без российской зауми, доводящего до осатанения или столбняка – гипнотическая черная месса! Какая-то рок-банда в черных шляпах жарила вживую так, что содрогался тюремно-лагерный небоскрёб, трясся весь мир и сонмы демонов пили из душ людских чёрный сатанинский коктейль. Я рванул ворот на рубаше, мотнул головой, закрыл глаза... и ощутил, как ненависть ко всему миру исходит из меня. Господи, утоли моя печали! Ну, почему мне не остаться здесь навсегда?! Раз и навсегда! На хер мне сдалась эта Россияния, где вечно одни вечные проблемы и ничего кроме проблем!!! Здесь нет проблем! Здесь только музыка... Нет, это не музыка... это за пределом всех музык... это за пределом жизни! даже той, что под вечным номером восемь!

Я люблю эту бешенную музыку хард-рока и хэви-металла, безумно люблю! не меньше, чем Моцарта и гениальнейшего Петра Ильича... и пусть её зовут сатанинской, дьявольской, она вселяет в меня силы, когда нет больше сил жить! она заряжает мою изнемогающую душу... и я ещё как-то держусь! иначе... иначе бы я давно лёг лицом к стенке, как Гоголь, скрючился... и так же бы умер через неделю или две, опустошённый и одновременно пресыщенный всей этой мерзостью омерзительного бытия, в котором нет ни любви, ни правды, ни смысла... ни живых душ. Но в котором пока ещё есть музыка.

Боже, как я её люблю! Вдохни в меня жизнь, Музыка!

Я забыл сказать Кеше перед его отлётом, что серебра на всех упырей не хватит. И осиновых кольев тоже... Всегда мы забываем о главном.

А пуля дура, что медная, что свинцовая...

Но я дозвонился до Кеши по мобильнику. И сказал:

- Слушай, а может, не забирать так круто? Может, для начала пару министров? или этот санаторий для сенаторов... кому он на хрен нужен?! Нельзя же так вот сразу взять и подорвать... все устои?!

- Это идея, - согласился Кеша, - согласен! Именно подорвать! Для начала я бы подорвал Думу!

Такое предложение меня расстроило. Третью Полубоярской Думы были моими друзьями, а ещё две трети читателями... В Думе было много патриотов-думоседов. А Кеше только подбрось идею. Нет уж!

- Ты мне прекрати растекаться мыслью по древу, - осёк я его, - не наш с тобой уровень этих избранничков крошить! кто их породил, те пускай и мочат! Ладно, я с тобой ещё свяжусь...

Я не был матросом. И у меня были вопросы.

Матрац на флагштоке. Вялотекущий матрац...

И опять эта Заокеевания... Петля времени. Или Мёбиуса. Или просто восьмёрка петель на шее... Урок географии. Или истории для олухов, которые всё равно останутся олухами... Скажи своё самое заветное слово. Pepsi! Уря-аа! Супер-пупер! Короче, когда русские фрегаты и корветы не пропустили флот её гроссбританского величества на «чаепитие» в собственную колонию и заокеевания колониальная шантропа получила независимость*, она тут же собрала сходняк. И стала решать, чего над собой повесить вместо гроссбританского великодержавного и косо-го креста? Сидели три дня и три ночи. И, конечно, ни хрена не придумали. Нечем было. И тут глядят – по Гуд-

* Чтобы потом намертво уесть свою «крёстную мать» Россию.

зону (Бостону, Миссисиппи) плывет мимо что-то полосатое. (Это был драный матрац, что матросы с русского фрегата за ненадобностью бросили за борт. У матросов не было вопросов... на хер им драный матрац!)

Заокеанская и отныне независимая шантропень кинулась вылавливать нежданный-негаданный дар судьбы. И выловила. Ободрала материю. А покуда обдирала, край полосатой матрацной тряпицы заплевала жвачками жеваными – получилось красиво и по-заокеански, будто звёздочки в поле. Самый умный комитетчик вытащил из обмоток уворованный с фрегата карандаш, помусолил его во рту да и обвёл звёздочки квадратиком. Теперь всё было как в цивилизованных странах. Оставалось только достать шест и гимн сочинить...

И стала Заокеания под жвачно-полосатым матрацем самой старейшей на земле демократией. И возлюбили её все демократы. Особенно россиянские. Те, которые через триста лет народились по недосмотру матросов. Что ни день россиянские демократы ходили кланяться матрацным полосам и звёздам. И возносить им молитвы и песнопения. И до того умолили и упеснопелись, что прежний свой флаг объявили тоталитарным, красно-коричневым, имперским, махрово-антисемитским, русскофашистским, шовинистским и скинхедским... и принялись его топтать ногами и рвать зубами, за то, что под этим нецивилизованным флагом русские нецивилизованные варвары-империалисты из злобно-тоталитарной нецивилизованной России* победили очень плохого, но цивилизованного Гитлера, на которого хотел напасть злобный тоталитарист и кровавый маньяк Сталин... но не успел.

Добрые цивилизованные демократы знали, что под матрацным флагом всегда нападают на тех, на кого и следует напасть. И они всегда были с нападающими. И даже мели бородами дорогу впереди тех. Потому что у них был этот самый демократический жвачно-полосатый кумир.

* Тогда ещё были «эти русские» и «эта страна».

Ихний бог Иегова все время говорил им одно и то же: «Ну, не создавайте себе, суки, кумиров! Ну, не создавайте!!!» А они создавали. Потому что демократия!

Потому что из необъятного полосатого матраца, реющего надо всем прогрессивным и цивилизованным миром, сыпалась на них манна небесная: и жвачка, и пепси, и памперсы с подкладками и визами, и холдинги с фьючерсами и прочими дивидендами... как говорилось в Писании: богу богово, а демократу демократово...

Даже генеральный внук гениального повара-деда по утрам перед посещением домашней синагоги всегда успевал забежать в матрасно-полосатую кумирню старейшей демократии и постоять на коленях часик-другой под заветным покровом.

А что делать? Ведь Земля считалась круглой.

Не каждый матрац доплывет до середины Земли!

На другом её круглом боку, за круглым океаном жил ещё один наш герой-бедолага, круглый сирота...

Впрочем, мой знакомый заокеанский астронавт говорил, что это не Земля круглая, что это яйцеголовые умники из НАСА ставят такие линзы в иллюминаторы, что сковорода покажется пивной бочкой... Я ему верил.

Стэн тоже знал этого астронавта. Наяву.

А ночью ему снилась проклятая девка. Она бежала и горела. Эдакий бегущий факел. Напалмовый факел. Он не пристрелил её тогда, патроны кончились. А вставлять новую обойму не хотелось. Вот она и не отпускала его...

Стэн сидел, спустив ноги с кровати на мягкий пол с подогревом. Сжимал седые виски. Мелочь. Одной пули не хватило. Всего одной. И на всю жизнь маята.

Тихо, тихо лети...

Нет, надо всегда делать дело до конца. Всегда!

Даже если бы во всей этой поганой вселенной не нашлось бы ни одного патрона для этой бегущей стервы, надо было догнать её и разmozжить ей башку прикладом.

Стэн был добрым и очень сентиментальным.

Это выручало его. И это подводило.

Он знал, что у шустрых ребят из ЦРУ и ФБР, из Белого дома и Пентагона на него такие досье, что можно прямо-ком тащить на электрический стул.

Запросто! здесь не сраная Европа!

Но они не тащили. Они держали его на крючке. И всё время награждали. И включали во всякие комиссии... Из Ирака он вернулся еле живым. Отпивался три месяца. А потом его сунули в Боснию... Он уже давно не бегал с пулеметами и прочей мишурой. Он писал отчёты и «принимал меры». Он был проводником демократии.

И от этого можно было свихнуться.

Крючок крепко сидел под его рёбрами.

Вокруг было полным полно молодых. Но они терзали его, старика. Он был надёжным, очень надёжным... потому что ему некуда было деваться.

Ему доверяли.

И от этого доверия можно было повеситься. Ах, как полыхал тот бегущий факел! Огонь... Огонь очищает всё! Стэн это знал, как «дважды два».

Но он не хотел ехать в Россиянию.

Он нутром чуял, что эта жалкая, поверженная, вбитая в каменный век страна, в которой ему поручено «осуществлять контроль за выполнением соглашений о полном её ядерном разоружении», совсем не Ирак, и не совсем Босния с Сербией... Родной дед Стэна сбежал из России восемьдесят лет назад – его, израненного, измученного боями и лишениями, просто выдавили оттуда, сбросили в Черное море какие-то чужие люди, которых дед называл комиссарами и краснопузой сволочью... Стэн старался не влезать в прошлое.

Ему хватало настоящего.

А у Мони дед был пламенным революционером. Между революциями он сидел – то в тюрьме, то в психушке. Даже кудлатенькая бабушка Софа удивлялась:

- Вейз мир*, реббе Мойша таки был тихий, благостный, мыши дохли. И в кого только этот шлемазел** пошёл...

Прадеда Моня не помнил, слышал только, что старик был то ли раввином в Жмеринке, то ли скокарем в гомельской гопе Вени Пархатого. Бабусю вообще было трудно понять, она то вздыхала о «душке Лео», глядя на фотокарточку Бронштейна, то материла «проклятых троцкистов», которых дед, якобы, стрелял, стрелял да так и не дострелял.

Моня не знал, когда и где дед «не дострелял проклятых троцкистов», слышал только, что прямо перед войной, после очередной отсидки в дурдоме его поставили начальником Дальлага. А на время войны самого посадили в Дальлаг. После срока в лагере деда наградили по-крупному, с офигительным пенсионом и вернули огромную дачу под Москвой. И одновременно посадили в психушку папаню.

Папаня что-то там писал, был членом всех союзов, ставил фильмы, выступал с трибун с пламенными обращениями к молодым строителям коммунизма и всё время переправлял на запад какие-то рукописи – целые чемоданы рукописей. Но его не публиковали на западе. И папаня люто ненавидел Пастернака, который послал один единственный роман и сразу опубликовался. Само слово «пастернак» было в его устах ругательством. Когда он хотел достать Моню, он так и цедил:

- Ну, чего раззявился, как пастернак хренов!

Или:

- Ну, ты и пастернак, братец! Совсем охерел!

Моня был дитём, про поэтов и писателей не слышал, он так и думал, что «пастернак» это, наверное, «говно», а может, «тварь поганая», или просто «сука», или «жопа» – так ругали друг дружку отец с матерью. Мать возила на дачу балерин и на отца внимания не обращала. Дикие

* Боже мой (идиш).

** Идиот (идиш).

драки и ссоры с руганью случались редко, когда папане удавалось прижать где-нибудь в углу одну из маманиных балерин. Тогда разверзались небеса – и сам ад нисходил на землю. Моня тут же бежал в садовую беседку и тихо рыдал в ней, проклиная Россию-суку. Про то, что Россия – сука, он тоже знал от папани и пламенного дедушки. От них же слышал ещё, что в этой проклятой стране им жизни всё равно не будет!

Пришло время и Моня сам стал зажимать мамашиных балерин. Ему это сходило с рук. И тогда он понял – он особенный, не такой как все, иной... он избранный! - и это как-то трогательно возбуждало. О, моменю!*

Ему было лет тринадцать или четырнадцать, когда это случилось. После очередной родительской драки он сидел в садовой беседке и как мог сам себя удовлетворял, шумно дыша и рыдая. Его научили этому нехитрому делу в школе.

Школа была обычной школой - для детишек и внучков пламенных революционеров и несгибаемых борцов. Три внука самых несгибаемых на перемене закрылись в классе и принялись за привычную процедуру в тайной надежде, что настанет час, когда их увидят девочки, спрятавшиеся из любопытства под партой, и тогда... Но под партой в этот день прятался Моня. Его вытащили, избили не слишком сильно, но обидно, и подключили к групповому процессу. Самоудовлетворялись они самозабвенно, даже и не подозревая, что грёзы их претворялись в жизнь, правда, не до конца, но всё же – девчонки из класса и впрямь, подглядывали за ними, только не из-под парт, а с безопасного расстояния, из-за стены, через верхнее оконце, взобравшись в соседней классной комнате на стулья. Девчонки ссорились из-за очереди, кому подглядывать, пихались, царапались. Они ещё были совсем дурочками, они выбирали женихов не по несгибаемым папам и дедушкам, а по размерам несгибаемых ...

* Мамочка (идиш).

Тогда Моня не знал, что за ними подглядывают. А сейчас, в беседке, вдруг сразу почувствовал – кто-то за кустами ерзал, сопел и хихикал. Моня в миг оцепенел и перестал рыдать. Он понял, что влип. Оставалось лишь утопиться в местном заболоченном пруду, где они с дедом стреляли из старенького нагана лягушек... или доказать, что он мужчина. После мучительных терзаний Моня созрел и выбрал последнее. И с кулаками ринулся в кусты. Но драться не пришлось. В кустах были готовы к приёму. До этого он и не подозревал, что у балерин такие тёплые и мокрые губы.

Впрочем, со временем он узнал, что все эти девицы и не были никакими такими балеринами, что они были просто сучками, околачивавшимися возле Большого, а иногда и Малого. Это только моменю из любви ко всему романтическому и неземному звала их балеринами. Мать Монина была большой театралкой. Она даже писала какие-то статьи и рецензии про балет. И вращалась в кругах. Самому Моне тогда казалось, что «вращаться в кругах» это что-то.

Короче Моня был нормальным пареньком из нормальной семьи. Он жил в доме на набережной.

А я родился на Чистых прудах. В обычном «доходном» доме, где вдоль длинного коридора было сто дверей, а сам коридор упирался в дверь уборной. Никого из-за этих дверей ни разу не посадили в психушку. Вот так. Одним всё, другим ничего.

Этот дом снесли в конце восьмидесятых.

Сейчас там крутой билдинг. И там торгуют русской нефтью, которая русским не принадлежит. Это называется интернационализмом и толерантностью.

Чистые пруды... застенчивые ивы...

Смерть под ивами. Придёт ли в голову хоть одному нормальному человеку застрелить гнусного мерзавца под ивами... или берёзками? Нет. Только не это! Моё вообра-

жение понесло меня: среди цветущих акаций – это уже лучше! под пальмами – неплохо! меж колючих кактусов – тоже недурно! среди актиний и полипов – хорошо! в крапиве, силосной яме, в гниющей капусте – очень недурственно! в пустыне... на свалке... в помойке – прекрасно! просто прекрасно! При встрече надо будет обязательно сказать Кеше. Впрочем, у него и у самого отменный вкус.

Я редко смотрю в телеящик. Мне просто надоели эти лживые и гнусавые головы, что торчат в нём. Я раньше всегда думал, где это набрали столько шепеляво-гугнивых уродов, не умеющих связать пяти слов по-русски и патологически ненавидящих наше коренное чухонско-мордовское население? А потом перестал про них думать. Какое мне дело до этой шпаны и шантрапы... пусть они сами о себе думают и сами на себя смотрят.

Я смотрю только новости. И всегда не с начала. Так получается. Смотрю. И расстраиваюсь... Нынче хороших новостей нет. Одна хренотень про олигархов, президентов, депутатов, бандитов и демократов. Про их дразги и их сношения во всех позах. Все они из одной кодлы. Все они говно. Все они и есть Россияния. Шепелявые головы, трепеща зобами, поют в наши развесистые уши соломоновы песни песней про них. И мы млеем. Эти уроды из своей голубой помойки поливают нас помоями. Им нравится поливать нас помоями. А нам нравится принимать помойный душ... а как же! Четвёртая власть! Была... ныне это Первая власть... и последняя... все прочие лишь куклы из тэвээшного сериала «Куклы». Увы...

И реклама пива!

Сколько тысяч младенцев надо спить пивом, чтобы дочки президентия могли учиться в Оксфорде и иметь замки в Баварии?

Президентий, ку-ку!

Отец ты наш родной! Гарант разлюбезный!

Я превозмог, пересилил себя, щёлкнул пультиком. И очередная гнусавая голова вылезла из телеящика:

- Ис достовевных истосников нам ставо известно, что известны московски автоитет ис постфээсбэсной лефолтовской гвуппиловки Иннокентий Бувыгин, больсы известны под кличкой Кеса Мочила, по заказу очень влиятельнава пломышленно-финансовава холдинга готовит покушение на... плезидента... извините... мне подсказывают... ну, конесна... не на всенаоднава гаанта... а на плезидента интелькансалтинга Хрюкойл... или нет, пвастите, Сюбтрюбойл интээнэшнл... точнее мы сообщим вам в нашем следующем выпуске... а в этом мы в очевидной раснапоминаем плавительству и силовым миинистествам, что угвоза фашистского пеевоота как никогда сильна и беспомощность властей в больбе с вуским, пардон, лусским совинизмом ставит под неминуемую угвозу демокватические ценности... госдепаатамент США уже выступил с заявлением... а наше плавительство снова не принимает...

Наше правительство не принимало никаких мер, чтобы найти одного нормального Левитана (мир праху его!) или, хотя бы, отозвать с пенсии Игоря Кириллова с Леонтьевой... А может, я сам был старорежимным ретроградом, ни хрена не врубавшимся в новую систему. Злопыхатель хренов! Там на Кешу полканов спустили, а мне чей-то бла-аодный пла-анонс не н-авится!

Я щёлкнул повторно. И изгнал гнусавку из своей квартиры. По всем канонам теперь её (квартиру) надо было бы окропить святой водой. Но бесовщина была кругом, не только в телеящике. Тут и простой воды не хватит!

А вот Кеша явно прокололся. Его взяли под колпак. Тэвээшные ищейки были страшной эмвэдэшн-фээсгэбэшных, на них работали все спецслужбы мира от ЦРУ до Мосада и перепутинской спецохранки. Они защищали демократию. Демократия защищала их, мегатонным катком давя ликующее народонаселение.

Народонаселение пило пиво.

И смотрело футбол.

Народонаселению всё было по херу.

Это народный роман, и потому, прошу прощения, иногда я буду применять в нём самые мягкие народные выражения. Просто для того, чтобы критики, судьи и народные заседатели с присяжными не сказали, что этот злопыхатель и человеконенавистник (я) опять напрочь оторвался от масс и страшно далёк от народа.

В романах не называют правителей говном.

А в народе называют.

Вот она где, кладёзь-то! мудрости! народной!

В одном коротком слове.

Я всё время размышляю, ну зачем писать длинные романы, когда можно написать одно слово...

В начале было Слово. И Слово это было – Бог.

И в конце было слово. И слово это было ...

Время от времени «большая восьмёрка» собиралась на сходняк, именуемый для конспирации саммитом. И начинала делить хабар. Россияния по счёту была восьмой в «восьмёрке», а по сути шестой, «шестёркой», и потому хабар для дележа драли с неё. Это было весьма почётно и цивилизовано. «Восьмёрка» была в законе. Россияния постоянно твердила о ниспосланной на неё благодати. Извечное противоречие между Законом и благодатью, деловито отмеченное ещё митрополитом Иларионом в XI веке от Рождества Христова, приводило к тому, что ежегодно с «шестёрки» драли всё больше хабара. Россиянцы дико радовались этому укреплению международных связей и взаимовыгодному партнёрству. Россиянцы были самыми образованными лохами в мире, и самыми читающими – они читали все газеты и верили всему написанному в этих рупорах гласности и свободы слова.

В восьмом классе Моня, проникшись ни с того ни с сего ко мне доверием, шепнул как-то на перемене в ухо:

- Тут все лох ин коп!

- Переведи, - попросил я, по малолетству ещё не знавший ни идиша, ни немецкого.

- С дыркой в голове! – перевёл он важно. Поглядел сверху вниз, хотя был ниже, и добавил со вздохом разочарования: - Гой блейбт гой!*

Наверное, он был прав. Хотя кто-то там и поговаривал, что, мол, «нет ни эллинов, ни иудеев». Но законодательно это прописано нигде не было. И потому не исполнялось.

А вообще, законов в мире было много.

Но только один из них был законом по-совести.

Воров в законе и прочих аристократов духа оставалось всё меньше. Им на смену приходили сывки. К исходу тысячелетия все ждали явления Антихриста и Конца Света. А явилась шпана.

И сказала:

- Ша!

И ещё сказала:

- А кто под демократию не ляжет, в натуре, и приватизацию похерит, зуб даём, конкретно, всех в сортирах замочим, всем пасти порвём! Базар закончен!

Все хором заорали: «Уря-ааа!!!»

Все поняли, что к власти пришли державники и государственники, укрепляющие вертикаль. В тёртых умах вертикаль уже мерещилась огромной виселицей, на которой вертикально висели все инакомыслящие диссиденты, сомневающиеся в прогрессивном лозунге: «Вся власть олигархам!»

«Ваш номер восемь, на ... попросим!»

- Тебе помочь? – спросил я из вежливости у Кеши. Дело было серьёзное и неподъёмное для одного. Я знал точно, что ни один из Кешиных братков не пойдёт на него ни за какие башли.

- Управлюсь, - ответил он. Выпил ещё стакан водки. Он всегда пил или из горлышка или из граненого стакана,

* Гой всегда останется гоем (идиш).

даже когда вокруг стоял самый изысканный хрусталь. Кеша был большим оригиналом. С его доходами и с его авторитетом можно было выделяться как угодно. Выпил, поглядел на меня... видно, что-то ему не понравилось в моём интеллигентском облике, скривился. – У тебя рука дрогнет... ловец душ человеческих, ты мой.

- Не дрогнет...

Я знал точно, не дрогнет. Пока Кеша служил морпехом и рвал на груди тельняшки, я тоже времени даром не терял. Мы брали с собой три-четыре ствола, наволочку патронов и уходили в лес. Это было сто лет назад. Но это было. Во всех ротах старшинами старшинили сверхсрочники. А у нас – свой брат, сержант, нашего призыва. Лямку он тянул на совесть. Но дурил с нами заодно.

Мы сидели на лесной поляне под высокими и прямыми, какими-то нерусскими дубами, пили одеколон «Шипр» или паршивое мадьярское вино, кислятину и дрянь несусветную, реже водку. Потом стреляли друг в друга. Потом снова пили... И у нас не дрожали руки. Надо было просто нацелиться точнёхонько в лоб тому, кто сидел напротив, в трёх метрах... а потом нажать спуск. Патроны были обычные, боевые, других у нас и не было. Пили мы вчетвером. Стреляли по очереди... пока не косели совсем. Когда косели и дурели, начинали палить направо и налево, по белкам... которые ещё час назад учесали от нас во всю прыть к австрийской границе. Но это потом... А пока надо было не дёрнуться, не скривиться, не пригнуться, не показать, что ты чмо гражданское.

- А-а-а-а... – вопили с боков друзья-расстрельщики с такими добавками, что хотелось их самих пристрелить. – А-а-ааа!!!

Пуля свистела у виска, сшибала ветки. И наступала твоя очередь. Старшина стрелял из своего «макарова», Валерка и Вовка, в основном, из «калашей», а я чаще из «стечкина». Я любил этот пистолет-громилу с его автоматными патронами, с кобурой-прикладом, он напоминал мне маузер легендарных времён. Я привык к нему, когда был

помощником гранатомётчика... и полюбил. «Макаров» был слишком лёгкий, вот там рука могла дрогнуть, а «стечкин» был надёжен как сбербанк в советское время. Я наводил ствол прямо в лоб старшине или Валерке, кто сидел напротив, выделялся минуты три под ехидные вопли, поводя стволом с одного глаза на другой, потом на нос... а потом нажимал пальцем спуск... и чуть-чуть, еле-еле, ну просто на каплю капельную уводил ствол вправо, всегда вправо и немного вверх, вместе с нажатием... пуля послушно скользила над виском или возле уха и потом куролесила в чаще, ломая с треском ветки, или просто растворяясь в тишине.

А мы смеялись и наливали по-новой.

То ли нам жизнь была не дорога, то ли просто дуболомами были... Один раз только Валерка прострелил старшине пилотку из «макарова». Он так и ходил до дембеля в дырявой... пижон.

Потом, как обычно, прибежал какой-нибудь перепуганный молодой из караулки, лепетал чего-то про ротного, про то, что там все на дыбах, думают, чуть ли не война! чуть ли не инцидент международный! Молодого ставили к дереву и расстреливали из четырёх стволов для острастки... любя, конечно, невсерьёз, просто чтоб служба мёдом не казалась и чтоб привычка была. Потом наказывали передать, что, мол, старшина пристреливает новый автомат... и давали пинка. За полтора последних месяца расстреляли ящик патронов из ружья.

Это было благородно.

Нынче старшины и прапоры в доле с генералами и мичманами крадут складами, тысячами стволов, миллионами снарядов и миллиардами патронов, отоваривают чеченегов и банды, а потом – маленький пожар, фейерверк по телевизору... и на новый склад с повышением.

Тогда было не так. Тогда всё было благородно, честь по чести. Наш срочный старшина признался, что просто расстрелял ящик по пьянке, сам, один... его поняли и простили. Это было по-нашему, по-русски. Ведь он мог его про-

дать мадьярам, местным, запросто, те, как цыгане, паслись у частей, особенно у секретных, и скупали всё. Мадьяр мы не уважали, они были жлобами и придурками. Они были туземцами-дикарями и портили своим диким видом прекрасные мадьярские пейзажи. Это знал каждый воин-интернационалист из нашего батальона. Мы выменивали у туземцев вино... на лезвия для бритвы, батарейки, приемники, часы и даже обычные иглы, которыми подшивали воротнички к гимнастёркам.

Но оружием мы не торговали. Мы любили Родину. Наш геройский батальон охранял какие-то ракеты, что были в холмах, четыре периметра, вышки, посты, собаки... а потом запретная полоса. Все давали подписку о неразглашении и все знали, что ракеты ядерные, что в случае заварухи, они с ходу уйдут по назначению... и нам останется только пойти на прорыв и героически погибнуть.

Ротный Дюванов так и кричал нам, пуча глаза:

- Прорвать оборону, вклиниться железным клином и собственными костями мост промостить для наступающих за нами... героически! по-русски! Ясно, бойцы, мать вашу!

- Так точно! – орали мы.

И нам... мне, я отвечаю за себя, было абсолютно ясно, что именно так и только так всё и будет – ударить... вклиниться... прорвать... пробить... разметать... разгромить... опрокинуть и героически погибнуть! Ведь мы стояли на самой границе с врагом. И мы уже раз восемь отрабатывали этот последний, смертный бросок на запад.

Один батальон... иголка... пять танков и тридцать бэтэров... триста стволов... и триста парней, готовых умереть в последнем яростном броске.

Эти штопаные гондоны вывели наши войска из Европы. Они не знали, что с такими парнями там можно было стоять до скончания света... ведь это была наша земля, взятая по всем законам, «на штык», ещё в сорок пятом.

Нет... знали... просто им хорошо заплатили. И теперь вражеская сволочь стоит под Питером, в ста вёрстах, на

российской земле. А кто считает эту сволочь партнёрами, просто придурок, которому засрали мозги... или гад.

Гады гадят у нас. И отрываются на запад.

На западе им гадить не дают. Да они и сами с мозгами.

- У меня не дрогнет рука, - повторил я.

- Чего? – не понял Кеша. Он был уже пьян. Или думал о чём-то своём.

Русские всегда о чём-то думают. Русские все философы. А философов в переломные, блин, моменты начинают донимать вечные вопросы.

Вот евреев в пятом годе (и раньше, и позже), когда они пачками стреляли губернаторов, министров, генералов, взрывали князей и царей, вечные вопросы не донимали. Они бомбили! громили! палили! травили! направо и налево! И вся прогрессивная общественность всего прогрессивного мира рукоплескала им! А больше всех русские, русская интеллигенция (та самая, что «говно», по матёрому Ильичу). Русские просто носили прогрессистов на руках, нарадоваться на них не могли...

Доносились! Избаловали да повывели своих доморощенных борцов за счастье народное. Остались одни «международные»...

А тем до русского мужика дела нету. Хоть под корень его реформами, чеченегам и «зюйд-вестами»!

Где вы, бомбисты? ау-у-уууу?!

Бомбистов нет. А бомбы падают. Свистит коса смертная. И от посвиста её каждый день русских на пять тысяч душ убывает. И не только русских...

Каждый день! на пять тысяч!

Кому они нужны, эти русские.

Тихо, тихо лети, пуля моя в ночи...

Зачем я пишу этот роман? Зачем я вообще пишу!

После бессмертной «Звездной Мести», которую прочитали миллионы, после нетленной «Звездной Мести», ко-

торую поняли от силы пять-шесть человек, ничего и никогда уже не надо было писать! Как Шолохову после «Тихого Дона». Но он ведь писал...

И я вот пишу...

Так бывает. Гагарин после своего бессмертного восхождения всё равно рвался ввысь, к звездам, хотя знал – ничем не перешибить того, первого и единственного взлёта.

Гагарина направили прямо в вечность.

С писателями тоже не особо церемонятся.

И все равно – с нами Бог.

Не с ними. А с нами!

И потому я пишу про эту жизнь №8.

Почему – номер восемь?

Потому что это моё дело вешать вывески. Не президентское, не прокурорское, и даже не конституционного суда и олигархов (три толстяка, блин!) А моё. Мне Господь Бог дал право судить и рядить, карать и миловать. Ибо писатель, ибо зеркало эпохи.

Как я кого назову, тем он и будет.

И коли скажу, что обожаемый всем прогрессивным человечеством старик Ухуельцин – это гриб-мухомор, доравшийся до власти, так оно и останется в веках, ни кресты с аксельбантами, ни миллиарды восторженных спермоизлияний в газетёнках, ни триллионы сооргазмов в голубом телящике, ни сорок тысяч орденов Гроба Господня не помогут – гриб смердящий! мухомор! шестёрочка! тот самый смердяков из Федора Михалыча! то самое быдло-обрыдло, что из грязи в князи... потому всё у него так и вышло-пошло! холуй-лакей и на царёвом троне холуй! холуй – он и есть холуй! Холопьев-холуев порют на конюшне! шпунтируют! и снова порют! на конюшнях! в лакейских! а не в изысканных народных романах...

Всё! Вот такой я человеконенавистник! Кому не нравится, не в зеркало плюйте, а в собственные рожи, уважаемые господа. Вот так. И помните, Господь даёт слово тому, кто говорит Его устами. «Мир ненавидит меня, потому что Я свидетельствую, что дела его злы...»

Сколько нас, изрекающих Слово... Ах, Федор Михайлыч, мой брат и предтеча... Есть ещё несколько, не обольщайтесь, не все вымерли, не все спились, не все продались. Впрочем...

Клин блином вышибают, так-то.

Господи, храни старого Курта! Джозефа не уберег (эй вы, бичующие меня за шовинизм и антисемитизм, где вы?!), так хоть этого убереги! Саша Градский, спой им про старый и пыльный чердак.

Впрочем, пускай каждый двуногий хомо сапиенс сам свой «чердак» чистит.

А у меня от этой жизни №8 собственный чердак начинает дымиться. У меня от неё просто чердак дымится! – привет Джозеф!

Назову себя Моней Гершензоном и напишу новый роман. Потом. Если за этот не повесят и не упекут в каторгу. Как Лимонова. «Поэты ходят пятками по лезвию ножа...» И режут в кровь свои босые души.

На западе нет поэтов, не осталось. Запад сдох. И потому я не пишу про запад. Ну его на хрен!

Писать имеет смысл только для поэтов, для наших, русских поэтов (а все русские в душе поэты, хотя ни один ни за что и никогда в слух не признается в этом, я знаю: русские - поэты от Бога). Непоэты не смогут прочитать эту мою зарифмованную тайным кодом Поэму, эту Песнь песней. Поэты-ы, ау-у!

Впрочем, всё нормально. Не падать. Мы идем верным курсом, господа-товарищи. В жизни №8 все курсы правильные. Даже когда вас посылают на ..., вам указывают единственно верный курс.

И не обижайтесь. Нас всех послали. И мы идём.

Где моя старая добрая «финка», что отец привёз с войны?! Впрочем, поганить честное боевое оружие о всякую мразь... А серебряные пули поганить?! А осинового колу приятно, когда его втыкают в гнилое сердце упыря?!

Иуда сам повесился на осине. Я его крепко уважаю за это. И крепко жму руку всем иудеям!

Но эти сволочи сами не повесятся!

Даже если на каждом осиновом суку повесить петлю и табличку «добро пожаловать!»

Иногда мне кажется, что Кеша это вовсе не Кеша, а сам новоявленный Христос с бичом. Он опять пришёл к нам, чтобы опять изгнать всякую сволочь из Храма. Но бича оказалась мало. Да и сволочь стала за последние две тысячи лет покруче... И Христос сел на камень, как в пустыне на картине Крамского, пригорюнился... А Отец его Небесный улетел куда-то в иную галактику по делам, а с ним и Дух Святой свинтился... Вот и остался Кеша один в пустыне... а кругом бесы и прочая дрянь. И человечество погрязшее спасаться не хочет. Ему всякие там спасители на хер не нужны. Ему с бесами и бесенятами веселей!

А Кеше-Христу каково?!

Хоть «ау» кричи!

А мне?

И кто я тогда?!

Наверное, апостол. Апостолов да пророков всегда предавали анафемам. Не привыкать.

Но пора браться за дело. И кончать философствовать! Тихо, тихо лети, пуля моя в ночи... Скоро придёт рассвет.

Я позвонил одному приятелю, с которым был в Чечне, которому доверял. И попросил подвезти пару ручных пулемётов Калашникова. Для дела.

Тот удивился. И сказал:

- Если есть дело, изложи, я всё сам сделаю! На хрена тебе портить репутацию...

Все вокруг заботились о моей репутации и о том, что потом напишут про меня в книжках и энциклопедиях. Все, кроме меня самого... Эта забота была отраднa. Иногда она приводила меня в бешенство, иногда лишала во-

ли... Сам он всё сделает! Они сами с этой паршивой липутской Чеченегией не могут разобраться: все настолько там и передрались, и перебратались, что трудно было понять, кто с кем против кого. Я вовремя ушёл оттуда. По крайней мере, совесть чиста... перед тысячами русских мальчишек, что полегли из-за этих «братаний». А он не ушёл. Он завяз. Хотя и уехал из этого ада с полгода назад. А всё кого-то выкупает, кому-то перепродает пулемёты и гранатомёты, не вылезает из публично-игорных московских домов, что все под чеченами... уж, я-то знал, что главные сделки вершатся там и что там, в этих московских притонах и сохранилась самая независимая и самая крутая Чеченегия... а по горам лазит всякая шпана, арабско-хохлацкая и чеченско-деревенская.

- Коля, мне нужны пулемёты... и серебряные пули. Когда потребуется ещё чего, я тебе первому скажу!

- А-а, вот оно чего, - обиделся он, - ну, ты сам тогда колупай пули из патронов, а на их место зубья ставь от серебряных вилок... вот так! А стволы щяс ни одна фирма так не отдаст, только под заказ, со своим исполнителем. Невыгодно, понимаешь?!

Полтора года назад мы сидели под артобстрелом, пили из одной солдатской фляжки. Он командовал взводом. А я пытался написать роман про чеченскую войну... всё «собирал материал», пока не подорвали на бронике и не отправили с контузией в лазарет. Тогда он про выгоды-невыгоды не рассуждал. А теперь коммерсантом заделался. Слишком быстро заматерел, дружок, борзой чересчур.

- Ладно, - сказал я, - придётся об этих гадов руки марать! Спасибо, брат!

- У тебя чего, воще ствола нету, что ль?! - изумился он, будто у меня не было штанов и рубахи.

- Нету! - ответил я.

- Это меняет дело. Привезу... только один, и двести маслят, свинцовых, извини, стандарт.

- Хватит и сотни!

- Куда везти?

Я назвал ему адрес. И время. Точное время. Через полчаса по этой трассе должен был пройти президентский кортеж из резиденции для гольфа в горнолыжную резиденцию. Часа полтора назад мне позвонили из администрации президента и подтвердили, что «рабочий график» на сегодняшний день остаётся прежним.

Я прождал два часа. На очень удобном пригорочке возле трассы. Кортеж уже давно пронёсся. Потом мордовороты в штатском долго били смертным боем старушонку, что собралась переползать через дорогу прямо перед кортежем... час её проверяли на причастность к международному терроризму, а затем, за выявлением непричастности, стали лупить и пинать... Только после этой экзекуции приехал по просёлочной дороге сияющий Коля, достал пулемёт, сумку с гранатами и лентой...

- Вот!

Российское разгильдяйство в очередной раз спасло российскую демократию. Хе-хе...

Когда искалеченную старуху увезли на Лубянку, мы забросали оставшихся мордоворотов из охраны гранатами. Тащить «лимонки» назад, плохая примета. А этих уродов в любом случае на «разборки» спишут. Коля добил каждого контрольным выстрелом. Президентские вертухаи дрыгались, верещали зайцами и замирали. Они просто не понимали, что Коля был только бичом в руках Господа, который наказывал их за убогую бабку.

Вертухаи у президента. А убогие – у Бога.

Правда, иные думают, что они круче Создателя.

Охранка вообще думает, что это она создала весь мир и каждой твари по паре. У каждого херра из охраны на голове святым нимбом светится «мигалка», а из зада торчит воющая сирена: «С дороги, твари! Всех перекалечим!»

Через неделю искалеченную старуху выперли с Лубянки. У неё, по обречённости лет, не оказалось в знакомых ни международных террористов, ни русских фашистов да

и вообще никого не оказалось, все давно и благополучно повымерли от реформ и демократии... Выперли. Но старухины мучения на свободе не продлились долго. Патриарший кортеж святого Ридикюля, пронесшийся мимо пустой клумбы на благотворительный бал банкиров, сбил убогую, отбросил её к Соловецкому камню. Там она и пролежала ещё три дня и три ночи, принимаемая тихими прохожими за обычную бабку-бомжиху, которых лежало повсюду немеренно... Лишь на четвёртые сутки её доели крысы, а бродячие псы растащили её сухие и тонкие кости по окрестным подворотням.

Лишь одна самая маленькая косточка осталась у камня. Её-то и подобрал человек замечательной жизни, узник собственной совести Самсон Соломонов и сунул в свой узелок, где он хранил мощи многих святых и грешников, сгинувших в этой земле невесть за что.

Классик марксизма-ленинизма Владимир Ильич Ульянов-Бланк как-то в припадке просветления заметил, что «русская интеллигенция - говно».

Мне трудно с ним не согласиться.

Просто Кеша знал, что я не всегда был вшивым интеллигентом. Просто он видел мои шрамы: один на переносице, другие три под усами и бородой, и ещё пару ножевых и один осколочный на теле... Он даже сам как-то перевязывал мою битую-перебитую – и не только на войнах - голову, о которую трижды расколачивали бутылки (один раз полную «бомбу» незабвенного «солнцедара», этого легендарного напитка моей юности, каплей которого можно было свалить дюжину слонов). Просто он знал меня немного больше, чем мои милые добрые читатели. Иначе бы он и не пришёл ко мне.

Нам было по семнадцать, когда мы вшестером перехерачили большую кодлу, что подвалила на наш любимый скверик с романтическим названием Пруд-Ключики. Ах, что это было за название, музыка и песнь соловьиная!

Пруд-Ключики! Мы любили романтику и блатной драйв. Нас боялась милиция и обходила стороной за семь вёрст, когда мы сидели на этом скверике и горланили под гитару воровские песни и Высоцкого. В лучшие дни на наших лавочках собиралось по сорок отчаянных душ... Было лихо и весело. И дольше дня длилась ночь. И портвейн лился рекой, и от «солнцедара» чумели как от героина... Но когда эти гады достали нас, осталось только шестеро... Они всё принимались, приглядывались дней двадцать – в нашем околотке ещё не все пацаны сидели на игле и смолили дурь... и это было для них большим убытком. Заправляли в их коуде два ингуша и один татарин, остальные были сбродом с Гальяновки и Сортировочной, вечно обкуреным и наглым. Было их под тридцать. Но им не помогли их ножи и кастеты. Наши цепи оказались надёжней. Пока Лёха с ещё троими нашими во всю глотку орал под гитары за всех, для отвода глаз и ушей, мы вшестером, в глухом мраке – лампы на фонарях были повыбиты заранее – молотили цепями чужаков, не на жизнь, а на смерть, как жили, так и бились, на совесть... Изрезанные и сами избитые в кровь, восьмерых положили на месте, остальные расползались на четвереньках... Из восьмерых пятеро откинули копыта, трое оклемались... у Витюни папаня работал в местной ментовке, информация поступала верная, хотя сам Витюня сдрейфил, отсиделся в родном дворе... А через два дня под Новым мостом поймали ингушей и татарина. Там и урыли... чтоб неповадно было. Тогда чёрных не так боялись. Тогда ещё Москва да Россия под их властью не ходила и масть они держали лишь в своих чёрных улусах. Какое-то дерьмо грозило кровной мстью... но мы и сами были готовы рвать глотки зубами, только покажись-сунься! Не было нас добрей на белом свете... крест на пузе! И не было злее. Мы б им устроили месть!

Много воды утекло. Из шестерых остались только мы с Кешей. Один смотался в Штаты, двое сгнили в лагерях, а ещё один повесился... но это отдельная грустная история.

- Мне не нужны напарники! – отрезал Кеша.

А я знал, что он сам стал вшивым интеллигентом, что он уже не возьмёт хорошую добрую цепь в руку и не разможит поганую башку негодяю – лихо! без раздумий! одним святым чистым порывом! Нет... он начнёт разрабатывать план, копать, мельтешить, тянуть, философствовать, придумывать всякие причины... У матросов много вопросов... Я знал, что три дня назад на благотворительном банкете он пристрелил одного азера, который уворовал-«приватизировал» треть российской нефти... Это было благородно. Это был чистый и святой порыв! Его тут же взяли... И тут же отпустили... Наследничек, брат пристреленного азера, в порыве нежданно свалившегося на голову счастья и богатства откупил его, ещё и приплатил пол-лимона... Кеша тогда рыдал и пил, проклиная времена и нравы. Его отвезли в загородный коттедж с милицейским эскортом, чтоб не набуянил... Наутро он отослал «гонорар» в подмосковный сиротский дом... но братки-крышеваны положили его на карман. К вечеру они сгорели на собственной «малине», в прямом смысле слова... Кеша не любил, когда обижают сирот. Он тяжело страдал. И я боялся, что он вообще потеряет веру в людей и в справедливость.

Я очень боялся... потому что на таких, как мы с Кешей, и держался весь этот белый свет. Прости, Господи!

«Не стоит село без праведника...» - так говорили мудрые святые старцы. Кеша был именно таким праведником... на нём стояла Русь-матушка.

Пока ещё стояла...

И я даже подумал было, что Кеше специально дали такой заказ, чтобы избавиться от него... как в сказке: пойдите туда, не знаю куда, принесите то, не знаю что... Кеша был добрым молодцем, которого выдали со всеми потрохами на съедение хитрющему Змею Горынычу...

Ух, ты и змей, Горыныч! Ведь это надо же, самого президента, гаранта... да ещё и не в рамках конституции!

Сезон охоты. Вау! На избранничков! Может, выдумки?

Когда в Штатах шлёпнули пришлёпнутого курносого Джона, как у нас голосили! ой-ёй-ёй-ёй-ёй! будто родней и любимей никого не было. Свет померк в окошке прорубленном... Шестидесятнички бежали с соболезнаваниями в посольства. И мели своими соплями дорогу на запад... А там всё искали «русский след». Сто комиссий создали. Миллиарды вбухали. Тысячи томов отчётов написали. Не нашли. Потом перебили почти весь клан президентский... и уже всем дуракам* стало ясно, что это, видно, не одни русские фашисты с нацболами и международными террористами охотятся на бедных гарантов... Есть, видно, и другие охотнички... Ладно, замяли.

У охраны везде носы и уши.

Гаранты, гарантирующие гарантию... собственной безопасности и процветания. Хрен вам в рыло!

Я стоял над могильной плитой, под которой упокоился Кеннеди, на зелёном и по провинциальному мирном Арлингтонском кладбище. И думал не о мелких местных разборках, а о другом. Почему же у нас, к примеру, никто не искал отравителей загнанного в капкан Виссарионича? Затравленного «незримыми» охотниками на своей подмосковной даче? Шито-крыто?! Спровадили на тот свет без лишней помпы... и никаких комиссий? ни сотен томов! сработано было профессионально... А потом Брежнева урыли – за пять лет, «снотворными», уж на что могуч и крепок был! урыли! и никаких отчётов... Кто? Андропушка-джазист? Предтеча перестройки? Ведь это из его табакерки, как чёрт выскочил Меченный. Или... Концы в воду! У нас как дерьмо какое-нибудь, так до ста лет, а потом ещё в фондах да на гособеспечении под особым указом. А печальника и заботника непременно уруют. По тихому. Без шума. У них всяких рейганов пулями нашпиговывают и голосят на весь мир... а у нас таблеточками, а

* Кроме россиянской интеллигенции.

потом диагноз в прессе: «обширный атеросклероз и ишемическая болезнь сердца».

Сезон охоты. Без начала и конца...

Приятно рассуждать о чем-то возвышенном и глупом.
Легкий толчок в спину вырвал меня из плена раздумий.

- Спишь?

Я оторвался от созерцания скромной надгробной плиты самого любимого президента Амэурыки. Обернулся.

Кеша тряс огромным «кольтом», норовя ещё раз ткнуть меня стволом под лопатку.

- Не курю! – недовольно бросил я. – Ты же знаешь!

Он щёлкнул своей дурацкой зажигалкой. Из дула «кольта» вырвался язычок пламени. Погас. Кеша был неглуп. Но шутить не умел. И вообще, он должен был сейчас сидеть в Россиянии и выполнять заказ.

- Какого чёрта ты приперся в эту дыру? – спросил я.

- Конспирация, - невозмутимо ответил Кеша.

Достал мобильник. Связался с кем-то. Я расслышал глухое и нервное: «Хрен с ней! Приступайте!»

На лице его засияла тихая благодушная улыбка. Такая же улыбка озаряла его лик, когда прошлой осенью пришла добрая весть, что его пацаны затопили в Бискайском заливе танкер с краденой русской нефтью. Впрочем, и сам танкер был краденый. А при упоминании этого поганого Бийскайского залива меня вообще начинало мутить – память о двухсуточном шторме в этой чёртовой пучине, когда от качки и тошноты хотелось выпрыгнуть за борт. Чтоб этот залив вылился из себя самого! Залили, блин!

Это была улыбка блаженного праведника.

Подвижника, свершившего подвиг.

- Через полчаса ты услышишь одно приятное сообщение, - сказал он приторно и лукаво. – Включай приемник.

Никаких приемников и прочего хлама я, разумеется, с собой не носил. Да и приехал я в Штаты не для того, чтобы слушать приёмники. Мне надо было разобраться здесь, на месте с загадкой всех этих липовых покушений

на липовых гарантов и прочую шпану на верёвочках. И ещё в Смитсонианский институт...

- С кем ты говорил? – решил я выпытать у него правду.

- С хохлами.

Я не поверил. Опять он нёс какую-то чушь. Хохлы... это надо ж залепить такое. Причём тут хохлы? Я тут же забыл про Джона и прочих жертв большой охоты.

- Выкладывай всё начистоту!

Нехорошие предчувствия закрались в мою душу. Полчаса. Значит, ещё можно остановить... Что он там закрутил? Я ухватил его за лацканы пиджака, тряхнул.

Кеша ошалел. Он был в два раза здоровее и тяжелее меня. Он не ожидал такой бесцеремонности. Но именно она и вывела его из блаженно-идиотического ступора.

- Да всё нормально... этот деятель уже вылетел, - начал он колотиться, - через полчаса будет над Чёрным морем.

- Какой деятель?

Кеша огляделся с опаской, подмигнул мне.

- Сам знаешь какой...

- Ну и что?

Он ещё раз осмотрелся по сторонам. Слежка должна была быть. Охранка не выпускала нас из-под колпака ни на миг. За любым из зелёных холмов, за любым белым крестом мог сидеть фээсгэбэшник или цэрэушник, что, впрочем, после российской перекройки было одним и тем же. Но в любом случае у нас имелось алиби... Особенно у Кеши.

- Братва взяла в аренду одну шахту в Крыму, понял? – наконец выдал он.

- Угольную?

Кеша даже не улыбнулся. Он умел напускать на себя чопорный, непрошибаемый вид.

- Уголёк нынче не рентабелен, Юра... – он снизил голос до шёпота, - ракетную. Там второй день учения идут, с альянсом, как наших отбивать, понял?

Я начал догадываться. Но не подал виду.

- Нет! Не понял!

- Пол-лимона баксов отдали. Класс «земля-воздух». И пусковикам, хохлам, десять тыщ!

- Зелёных?! – подивился я жадности хохлов.

- Нет, наших, деревянных...

У меня отлегло от сердца. Кое-кто и за деревянные удавится. Хотя, по-честному, им не позавидуешь. Голь!

А ещё через три минуты, когда вся информация уле-глась в мой возбуждённый мозг, я ощутил прилив лёгкого блаженства и расплылся в улыбке, которая со стороны наверняка была точной копией Кешиной.

- Пошли!

От могилы клана Кеннеди до выхода с кладбища было минут двадцать пешего хода. Надо было успеть. Ведь сообщение придёт сразу... Мы почти бежали, еле сдерживая радостную дрожь, распахивая толпы обкуренных или просто по жизни невменяемых оболтусов-тинэйджеров, которые с криками, банками, шариками и матрасными флажкам вприпрыжку, пританцовывая, шли навстречу. Тинэйджерам было и на кладбище клёво. Чего там!

Но нам было ещё клёвей. У нас такой клёв пошёл, что хоть при жизни памятники заказывай! Праздник души!

Я приехал на такси. Кеша на каком-то драном столетнем «линкольне». Конспирация! В него мы и уселись, протолкавшись сквозь музейно-шоповую толчею на выходе. Приёмник долго хрипел, сипел, музицировал рэпами, роками, попсой... Мы переехали по Арлингтонскому мосту через серый Потомак, свернули налево от кукольно-огромного Линкольн-мемориала... только тогда из эфира прорвался более-менее внятный голос:

- ... летевший из Израйля в Хабаровск. На борту находилось двести двенадцать человек и экипаж... в конце выпуска мы вернёмся к этой важной теме...

- Ты понимаешь что-то? – спросил я у Кеши.

Он помотал головой. Нахмурился.

- ... как установила наша космическая разведка, российский самолёт с пассажирами, возвращавшимися из Израйля, был сбит украинской ракетой над Чёрным морем...

после инцидента с южно-корейским лайнером, сбитым русскими ПВО, это, пожалуй, самый громкий и крупный инцидент, вопиющий о необходимости немедленного взятия под полный контроль всех русских и украинских ядерных сил, пусковых установок и... все пассажиры и члены экипажа предположительно погибли... плач и стоны прокатились по Израилю и диаспорам Россиянии...

Кеша ударил по тормозам. «Линкольн» взвизгнул, остановился у обочины.

- Ну, хохлы! – процедил он сквозь зубы.

Я готов был убить Кешу. Всё было ясно без слов. Эти болваны долбанули не по тому самолёту! Гады!

Мы стояли у набережной Джорджтаунского канала напротив уродливо-округлого наворота Уотергейтского комплекса. Только полные идиоты-модернисты, местные шестидесятнички могли наворотить эдакое. Правда, раковина Уотергейта была посимпатичней улитки Гугенхаймовского музея в Нью-Йорк-сити. Но стряпали их одни и те же недовинченные мозги с тремя спиральными извилинами. А этот недотёпа не мог остановиться в другом месте. Не вор в законе, а лох в благодати! Какой болван мог поручить ему такое дело! Я вспомнил вдруг чёрную тень, ночь, грозу... и мне стало зябко и неудобно.

- Вот гады! – Кеша ударил кулаками по рулю. – Плакали наши денежки! И этот хрен ушёл! Упорхал!

- Какие денежки! О чём ты?! Душегуб чёртов! Двести душ угробил, негодяй! – меня трясло от злости. – Невинных душ!

Кеша улыбался. Но сейчас его улыбка была жалкой.

- А кто узнает... чего ты катишь... – оправдывался он. – Ну, грохнули две сотни избранных... Да щас тыщами бьются... и не мы ж с тобой! Хохлы грохнули!

- Заткнись! – я был взбешён. – Кто хохлам заказ давал?!

- Хрен докажут! – гнул своё Кеша. – Я что, на пуск нажимал? Я тут, промежду прочим, с тобой, в Штатах, а не на полигоне... – Он начал нервно набирать номер на мобильнике. – Ну что, суки?! Кого грохнули... – Он долго

слушал, кивал. Потом доложил мне: - Пацаны говорят, никого не грохали. На хохлов валият. А деятель уже приземлился... в Анкаре. Трап подают... Да хватит тебе! Никто не узнает!

- Совесть моя узнает, Кеша, - ответил я ему, - этого хватит. Ну, ты и гад! Ты что не знал, что мне отсюда через три дня в Москву, на сутки, а там в Тель-Авив, вот! - я вытащил из бумажника билет, где местом прилёта значился аэропорт имени Бен-Гуриона. - С какими глазами я на симпозиум припрусь? Мне что, удавиться теперь?!

Положение мое было хреновым.

Меня пригласили на эту уникальную встречу неспроста. Проблем в обетованной земле хватало. Русских евреев там травили с самым махровым и оголтелым антисемитизмом. Местные их вообще не считали за евреев. Дело доходило до геноцида. Первым в эти дела врубился Моня, когда приехал на «историческую родину» со своими розовыми мозгами. Ерец-исраэльская натура дала этому идеалисту хорошего пинка под зад и промыла извилины... Холокост он и есть холокост, хоть в Мюнхене, хоть в Тель-Авиве с Хайфой.

Впрочем, не будем забегать вперёд. Мы с Кешей не были избранными. Но мы не были и равнодушными. Ещё в девяностом, когда кипели страсти по нерушимому Союзу, я опубликовал в прессе нашумевшую статью «Подпишет ли Израиль союзный договор?» Уже тогда в иорданские палестины русскоязычных понаехало не меньше трети, причем треть эта была самой образованной и умной. Я лишь предлагал узаконить реальность, то есть ввести в Израиле русский вторым государственным языком и провести референдум по вопросу о вхождении Израиля в Советский Союз... и это было логично. Ведь тогда, вместо разгромленной и разворованной империи мы имели бы Державу от Красного моря до Аляски и Штаты в качестве шестёрки и дойной коровы. И что?! Золотой план урыли. Злопыхатели в Совдепии объявили меня злобным и пещерным антисемитом (идиоты-шлемазелы, что ещё мож-

но сказать о них, цедрейт мишмот!*). А русская община израильских евреев записала меня чуть ли не в национальные герои. И недаром. Ещё тогда я вступился за права наших в Израиле... С тех пор русских там стало намного больше, на каждом углу сплошь русская речь, русские вывески, как на Брайтоне или в Малаховке, основные мозги - русские... а гнобят с удвоенной силой и ещё больше... Ну кому было защищать бедных русских евреев на их обетованной земле, как не русскому национал-шовинисту?! И вот конгрессы, лекции, исторические изыскания, симпозиумы, борьба за права... грядущая и неизбежная русификация Святой Земли, где не будет уже ни эллинов, ни иудеев, а будет любовь и братство без всяких гоев и давидов-с-пращами, и Новый Храм, и Святая Русь от Евфрата до Шпицбергена (Груманта), и оливковые ветви на берёзках, вербные веточки на пальмах...

И вдруг такой облом!

- Лучше б ты *меня* сбил! – сказал я в сердцах.

Кеша промолчал. Сгорбился ещё больше. Задумался. Наверное, решал: может, и на самом деле пристрелить этого безумного, надоедливого писаку, выбросить труп в мутный Потомак, а самому заняться нормальным бизнесом, выполняя нормальные заказы по сливу нормальных банкиров, воров-губернаторов и прочих штопаных гондонов... Но старая дружба, видно, пересилила его сплин. Он снова вытащил мобильник. Связался с братвой. Хмурился. Матерился. Выпытывал. И снова матерился.

Наконец лоб его покрылся испариной.

- Всё, скажи своей совести, что она чиста!

Он положил руки на руль... «Линольн» дёрнулся, рванул вперёд, на выезд из серенького городка Джорджа Вашингтона, сплошь утыканного масонскими мемориалами, центрами, пирамидами, пентаграммами, стелами, музеями, скверами и парками. Это был очень уютный и тихий городок, в котором две трети считались негроаеме-

* Идиоты... сумасшедшая бестолочь (идиш).

риканцами и в котором к вечеру не советовали высовывать нос из отеля. Здесь было российское посольство и красивый кафедральный собор, в котором раз в году служили службу для кошек и собак. А вообще, это был город науки, город краснокирпичного Смитсоновского замка-института, город, проводивший в Музее натуральной истории конгресс под девизом «Атлантическая сага». Я накапывал по всему миру всё известное и неизвестное о «загадочных» варягах-норманнах, наших прямых предках. Я не мог пропустить этого конгресса. И я не пропустил его, успел двумя днями раньше. Мы только заскочили в гостиницу «Хилтон» за моим чемоданом с книгами и рефератами. Канителься не имело смысла. Да и нервировать сидящего за рулём не стоило... убить его мало!

- Или ты хочешь поставить свечку в соборе? – спросил вдруг Кеша, напряжённый и взвинченный.

Я молчал, ожидая разъяснений.

- Наша ракета взорвалась в шахте, понял! И это достоверно. Сто пудов! – наконец разродился Кеша. – Так что можешь не терзаться. Это хохлы сбили евреев... и то с третьей попытки. По наводке с геостационарной орбиты...

Я ничего не понимал.

- Какая наводка! Там же нет наших спутников!

Кеша поглядел на меня как на полного идиота. Он был прав, причем тут наши... наши спутники давно утопили.

- Вторая и третья пошли по лайнеру, где сидел этот махер* хренов. Их засекли с борта, отбросили «помехи», понял? Обе грохнулись в море... Наши не пляшут! Усёк?

Я уставился на Кешу. Он говорил слишком серьёзные вещи. Мне не надо было ехать в Штаты. Ответ на все мои вопросы был там, в Россиянии. И возможно, в Кремле.

- Гарант летел с прикрытием. Четыре МИГа и шесть «сухих». Как засекли хохляцкие ракеты, шарахнули по всем целям вокруг. Понял? Евреев срубили в минуту! Три «кометы» с челноками на дно пустили. Сейнер потопи-

* Деятель (идиш).

ли... шар воздушный с каким-то болваном-кругосветчиком... всё на хер! Витязи, блин, небесные!

Мы выскочили на хайвей. И теперь неслись во весь опор. За стеклами «линкольна» уже темнело. Роскошно-космические американские грузовики шли нам навстречу посланцами иных миров. А до «большого яблока» оставались ещё сотни миль, пробки на подъезде, туннель под Гудзоном и дорожная скука.

- Значит, не хохлы?! – решил я внести окончательную ясность. Путаницы мне хватало и в Россиянии.

- Хохлы! – сказал Кеша. – Пацаны пробили: этот деятель тут же вышел на Киев и Белый дом. Сам понимаешь, ему не резон вешать евреев на себя, это тебе не мордва и не татары...

- Про русских и не говорим, - вставил я.

- Не говорим, - подтвердил Кеша. - Какие ещё на хер русские! Кто их считает! Штатники на себя тоже не взяли. Навесили на хохлов... И те подписались...

Вот этого я не хотел понять и принять. Я вообще не понимал этой новой геополитики, от которой пахло дерьмом, базарной экономикой и шкурой дохлого осла.

- Охерели, что ли?!

Кеша ухмыльнулся.

- Как сказать, - задумчиво протянул он. И блаженная улыбка вернулась на его лицо. - Хохлам пообещали, что в альянс примут... потом, при случае. – Он снова вдруг насупился. Сгорбился. И совсем другим тоном сказал: - Да хрен с ними! Ломоть отрезанный... А вот кто мне мои башли вернёт?!

Я молчал. Башли были наживным делом. А вот двести с лишним душ уж точно никогда не вернуться в нашу палату №8. И земля им не будет пухом, какая земля в этой сероводородной пучине, где все равны: и эллины, и иудеи! Господи, прими их астральные тела в обитель свою, накорми, согрей и упокой. А главное, не говори им правды... от такой правды можно загнуться и по второму разу. Со святыми их упокой. Аминь, чёрт нас подери!

А как ещё сказать. Я не знаю... Прости, Господи!

Только всё думаю про ракету в шахте. Про Ли Освальда. Про сезон большой охоты... и немалой скорби.

И про гарантов, гарантирующих себе полный ништяк.

Я сидел на лавочке возле своего дома. И читал маляву, которую с каким-то трясущимся странником мне передал из своих застенков узник совести Самсон Соломонов. Малява была грустная и поучительная. Я получал письма от читателей мешками. И не мог не то что ответить на все, но даже прочесть десятой доли... очень много писали из тюрем и лагерей. Все они были забиты доотказа, полстраны сидело за проволокой. Строили новые лагеря. Не хватало. Я понимал демократов, ведь надо же им было где-то держать население Россиянии, надо было высвободить города и села для мигрантов... Бедные сидельцы из рук в руки передавали мои книжки. Читали их взахлёб. И все как один заверяли, что после моих романов, особенно «Звёздной Мести», они разом уверовали в бога, в добро, в высшую справедливость и стали намного чище и духовней, хотя в моих книгах ничего такого не было. Самсон Соломонов жаловался, будто нынешние держат его в каменном подвале, подальше от любопытных глаз, потому что при демократии, как они говорят, политзаключенных не бывает. Странник трясся и кивал. Я и сам знал, что при демократии всегда найдут иную причину, чтобы упечь человека. Но чем я мог помочь этому узнику совести! Десятки тысяч бедолаг писали мне письма со всей Россиянии и её окрестностей с просьбами и требованиями тотчас разрешить все их проблемы, излечить, спасти, снять сглаз, отвести нечистую силу и происки властей, просветить, образумить и ответить на какие-то их немисливо трудные мудрено-философические вопросы... бедные люди думали, что ежели я сам пишу мудреные книги, стало быть, я какой-то всезнающий гуру, который научит их всему. Но я не

был гуру. И во всех своих книгах я сам только и делал, что задавал те же самые вопросы, на которые нет и никогда не будет никаких ответов.

Ну чем я мог помочь бедному Самсону Соломонову?!

Когда к лавочке подошел мой знакомый юноша в милицетских штанах, но на этот раз без банановой фуражки, странника будто ветром сдуло.

- Дочитал ваш роман, - сказал юноша, забыв поздороваться, - и, знаете... - он выдержал паузу и необычайно проникновенно добавил: - в бога уверовал, стал как-то чище и духовней! Даже в храм ходил...

- И что?

- Что – что? – переспросил он задумчиво, видимо, пребывая ещё в виртуальном мире моего романа.

- В храме что?

- Батюшка сказал, что вас не мешало бы на костре сжечь или хотя бы от церкви отлучить... – он осёкся, сообразив, что не совсем тактичен, покраснел.

Я его утешил:

- Да ничего. И не такое слыхали... Передайте батюшке поклон и скажите, чтоб не беспокоился – даст Бог, непременно сожгут.

- И ещё просил книжку вашу принести, почитать... Сказал, нигде достать не может...

Я развёл руками. Для меня самого было странно, что при миллионных тиражах моих безответных книжек, вечно находились те, кто не мог их нигде достать.

- Я свою дам, можно? – спросил милицетский юноша. И хлопнул себя по колену: - Надо же! Совсем забыл! У вас же другого соседа убили, что через дверь по площадке... слышали?

Я покачал головой.

- Да третьего дня, в подъезде! Он ещё свою кандидатуру выставлял в районную думу! Лысыватый такой с усиками...

- Вот и довыставлялся! – заключил я. – Убийц нашли?

- Да кто сейчас ищет! – в сердцах воскликнул юноша.

И снова сообразил, что сморозил лишнее.

- Свидетелей-то нету! как найдёшь! Да вы не расстраивайтесь, на других участках побольше мочат – и то ничего, у нас народу много.

Много, подумал я мрачно, даже мизантропически, до поры до времени. А мочат всё не тех...

Ну что братья-демократы? Не запахло пинать мёртвого льва? Ой, смелые! ох, отчаянные! Уж полвека как... на дрожащих ножках, с гугнивой губой, взъерепенясь и иззадорясь на глазах у всей мировой демократической общестственности – и раз его каблучком в мертвый бок! и другой – кулачком под ребро! и плевочком на лацкан, да ещё разок – аж на щеку! ух уж мы этому проклятушему сталинизму-тоталитаризму!!! А по спине холодный пот привычным цепенем. А дома в гардеробе – сталинская премия (дедушкина, папина, а то ещё и своя, собственно-ручно полученная от «кровавого тирана-палача»). Обличители-разоблачители праведные! развенчиватели неистовые! прометеи пламенные! драконоборцы и львоципатели! Отважные, просто ой!

Голубые жители голубых ящиков...

Ну что, герои геройские, гераклы пастиразрывающие, непревзойдённые охотники на мёртвых медведей, а как насчёт поохотиться... на живого?!

Или памперсы надеть забыли... потекло, потекло... От живых, вестимо, лучше госпремии получать. О-о-о, либертэ, фратернитэ, эгалитэ!

Не ссыте в штаны, прорабы демократии, герои вы мои, я вас за собой не зову! Да не верьте рекламе: и самые надёжные подкладки протекают, даже те, что с крылышками... вон потекло... потекло уже! Но не бойтесь, это я пошутил. Пните ещё раз мёртвое тело, укусите его! ущипните! да с вывертом! да коготочками! да зубками! фиксочками остренькими! ох, храбрые! ой, бесстрашные! ахиллеосы и патроклюсы! ну чистые давиды с пращами!

Не зову... Да и звать уже не кого.

Скоро и Кеше... на Аранайскую войну... в бессмертие, в бронзу и золото. Да только мозги думать не отучишь. Разве что вышибить их напрочь.

И у матросов есть вопросы.

И вот один из них.

А где ж отливают пули на живых львов?

Я стоял на той самой площади Дизенхов, где стоял до меня вернувшийся из родных палестин Моня, глядел на нелепый фонтан – на три крутящихся разноцветных круга, будто вырезанных детской рукой, вспоминал слова путеводителя, что здесь, дескать, самое главное и важное место во всей этой стране – важней, видно, и главней вечного града Яруса-Иерусалима-Ершалайма-Аль-Кодса, важней Иерихона десяти тысячелетнего, важней крепости Масада, важней Назарета, где Мария с Иосифом обрелись, и Вифлеема (Бет-Лехема), где сам Иисус родился... Этот фонтан детского народного творчества был тут важнее всего! – я стоял и поражался нелепостной бестолковости сего дурацкого сооружения.

И начинал понимать Моню. Град Небесный – ты не в земных чертогах, не на этой свалке картонного конструктивизма и занюханно-пыльного постмодернизма.

Моня, помню, ещё в Москве рвал на себе рубаху, дескать, даешь историческую родину, обетованную Ерец Израель*, и всё тут!

- Эта страна меня доканает! - сипел он. И поводил округ своими налитыми выпученными глазищами так, будто ему приходилось жить среди каннибалов и аллигаторов. – Ну, Россия! Ну, сука!

Я, как и положено смиренному и несчастному гою, пожимал плечами.

- Нормальная страна. В Иудейской пустыне тебе будет хреновей. Ещё и забреют под ружьё... Ой, Моня, подумай, куда голову суешь, голова-то одна, хоть и с пейсами!

* Ерец Израель – «земля израильская».

Моня смотрел на меня как на недоумка – что взять с гоя, да ещё с русского гоя.

- Ерец Израель, - стонал он, - историческая родина! Там корни, блин! Земелюшка обетованная... Третий Храм!

Но я-то знал, что корни Монины в доме на набережной, в Жмеринке и в Аравийской пустыне, а ни в каком не в «ерце исраеле». Уж коли копать по чести и совести, так именно оттуда, из пустыни этой самой Аравийской, нахлынули орды кочевников на заповеданную им Богом (поди проверь!) ханаанскую землю. А до них жили там вовсе и не евреи никакие, и не иудеи с израильтянами богоизбранными, а самые что ни на есть несчастные и смиренные гои-индоевропейцы. Это их города и деревни крушили избранники Божьи, всякие давиды, самсоны и прочие соломоны да суламифи. И я мог бы сказать Моне напрямую: «Моня, дорогой, это мои предки там жили поначалу, по 1200 год до нашей с тобой эры и после тоже, пока их всех не добили и не изгнали... Моня, это не твоя, это моя историческая родина, понимаешь?!» И я был бы абсолютно прав. Конечно, прав... ведь это была просто правда, простая правдивая правда...

Но у меня, жалкого россиянского гоя, не хватало смелости сказать эту правду избранному из дома Давидова.

Я бы сразу стал злейшим врагом Мони, и не только Мони, я бы тут же превратился в такого махрового анти-семита, что дальнейшие планы на жизнь мне пришлось бы срочно пересматривать и усекать до полного усекновения (как пророку Иоанну-Предтече, напроорочившему на свою голову*...)

И я молчал.

Я верил, что Моня всё узнает и без меня.

А любить родину не воспрещается. Даже ежели она и не совсем твоя.

Стоя на площади Дизенхов в Тель-Авиве, я знал точно – этот фонтан не моя родина. Моя была в Иерусалиме,

* День усекновения главы Иоанна Крестителя – 11 сентября (комментарии излишни).

Иерихоне, по всему Иордану-Яридону и даже в мятежном ныне секторе Газе, где раньше проживали не злобные террористы-арабы, а мои тихие и самые наипрямые предки, мои прапрадедушки – филистимляне, они же пеласги.

Но я был не Голиаф. А Моня отнюдь не Давид.

Нам совсем ни к чему было бросаться друг в друга камнями, тем более из пращи. Мы могли посидеть, выпить, закусить и поговорить – до хрипоты, до крика... но не до драки... Потому что драка уже была. И нечего после неё всяким гоям побитым кулаками махать!

Иногда я думаю, что было бы, если тогда, три тыщи лет назад мой пращур Голиаф (вообще-то его звали Галат) вместо того, чтобы драться с этим заносчивым мальчуганом, Мониным предком коротышкой Давидом, просто посидел бы с ним за бутылку «солнцедара» или «наполеона», неважно. Выпили бы и поговорили по душам, пусть и до хрипоты... но не до драки. Вот так.

Я не пророк, не нострадамус какой-нибудь, но то, что этой октябрьской заварухи и потом дикой резни в двадцатых не случилось бы, это точно. И дед Монин никогда бы не был пламенным борцом за идею, и не сидел бы он ни в тюрьмах, ни в психушках, и папаша его не слал бы свои чемоданы за бугор, и мои соплеменники – миллионы и миллионы были бы живы и здоровы...

Все наши беды оттуда, из Ветхого Завета.

Праща. Этот камень полетел прямо из пращи сквозь века, тысячелетия, множась, превращаясь в стрелы, мечи, копья, пули, снаряды, «фантомы», крылатые ракеты, в «революции», «демократии», «реформы» и «перестройки»... а теперь ещё и в кошмарную, уже точно нас добьющую «глобализацию», да-да...

Временами меня так и подмывает пойти хмурым утром в Музей изобразительных искусств, который без спроса Александра Сергеевича назвали его именем, и подложить пару ящиков тротила под эту жуткую исполинскую копию кошмарного и уродливого Давида, похожего совсем не на праведного иудея в шляпе и с пейсами, а на разде-

того догола провинциально-сицилийского киллера-мафиози. Это под него потом – мне доподлинно известно! – начали ваять всяких «девушек с веслом» и «юношей с горном» – да-да, именно под этого «давида с пращой». И потому Гриша Брускин с его «монументальным лексиконом» никакой не Гриша, и не авангардист, а жалкий подражатель-копиист... увы. Но это неважно, главное, что Гриша срубил за своих горнистов-давидов большой кочан зелёной «капусты» - полторы сотни тысяч баксов, а потом и ещё побольше...

Ваятели! Блин!

Уж я-то знаю, что Господь запретил своим избранным изображать его творения в натуре (кстати, именно поэтому они и изобрели абстракционизм и прочие довольно забавные –измы).

Так какого же ... нам поставили этого камнеметателя с пращой? О-о, правнуки Голиафа! Имя вам – простота. Хорошо лежать на печи...

Ветхий Завет... Который мы писали, увы, вместе. Писали нашей кровью, переводя с русского на иврит, и с идиша на русский, писали словно кабальный договор с дьяволом – на вечную вечность.

И злоба наша оттуда, и ненависть и нетерпимость. Поэтому они и называются – ветхозаветными. Спой мне песню песней, рабби Соломоне! И он напевает: «... ой, позовите Герца, старенького Герца, пусть споёт ей* модный, самый популярный в нашей синагоге отходняк! ой...» Какой русский не любит Розенбаума?!

Ну, где вы, десять колен сгинувших? Ау-ууу!!!

Моня этого ещё не понимал. Он был обычным добрым и мечтательным еврейским идеалистом, эдаким заурядным, коих пруд пруди, иудеем-романтиком, бейтаровцем недобитым... И он не был отнюдь Екклесиастом. Увы...

Он не знал, что вот эта ныне песчанно-каменистая пустыня вдоль Срединного моря наша общая историческая

* Ей - то есть Россиянии.

родина. Моя – пораньше, его – попозже. И что и нас, и их оттуда вышибли, не спрашивая нашего желания, и что «эта страна», Россия-сука – новая святая земля, где мы сошлись снова... Для чего? Для вечного, непрекращающегося боя.

Или чтобы наконец опомниться.

Неисповедимы пути Господни.

Но мой роман вовсе не о них.

Убить президента? Однако!

На Святой Земле, вдали от вавилона московитского я понял вдруг, что никаких президентиев вовсе нет. А есть виртуальные имиджи, созданные пиарщиками и компьютерщиками. Привидения. Нам изо дня в день показывают этих виртуальных привидений то в Кремле, то на «саммитках», то в «кулуарах», то без галстуков, то на ферме Буша, то в простокваше, то на вручении орденов и медалей лучшему писателю всех времён и народов Жуванейцкому... А на самом деле это компьютерная графика... виртуальные куклы, телепузики и покемоны.

А кортежи возят двойников. Или гоняют порожняком. Просто гоняют туда-сюда, чтобы выявить злобных международных террористов и кошмарных русских фашистов, что по всем обочинам ставят заминированные таблички «Смерть жидам!»

Видел я этих «русских фашистов». В Мосаде.

Я вообще много чего видел.

Я позвонил из Иерусалима Кеше и рассказал про свои сомнения:

- Какого хера мы будем гоняться за этими куклами?!

- Во-первых, не мы, а я! – заявил он, явно не признавая во мне равного (или даже не равного) компаньона. – Во-вторых, даже если это виртуальные куклы, я их всё равно уделаю, как папа Карло Буратину... я этих гастролёров отправлю на гастроль!

Он был неизлечим. Одно слово, народный террорист!

Я вжал голову в плечи, огляделся, нет ли вокруг агентов охраны... хотя прослушивать могли из любого места. Кеша совсем не соблюдал конспирации! или просто не знал, что последний президентий получил в народе прозвища Гастролёр и Буратино.

В прежние времена нас давно бы уже взяли...

Аки бедный Иона стенающий во чреве кита, стенаю я в утробе этого страшного мира... нет выхода. Жуткие санитары с белыми крыльями за спиной сидят возле узких врат палаты №8. Злобные ухмылки кривят их ангельские лики. Уж эти не оплошают, доставят по назначению!

Оле-оле... алилу-уйя-а...

Стэн любил ходить на боевики про Вьетнам. Он сидел в зале и тихо закипал – пока из него не начинал валить пар. Потом он медленно и угрюмо напивался. А потом шёл и бил морду какому-нибудь режиссёру.

В боевиках показывали «крутых парней», суперменов... В жизни таких не было. В жизни было дерьмо, прохвосты и салаги. Салаги лезли напролом и гибли. Прохвосты спасали себя. Дерьмо сидело по штабам и было хуже любого врага – потому что оно решало, жить тебе или сдохнуть, пуля вьетконговца лишь довершала дело...

Любой «крутой» на той настоящей, а не киношной войне обмочился бы в первые пятнадцать минут и визжал бы как резаная свинья. Причем, чем круче, тем истощней бы визжал... Стэн это знал очень хорошо. Он знал, что понастоящему воюют только вот эти салаги... Он знал, что весь хваленый спецназ-командос – это то же самое дерьмо, что и в штабах, только гаже и вонючее. Когда в далекой Россиянии давили бандитов, Стэн знал, давят салаги, мальчуганы, которых хаят по ТВ, а эти самые «волки войны» только жмутся по стенам да глядят, чего бы стырить – они не могут уже даром «воевать», они профи!

И потому он не любил этих режиссеришек. Этих пидоров из Голливуда. Из провинциальной «фабрики грёз»

для провинциалов. Его просто тошнило от этой доведенной до маразма «одессы». Его тянуло блевать от картонно-вафельных «титаников» и кукольных «миротворцев»... Но на фильмы «про вьетнам» он ходил. Травил душу, рвал нервишки. Но всё-таки ходил.

Один. Жену Наташу убили три года назад. Два обкуренных афроамериканских ниггера просто хотели ещё немного побалдеть, не били, не насиловали, пырнули ножом под сердце, вырвали сумочку и ушли, за очередной дозой. Тихо и культурно ушли.

Стэн нашёл их. Но его адвокат отрезал – связываться с чёрными бесполезно, любой суд их в конце концов оправдает. И тогда Стэн сам убрал ублюдков, по очереди, без шума и пыли. Копы его следов не нашли. А ребятки из ЦРУ и Пентагона подшили в его досье ещё пару страниц. Это было не кино, не голливудская «одесса».

Это была просто жизнь.

Фильмов про вьетнамскую войну снимали всё меньше. Его жизнь уходила в прошлое. Только бегущий горящий факел оставался. Но он жёг душу по ночам.

Когда Стэна вызвал госсекретарь, тот понял, не отвертеться, они снова его достали, сволочи.

- Вам надо вылетать в Россиянию, - сказал этот плотный темнокожий мужик, которого Стэн уважал за Вьетнам, он тоже воевал там, когда-то... С прошлым госсекретарем, точнее, госсекретарихой, старой поганой гадиной, разбомбившей страну, которая её спасла от нацистов, он бы разговаривать не стал, поганиться о суку, ещё чего. – Надо добить русских, Стэн, вы это сумеете сделать. Чего-то они у нас зажились чересчур... не находите? Мы вырвем из их задницы ядерное жало!

Стэн усмехнулся иронично.

- Вы уверены?

- Уверен!

- А их президент, их конгресс...

- Правительство и Дума, есть ещё какой-то совет, но это неважно... президентов там ставим мы, вы знаете.

- Ну и как они? – Стэн просто не мог поверить, что найдется такой кретин, который перед перестрелкой отдаст будущему убийце свой верный кольт.

- Они все согласны! – заверил его госсекретарь. – Да им просто деваться некуда, иначе мы не дадим им визы и они навсегда останутся в своей вонючей дыре со своим говном и... со своим народом, который рано или поздно перервёт им глотки.

- Значит, у них нет выхода?

- Вы весьма сообразительны, Стэн.

- Так почему же они раньше не уничтожили свои ракеты, уж лет двенадцать бодяга с этими реформами, а боеголовки не свинчены, охренеть можно...

Теперь пришла очередь усмехаться умному госсекретарю. Он посмотрел на собеседника как на ребёнка.

- Не так быстро, Стэн, большую часть мы свинтили. Но кое-что осталось, они могут нас сто раз сжечь дотла... При старике Охуельцине в день по десятку ракет шли в переплавку... А сейчас заело. Темпы снизились. Бардак! У них там полный бардак... местные набобы растаскивают, что уцелело, ворьё жуткое! Мы сами должны наладить процесс и полностью руководить им – до последней боеголовки, Стэн! Вы едете, как председатель совместной комиссии по контролю над сокращением их вооружений. Но это для профанов, для быдла. Фактически вы будете на месте осуществлять полное уничтожение ядерного потенциала Россиянии, именно вы и ваши люди. Местным болванам мы не доверяем, они уже разворовали в пять раз больше, чем нужно для уничтожения всех их ракет вместе с ними сами... Дикари! Фактически вам будут подчинены все они, в том числе их липовые президенты и банановое правительство, это условие нашего договора, иначе ни им, ни их семьям не видать Штатов и Европы как своих ушей. А они удавятся за визу и бутылку «пепси»... Все их ядерные объекты до полного уничтожения перейдут под ваш личный и полный контроль... и управление. Всё! Вы понимаете? Мы должны довершить начатое, мы должны

их оставить с каменным топором и мотыгой в руках... и то, хе-хе, под нашим контролем. Вы едете...

- А кто вам сказал, что я еду! – неожиданно и резко спросил Стэн.

Собеседник не смутился ни на минуту.

- У вас нет иного выхода, старина! Вы же государственный человек... Вся ваша жизнь – служение Америке: Вьетнам, Корея, Палестина, Африка, Афганистан, Ирак, Босния, Сербия... и кое-что ещё. Стэн, мы добьем и Россию, будьте уверены. С вашей помощью. Она уже в нокауте... ну, парень, ещё удар! И родина не забудет вас.

В последнем Стэн не сомневался. Он знал, что его не забудут, что ему никогда не дадут покоя.

Назову себя Кешей...

О, гиргейские оборотни! о, свинцовые толщи вод! о, безумная планета-каторга!* Кто безумней тебя?! Только наша Земля... Я твой пращур Иннокентий Булыгин, бессмертный ветеран Аранайской войны, Кеша...

Назову себя мстителем. И достану свой ржавый «акаэм» с пыльного чердака. Это сейчас на каждом углу пулеметы и «стингеры», «узи» и «акаэмы»... а тогда, в семидесятых, привезти со своей войны своего самого верного друга... о-о! Назову себя Кешей!

В Москве у Мехмета было двенадцать лотков, четыре киоска и два маленьких магазинчика, забитых разными бутылками с одной некондиционной водкой.

В Баку у Мехмета было две жены. Законных. По шариату было положено четыре. Но Мехмет был ещё молодой. Каждая из жен родила ему по два мальчугана, и Мехмет был доволен ими. Хотя, последние три года, ко-

* Незабываемое «Погружение во Мрак» – поэма в прозе! Живые души в мертвом аду... Как меня ругали за эти «уголовные образы», за «бандитскую романтику»! А они только и были живыми в мертвом, гибельном смраде «перестроек и реформ». О, милая, милая, романтическая Гиргея! (автор).

гда ещё жил дома, с женами не общался. Нечего! Пускай с детьми занимаются! Общался он с двумя их служанками – Надькой и Веркой. Надьке было двенадцать, Верке четырнадцать.

Он запирался с ними в комнате, застланной коврами и усталанной подушками – и только дым коромыслом шел.

Законные женушки сидели в соседней комнате и злобно хихикали: никогда этим русским поганым девкам не родить ему, их мужу законному, детишек! никогда! уж они постарались! служанки-то их! они вообще никогда и никому не родят! Женушки просто упивались своим бабьим коварством. Каждый групповой сеанс был для них часом торжества. Они получали больше удовлетворения, чем этот несчастный Мехмет с двумя гяурками за стеной.

Правда, сказать ему прямо они не решались. Думали – ещё поколотит хорошенько.

Но Мехмет не стал бы их колотить. Ему было плевать на их женские хитрости. А-а, слюшай, вах-вах, меньше нахлебников – больше денег! Мехмет знал, что женушки щипали и пинали служанок, он видел эти щипки и синяки, когда голые Верка с Надькой плясали перед ним, над ним или под ним. Всё видел. Но это лишь распаляло его страсть. И он сам норовил ущипнуть этих тощих беленьких гурий, да побольней – они только повизгивали да хотали.

А чего им оставалось – бежать? Опоздали! Не сбежали с родителями вовремя, когда «нерушимый» рушился. Теперь поздно. Всех не сбежавших разобрали, все по рукам пошли, иные через десятки рук. Мехмету одну подарил дядя на Первое мая. Дядя Гусейн был старый обкомовец и чтит интернациональные праздники. Другую он купил сам, на рынке, за тридцать долларов – задарма! Тогда была всеобщая эйфория – демократия! независимость! братство! равенство! свобода! И какой-то дурак лопухнулся от избытка чувств. Через два года Мехмет мог продать девку Верку за триста баксов, запросто. Он не продавал.

Пускай женушкам прислуживает. Мехмет был умный. Он знал, что жен все равно не ублажить. Так пусть лучше не на нём зло срываю, а на этих... Ай, умный был Мехмет!

Женушки всё время возились с детьми. Но когда Мехмет выходил из комнаты с девками, они детей прятали. Муж! Хозяин! Уважаемый человек! Если кто в чем и виноват, то только эти сучки. К Мехмету они ластились. А служанок пинали, бранили, щипали и надавали им заданий, как бедным золушкам. Золушки стирали, мыли, чистили, бегали по рынкам с сумками и корзинами и снова стирали и мыли. Не пускали их только на кухню. Поварила старая тетка, родня. Верке с Надькой женушки не доверяли. И мамаша Мехметова не доверяла. А папаша жил в селе, в город приезжал редко. Он тоже был знатным партейцем ещё лет десять назад. Но быстро спёкся.

Бархатная революция! Скинули проклятое, понимаешь, иго, ай-вай! Так и в газетах столичных писали. А в Москве точно знали, кто фашист русский, кто шовинист великорусский – с кого спрос за всё. Свабода, вай!

Впрочем, это было давно. В прошлой Мехметовой жизни. Сейчас, уже три года он жил в Москве. Лотки и ларьки давали навар. И Мехмет имел в Москве четырех жен. Жили они в огромной квартире на Тверской. У каждой жены было по две комнаты и по личному туалету. Жены любили и уважали Мехмета – ещё бы! столько денег! Мехмет был строг и ревнив. Он держал их взаперти. И они воображали его каким-то арабским шейхом, а себя шейхинями в гареме.

Хотя они знали, что у Мехмета есть и настоящий гарем. Он сам хвастал. Потому что настоящий мужчина должен иметь настоящий гарем! Когда он их выставлял в позовую шеренгу и начинал их поочередно ублажать, только успевая перескакивать с одной на другую, он хвастался:

- Двэнадцат квартыр купыл! Двэнадцат дэвак посадыл! Вах! Пэрсик! Палчык облыжишь! Всэ друзья знают – всэ друзья уважаю! Багатый чалвэк Махмэт, гаварат, уважаимый чалвэк, гаварат. Уважаю!

Ни слова не врал Мехмет. Очень сильно его уважали.

- Ой!

- Ай!

- Яй!

- Ёй! – повизгивали жены Оля, Лена, Маша и Кристина, томно закатывали глазки, стонали, охали, содрогались пышными телами и снова стонали, одна громче другой, зазывней и сладострастней – знали, Мехмет любит отзывчивых на его жгучую южную любовь и оделяет по-свойски. А чего ему! Мехмет потел на них. А денежки-то текли – рекой текли! Жены очень любили Мехмета. Знали, уж их-то он точно не пошлет челноками товар надбыливать и к лотку торговать не поставит...

У лотков торговали другие. Их Мехмет тоже не забывал, каждую раз в две недели затаскивал в ларек и вкушал со всей страстью к новизне. Лотошные девки не знали, когда он придет и к какой, а потому намывались-намакияживались каждый божий день – вот приедет барин, вот удастся его ублажить так, что возлюбит пуще прежних, вот купит квартирнку какую-никакую, и начнется новая райская жизнь.

Мехмет был для всех отцом, царем и живым богом.

Хотя каждая знала, что бывают мужики и покруче, да и вообще, поизгулял Мехметушка силенки-то! (а может, их особых-то и не было?) Но вслух ни-ни! Вслух про Мехмета ходили легенды. Мол, куда там этим русским мужичонкам, пьяницам и лодырям!

И Мехмет старался.

Очень Мехмета уважали... и власти, и милиция.

Был, правда, ещё один гарем. Но про тот Мехмет сам женам и девкам ни-ни! В том гареме тешились они с земляками без шума и пыли. Благо, что беспризорников в Россиянии было навалом. Вот и понабрали-понахватили с рынков с десятков мальчуганов от семи до двенадцати да полтора десятка девчушек лет до десяти. Туда иной раз нужных людей водили, начальников. А которые покрупней, тем на дачи возили. Не сами, самих сграбастают с

беленьким мальчишечкою или с девчонкою белобрысенькой. Снимали с работы одну из девок торговых, она и везла по назначению «сыночка» иль «доченьку». Чаше всего на дачке и её приходовали, заодно, чтоб добро не пропадало.

Но вообще «балшие русские начальники» ещё не очень-то понимали толк в мальчиках. Мехмет иногда сокрушался, щелкал пальцами:

- Сапсэм отсталый, панымашь, страна Рассыя! Вах-вах! Самый сладкий нэ панымай!

Он очень хотел угодить большим начальникам. Но те больше «панымай» доллары, много долларов. Мехмету было не жалко мальчишек и девок. Ему было жалко долларов.

- Трудовой дэнга! – говорил он, чуть не плача. – Сапсэм оборзели! Бэспрэдэл, понымашь!

Откровенничал Мехмет только с земляками. Их было много. У всех было полным-полно ларьков и магазинов. У всех были гаремы из русских девок, квартиры, мальчишки и доллары. Он был не самым богатым. Он был бедным. И совсем не был арабским шейхом. Жаловался на жен и девок:

- Сапсэм оборзели, русски бляди! Работай на них, понымашь! Бэспрэдэл!

Но в Баку он не собирался. Два раза в месяц переводил женам и детям по полмиллиона. Писал в коротких письмах: «Узнаю, что гуляют Надька с Вэркай – зарэжу как баран! Привэт дэтам! Цалую всэх!»

Бакинские женушки, Гюльча и Бахра, гулять служанкам не давали, блюли мужнюю честь. Детишки у них росли упитанные и красивые. Старших весной готовили в Англию, на учёбу.

Убить президента? Сначала найди его! Где обретались Меченный Херр и старик Ухуельцин, знал только Господь Бог. И то не совсем точно.

Эти могли обкрутить вокруг пальца и самого чёрта.

Зато всё чаще являлась по ночам моему другу Булыгину чёрная тень. Смотрела укоризненно. Вздыхала.

Чёрный человек... Привет с того света.

- Кругом черножопые! – жаловался Кеша. Он был зол и небрит. Очередная его попытка подкрасться к «жертве» (жертва, ха-ха!) сорвалась. И он срывал зло на ком попало. А попало нынче лицам мигрантской национальности. – Всю Москву заполонили, суки! Всех баб перетрахали...

Я его успокаивал:

- И слава Богу! Русских-то наполовину в Чеченегии побило, на четверть водярой выкосило... мужиков нет! Вот они за наших и стараются, воспроизводят поголовье... Нет, Кеша, если по совести, честно, то они на наших бабах на нас работают, без них мы просто вымрем!

Кеша призадумался. Ведь на самом деле, кому-то надо было замещать «естественную убыль» российских мужичков. По справедливости получалось, что смуглозрых мигрантов следовало представлять к срденам «Отцовской славы». Россияния нынче стояла на них...

Он сжимал руками головы качавшийся пузырь. Стонал. Всегда мы ищем виноватых, на ком зло сорвать... за свою беспомощность и тупость: то жида! то черножопые! то штатники поганые, заокеанские – живут, суки, лучше!

- Эти скоты нас наркотой травят!

- А ты не травись... Не покупай, какие проблемы.

- Все рынки захватили! Русскому человеку торговать негде! Где правозащитники херовы?!

- Это когда ж русские торговцами были? Ну ладно, давай бросим наши дела, пойдём на рынке торговать!

- Ну, уж хрена им! – возмутился Кеша. – Уж этого они от меня не дождутся, звери, сказанул тоже! Давай лучше по бабам! У меня тут телефончик есть, надыбал в «Кремлёвском пионерце»... во-о!

Была такая поганенькая газетёнка, через которую сутенёры торговали живым товаром. Главный редактор этой паршивенькой газетёнки регулярно имел встречи с гене-

наземь и вбивали каблуками в асфальт инвалидов-пенсионеров, как забивали своими дубинами тщедушных старушек с их самодельными плакатами... Я видел как они упивались своей силой, мощью и выучкой профессиональных громил. Я всё это видел.

И я знал - это и есть демократия. Эти цепные псы демократии защищали от народа кучку жирных сволочей, ограбивших этот простодушный и дураковатый народ вчистую... Не нравится, как я говорю о народе? А кем ещё нас назвать после того, что случилось.

Да уж, милые мои... за что боролись...

Нас обобрали как форменных дураков, как невменяемых обалдуев и законченных простофиль.

И это было нормально.

Так нас учили те, кому мы подражали.

Демократию не делают в белых перчатках.

И ещё очень многим выжившим очень повезло, понимаешь. Вот так.

Мне тоже. Я выжил... Меня пока ещё не убили проводники демократии и реформ. Пока ещё... Миллионов двадцать-тридцать убили... А меня нет. Повезло. Крупно. Гуляй и пей, ненаглядная моя Россияния! Сбылись мечты идиотов!

В детстве я мечтал стать космонавтом.

Сейчас я мечтаю стать киллером.

Вот такой я злобный мизантроп!

Я лихорадочно составляю список жертв, которых я заказываю себе сам... И мне не хватает бумаги и чернил.

А ну, брось в меня камень тот, кто никогда не хотел никого замочить... ну, хотя бы в сортире. А ну?! Давайте! Бросайте! Ну-у...

Что-то я не вижу ни одного давида-с-пращей.

Кеше заказали генерального президентия. Но Кеша не знал, что президентии бывают в каких-то иных странах, а не в нашенских... у нас – баскаки, сборщики дани для Ор-

ды. Завалить сборщика дани, всё равно, что завалить налогового инспектора – какого-нибудь Матфея... Иисус таких, понимаешь, на понт... прошу прощения, на проповедь брал и в свою веру переисусивал... Не каждому дано так. Теперь матфеев мочат.

Мы с Кешей не Иисусы... Уж Кеша точно никогда не подставит правой щеки. У него очень много денег, мешки и чемоданы... Но он всё время жалуется мне:

- Я просто охереваю от этой демократии!

Ну что с ним поделаешь?

Наверное, чтобы наше межеумочное поколение «интегрировать» в правовое, блин, государство, его надо просто спойть, вырезать, перевешать и сгноить в лагерях.

Так и делают.

Раньше меня догадались.

А что тогда делать со стариками-сталинистами – а все старики, кроме старика Ухуельцина и «его банды», как говаривал поп Гапон, – есть сталинисты. Что-о?! – я вас спрашиваю.

Им надо просто ломать хребты.

У меня замороженные мозги, и потому прозрение пришло не сразу... Ох, и умные же у нас реформаторы! прямо петры первые, как на подбор! все с топорами!

Я был в заокеанских штатах с их матрацными знаменами, бывал в европах – сто раз бывал. И я знаю, что такое демократия и «цивилизованный» мир. Я видел белые лимузины по восемнадцать метров. И я видел целый квартал, где у всех детей были вырезаны глаза. Для тех, кто ездил в белых лимузинах.

Я видел подземку в Нью-Йорк-сити с полчищами крыс и полчищами изможденно-больных и безумных бездомных. И я бы очень хотел, я просто страстно мечтаю, чтобы дочурки и внуки некоторых демократов и президентов недельку пожили среди этих разлагающихся живых мертвецов... Всего одну недельку... или хотя бы часок!

Наверху роллс-ройсы и сверкающий рай, внизу ходячие бледные трупы и зловонный ад. Два удовольствия в одном флаконе «большого яблока».

Это и есть демократия. Другой нет. И не будет.

«У нас сейчас не социализм и не капитализм... а сволочизм»

Писатель В. Крупин

Я не люблю р-р-революции-погромы и всяких бесноватых выроdkов р-р-революционер-р-ров. Ежели «комиссары в пыльных шлемах и склонятся молча надо мной», то только для того, чтобы добить контрольным выстрелом, в висок. Но иногда я горько жалею, до слёз, до крика, что на некоторых особо жирножопых и наглых «народных избранничков» у нас (и только у нас! российских простофиль!) нет Че Гевар и «красных бригад», нет Пол Пота и Дзержизмондыча. Вот тогда я достаю свой чёрный берет. И говорю – хватит! Ведь эти хреновы столпы демократии – и наши, и не наши – начинают вспоминать про ограбленный и обездоленный ими народишко, только когда в их лощёные хари направляют ствол пулемёта. Или гранатомёт. Или «боинг». Такая особенность памяти.

Демократов хранят от народонаселения громило-охранники. Секьюрити, блин, по-импортному. В Россиянин всё нынче по-импортному... Так заведено.

Но самые громилистые громилы у нас.

В 93-м я видел, как эти громилы зайцами бежали от баркашовцев, бежали после одного выстрела поверх голов. Я видел, как они взводами сдавались боевикам в Чечне и на коленях вымаливали себе жизнь, лизали сапоги басмачей. И это тоже была демократия. При проклятом тоталитаризме сапоги бандитам никто не лизал, да и шею старушонкам, всю жизнь проработавшим за галочки-палочки и создавшим великую Империю, которой не было равных в мире, никто не ломал... Демократия.

Народовластие... блин!

Самый короткий и самый чёрный анекдот: вывеска «рай» на вратах ада.

Впрочем, что это мы всё о грустном?

Гуляют все! - кричит судьба. И мы гуляем.

Убрать президента... однако!

Ещё с пионерских времен мне внушили, что вожди отвечают за всех и за всё. И я не мог себя переделать. Я верил в эту красивую и прекрасную сказку.

Сейчас я верю в неё ещё крепче. Должны. Отвечать. За всё. Иначе не хрена морочить головы... даже таким дуракам как мы! нечего присяги давать на библиях и торах! нечего глядеть на нас рыбьими глазами отцов народа!

Ночью мне приснился чёрный человек. Он укоризненно смотрел на меня, будто с плаката: «если не ты, то кто!»

Утром я проснулся в холодном поту. Вспомнил 11 сентября, которое предрёк и которое ещё не наступило. И решил действовать без Кеши. Я залез на антресоли. И вытащил пакетик с дустом. Порошок был абсолютно белым.

Чтобы письмо дошло до президента, надо было писать правду. И я скоренько накатал жалобу на соседа, того самого, которого недавно убили в подъезде. Если бы я писал про Россию и её тяготы, никто бы мне не поверил, сочли бы жуликом и провокатором. А донос на соседа пройдет, натурально пройдет, в донос поверят... и не заподозрят, донос это нормально. Мой знакомый из «конторы» рассказывал, что там доносы лежали тоннами, десятками, сотнями тонн, их строчили все: диссиденты на инакомыслящих, инакомыслящие на диссидентов, мастера культуры на собратьев по перу, микрофону и мольберту, шестидесятники, они же «прорабы перестройки» – на всех подряд. «Цвет интеллигенции», которая по определению была говном, строчил, строчил и строчил «в соответствующие органы»... Органы просто захлёбывались этим извергающимся из интеллигентских душ говном. И, в конце концов, захлебнулись. Настала демократия!

Мне оставалось одно: косить под демократов.

Я насыпал в конверт белого порошка, очень похожего на сушеные вирусы сибирской язвы, алтайской чумы и китайской атипичной пневмонии.

Расчет был прост. Ежели отравы не подействует, всё равно – там начнется такая паника, что половина администрации – а, может, и с а м! чем черт не шутит! – перемрёт со страху. Письмецо с белым порошком! Вот он – осиновый кол в сердце! Вот она – серебряная пуля!

Я в горячке выскочил на улицу. Пробежал пару кварталов. И бросил письмо в ящик. И сразу же понял – мальчишество, дурь спросонья. Прислонился к стене. Достал мобильник. Набрал номер знакомого вирусолога, моего старого читателя, помешанного на «Бойне» и «Сатанинском Зелье», мрачных и злобных «антиутопиях».

- Слушай, Сёма, - сказал без обиняков, – у меня важное дело. Помнишь, сам говорил, что СПИД, атипичку гонконговскую, лихорадку эболи у вас делали, да?

- Ага, - подтвердил Сёма, - по заказу Вашингтона... только между нами, это же государственная тайна, сам понимаешь... партнерство, сотрудничество...

- Да никому твои тайны и на хрен не нужны, старик!

- А чего нужно?

- Язвы или чумы немного, полпригоршни, - робко попросил я, сам себя ругая за наглость.

- Ха-а-а, - утробно засмеялся Сёма, - любовница надоела или издателей проучить решил?!

- Всех скопом!

- Нет язвы. И чумы нет! – голос стал нервным. – Оспа есть, осталось немного...

- Какая?

- Чёрная брюшная аравийская оспа. Бьёт наповал!

Я расстроился. Чёрная... нет, боятся белого порошка. Чёрный вышвырнут в окошко, и дело с концом. Но на всякий случай переспросил:

- Сильно чёрный?

- Кто? – не понял Сёма.

- Порошок! – заорал я в трубку, просто сатанея.

- Какой порошок?!

- Да оспы твоей брюшной аравийской?!

- С чего ты взял? Кристаллы белые... а больной чёрным становится и холодным... Ты на название не гляди, этот лейбл опять нам они, штатники тупорылые, подсунули, чтоб на аравийских шейхов поклёп навести, а потом их высокоточными томагавками по башке и по заднице...

- Тихо! – прошипел я, - это ж государственная тайна! Еду к тебе!

Через полчаса у меня был пузырьёк с белым поблескивающим порошком. И новый конверт. Для верности я купил ещё три. И решил посылать в день по письму. Хоть одно да сработает! Знай наших - «народные террористы», чай, не глупей международных!

Я даже позвонил Кеше. И во всём признался ему.

Он ответил сумрачно:

- Новатор! Рационализатор! Допёр! Да я уже третий месяц посылаю им конверт за конвертом – изо всех точек земного шара, всё перепробовал, все отравы и ядохимикаты, скоро без гроша останусь!

- Ну и ...

- Хренуи! Этих гадов ни одна зараза не берёт! Или они вообще почту не читают!

Второе было вернее. Зачем им письма читать? нет писем, нет проблем! всё прекрасно!

Но я ошибся. Письма читали и отвечали.

Через сорок три дня я получил ответ: «Ваша жалоба получена и направлена по назначению для рассмотрения и принятия мер. Ждите ответа. Москва. Кремль».

А вечером другого дня по телящику сообщили, что в департаменте жалоб, доносов и предложений министерства расширенной демократии Россиянии все вдруг стали чёрными и холодными. Генеральная прокуратура возбудила уголовное дело и сообщила, что рассматриваются четыре основных версии: пожар вследствие возгорания неисправной проводки, отключение отопления за неупла-

ту, козни русских фашистов и неумеренное потребление куриных «ножек Буша», которыми кормили департамент.

Кеша пил три недели подряд. Он превратился в какое-то опухшее бесформенное бревно на ногах. Он не спал ночами. Он знал, что заказ надо выполнять... Да, есть такое слово – «надо»!

Но как его выполнишь?! Оцепление за три километра. Миллион громил, вооруженных до зубов, прослушивание, проглядывание, просвечивание, миллиарды в год на одну охрану, десятки подставных двойников, сотни сменных лимузинов, целая вселенная дезы – куда поехал, где, когда... Старик Ухуельцин был скользкий как уж, не ухватишь, и его бесценную для Россиянии жизнь оберегала целая армия, превышавшая армии Чингисхана, Батыя, Карла XII, Наполеона, Гитлера и Пол Пота, вместе взятые. А ещё ЦРУ, Пентагон... и все сильные мира сего!

- Надо было его валить с броневика! – жаловался мне пьяный Кеша, хватая за ворот рубахи двумя руками. – Ещё тогда, в начале!

Я разуверял приятеля.

- С броневика надо было валить другого, Кеша, рыжего, согласен. Но нас в семнадцатом и на свете-то ещё не имелось... А этого надо было валить с танка!

- И завалим! – воодушевлённо вопил Кеша, падая на ковёр, роняя бутылки и графины с изящного столика на гнутых ножках. – С танка завалим гада! Сукой буду!

- Завалим, - кивал я, - ежели машину времени доставим! – потом спохватывался: - И вообще, ты меня в это дело не впутывай! Понял? Тебе заказали, ты и вали!

Кеша скрипел зубами от бессилия.

И я не знал, как ему помочь. Я знал другое, Кеша мужик самодушный, упрямый, такой не отступится.

Ему только бы из запоя выйти!

По мнению ученых, Земля круглая. Я знал одного космонавта, который глядя в иллюминатор, чтобы не забыть, всё время повторял одно и то же: «она круглая, круглая,

круглая...» - после триста шестьдесят пятого повторения он начинал видеть в своё космическое окошко шар, начинал верить – и впрямь, вроде бы круглая...

Так вот, на другой – на другой! – стороне этого круглого шара, который существовал только в воображении ученых и упомянутого космонавта, была страна Заокеания, которую в честь открывшего её Христофора Колумба называли Америкой.

Сами жители заокеанской Америки были гугнивы, гнусавы и потому называли её так – Амэурыка.

Были они очень богатыми. Так считалось. И очень завистливыми. И ежели кто-то на этой круглой планете жил не так, как им хотелось, они быстрёхонько посылали туда свой флот наводили полный порядок, который и назывался демократией. Для демократизации всей планеты у амэурыканцев были атомные, водородные и нейтронные бомбы, крылатые ракеты, сверхточные вакуумные снаряды, боевые лазеры, напалм, газ «орандж», нервно-паралитические отравляющие вещества, урановые стержни, сто тысяч цистерн с бациллами чумы и двести с вирусами чёрной оспы, рейнджеры, командосы, десантники, спецназ, тюрьмы, колючая проволока, спирали Бруно, наручники, электрические стулья, газовые камеры, концлагеря, гаагский трибунал, базы на землях Россиянии и авианосцы в океанах, морях и реках. Кто не хотел демократии, получал всё это в полном объёме. И мало никому не казалось.

За это все народы круглой планеты Земля очень сильно любили Амэурыку и амэурыканцев. И всегда дружно одобряли все их решения, заявления и миротворческие акции, часто даже раньше, чем сами амэурыканцы открывали рот или начинали кого-нибудь бомбить.

Народы так и орали на всяких там конференциях, особенно на заседаниях Альянса Унифицированных Наций:

- Одобря-я-ямс! Одобря-я-я-амс!!!

И их бурные, продолжительные аплодисменты переходили в непрекращающиеся овации.

Был я в этом амэурыканском АУНе. Большой и местами светлый обком партии. С наглядной агитацией, со скульптурами Вучетича и Церетели. Спросите, что меня больше всего поразило там? Отвечу как есть. Обшарпанные драные кресла в залах заседаний и выдранные из подлокотников лингофоны с наушниками, те самые, по которым идёт перевод. Какой там обком партии... сельский клуб made in USA, блин! Амэурыка, Амэурыка... (петь на мотив заокеанского гимна).

О-о, демократия! химера из химер!

*«На грани тысячелетий наш мир
совершил глобальный переход из
марксистско-капиталистической
формации в прогрессирующую фазу
постидиотической хренократии»*
Юрий Д. Петухов

Но больше всех Амэурыку и демократию любили в обновлённой Эрэфии, которую люди знающие и понимающие с августа девяносто первого года называли звучно и красиво – Россияния.

В Россиянии не было противников демократии.

В Россиянии вообще не было недовольных.

Зато был в Россиянии один самый главный и самый страшный оппозиционер. Настолько страшный, что когда он на площадях начинал сверкать белками, скрежетать зубами, играть желваками и вопить: «Долой антинародный режим!», все со страху разбегались по домам, сидели тихо-тихо и думали про себя – уж лучше пусть режим проклятуший остается, пусть уж иго поганое, иноземное, американское, только не этот чтоб!

Вот такой страшный был оппозиционер.

И был он лучшим другом старика Ухуельцина. Поэтому в народонаселении его так и звали, ласково и душевно,

– Ельцюганов, а иногда – Зюгаельцин. Но настоящее его имя было поп Гапон.

Частенько сидели они со стариком Ухуельциным, пили водку и ругали демократию.

- У-у, сука! – твердил старик Ухуельцин.

- Сука, - подтверждал поп Гапон.

- Да при царе, понимаешь, я б их всех к ногтю! Всех, понимаешь, жандармами...

- Дык ты ж сам царь? – не понимал поп Гапон.

- Царь, - соглашался старик Ухуельцин.

- А чего ж не слушают?

- Сволочи, понимаешь...

Нет, не любили они демократию.

Однажды старик Ухуельцин в сердцах принял указ об отмене обязательного школьного образования. Поп Гапон тот указ подписал и утвердил в Полубоярской Думе большинством хорошо оплачиваемых оппозиционеров. Но спросил у друга:

- А внучок как же?!

Старик Ухуельцин подумал немного, дня три, и отправил внука на учёбу в Англию. Вот так.

Народным защитником был поп Гапон.

А жены их в то время на балконе вязали носки. Одни на двоих. А потом, как свяжут, давай викторину устраивать и в фанты играть. Позавязывают мужьям глаза колготками, поставят их на карачки – и ну те ползать, фанты искать. Кто первый схватит зубами, тот и выиграл, тому и носки.

Поп Гапон завсегда ловчее был. Но выигранные носки не носил. А брал их с собой на площадь, натягивал на чучело старика Ухуельцина.

И начинал вопить:

- Долой, понимаешь, антинародный режим!

И сжигал чучело вместе с носками на страх и без того запуганному народишку... Частенько они менялись местами. Любил старик Ухуельцин в народ ходить. Переоде-

нется, бывало, как багдадский халиф, в сермягу - и в народ. Но народ со страху ничего не замечал.

Впрочем, что это я о чём-то былинном и кондовом, какой там народ, так, людишки какие-то, ни то ни сё - «сволочи всякие, понимаешь», как говаривал один матёрый старик.

Старику Ухуельцину всё время что-то шпунтировали, шунтировали и пересаживали. То ему сердце возьмут и пересадят, то уши, то к голове новое тело, толще прежнего, пришьют. И сколько он ни говорил - не надо, понимаешь, нескромно это, - врачи-вредители его не слушали - соберут консилиум, пошушукаются злобно, и пересадят что-нибудь. А чтоб народишко не перепугался, и вовсе, объявят - дескать, срочно заключен в клиническую больницу и прооперирован ... по поводу насморка и гриппа! А особо доверенное лицо добавит важно: «Во время операции президент работал с документами».

И народ сразу успокаивался. Главное, чтоб не сообщали, что там в документах!

За полгода до исхода в обетованную Ерец Исраэль Моня купил себе черную хассидскую шляпу и отрастил пейсы чуть не до пола (он их начал отращивать ещё за год). Так и ходил. Презирая всех вокруг. Ненавидя Россию-суку. И тоскуя о первородстве.

Ходил до тех пор, пока одна проститутка не подложила Моне свинью. Она его привязала ночью к спинке кровати - за пейс. И отвалила. Моня едва не оторвал себе голову. Ещё б немного и схлопотал бы инфаркт или вялотекущую шизофрению. Пока понял, что к чему, чуть с остатков ума не сошел.

Дело пахло холокостом.

И надо было принимать меры.

Перво-наперво Моня разослал по всем прогрессивным редакциям письма с пламенными обличениями махрового и зоологического антисемитизма в Россиянии...

Потом выступил на «Ухе Московии». Горячо и пылко.

Недели три по всему миру стоял невообразимый гвалт и ор. Миротворцы из НАТО привели свои дивизии в полную боевую готовность и только ждали приказа – защитить попранные права... Ищейки из КВНТВ тут же разыскали под Москвой десяток массовых захоронений...

Но мудрый старик Ухуельцин отдал мировым миротворцам очередной шельф с островами и Магниткой. И страшное дело, папахивающее холокостом, замяли.

От блядей Моня отказаться не мог. И потому срезал пейсы. Бог в душе должен быть, а не на ушах ... Но шляпу носил исправно. Шляпа была клёвая.

*«А число Богородицы – восемь,
а знак её – осьминог»*

Вера в странной стране Россиянии была крепка как мороз в Рождественскую ночь. Верили истово.

Кто в Кришну, кто в Чумака с Кашпировским, кто в Марию-Деви-Христосию, кто в отца Ермолая, кто в какого-то писателя-фантаста – то ли Айзека Азимова, то ли Гарри Гаррисона, а вероятнее всего в Дона Хуана Кастанеду по прозвищу Рон Бах или Ричард Хаббард. Веротерпимость была нешуточная, местами лютая...

Миротворцы с другой стороны круглой Земли так и сказали – коли не будет веротерпимости и сексуальных меньшинств, блин, всех перехерачим на хер! Во имя мира и толерантности на всей планете! Миротворцы были крутые, и потому с ними связываться никто не хотел. Стали формировать меньшинства.

Махровые консерваторы-старорежимщики тайно и с опаской продолжали верить в старого Иисуса. Их ещё не жгли. Но дымком из тёмных подворотен начинало папахивать... недобрым дымком.

И тогда старик Ухуельцин – на то время ещё закодированный и почти трезвый - самолично пришёл во храм.

То ли с госдепом перепутал, то ли с ЦКБ. Пришёл.

И простоял там часа три со свечой в руках в полной задумчивости и отрешенности. Чем страшно напугал мирный церковный люд. Было это перед какими-то выборами куда-то. То ли в бундестаг, то ли в кнессет.

Бояре, полубояре и прочая челядь сразу поняли, какому богу надо молиться.

Но чтоб не попасть впросак и не опростоволоситься сдуру, дали команду срочно понастроить по всей стране мечетей, пагод, синагог и языческих капищ... Никто не знал – куда в следующий раз занесёт мудрёного старика Ухуельцина.

Но поняли все. Духовность – во главу угла!

Бояре поняли, дьяки приказные поняли...

И патриархий понял.

Тысячу лет Русь Православная стояла – по документам о крещении. На самом деле, и все две, – ежели верить не патриархам присланным, а апостолам... Скажем, апостолу Андрею – Первозванному Руси.

Лично я, грешный, думаю, что Андрей Первозванный был не намного глупее некоторых иерархов-патриархов и прочих знатных экуменистов. Пресвятой Андрей в своём апостольском кругу значился известным авторитетом.

Правда, патриархии наши благолепные и нынешние историки многоумные ничего не знали об этом.

Они знали только про Шлёцера, который сказал им, что Русь крестили через тыщу лет после апостола Андрея. В кругу историков и патриархий немец Шлёцер был, видно, большим авторитетом, чем какой-то там апостол, пешком с клюкой доходивший до Киева и Новгорода... Шлёцера возили в каретах. А те, которых в каретах возят, понятное дело, важнее и ценнее, чем всякие кто бродит туда-сюда с клюками и посохами. Любой патриархий знал это как «Отче наш». И чтоб он из кареты-мерседеса, да с клюкой в Новгород... Тыфу! Прости, Господи.

Много патриархов сменилось за века – копили Русь Святую, крепили веру Православную. И была та Вера. И

была Церковь Божия. И не было никаких хаббардов и прочих деви-мария-приба-бахов, а были бесы бесноватые.

Всё так и было, покуда Русь в Россиянию не перекрестили*. И пришел тогда ещё один патриарх – с самым благообразным ликом. Поглядишь, и тут же умилишься, экий благой и праведный. Такой, что уж и не патриарх, а патриархий целый. Имя у него было тоже благодное, богоугодное. А фамилия то ли Бирмингер, то ли Герсинфорс, а скорее всего, Ридикюль.

Так вот этот патриархий Ридикюль всюю-то Русь Святую за пару лет начисто перестроил и перереформировал на епархии зарубежные, то ли греко-католические, то ли римско-греческие, то ли просто на «белые братства», а в срединной епархии вздумал новую веру внедрить – правоверный экуменизм, а может, и православную саентологию. Только всё никак с римским папой не мог встретиться, чтоб тот благословил. Папа был чьим-то там наместником на Земле, то ли Иеговы, то ли Саваофа, а может, и Кетцалькоатля, он очень любил всех благословлять – даже там, куда его не звали.

Без папиного благословения патриархий Ридикюль свою паству обрезать в праентологическое экуменославие не решался. «Мировое сообщество» могло не понять.

Сам Ридикюль благословлял только старика Ухуельцина. Особенно, когда тот сволочей, понимаешь, к ногтю и жандармами! Любил патриархий отдавать кесарю кесарево. Уж больно благодный и богоугодный был.

«А юдоль земная Богородицы есть Россия...»

Однажды подписал Ухуельцин указ, чтоб наконец навеки отсоединить эту надоедливую Украину. Оппозиционер Гапон большинством указ в Полубоярской Думе утвердил, узаконил униатский договор. И возрадовался.

* Вариант – «обрезали».

А старик Ухуельцин говорит:

- Радуйся, тать, народишко теперь меня с ухой съест!

Поп Гапон долго молчал. А потом признался:

- А я, понимаешь, думал у тебе фамилиё от другого слова...

Вот так они и жили, душа в душу, народонаселение глядело и просто умилялось.

Старик Ухуельцин был в те времена Генеральным Президентием страны Россиянии, той самой, которой её океанские друзья не разрешали сползать с рельсов реформ и съезжать с пути развивающейся демократии.

История этой страны началась в 1991 году.

Это была самая молодая страна в мире.

Поэтому она у всех всему училась.

Чтобы не изобретать велосипеда.

Даже роман кто-то написал «Россияния молодая». В этом романе генеральный президентий-реформатор был ну чистым Петром Первым.

Народ запоем читал роман и лил слёзы, сочувствуя новоявленному петру – один пёр воз в гору, все остальные норовили под гору, понимаешь, сволочи... особенно дремучее и нецивилизованное народонаселение этой молодой и глупой Россиянии!

А до старика Ухуельцина эта непонятная и странная страна звалась как-то иначе, никто не помнил как, то ли Тюрьма Народов, то ли Поле Чудес, то ли Империя Зла, то ли просто Эта Страна, во всяком случае так говорили про неё и писали в газетах. А в газетах не соврут!

И правил этой Империей Чудес один шустрый и болтливый генеральный интриган. Он всё болтал, интриговал, словоблудил, шустрил, учил всех чему-то, чего ни он сам, ни кто иной понять не мог – и доучился, дошустрился, доинтриговался: разрушил, развалил и разгромил всё, что смог, дотла, до дыр и прорех. Вот страну и переименовали. За это одна очень дружественная держава, помогавшая шустрому и весёлому интригану разрушать нерушимые союзы и стены, назвала его самым лучшим Херром.

Это была огромная честь. Да, и сам Херр-интриган так и сказал на весь свет:

- Это для меня огромная честь, господа!

Но лучший Херр не только выводил свои войска отовсюду и громил всё вокруг. Он ещё и всех вокруг мирил – мирил и мирил целыми днями. Бывало ночи не спит – всех мирит. И до того домирился, что сотни тысяч разных нервных людишек взялись за винтовки, топоры и дубины – и нет, чтоб примирителя палками поколотить - переубивали и перекалечили друг друга – и пошли бесконечные войны, и полилась повсюду кровь...

За это лучшему Херру самые главные миротворцы планеты, посоветовавшись с Заокеанией, дали самую главную и самую большую премию мира на свете. От гордости Херр раздул щеки и оттопырил нижнюю губу - и сразу сделался похож на Мусолини, ну, вылитая копия.

Эх, хороша страна Херрмания, но Россия лучше всех! Пардон... Россияния!

А дело было в том, что лучший Херр охерел задолго до получения знатного звания лучшего Херра. Просто этого старались не замечать – охерел, ну и хер с ним! Странная была страна, загадочная.

Однажды старик Ухуельцин пришел к охеревшему Херру и сказал:

- Слушай, ну ты, понимаешь, совсем охерел!

Тот засуетился, заерзал, задёргался и вспотел. Очень он догадливым был.

А старик Ухуельцин добавил со свойственной ему мужицкой простотой:

- Так что, понимаешь, давай выбирай – или в дурдом или на хер отсюдава!

Короче, вот так охеревшего лауреата и послали на хер с его должности.

Остался он почти без охраны. Человек сто всего приставили стеречь охеревшего миротворца. Любой мог подойти к нему и плюнуть в рожу. Или просто пришибить.

Запросто. Как в Писании: «каждому по делам его...»

А в стране было под миллион отчаянных патриотов, готовых за родину на амбразуры и виселицы – они так и кричали на самых крутых и бесстрашных митингах: «Да мы за Родину нашу нерушимую ни хрена не пожалеем, да мы прям щяс в смертный бой за неё пойдём и все как один помрём! Да мы всех узурпаторов и провокаторов к едрене-фене и к ногтю! Ух, мы их гадов!»

Но ни один из этих патриотов так и не подошел к охеревшему и посланному на хер Херру и не плюнул в его миротворческую рожу. И не пришиб.

И ни один гад не пошёл к едрене-фене.

И ни один державник не помер в смертном бою.

Загадочные жили патриоты в Россиянии!

Некогда им было с херрами херней заниматься, они всё время готовились к выборам. Разрушенная родина могла и обождать, чай, молодая ещё!

А дни катились.

Время шло. И углыбление углыблялось...

Мусолини повесили за ноги. Товарища Наджибуллу (лучшего друга и бывшего товарища Херра) повесили за шею. Иуда повесился сам. Совестьливый был еврей. Таких больше не найдёшь. Всякую мелочь предательскую вешали за хер или топили в нужниках.

Охеревший Херр ждал своей очереди. И всё думал: за ноги его повесят, за шею или за самое святое? А вдруг в нужнике утопят?! И начинал тихо ненавидеть весь наро-дишко отсталый, так и не понявший нового мышления и великих замыслов великого реформатора-философа. Думал и ненавидел, в основном, за границей – там было меньше патриотов и больше денег. Там могли дать ещё какую-нибудь премию. И немного пиццы. За рекламу. Иногда и за какую-нибудь важную государственную тайну... правда, с последним было труднее, старик Ухуельцин все их скопом продал.

Убрать президента! Однако...

А кто осиротевшей Россиянии отцом будет?

Кто спасёт и укроет от злобных международных террористов и страшного, ужасного писателя Лимонова?!

Народонаселение в душе-президенте души не чаяло!

Ах, как он катился на лыжах со склона, ах! Непоспевавшая охранка тысячами расшибала себе лбы, ломала хребты и конечности... А он всё катился и катился! Вверх-вниз! Вверх-вниз! И слёзы умиления и тихой радости катились из глаз восхищенных и радостных россиян...

Вова катит по лыжне! А мы по уши в дерьме! Уря-аа!

А тем временем один прогрессирующе ненормальный, совершенно лишившийся здравого ума писатель, классик и авангардист, идеалист законченный и, по мнению вышеупомянутых патриотов, явный провокатор, всё вызывал к охерительно умному народонаселению, выбравшему пепси и тампоны. Население над ним подхихикивало и подхехекивало. И потому смешные и нелепые воззвания этого сумасшедшего назывались так:

Напрасный глас тщетно вопиющего в пустыне:*

«Братья и сёстры! Любимые и дорогие! Россияне незабвенные! И чего это вы раззявились на заход солнышка, чего бородами дорогу метёте?! Всё одно, хоть искланияйтесь, изугодничайтесь... а любимыми не станете... Хоть на пузе изъелозьтесь! Не полюбят они вас, умри, не полюбят! Ей, Богу! И херр Питер нам борода стриг да головы рубил, всё хотел голландцами сделать, всё прорубал окна всякие в европы. И «просветители» велеречивого века Екатеринушки нас всё просвещали, тянули за уши у вольтеров учиться, всё пеняли и тем и этим. И «революционные демократы» стыдили кондовостью и сиволопостью, всё причесать норовили не еловой шишкой и не граблями, а гребешком италийским. И разночинцы разные уж клеймили и поносили с пеной у рта – и квасные мы, дескать, и посконные, и мужики у нас по-французски

* Рекомендуем пропустить.

*не говорят – это надо ж стыд-то какой, позор! Все нас с вами переделывали на разный лад, стригли, рубили, бомбами в нас бросались... для нашей же пользы. А мы и переделывались, во все глаза в европы глядели – всё углядеть, угадать да угодить хотели. Мол, господа хорошие, вы только намекните, мы вам угодными в миг заделаемся! И делались, и угождали: из посконных в бонтонных, из квасных в шампаньерских, из белых в красных, из коммунистов в монетаристов, из милитаристов в пацифистов, из тоталитаристов в педерастов... И всё не так, всё не этак. Ну, никак им не угодить, хоть ты расшибись в лепешку. И-ех, братья и сестры вы мои россиянские, угодливенькие! И не старайтесь! Никогда не угодите, хоть в коровий блин по мостовой расшибитесь! Не нужны вы западу ни красными, ни белыми, ни голубыми, ни партнерами, ни товарищами, ни братьями, ни холуями. Сгодитесь вы, бедолаги никудышные, на худой, конец, только мёртвыми мертвяками. Землю вашу взяли, газ-нефть забрали, золотишко-алмазы схапали, леса да поля, жен да дочек ещё приберут. А вас в землю, да поглубже, да чтоб тихо, чтоб и духу русского не слышать – чтоб в навоз, в перегной для будущих всходов!**

Для всего света хуже русского никого нету. Уж так повелось. Уж так с молоком ихних матерей впиталось в мозги европейские.

Мало они на нас, сволочей, крестовыми походами и ордами ходили, мало побивали и жгли, мало добра повывезли! Надо было больше и чаще.

Виноватые мы! Виноватые во всём! Каяться нам перед всем светом надо! На коленях прощение вымаливать! Не вымолим!

Хороший русский – мертвый русский. Деньги даёшь – ничего, потерпим. На коленях стоишь – ладно, бить не будем, погодим. Слово вякнул – получай по мордам в харю! И не забывай проценты платить! Европа! Цивилиза-

* Цитатка, прямо из душки Лёвы Троцкого, того самого, что Мониного паню-шлемазела на руках качал.

ция, едрёна-матрена! Уж как мы её любим, души не чаем! Все за неё сдохнуть готовы! Уж так любим, аж до визга поросычьего?! До безумия!

Вот она - загадочная русская душа!

В неё плюют, а она нараспашку!

Запад наша смерть. Но мы мазохисты. Нам нравится!

Запад – спасение и хозяин для тех, кто нас ограбил, обчистил и продолжает убивать. Уважаемые люди! Мы их очень уважаем и мы всегда несем им наши деньги. И всегда голосуем за них.

Простота хуже воровства. Только у нас воровать не надо, господа, мы сами все отдадим! Уже отдали ... мы простые, куда проще! Берите нас...

Политика реформ – мы так любим её! особенно те тридцать миллионов, которые уже сдохли от этих реформ! и триста миллионов, которые стали нищими и забитыми! Но мы никогда не свернем с пути реформ!

Сдохнем все (кроме олигархов и президентов), но не свернём! Мученическую гибель примем! А не свернём!

И запад поможет нам не свернуть!

Эти миротворцы, блин, только ждут, когда мы начнём сворачивать... У них на каждого из нас по три «томагавка», по нейтронной бомбе и ящику иприта.

Воистину, кого Господь хочет наказать, того лишает разума... А с другой стороны, можно ли полоумных лишить ума?

Сие мраком покрыто и тайною велицей. Аминь!»

Вот такую белиберду и ахинею писал ненормальный писатель. Население просто покатывалось со смеху над ним, просто животы надрывало... Умное население уже давно выбрало тампоны, демократию и жвачку. Оно было нормальным, прогрессивным и смотрело мексиканские сериалы.

А этот ненормальный их не смотрел.

Этим писателем был я.

Каюсь.

Таким уж я уродился – злобным человеконенавистником, махровым шовинистом, красно-коричневым национал-патриотом, тоталитарным империалистом, оголтелым фашистом, пещерным антисемитом-жидоедом (так меня называют одни), и ещё безродным космополитом-provокатором, злейшим русофобом, продажным сионистом-жидолобом, тайным масоном, замаскированным атлантистом, агентом ЦРУ и приспешником глобалистов (так меня называют другие).

А я их всех называю просто обалдуями. Пациентами палаты... Да что там, мы все пациенты этой жизни №8.

Одна радость, временные.

Мы сидели с Кешей на веранде его ближней дачки в Огарево. Он опохмелялся рассолом. А я клял себя, что опять впустую теряю время. Мне надо было добивать роман про Гуга Хлодрика – читатели замучили напрочь, любопытные, всё хотели знать, что с ним случилось на Преисподней, так называлась планета-каторга, куда старого доброго разбойника упекли без суда и следствия. Я и сам хотел дописать этот роман, мне интересней было жить в двадцать пятом веке, чем вариться в этом нынешнем дерьме*... На носу была экспедиция на Евфрат, там сворачивали новые раскопки, опять ариев нашли, многим это не нравилось, а мне надо было успеть, пока всё не закатали катками и не зарыли бульдозерами – билет на Дамаск лежал в кармане, надо было перечитать пару работ по третьему тысячелетию до нашей эры в Месопотамии... А я торчал на этой даче! Кеша, гад, прислал за мной людей, мол, срочно! горит! И я поверил.

Простота хуже воровства.

Его немного подстрелили. Охранка. Просто пощупать решил. И напоролся. Две пули в плече, одна щёку обожгла. Палить начали с ходу, не разбираясь, как только свернул на заветную дорожку с шоссе. Ни знаков, ни вывесок,

* Лыжник скачет по лыжне, а мы по-прежнему в говне...

ни предупреждений... просто не суйся! Но взять не успели... Теперь неделю будет пить. И отпиваться.

Кеша действовал как профессионал. А на профи есть профи, это знает любой болван. Профессионала может объехать на кривой только любитель. Гениальный любитель. Кеша хотел въехать в рай на моём горбу. В киллерском деле я был любителем... точнее, вообще никем и ничем. А я не хотел тратить времени на пустое дело.

И ничего в голову мне не лезло.

Мы сидели на веранде, за стеклами была чёрная российская ночь. И какая-то чёрная обезьяна в телящике обучала детей и юношество как безопасно заниматься гомосексом и лесбиянством. Это было модно. Это было свободой слова и гласностью. Писателей не пускали в телящик. Пускали только обезьян.

- Ну, и для кого мы работаем? – мрачно спросил забинтованный Кеша. – Для этих подрастающих пидоров?!

Обезьяна имела квартиру в Новом Йорке, получала там зарплату при Альянсе Унифицированных Наций и ещё кое-где. Здесь она была миссионером, светочем демократии. Раз в год ей вручали ордена и медали, а каждые полгода давали госпремии. Сам президентий целовал её чёрную лапку, лично благодарил за огромный вклад в просвещение дремучей и нецивилизованной Россиянии. Патриархий Ридикиоль осенял обезьяну размашистым крестным знамением и молился за неё. Он хотя и не являлся в отличие от Римского Папы личным наместником Иеговы на земле, но то же страстно жаждал быть великим прогрессистом и реформатором.

Пока Кеша хмурился и чванился, обезьяна начала проводить у мальчиков и девочек из её юной аудитории опрос, по сколько раз в день они мастурбируют. Тут же завязалась оживлённая дискуссия, как повысить качество и количество оных процессов... А кончила обезьяна тем, что вообще-то всё это надо проходить в школе, в младших классах, и только кондово-пещерные пережитки совдеповского тоталитаризма не дают развиваться юной рос-

сиянской демократии вширь и вглубь. Ликованию аудитории не было предела. Обезьяну засыпали розами, пионами и гладиолусами, а потом понесли на руках из студии... наверное, получать очередную правительственную награду. Мы не досмотрели. Кеша запустил в экран бутылкой из-под шампанского... Экран остался цел. Только канал почему-то переключился. Теперь два огромных бугая-спецназовца, заламывая руки, тащили куда-то тощего мальчишку-солдата, который, чтобы не подохнуть от голода, стащил на базаре в Грозном какую-то кость с прилавка. В следующем кадре откормленный военный прокурор строго вещал, что «по делам мародерства у мирного населения уже возбуждено двадцать тысяч уголовных дел, сорок тысяч солдат-срочников отправлены в тюрьмы и дисбаты, а в качестве компенсации мирным чечено-ичкерцам уже переведено из федерального центра двенадцать миллиардов рублей...»

- Слушай, - спросил меня Кеша. Он был абсолютно трезв. - Ты бы пошёл сейчас служить?

- Нет, - ответил я.

- И я бы не пошёл. Я лучше отпилил бы себе палец пилой... Эти мальчонки просто святые... мученики... ты читал когда-нибудь про первых христиан, которых скамливали львам на потеху публике?

Я кивнул. Я всё читал, я всё знал, даже то, о чём Кеша не имел ни малейшего представления. У нынешних ребятшек, которых уничтожали в свободолюбивой Чеченгии, судьба была пострашнее... Первые христиане хотя бы знали, за что они гибнут. Эти не знали. Их просто загоняли в кровавую мясорубку, где с обеих сторон были их враги: одни резали им головы, взрывали, расстреливали, другие морили голодом, холодом, гнали на пулемёты и под гранатомёты без права на ответный выстрел, бросали на смерть в горах и пуще смерти травили военными прокурорами... Ребята были святыми. Великомучениками. Но они не знали об этом. Ни одно гомосущество из тех, с которыми сюсюкалась в телеящике чёрная обезьяна, не

продержалось бы там, в этой бойне, и получаса... А русские мальчишки держались. И это было всё, что осталось от умершей России...

- Мы не вытянем это дело, - вдруг сказал Кеша.

- Не мы, а ты, - поправил я его.

Я знал историю. И я знал, что наша история кончилась. И началась история чёрных обезьян. И можно перебить хоть всех президентов, премьер-министров, губернаторов и народных избранников по всему белому свету – ничего не изменится. Ни-че-го!

Мы ждали Эры Водолея.

А пришла Эра Чёрных Обезьян.

И наплевать...

Я жил в будущем. И в прошлом. Точно зная, что никакого настоящего нет.

А жизнь-житуха текла себе хмельной рекой.

Как-то на одном из митингов непримиримый оппозиционер Ельцюганов совсем разошёлся – нахмурился, набычился, напыжился до зверовидности необычайной. И как заорёт с трибуны благим матом:

- Долой, понимаешь, антинародный охуельцинский режим! Доло-о-ой! – и ещё чего-то такого, чего пером не описать. – Долой продажных американских ставленников и марионеток!!!

Народишко так и прыснул от него. Бежать! Бежать, куда омоновских и натовских витязей не кликнули! Каждый бежал, трясся и думал про себя: ну и матёрый же этот главный оппозиционер, ну и крутой бунтарь за счастье народное - прямо Стенька Разин! чистый Пугачёв Емельян!

И у каждого сердце пело: хрен с ним, с режимом оканным! главное, чтоб пронесло! Не все ж такие матёрые и бесстрашные как этот заступник наш, дорогой товарищ Ельцюганов.

Во как завернул!

Сам пьяненький старик Ухуельцин* рыдал перед телевизором, жевал сопли и рвал рубаху на груди.

- Так их, понимаешь, марионеток! Совсем уели! Давай, Гапоша, дава-а-ай! Обличай сволоче-е-ей! Ставленники проклятушие! Режим ненавистный, понимаешь! Иго за-океанское! И-ех, Гапоша, жги, не жалей гадов, один раз, понимаешь, живё-ё-ём!

И уж совсем было бросился к вертушке – в посольствие американское звонить и гнать иродов с земли русской, всех до единого и навсегда, понимаешь. Да так и не позвонил – они ж нехристи, души россиянской понимать не могут, ещё с должности снимут, вернут в завхозы по стройкам – куда ему тогда, кругом же сволочи одни!

- И-ех, Гапоша, разбередил ты мене рану старую. А всё одно, люблю стервеца!

Кликнул референта-холуя.

- Давай-ка, брат, за пузырьём сгоняй да заодно указ заготовь, чтоб Гапона к самому главному ордену за заслуги перед Россиянией!

Помощничек поглядел на старика Ухуельцина внимательно, и тот понял, что опять чего-то не то, понимаешь, сморозил. Насупился, накукожился. Переменил волю. Но про пузырь оставил. Волевой был старик, кремь.

Демократы на него намолиться не могли. Батюшка!

Как-то раз старик Ухуельцин решил, что с него хватит. Народ, сволочь, всё равно не ценит. Придворные, прихлебатели хреновы, того и гляди сожрут. Детишки родимые ославят на весь мир... Вспомнил он про охеревшего Хера, не знавшего меры. И сказал:

- Дорогие россияне!

Потом подумал и добавил:

- Только, понимаешь, чтоб дачу, резиденцию, машину, охрану и закон – мол, полная амнистия, всё списать и забыть, понимаешь, и чтоб не трогать и даже косо не гля-

* Он к тому времени совсем раскодирился.

деть! И не только меня, а чтоб всю семью, родню, близких и... А то, понимаешь, не уйду!

Потом ещё немного подумал и опять добавил:

- И пенсию, и лечение за границей, и орден Гроба Господня, и почетное звание Пожизненного первого Генерального Президентия всея Россиянии!

Потом ещё малость подумал, ухи поел.

Съездил на Святую землю.

Выпил как полагается. Помолился. Про грехи свои страшные начал вспоминать.... ни одного не вспомнил. Безгрешный был, видно. И заключил:

- Я вообще-то, понимаешь, приехал на святую землю... Вижу, тут у вас, нормально всё, свято... и я, понимаешь, чувствую себя нормально... значит, я кто есть? - и сам ответил глубокомысленно, аки философ, обращавший Владимира Красное Солнышко: - Значит, я и есть, понимаешь, святой...

Матёрый был старичище.

Но местные фарисеи, чистоплюи и крючки, его поправили - мол, святым должны иерархи объявить, после смерти, и то ежели с мощами всё обойдётся, не прокиснут и не протухнут.

Старик Ухуельцин окинул мутным взглядом свои обильные «мощи» – нет, помирать он не собирался, куда там, скажут ещё! и мира-то не повидал, всё в хлопотах, а надо в этом, понимаешь, цивилизованном заграничном миру пожить малость... И поправился:

- Президент я... святой! Вот!

Это было другое дело.

Все дружно захлопали в ладоши. Хоть кем себя обзови, только с глаз долой, надоед уже! А Бирмингер, он же Ридикюль утешил:

- Мы тя ещё канонизируем... Погоди.

Какой-то юродивый, сидевший возле собора Рождества Христова прямо в Бет-Лехеме (по-русски Вифлееме) вякнул по простоте:

- Грех канонизировать царей-иродов! Богородица не велит!

Совсем юродивым был, понимаешь.

Только Ридикюль его ногой пнул, клюкой ткнул. Да и анафеме предал. Больше на всём белом свете не было кого анафемам предавать.

«А кто брата тронет, завалю», - сказал брат. И завалил. Дай тебе Господь удачи, Кеша!

Бет-Лехем городишко серый, желтый и пыльный, поселкового типа арабский городок. Храм там такой, что коли заранее не скажут, что храм, пройдешь мимо, да ещё и плюнешь.

Большое видится издалека. Сердцем.

А вблизи большое расплывается. И остается мелочь всякая: мусор повсюду, жара, туристы-уроды бестолковые, всегда в шортах, хоть в храме, хоть в конюшне, всегда с банкой пепси в руке и открытым ртом – Европа! культура! и ещё – поп-полунегр, благословляющий тут же за доллар, суета, истерически набожные итальянцы – о-о, Италия! и снова жара, снова мусор, мусор, мусор, мусор, мусор... мусор и суета. Торговля.

Иисус изгнал торгующих из Храма, даже с площади возле Храма прогнал. Бичами. Скрутил из сырых вервей и кож такие бичи, чтоб кожа на спине лопалась... И по-свойски, по-христиански, в песи и в хузары, в лапшу и капусту, чтоб впредь неповадно, чтоб на всю жизнь! В его библейские времена орденами не торговали...

Господи, сподобь быть подобием Твоим! аки и созданы мы все подобиями Божиими; дай в руци моя бич! Уж я отведу душу! Не мир, но меч! Как Ты учил...

Ладно, не надо меча.

Дай плеть! И силу! И волю!

Ибо проповедям время вышло, ибо не мечут бисера пред свиньями... торгующими и жующими. А изгоняют их. Как Ты изгнал...

Нет ответа. Нет силы... Нет воли...

Тьма. Мрак. И подкладка в промежности демократии.

Я был в Вифлееме трижды... или четырежды.

Тогда там было мирно и тихо, несмотря на суету... и горы мусора, мусора, мусора.

Сейчас там арабы бросаются в евреев камнями. А те (прогресс с ветхозаветных давидовых времен) – пулями, газами, огнемётами, снарядами, ракетами, бомбами и «международным общественным мнением» - в арабов.

Дело семейное. И те и другие семиты. Конечно, обидно, досадно... Но не назовёшь же несчастных семитов-палестинцев антисемитами... эх, вот коли б камнями бросались какие-нибудь русские!

Уж на этих бы фашистов управа быстро нашлась.

На гоев поганых!

Бывал я в этом Бет-Лехеме.

За колючей проволокой. За вышками как в фильмах про немецкие концлагеря. Вся земля обетованная в этой проволоке и вышках – прямо не Ерец Израель, не Филистиния родимая, а Дахау с Освенцимом.

Бывал.

Но Моня был раньше. И до сих пор ещё стояла здесь на площади пред Церковью Рождества Христова его унылая скорбная тень. Даже стотонный мерседес старика Ухуельцина не смог её раздавить... Вот так.

Монин призрак видели не все.

Я видел.

Моня трясся и грозил Храму кулаком.

- И года не пройдёт, аки поглотит тебя земля...

Моня был похож на безумного пророка. То ли на Иеремию, то ли на Иоанна... нет, нет, он был отнюдь не крестителем. И вопил только потому, что твердо знал, на его святой иудейской земле никаких таких храмов с крестами стоять не должно! Они ему ещё в поганой России-суке надоели. Моня так и говорил всегда, как Синявский, он же Даниэль, или Израэль, или Абрашка Терц, не помню я этого литературно-лагерного януса, но люблю мерзавца за смелость, по-христиански люблю (а как мне ещё любить!) Так и говорил в сердцах, брызжа праведной слю-

ной (не от ума, конечно, какой там ум, а от страстной обиды и любви) – Россия-сука, мол! сука – Россия!

Я знал, что нынче Моня в первопрестольной ходит с крестом на животе и истово клянёт всех вокруг нехристями. Но здешняя тень про нынешнего Моню ничего не знала. Призрак пророка был вечен в пространстве и времени. Как вечно изрыгнутое в пространство проклятие.

Одутловатые, томные арабы его не видели. Они видели меня, и в их черных масляных глазах была одна загадка – чего бы слупить с этого иноземца-иноверца, с этого лоха залётного.

А я стоял и проникался. Точнее, пытался проникнуться святостью здешних мест. Не получалось, к сожалению. Вот старик Ухуельцин сходу проникался, понимаешь, и освятел. А у меня, понимаешь, не получалось! Видно, не готов ещё был, не созрел. По мне, нехорошему человеку, чтобы пропитаться насквозь духом святым, прежде надо было изгнать отсюда – и подальше! – всех торгующих: арабов, иудеев, эллинов – и всех покупающих козлов – мельтешащую и наглую иноземно-туристическую шоблу.

Привычное махровое человеконенавистничество, отчаянная мизантропия обуяли меня.

Не хотелось любить ближнего своего! Ну его на хер!

Пусть другие любят этих козлов, каинов и авелей!

И опять и снова хотелось, подобно Иисусу, взять в руки кнут с шипами. А лучше гранатомет... нынешние и кнута ни хрена не понимают.

Приехали, понимаешь, к святыням! А взглядишься в рожи – кто за елеем, кто за долларовым благословением попа-полунегра с опухшей лиловой рожей, кто за орденами, кто за призраками...

Торгующие во Храме!

Да, крутой был мужичок Иисус Христос (не святотатствую, но восхищаюсь земной ипостасью). Правильный! Конкретный! Реальный пацан!

Нет! Тогда и не пахло здесь стариком Ухуельциным, и до упразднения его с должности было далеко... но сердце

не проведешь – знало оно, какая непотребность в самом чистом (духовно) и святом (тоже духовно) месте готовится. Наверное, и Монин унылый призрак неким подспудным это знал – евреи, они чуткие! всё наперед знают! недаром их бедный Моисей сорок лет по пустыням водил. Намайлся бедолага. А ведь все в один голос кричат, даже еврей Фрейд, что сам Моисей-то не был иудеем, и был не Мойшей, а Мосхом, и даже языка не знал – при нем брат толмачом состоял, переводил. Вот, хлебнул, несчастный! Вот кому орден Гроба Господня надо бы! Посмертно!

А дали почему-то старику Ухуельцину... Может, за то, что он мог любого в гроб загнать? Даже народ целый, страну целую и даже содружество ещё каких-то там стран?!

Синклиту виднее.

А я так и думаю – дали за то, что Россию распял, народишко в гроб загнал... а сам, аки Лазарь, из гроба выполз. Всех надул, всех вокруг пальца обвёл. Хитрый, блин, старичишко-то паучишко. Хитрей самого Ирода-батюшки.

Господи, прости меня грешного!

Возлюбил я Тебя. Но где же Твой бич?!

- Вы слышали новость, - голос в трубке был знакомым, но у меня уже развивался склероз и я никак не мог вспомнить, кто это говорит, только предстали пред внутренним взором вдруг фуражка с дикторской тульей и милицейские штаны, - не слышали?! У вас ещё двух соседей уколошили! Сверху и снизу! Одного зарезали, другого удавкой придушили. Следовательно грозитя с работы уйти, папок для дел не хватает!

- Ну, и нечего дела заводить, - посоветовал я, - бюрократии и так с лихвой. Зарезали и зарезали. Дело какое!

- Во! и мы так думаем! – мой юный друг-участковый, а это был не кто иной как он, обрадовался. – Чуть не забыл! вам ещё поклон низкий от батюшки, книжку он прочитал – говорит, только после неё по-настоящему в бога-то и уверовал, стал как-то чище и духовней, говорит, надо бы вас к лику святых причислить...

Я оборвал юношу, не мешало бы и меру знать:

- Вот сожгут, потом пусть и причисляют...

На прошлой неделе я замышлял было Кремль штурмом взять. Доподлинно было известно, что в тот день гарант прятался именно там. Я написал огромный транспорант: «Долой узурпаторов! Всю власть народу!» И пошёл на Красную площадь, точнее, к бывшему музею Ильича-Бланка, где всегда толпились самые матёрые патриоты. Они были просто керосином, бензином, гексогеном – только спичку поднеси! Они всё время орали, горланили, стучали по булыжнику кулаками и касками, кипели, бурлили и столь пламенно и праведно негодовали, что, казалось, только брось клич – и народный гнев будет и свят и безудержен. Пламенным революционным массам не хватало только воздья. Я возомнил о себе, что на какое-то время мог бы выступить в этой неблагодарной роли и повести народ на штурм демократодержавия, этого самого тираничного изо всех тираний ига. Я даже просчитал варианты: ежели нас наберутся многие тысячи и ярость наша будет священна, то мы сломим любые преграды и препоны, мы просто свергнем это иго и растопчем его; ну, а коли масс не хватит, то надо будет тихо и смиренно подойти к Спасским воротам и попросить, чтоб делегацию ходоков из благодарного населения благодарной Россиянии допустили до лицезрения великопрезидентской сиятельной особы для передачи благодарственной петиции оному... а там... там, в древке моего транспоранта была полуметровая игла с ядом кураре, от которой впадают в столбняк – уж пусть лучше в столбняке полежит, отечеству на радость – а я не промахнусь, не такой уж я вшивый интеллигент... впрочем, об этом я уже намекал выше. Оставалось самое простое – поднять массы.

Масс было человек тридцать. В основном, старушки, которых не добили в 93-м, старики-ветераны, недодавленные демократами на 9 мая, несколько сумасшедших и просто кипящая от негодования революционная моло-

дежсь. Ещё издали узрев меня с плакатом, они все как-то насторожились, насупились, притихли. Глаза их стали колючими и внимательными. Все знали друг друга, были проверенными боевыми товарищами... и вдруг.

Мне не дали сказать и слова.

- Провокатор, - прошипела какая-то бабуся в кумачовой косынке и с комсомольским задором в очах.

- Ясное дело!

- Не наш! – заключил юноша с красным флагом.

Они точно знали, кто должен ходить с транспорантами, а кто нет. Они вообще знали всё и всех...

- Товарищи! – обратился я к ним. – Вчера было ещё рано. Но завтра будет поздно! Промедление смерти подобно! Москва за нами... Победа или смерть!

- Чего-о?! – хором удивились революционные массы.

Я опомниться не успел, как у меня отобрали плакат, самого скрутили и доставили по назначению – в приемный покой «фээсгэбэ» на Кузнецком мосту.

Там меня вежливо препроводили за решетку. Бдительные революционные массы пошли на выход. Но дежурный остановил их:

- Сотрудник Пассионария!

- Я! – бабуся с задором в очах бодро развернулась.

- А расписаться в сдаче провокатора... опять забыли!

К вечеру меня выпустили. Какой-то в штатском, солидный и важный, ознакомился с протоколом, поглядел на меня сквозь решетку и сказал дежурному:

- Да я его романы читал... ну, загнуть умеет! фантазер! такая крутая фантастика, только держись, не оторвёшься, от корки до корки за ночь!

- Это не фантастика – подал я голос из-за решетки. – Фантастику не пишем, увольте!

- Да ладно вам, - примиряюще заулыбался солидный, взял со стола у дежурного какую-то книгу и сунул мне, - подпишите, пожалуйста, на память, будьте любезны!

Это была моя «Бойня». Дежурный читал её тайком, под столом. И наверняка, не помнил фамилии автора.

Хотя на обороте перелета было моё фото.

Я подписал. И спросил:

- Протокол тоже на память?

- Протокол вам, Юрий Дмитриевич! Может, этот эпизодик в какой-нибудь романчик вставьте, а? Только тогда нас не забудьте, ладно? – он крепко пожал мне руку, выпуская из-под замка.

- А как же игла с ядом кураре? Её куда?! – поинтересовался дежурный, печально глядя вовсе не на иглу, а на книгу, которую у него зажиллил шеф. – С иглой как?

- Засунь её себе в жопу, - посоветовал солидный.

- А вам спасибо! Просто огромное спасибо! – он ещё раз пожал мне руку двумя своими крепкими ручищами. – За ваше творчество! Я после ваших книг даже как-то чище делаюсь и духовнее... скоро, видно, в бога уверую...

- Да нет там у меня ничего про бога, - открестился я.

Но он замотал головой, явно намекая, что умеет читать между строк.

- И ещё вам спасибо огромное за одно доброе и нужное государственное дело, просто земной поклон!

- Это ещё за что? – не понял.

Солидный замаялся. Но потом разъяснил:

- Да мы тут один департамент, понимаете, сокращать намеревались... да как-то всё не знали как подойти к делу... В общем, вы нам очень и очень помогли!

Эх, как бы мне самому стать духовней и чище! как бы возлюбить эту жизнь со всеми её козлами и апостолами!

Я опять вернулся домой морально и духовно разбитым. На этот раз прямо из Стокгольма. Ещё три дня назад я бродил по острову Бирка (Бьёрка, от русского «берёза, берёзка»), что в озере Меларен. И душу мне бередили не*

* Со шведского так и переводится: «берёза», или «берёзовый». Как известно, шведский язык впитал в себя с древнейших времён (с тех пор, когда в Скандинавии жили русы-викинги-варяги) много славянских и русских слов. Собственно, шведы как народность появились лишь к ХУШ веку (прим. редакции).

мои воспоминания. Тысячу лет назад, и раньше, здесь жили предки-пращуры, русы, одни из первых русских, что переселились потом на берега Ладоги и Волхова, а чуть позже по Днепру дошли до Киева и Царьграда. Русское кольцо замкнулось в Новом городе и стольном граде Кия – северные и южные русы сошлись, чтобы узнать друг друга и наконец-то создать Русь-Россию... против науки, против археологии с лингвистикой не попрёшь, чего бы там ни писали прохиндеи от политической истории в своих энциклопедиях и учебниках. Прохиндеи-академики любили ездить в Стокгольм на симпозиумы и конгрессы. И потому они сочиняли в академических трудах про «несмысленных словен» именно то, что им заказывали смышлёные «шведы»... Впрочем, плевать на них! Целых три недели, отрешенный от современного сверкающего и заплеванного жвачкой мира, я жил в доброй старой Руси, под небом священной Балтики, где плавали ладьи моих русских предков, безраздельно владевших ещё не нынешней «объединенной Европией», а исконной Европой без границ и без сомнительной валюты «евро»*... О, Русь, взмахни крылами!

Возвращаться приходилось в перестроенную Россию, населённую народонаселением демократическо-челночной национальности, в основном, полуспившимися древлянами, бойкими хазарами и настырными печенегами, что наконец взяли все грады и монастыри, кои оне осаждали тысячу лет кряду.

Прежде возвращавшийся с чужбины первым делом шёл в церковь, а лучше в монастырь, и ставил свечку во избавление. Ныне же, как писал покойный Василий Макарыч, по монастырям сидели черти... да и традиция стала более цивилизованной – откуда ни воротясь, первым делом включать телеящик. Голубую икону в красном углу.

* Один старый мудрый еврей говорил мне, что название «евро» пробила еврейская диаспора Европы, дабы отпали последние сомнения в том, кому принадлежат европейские денежки (автор). Зайер клиг! («Очень, понимаешь, умный!», идиш).

Так я и поступил, чтобы просто узнать последние новости. Ведь за пределами отчизны любезной новостей про неё, кроме злых наветов, не сообщали. Последние годы самые злые наветы шли изнутри... И всё же я нажал кнопку... И из телятника высунулась злобная голова Мусорокиной. Эта голова тут же сообщила последнюю новость:

-... удалось предотвратить! Неудавшийся исполнитель международного терракта был задержан в эпицентре неудавшегося покушения! – голова источала благородное негодование и лютую ненависть, с губ её вместе с брызжащей слюной летели капли смертельного яда. – Машину, в которой ехал всенародноизбранный генеральный президентий, разорвало в клочья! Обломки разметало в радиусе трех километров! Специалисты говорят, что сила взрыва была эквивалентна тремстам тоннам тротила! Это чудо! это просто счастливое предзнаменование, что гарант демократии и реформ не пострадал! Он отделался лишь легким расстройством желудка... и уже приступил к очередным переговорам по передаче очередных островов очередным партнерам...

Я всегда знал, что трясущаяся Мусорокина до зуда в кишечнике ненавидит «эту страну» и все двести миллионов русских фашистов. Мой приятель в Нью-Йорк-сити показывал мне её квартиру, точнее, дом, где эту гарпию приводят в себя, после бомбардировочных рейдов на Россиянию. Он качал головой и цокал языком... и я понимал, что яд гарпий ныне в цене. Но не всякому дано его источать. Я не стал говорить приятелю, что у каждой головы, постоянно торчащей в российских телятниках, есть дома и квартиры в «большом яблоке». Я не хотел его расстраивать. У многих помимо того были ещё виллы в Майями. Что рядом с этими жуткими телеголовами многоголового телевизионного змея жалкие академики и их «стокгольские симпозиумы»! Да, это была власть! Посильнее всяких там стариков Ухуельциных, патриархий Ридикюлей, попов Гапонов, мальчишей-кибальчишей, «чикагских» бойскаутов и прочих микки-маусов!

Но суть была в том, что говорила эта гарпия.

- ... по сообщению из надежных источников сам глава международных террористов Ас-Саляма ибн Ал-Ладин заплатил за голову генерального президентия десять миллиардов евроdollаров, часть из которых пошла на погашение процентов по долгам за прошлогоднюю переподготовку ибн Ал-Ладины в спецлагерях ЦРУ... А это вновь напоминает нам о деньгах партии, которые пропали неизвестно где! – глаза у Мусорокиной от гениальной догадки, озарившей её прямо во время эфира, окончательно остекленели и чуть не вывалились. – Золото партии!!! Так вот куда уходит тоталитарный след пресловутой КПСС...

Мегеру понесло по таким кочкам, что мне стало тошно. Я хотел уже закрыть её хищный клюв. Просто вырубив телящик. Но тут извержение её зудящего кишечника внезапно пресеклось... Гарпия позеленела, уронила из трепетной ноздри черную каплю... И процедила будто в изнеможенном, томном бессилии:

- Как нам только что сообщили, по халатности и разгильдяйству сотрудников органов безопасности, исполнителя терракта отпустили вместе со случайными прохожими свидетелями, которые все заявили, что они несвидетели... – изнеможение гарпии было красноречивее всех слов: ну чего ещё, мол, можно было ожидать в этой стране от этого народонаселения! – Осталась только подпись несвидетеля-террориста в протоколе, составленном на месте преступления генеральным генерал-прокурором...

Протокол появился на экране.

И я узнал Кешину подпись.

-... и ещё фоторобот, составленный по описаниям неизвестной старушки, пытавшейся перейти трассу перед кортежем генерального...

На экране появилась Кешина физиономия, будто нарисованная художником-халтурщиком с Арбата. Это был он! О-о, хазары и печенеги!

Триста тонн тринитротолуола! А ведь я сто раз твердил ему: только серебряные пули и осиновый кол!

В девятом классе Моня с двумя друзьями-однокашниками изнасиловал историчку. Вернее, так говорили – «изнасиловали». Историчка особо и не упиралась. Сама заманила в пустой класс после уроков – на факультативные занятия.

- Дверь на стул закройте, чтоб не мешали!

И уселась на стол, сверкая голыми ляжками.

- Вызывать буду по одному.

Моня поглядел на Гешу и Илюшу, те подмигнули. И Моня вспомнил их рассказы, как они, якобы, в автобусе, по дороге в школу, в привычной толчее чуть ли не каждое утро лапали историчку за все её выпуклости, смачно прощупывая их, а она, якобы, жеманилась, хихикала, похохатывала и томно прикрывала глазки.

Историчке было за сорок. И фигурку она имела весьма аппетитную. Но по стервозности своей не имела ни мужа, ни любовников, как, впрочем, и большинство учительниц их школы. А естество брало своё.

Вот так.

Моня сидел ни жив ни мёртв. И не мог поверить в дикий фарт. Он даже приготовился, что сейчас придётся что-то там лепетать про стачкомы и большевистские «пятёрки». Но случилось иное. Историчка широко и зазывно раздвинула пухлые ноги. И Моня увидел, что трусиков на ней нет.

- Асатрян, – вызвала историчка, - к доске!

Илюша послушно поднялся...

Дальше никакой очереди не получилось. Через три минуты на историчке остались одни туфельки, очки, шелковый платочек на шее и заколочка в волосах. Моня страшно страдал оттого, что у него не шесть пар рук – такой женской плоти и в таком количестве он ещё не видал. Балерины были в сравнении с этим пиршеством любви вегетарианской пресной закуской.

- Мальчики, - томно извивалась в их цепких объятиях историчка, - не все сразу, вы меня с ума сведете...

Впрочем, жарко шептала она недолго. Совсем скоро для её пухленьких губ нашлось занятие более лакомое. Чему она с педагогическим самозабвением и отдалась.

Сладострастная была классная дама.

Моня не помнил, что и как случилось. Они слились в какой-то жаркий, пульсирующий комок, где всем было место, где всё менялось, где хотелось успеть оторваться по полной программе...

Историчка поощряла их томными и возбуждающими вздохами. Всё было ослепительно и безумно, как в постмодернистском балете. Но...

Стул упал с двери, когда Моня кончал прямо во влажные, с размазанной помадой губы. Илюша мерно раскачивался с прижатым к чреслам восхитительно круглым задом. Геша сопел где-то снизу, совершенно очарованный налитыми упругими грудями...

Завуч осторожно прикрыла за собой дверь. Похоже, она решала, что делать: кричать, возмущаться или присоединиться к этому пиру плоти.

Опытная историчка сообразила первой.

- Насилуют... – пролепетала она, судорожно сглатывая момино парное семя, всех этих обреченных на съедение живьем будущих (точнее, небудущих) мальчиков и девочек. О-о, сколько неродившихся душ поглотила эта пылкая людоедица – само воплощение страстной и алчной Астарты. – На-а-а-асилуют, о-о-ооо!

Так и родилась версия о «насилии».

После которой историчку из зависти выжили со школы, а на Моню и его дружков учительницы стали смотреть как-то уж слишком пристально и плотоядно. Их долго журили, корили, но сора из избы выносить не стали.

Моня ходил по школе героем. Девчонки с него глаз не сводили. И каждая до лютой ненависти ненавидела «этих старых кляч училок», отбивающих у них пацанов, каждая во снах и грёзах видела себя на месте этой нахальной старухи-исторички. Как в песне, из которой слов не выкинешь: не любите старых девок, хватит с вас молоденьких!

Моня ещё три месяца с лишним ходил на «факультативные» занятия к изгнанной историчке. Домой. Что они только ни вытворяли. В постели с этой жрицей любви можно было делать всё, что угодно... Но вне постели она превращалась в тирана, в деспота. И Моня всегда старался быстрее сбежать из её дома-ловушки. А она пыталась его удержать. Грозила. Трижды била. Хватала за ноги в прихожей... А потом снова в постели, или возле неё, или в ванной, или на кухонном столе, или прижатая к стене в прихожей шептала на ухо: «ты мой зайчонок-еврейчонок!» И Моня начинал понимать, что это не он её, как стало модным чуть позже говорить, трахает, а что это она выжимает его как лимон, крутит и вертит им на все лады с каким-то изощренным бабьим иезуитством, коварством, хитростями – извращенно и тонко... что он раб её страстей, что он игрушка... У неё были глаза стального цвета и профиль Евы Браун. Моня ощущал, что от неё пахнет холокостом. Зайчонок-еврейчонок! Он начинал понимать, что ни один взрослый мужик при таком тиране и деспоте долго мучиться не стал бы. И всё равно тянулся к этой сладкой и властной бабёнке, годившейся ему в матери.

Он знал, что и Илюша с Гешей захаживали к историчке. Но всегда порознь. Она больше не сводила их вместе. Хотя и мечтала о таком дне.

Но не дождалась его.

Историчка внезапно забеременела. Невесть от кого. И решила рожать... В сорок шесть лет.

Моня с не юношеской трезвостью понял – это шанс.

И всё же разрыв ему дался с трудом.

Много ночей он стонал, кричал и ворочался во сне, принимая подушку то за пышную упругую грудь утраченной пассивности, то ещё за черт-те что...

Я знал эту крутобедрую историчку. О-о, это была ещё та хищница, сушая львица... Я еле унёс от неё ноги. Но Моня про хищниц пока ничего не знал, он с поистине иудейской горячностью постигал этот мир, он жаждал всего

и сразу. И обижался, когда не получал этого «всего и сразу». У Мони были такие гены. А с генами не поспоришь.

Монин дед ещё перед смертью спятил от этих генов, от избытка чувств и жажды всё вокруг переиначить, перестроить, переколпачить и перелопатить к дьяволу.

Эка невидаль! Таких дедов пруд пруди. Мы вообще живем не в безумном мире, а в мире самых заурядных безумцев и вялотекущих шизофреников.

Скажи мне, молча, «да»... Да? Да! Назову себя р-р-реформатором и перехерачу всех к херам собачьим! надоели суки! По ком плачет старый добрый еврей Жигимонт Фрейд... По тебе плачет, мон шер ами! Доставай и ты свой «аказм» с чердака.

Жизнь №8, милости просим!

Да, наша планета, Земелюшка родимая, принадлежит сумасшедшим обалдуям. Так уж получилось.

У меня просто чердак дымится от всего этого. Две башни на Манхеттэне – как два рога у чёрта!

И сказал Господь, поглядев на дело рук своих – это хорошо-о... Нам остается лишь добавить, это очень, блин, хорошо! просто замечательно...

С той поры Моня навсегда распрощался с комплексом неполноценности. И даже завел шашни с мамашей одной девчонки-одноклассницы, влюблённой в него по уши. Кончилось тем, что ему пришлось ублажать и мамашу и дочку... Моню хватило на полгода. Через эти полгода они его укатали до полусмерти.

Вот это был удар! Удар наповал.

И ежели прежде Моня ненавидел эту страну умом, то теперь он возненавидел её всем своим большим и пламенным сердцем.

Ох, уж эти проклятушие русские бабы! Антисемитки поганые! Правда открылась Моне. Они его специально извели, умышленно обессилили... чтобы прервать еврейский род! А скольких таких как он уже сгубили эти суки!

Это был какой-то заговор... И он пал его жертвой. Он, у которого вся настоящая жизнь ещё только там, в обетованной Ерец Израельской! Ведь обетовано всем евреям! значит, и ему, Моне... сволочи! все антисемиты!

Вначале Моня хотел повеситься.

Потом передумал.

Он будет им мстить!

Да, я родился на Чистых прудах, в самом центре Москвы, в самом центре России. Теперь там стоит нефтяной билдинг. Теперь и там, и здесь ничто не принадлежит русским... и русским татарам не принадлежит, и русской мордве... и даже русским евреям тоже не принадлежит... ну, разве двум-трём... а остальным нет.

У нас украли всё.

Один старый мудрый еврей в Нетании на проспекте Теодора Герцля, что упирается в Средиземное море, сказал мне, плача:

- Они украли у нас всё... Сталина на них нет!

Профиль Иосифа Виссарионыча светился в свете полной иудейской луны с медали «За победу над Германией», что висела на его потрёпанном пиджачке среди других медалей и орденов.

Этот старик тоже был с Чистых прудов.

Они украли у него всё... Кроме права судить их по делам их... Он был везучим стариком. Русские старики уже давно перемерли от голода и холода, на них как всегда не хватало ни газа, ни нефти.

Чистые пруды... застенчивые ивы...

Стэн знал, что с этими русскими церемониться нечего. Был бы предлог... И тогда, самое лучшее накрыть всех разом... особенно сейчас, покуда они там, уроды, «перенацелили свои ракеты» - то есть вывели из них боевые программы и задачи. Так могли поступить только полные придурки и кретины, это Стэн знал точно. А придурков и жалеть нечего. Придурков надо учить. По полной программме.

Лет тридцать назад один тип из «конторы» в Лэнгли показывал ему секретные тогда планы разгрома этих придурочных русских... Ядерный блицкриг проходил под названием «Дропшот». Президент, Пентагон и прочие шишки, короче, те, кто и есть Соединенные Штаты Америки, не размазывали соплей по подоконникам ООН и прочих богаделен, созданных как прикрытие «конторы». Первым ударом триста атомных бомб должны были разнести в пыль семьдесят крупных городов этой Империи Зла. Одновременно ещё двести тысяч тонн прочих снарядов и бомб за пару часов заливали океанами огня сто других городов... Промаха быть не могло – подавляющую часть населения Союза ждала неминуемая – хе-хе! – кремация... Он вспомнил паршивую девку, скривился. Память проклятая... все дела надо доделывать до конца, так его мать с отцом учили... Русских ему не было жаль, ещё бы жалеть эти исчадия ада... Потом по плану триста пятьдесят дивизий должны были ворваться в Россию со всех сторон при поддержке десяти тысяч боевых самолетов и семьсот пятьдесят кораблей должны были высадить десант – полный захват всей территории – всей! – всеми силами НАТО и Штатов, и главное – физическое истребление противника! затем расчленение Союза на зоны, постоянная дислокация войск... План был блестящим... для 1950 года. Потом планы планировали покруче... и везде главным было – уничтожить население, пусть не всё – всё никогда не уничтожить, по щелям забьются! – но хотя бы девяносто процентов этих придурков!

Пришли времена и секретные планы перестали быть секретом... их даже публиковали неединожды... народ Штатов читал, смотрел, соглашался – всё верно, русских надо как тараканов!!! Появлялись новые планы – и старые в сравнении с ними были жалким лепетом детенышей-грудничков...

Но Стэн знал. Планировать можно всё что хочешь. А на деле... На паршивую Сербию все страны альянса бросили тысячи самолетов, миллионы тонн взрывчатки, урановые

стержни... а толку? Ни хрена не вышло! Если бы русские шестерки не заставили Милошевича подписать мир, от НАТО остались бы одни ошметки – это было ясно всем как день. Русские придурки – а может, просто подлецы, – вонзили такой нож в спину Сербии, что всей мощи НАТО и Штатов не хватило бы на часть рукояти этого ножа. Да, русские умеют вонзать ножи в спину своим друзьям...

Это знают все. Кто с ними станет дружить.

Нет, проще их перебить, всех до единого.

И хватит уже болтовни... Нет страны, нет вопроса. Нет населения, нет проблемы.

Все думали о русских на один манер – и в Пентагоне, и в Кремле. Всем они мешали...

Так думал даже Стэн, у которого был русский дедушка. Так думали и сами русские, у которых русскими были дедушки, мамы и прабабушки... Это была единственная нация в мире, которая ненавидела и презирала саму себя.

А тем временем шла в Россиянии война – не большая, не малая. Так, пустяки. В день всего по сто человек убивало и калечило. Война была нужная, хорошая, справедливая. Только её все не завершали, кучу денег тратили – только чтоб не завершить. А всё потому, что в Россиянии народу слишком много было, особенно русских, развелось, понимаешь, сволочей! Вот их и сокращали.

Так Заокееания хотела, мировое сообщество, Европа и весь «цивилизованный мир» – а то, понимаешь, развелось! Вот им и придумали Чеченегию, которой прежде не было.

И дело пошло на лад. А кто из русских не хотел убиваться на войне, того спаивали насмерть – все запреты и монополии на пойло сняли, все налоги отменили, только чтоб русских проклятых вывести. Да и другим людям дать подзаработать. В основном людям иноземным, с лицами явно кавказской национальности. Впрочем, что на них грешить. И они совесть имели, делились с кем надо. За это эти лица все чиновники-сановники любили. За это, видно, и дали им ярлык великокняжеский – собирать с

этих проклятых русских дань, покуда они не передохнут. И все были довольны...

А как же иначе – демократия, милые мои!

Ух ты! ах ты! все мы демокрахты!

В Чеченегии пропал какой-то корреспондент. Какой-то Бубнитский или Пупницкий. Но я знал – никакой он не Пупницкий, а Моня! В первой своей аватаре. Моня-пострел везде поспевал.

А ещё я знал, что Моня нигде не пропадёт. Если надо ещё и ислам примет, и сам с выкупом-калымом возвратится. А потом напишет мемуары про благородных моджахедов и Россию-суку.

А может, и не вернётся. А останется там муфтием или «бригадным генералиссимусом». Его ещё и в новостях покажут: «историческая генеральная встреча – нет, саммит! только саммит! сейчас «встреча» не говорят! – исторический генеральный саммит генерального президентия Россиянии с генеральным генералиссимусом-муфтием Ычкер-чеченежской джамахирии!»

О-о, Моня Гершензон! Мой лучший друг! Лицо интернациональной национальности!

Нельзя ниоткуда уезжать.

Никогда и никуда.

Как только уедешь, что-нибудь да обязательно случится. Или наводнение, или землетрясение. Третьего дня плывешь себе, бывало, из Пирея на Микonos или Наксос паромом-экспрессом. Есть такой «Агапитос-экспресс», в Греции всё есть. А назавтра передают – паром затонул, семьдесят утопленников. Намедни гуляешь по храму царицы Хатшепсут в Долине Мертвых, что, как и положено, на западном берегу Нила*, а через неделю, как только уехал – сообщают, два автобуса туристов расстреляли, один изнасиловали и... тоже расстреляли, и ещё трем головы

* У египтян запад ассоциировался со «страной мертвецов» – забавно, не правда ли? Нам бы помнить, на кого мы молимся.

поотрубали, террористы. Стоит покинуть благословенную Русскую Калифорнию, где русское солнце восходит над фортом Росс... и кошмарное цунами Бэби Ку с жутким тайфуном по кличке Крошка Дафни заливает даже рай олигархов Бодегу и, о Боже, и без того закрытая роуд намбар ван закрывается чуть ли не официально... а ураганы и смерчи, сносящие эти томо-сойеровские, нафнафовские и нуф-нуфовские американские соломенные домишки! Амэурыка, Амэур-рыука-а, тра-та-та-та...

А как вам нравится пожар на крыше небоскрёба Сирс-тауэр, где вы пили отвратительный амэурыканский «капучино» вчера вечером... Это страшнее автобусов в Долине Мёртвых. Ибо с небоскрёба один путь – на небо.

А «близнецы» в Нью-Йорке? Два рога дьявола... Ай, шайтан! Вай, шайтан! Было... и нету.

И всё без нас. После отъезда...

Но ведь при нас не насиловали! не стреляли! не тонули! не трясло! не заливало водами! не сносило! не полыхало синим пламенем! не сшибало самолётами местных авиакомпаний!

Это не планета, а дурдом какой-то.

Палата №8. Милости просим – всех перекосим!

Что, не хотите? А вы уже в ней!

Только прилетели из Штатов. И на тебе, по телевизору – «конкорд», вылетевший туда же – будто нам на замену – упал, сто девять трупов. Непадающий, блин, «конкорд», содранный с нашего абсолютно непадающего военного бомбардировщика, который уже тридцать лет летает и не падает, а этот взял и упал, и именно на взлете в Америку... Сумасшедшая цивилизация полных кретинов и обалдуев. Интересно, сколько они заплатили, чтобы разбиться на «конкорде»?

А Монин призрак? Вы не слышали... Он до сих пор висит над Манхэттэном. Взобрался на скайдэку, поглядеть с ВТЦ на «блудницу вавилонскую» (так иногда называют «большое яблоко»), а тут летающий борт «Америкэн эйрлайн» рейс «Бостон - Башня №2»... и ку-ку. Обломки ба-

шен уже вывозят. А Монин призрак не знает, как ему спуститься вниз... и получить назад деньги за обзор.

Жизнь № 8.

Милости просим. Со своей смирительной рубахой. Да-да, у нас заказ по пошиву смирительных рубашек опять сорван. В психбольницах снова амнистия. Всех в честь победы демократии и сто семнадцатилетия со дня рождения бабушки мировой революции Клары Цеткин выпускают на волю (оседомленные люди говорят, что для новых придурков места не хватает).

Не имеющих собственных рубашек «конкордами» отправляют в Америку с экскурсией на небоскрёбы Всемирного Торгового Центра.

Туда им и дорога.

Амэурыка, амэурыка-а, тра-та-та-та-та ...*

А я стою у Стены Плача в Иерусалиме. И прячу в самую глубокую расщелину-дыру меж огромными библейскими камнями бумажонку со своей страстной молитвой:

«Господи, умири всех этих идиотов! Излечи бесноватых! Нет от них нам ни сна, ни продыху! Замордовали Россию-матушку своей демократией! Имя им легион... а нас, русских, скоро по пальцам перечесть Ты! Вконец извели нас реформаторы-сволочи... Спаси, Христа ради! И дай мир всем – и русским, и иудеям, и чеченцам злобным, и берендеям мирным, и немцам, и ненцам, и туркам, и чуркам, и козлам, и эллинам, и апостолам Твоим и всем, сотворенным Тобою! А кто хочет перестраиваться и обновляться, пусть себя обновляет и перестраивает, а в чужой карман не лезет! Ограбили нас до нитки борцы за права наши! Перессорили всех и ставили миротворцы-гуманисты, кровью залили аж до неба! За что Ты, Господи, наслал на нас саранчу эту смертную! Хуже казней

* Петь на мотив американского гимна, исполняемого незабвенным Элвисом Аароном Пресли.

*египетских нам наказание демократией проклятущей!
Спаси нас, Господи, покуда есть кого спасать...»*

Чёрные хасиды в черных шляпах поглядывают на меня с прищуром, мол, а этот странный тип без кипы на затылке, этот гой несчастный что тут делает, не осквернит ли святыню, негодяй? откуда взялся? как прокрался? Их много. Я один. Белая ворона. Но стена общая. И бить не станут... а может, и станут. Не знаю. У них свой бог. У меня свой. Там, на Небесах, разберутся. Ему, Единственному, нашему Русскому Богу, и молюсь я, к Нему взываю. Ибо из Россиянин Он моих призывов и мольб, моих молитв и стенаний не слышит.

А Стену я не оскверню... Ибо нет во мне скверны.

Как Иов молю: «Испытай мя, Господи, - выйду чистым золотом!» И дай этому прокаженному миру излечиться... (испытал... не вышел... каюсь!)

И тихо в Святом граде Ершалаиме, древлерусской Ярусе – тихо и мирно...

Так было, полгода назад. А сейчас смотрю, как на экране толпы палестинцев – в Святом граде Иерусалиме! в самых святых местах! – забрасывают камнями трясущихся иудеев, а солдаты палят в них из автоматов, бросают гранаты... Такого, вроде, никогда не было! В секторе Газа, в других местах, да, были, сам видел... но чтобы здесь! Дикая, кровавая бойня! Десятки убитых, тысячи раненных... В Святом граде уже десять веков, почитай, не было войн*, битв, сражений (ха-ха!), здесь все ладили, всегда... И вот смерть, кровь, гарь, пожарища, слёзы и снова кровь, кровь, кровь...

Зачем я уехал оттуда?! Зачем... При мне всё было спокойно и мирно!

Я просто мирносец какой-то (только прошу не путать с «женами-мироносицами»)! А впереди Армагеддон...

* Были, были! ещё и какие! а какие будут, о-о-о...

Господи, что будет с Россией, если я когда-нибудь надолго уеду из неё...

«А что в ней хорошего и доброго сейчас, когда ты здесь!?» – отвечает мне Господь.

Моня покинул Святую землю до этой жуткой бойни. Ему повезло. И ладно, иначе он был бы в самой гуще... Иначе он просто не умел, ведь ему всё равно предстояло пасть «на той единственной гражданской...»

Моня понял, что «на исторической родине» никакой он не еврей, а самый что ни на есть русский, и хоть ты лоб расшиби, никому там ничего не докажешь – из России-нии, значит, русский – всё! печать! штамп! - русский!

Лбом об стену!

Русский еврей? нет, просто – русский! и всё!

Русский! Хоть тресни! Хоть обрежься до ушей! Хоть пейсы до пят! Хоть вызубри наизусть Тору и весь (о-о-о, Боже праведный!) Талмуд! Хоть что... Русский!

Да, братья и сестры мои... именно там, в святой, заповеданно-обетованной Ерец-земелюшке Израелевской (которую один мой добрый друг, еврей, называет запросто – Израилевкой), именно там Моня и понял – как херово быть русским!

В ночь школьного выпускного бала Моня с Микой Каменским, тоже знатным внуком знатного деда, в подвале заброшенного дореволюционного доходного дома, что стоял напротив их школы, ублажали дурочку-семиклассницу из соседней школы. Она забрела на их бал и была очарована двумя статными, жгучими и лишь совсем немного прыщавыми юношами. Она сама пошла с ними на край света.

Дурочке хватило трех глотков портвейна из бутылки, чтобы основательно окосеть.

И всё же она не поняла своего счастья. Она вопила и пыталась кусаться. Моня с Микой быстро научили девочку хорошим манерам, надавав ей оплеух. А чтоб по-

малкивала, легонький плащик заворотили на голову. Зад у девчонки был тощий, но крепкий. Моня долго не мог возбудиться и злобно щипал семикласницу за её тощий зад, будто она была виновата. Оба точно знали, что дурочка этой ночью будет гордиться до самого замужества, уже на завтра станет задаваться перед подружками, нос задирать и привирать, как её обхаживали, и какими красавцами были парни с которыми она разделила чудную ночь любви – а подружки будут вздыхать и злобно завидовать счастливице, и ждать, когда же их приметят... и заташат в подвал.

Моня с Микой не спешили. Хотя их очень ждали на выпускном балу.

Моня с Микой прощались с молодостью.

Им было светло и грустно.

Оба успели сделать своё дело, когда в подвал забрёл местный участковый. Он было окрысился на парней, но когда узнал, из какой они школы, да из какого дома на набережной, извинился, дал дурочке пинка под зад и припугнул, что коли ещё приставать станет к порядочным людям, доставит в участок. Перепуганная насмерть семикласница испарилась, будто её и не было.

А Моня пошутил:

- Дурак ты, сержант, мог бы и сам натянуть деваху...

- Третьим был бы, - добавил Мика.

Мент обиделся.

- Ну-ну, не балуй! – погрозил он ребятам. И ушёл, грызя семечки.

От греха подальше.

Мент был смышлёный, и имел доходное место.

Моня с Микой вернулись на бал. Прощальный вальс!

Через три года Мика уехал в Канаду к доблестному папаше-разведчику. И оба остались там, правда, ещё через год Мика прислал письмо из Чикаго. Моню за это письмо в университете по-отечески взгрели... хотя по глазам членов комитета Моня видел, Мике завидуют все – он давно не встречал таких горящих и масляных глаз.

В комитете тоже были сплошь внуки и правнуки самых знатных и невероятно пламенных революционеров, как, впрочем, не менее знатных и просто полыхавших революционным огнём комиссаров. Неуёмная библейская кровь пожизненных демиургов кипела в их жилах. Моня знал, был бы на его месте какой-нибудь русачок-дурачок, запросто вылетел бы из комсомола и из университета. Но русачков в их учебном заведении почти что и не было... что-то Моня таковых не встречал.

Не за них пламенные деды-прадеды мёрли в Гражданскую. Не для них светлую жизнь внукам строили. И всё равно кругом был холокост, преследования, гонения, геноцид и травля – про это Моня знал точно. Его учили жить в осажденной крепости среди людоедов, шовинистов, мракобесов, фашистов и погромщиков.

И потому Моня напевал под нос, истово и обречённо:

Я всё равно паду на той,
на той единственной гражданской,
И комиссары в пыльных шлемах...

Пророкам и комиссарам всегда жилось трудно. Особенно в «этой стране». Таков был их удел.

А ныне Моня занудно и безнадежно доказывал кому-то что-то совершенно тому ненужное:

- Ведь еврей, болван, он же как лягушка в молоке. Молоко – это народ, понял? Застойтса и прокиснет на хрен! А еврей дергается, дрыгается, ножками тоненькими сушит, хе-хе! – ножки тоненькие, а жить-то хочется! – сам трепыхается, и молоко сбивает – сметана будет, усёк, олух! Без еврея этого прокиснет молочко, выбросят на помойку, свиньям выльют... Вот так. Шлемозелы хреновы! Ну, бывает – и утонет лягушка, вечная память! - вздохнул Моня. – Туда ему и дорога! Жиду проклятому!

А я не мог понять – какая это ипостась Монина. Русоедская ни за чтоб не стала унижаться перед всякими там гоями до разъяснений... Или... Я не додумал...

- А кто сметану жрать станет?! - спросил вдруг бестолковый гой. Ему было плевать на утопшую лягушку.

Моня надулся. И изрёк с надрывом:

- Жрут нас, брат, все кому ни попадя! Особенно жида пархатые и масоны!

Лик его стал каким-то просветленным и праведным, ни дать ни взять – Серафим Саровский в молодые годы или сам Святой Николай-угодник с ранними залысинами во лбу. Никола... заступник...

И мне вспомнились почему-то в бредоватом унынии, граничащем с безмятежной тихой радостью, две молоденькие супружеские пары ещё не ведающего печалей возраста, коих довелось повстречать в одном кратком плавании по средиземноморским просторам. Сидели мы с ними за одним столом в ресторане прекрасной «Принцессы Марисы» (той самой, что потом, разумеется, сгорела и затонула*) и они всё мололи мне какую-то несусветную чушь про какого-то Санта-Клауса. Чушь была бесконечная и беспроглядная. Как тёмная ночь над пучиной.

- ... и пещеру показали, а потом кость какую-то в музее, мы ржали, блин, Санта-Клаус турецкий! Упад! Оборжётся! Мы оборжались... просто супер-пупер какой-то!

Это была клиника. Палата для тихих идиотов-весельчаков, дебилов-балагуров и писателей-злопыхателей.

- Какой ещё турецкий? – переспросил я, совсем очумев.

- Дак он же в Турции жил! – радостно пояснила молоденькая глазастенькая женушка рассказчика. – Мы просто уржались все... дед-мороз турецкий!

- Кто?!

- Санта-Клаус! Кто же ещё!

- В какой Турции?!

- В турецкой, блин!

Пока я понял, что речь идёт о святом Николае из Мир Ликийских, что эти русские ребята никогда про него не

* Это бред... но это чистая правда! факт!

слыхали (про Николу-угодника! про самого почитаемого на Руси святого! чудотворца, который жил в IУ веке в Византии, за тысячу лет до турецкого кошмара на славянских землях!), что это экскурсоводы-идиоты рассказали им про своего «санта-клауса» для слабоумных (а ихний «микки-санта» в восприятии олигофренов-западников и есть доступная для их мозгов калька-комикс с нашего настоящего Николая Святителя... увы! увы! увы! блин, просто уржаться можно, супер-пупер какой-то, блин!), что теперь у них в головах мусору больше, чем во всём Бет-Лехеме... пока я понял всё это, прошла вечность.

О-о, жизнь номер восемь – милости просим!

О-о-о, я сам, наивный, – отпечаток динозавра в грунте под хайвзем!

Мезолит с кайнозойем!

Мне надо было просто выйти на палубу, прыгнуть за борт, в ночную безмозглую пучину и утопиться, подобно джек-лондоновскому герою-сочинителю. Правда, тот был не меньшим болваном, чем эти милые и юные мои попутчики, безмятежные пациенты необъятной палаты №8. Но всё равно! всё равно! утопиться! в пучине! раз и навсегда! для чего я пишу! для чего писали тысячи и тысячи до меня! для чего мучились, страдали, сгорали в огне... Просто супер-пупер какой-то!

Да, Моня Гершензон, еврей-расстрига, был в сравнении с этими весёлыми россиянами ребятами самым настоящим Серафимом Саровским, а заодно и Сергием Радонежским. Так и казалось, что сейчас он благословит благим напутствием на битву Куликовскую этого бестолкового голя, которому интересно одно: кто его жрать будет... только из такого Дмитрий Донской не получится...

Даже Ослябя не выйдет.

Я испытующе поглядел на Моню-Сергия. И понял – если надо, он сам наденет шлем*, возьмет меч в руки и поратоборствует за Русь Святую. Пересвет! Илья Муро-

* Не путать с шаломом!

мец, блин! Илья... Илья?! Ну, хватит! А то ещё в такие дебри занесёт, что вместо «барыни» или «камаринского» пустишься в разухабистую плясовую под «семь-сорок»!

Бывал я под Хайфой, в пещере Илии-пророка. Знатная пещера, ёмкая. Одна беда. Местные злые языки утверждали, что и Илюшенька был не совсем великороссом.

Но Моня, блин, богатырь святорусский! Этот постоит за правое дело! За Русь Святую! Да, постоит, покудова гой будет на печи дрыхнуть, мудрствовать про молоко, сметану да завидовать итальянским неграм, румынским папуасам и меланезийским австралоидам.

Ой, ты гой еси!

Воистину, неисповедимы пути Господни...

Иной раз, в бреду или полубреду, а может, и в светлом разуме думаю я – ну, коли уж совсем нет русских да мордвы, веси да чуди с муромой, ну хоть бы какой жид явился, да и спас бы Расею, что ли! не до жиру, быть бы живу! ну, нет своих! ну, приди... хоть какой! ау-у-у!!!

Не откликается никто.

Тихо в пространствах благодетных...

Убить президентия! Завалить этого ирода?

А убудет ли оттого иродов на Земле?

Кеша позвонил мне и сказал, что на завтра ему назначена аудиенция у самого патриархия Ридикюля. Голос у Кеши был как у молитвенника-постника, прошедшего сорок дней на столпе или в пещере.

- А на хрена? – поинтересовался я.

- Благословение буду спрашивать! – истово признался Кеша.

И я понял – он из тех, кто вот прямо сейчас или в монастырь уйдёт на святую жизнь, или деревню спалит с детьми и бабами. Широкий русский человек. И на пути у него не стой!

- На что благословение-то? – решил уточнить я.

Кеша многозначительно промолчал.

И я похолодел. Палата... палата №8.

- Ты ещё в газетах распиши...

Кеша возрадовался.

- Это идея, - нараспев вытянул он, - тогда уж точно не поверят, точно, скажут – дэза, залепуха... А я их прямой наводкой! По написанному... в газетах! Господи, благослови! На Тебя Единого уповаю...

Я ещё раз напомнил Кеше, что мой телефон прослушивается. Но его это сообщение, похоже, не расстроило.

- Да пошли они... – сказал он вдохновенно.

А я почти воочию представил себе знакомый памятник на Красной площади: один по-прежнему сидел со щитом и мечом, другой стоял, призывно воздев длань... У обоих было Кешино лицо.

Нет, подумалось, не перевелись у нас ещё минины и пожарские.

Вокруг храма с песнопениями и хоругвями ходили писатели-деревенщики. Лики их были светлы и праведны. На пытавшихся примкнуть к крестному ходу они злобно цыкали - мол, с постной рожей в калашный ряд!

Писатели-деревенщики хранили Русь Святую.

Прочих они в эту Русь не пускали, почитая масонами, жидовствующими, а еще провокаторами.

Ох ты, Господи! как я любил этих хранителей Руси!

Провокаторов было не счесть. Почитай все!

И потому когда Моня, размашисто перекрестившись, пошел к хоругвям, дабы пасть пред ними на колена, на него зашикали, зашипели, зацыкали. А один из окружения крестноходских ловцов душ человеческих даже пнул Моню ногой в замшевом ботинке, прямо в живот. Страстотерпец захромал.

Но устранить Моню от святого дела было невозможно. Он с какими-то истовыми молитвами-причитаниями и безумным взором юродивого, не реагируя на тычки и толчки, протиснулся, притиснулся, притулился к знаменам православным – и разом притихший, сгорбившийся и

как-то вдруг обретший святость и чистоту небесную, пошел со всеми избранными.

И они смирились.

На всё Божья воля...

Через неделю Моню приняли в союз писателей России. За пламенный стих, коний он прочел после крестного хода прямо у храма:

Когда Святая Русь во мраке тьмы и смрада
Восстанет, гроздя бесов усмиря,
Мы скажем, братья, нам наград не надо!
Мы громко грянем русское – уря-яаа!

А ещё через неделю Моня усёк – русских среди «русских писателей», почитай, и не было – сплошь мордва да татары, башкиры да калмыки, да пара якутов с пермяком и тремя печенегами. Но это его не особо расстроило. Теперь Моня знал точно – среди всех этих патриотов и славянофилов самый что ни на есть русский – это он сам, Моня Гершензон.

И ещё он познал одну самую тайную тайну, сокровенное для немногих посвященных, то, чего не знал вообще никто – **р у с с к и х** в Россиянии вообще не было.

Кеша разыскал меня в Париже. Он нагло ввалился в мой номер на третьем этаже старинной гостиницы «Сент Джеймс ет Олбани», что уже двести или триста лет стоит на небезызвестной бальзаковской улице де Риволи. Ввалился, когда я собирал вещи, чтобы, наконец, ехать в фатерлянд на книжную ярмарку во Франкфурте, где одно издательство прямо-таки требовало с ножом у горла, чтобы я продал ему права на публикацию «Звездной Мести», но чтоб главного героя назвал не Иваном, а Джоном или Айзеком. Ничего продавать этим басурманам я не собирался. Но на ярмарку, в сверкающий издательский и писательский мир, меня тянуло, как мотылька в огонь свечи.

Кеша ввалился в мой барочный (не путать с барачным) номер и сразу, от дверей просипел:

- Я завалил этого пидора!

- Какого? – не понял я.

Мы даже не поздоровались.

- Горбатого...

Я невольно опустился в роскошное и не менее барочное кресло. Уставился на Кешу.

- А тебе разве его заказывали?! – спросил я голосом умирающего. Но сердце билось в груди радостно, словно выиграло в лотерею пылесос.

- Какая на хер разница, - отмахнулся Кеша, - президентий, он и есть президентий. Я завалил его под Мюнхеном, на собственной хазе, он там с одной певичкой мылился...

- И её тоже?! – расстроился я.

- Нет, её только трахнул, стерву. Да на понт взял. А Горбатого завалил. Этот пидор ползал у меня в ногах, рыдал, сучёнок, всё консенсуса просил... Допросился!

- А охрана?

- Одного убрали, трое свалили, но они без бугра ноль – будут язык в жопе держать. Остальные его за триста баксов сдали...

Я вздохнул тяжело и встал. Пнул ногой барочный столик, оказавшийся на пути. Вынул из бара бутылку виски, откупорил и сунул её Кеше. Тот судорожно дёрнул кадыком, глотая шотландскую гадость, потом ещё и ещё. Бутылка наполовину опустела.

- А ко мне зачем? Хочешь, чтоб и меня замели?!

Кеша обиделся.

- Не заметут, - подумал и добавил, - сейчас не замечают. – И допив остатки, бросил бутылку на барочную кровать, ту самую, в которой меня согревала восемнадцатилетняя блондиночка, клявшаяся, что её родной прапрадед русский казак, зачавший её прабабушку в 1814 году на Елисейских полях, прямо в седле своей резвой лошадки.

Я смотрел на Кешу. Он на меня. Кеша был доволен. Я не очень чтобы радовался, сердце уже успокоилось...

- Слушай, - сказал я неожиданно для самого себя, - ну почему ты не сделал этого в восьмидесятых?!

Кеша опешил. И глубоко, мрачно задумался.

Да, Горбатого пидора надо было убрать лет пятнадцать назад, а то и двадцать... Но винить в этом Кешу, единственного, кто догадался хоть сейчас исправить ошибку, было бы нечестно.

До Восточного вокзала мы добирались вместе. Нас вёз напыщенный и глуповатый пакистанец, пытавшийся что-то говорить на русском. Когда-то он учился в университете Патриса Лумумбы. Но вынес из него, видно, не очень много... особенно нравилось бывшему московскому студенту слово «перестройка», и он повторял его к месту и не к месту. Замолк он только, когда Кеша сказал мне, не понижая голоса: «Слушай, я щас и этого пидора завалю!»

На Восточном мы сели в разные поезда.

Когда длинный черный мерседес с сотней машин охраны подрулил к Красному крыльцу, старик Ухуельцин прослезился.

- Ты ето, понимаешь, - прогундобил он в ноздрю с чувством, - береги ету, блин, понимаешь, Расею!

Капутин кивнул, склонил голову на бочок, выкатил глаза.

«Патриот!», «государственник!», «державник!» – прокатилось по боярской толпе. Каждый старался говорить громче, чтобы услышали именно его. И оттого никто не расслышал последнего слова старика Ухуельцина.

А тот пробурчал:

- А воще-то, хер с ней, Вова, и так не пропадёт. Ты, понимаешь, меня береги! Ето сичас главное! А то и тебя, понимаешь, закажут...

И укатил.

Да простят меня братья-антисемиты и сестры-жидоедки, но еврей, он ведь тоже, наверное, кому-то для чего-то нужен. Я долго думал. Долго без трепета сердечного любил евреев, как и положено каждому честному русскому человеку... И вдруг надумал страшное, несус-

ветное, идущее вопреки всему здравому смыслу – нужен! на то и щука в пруду, чтобы карась не дремал!

Но карась дремлет.

Его жрут с потрохами. А он спит себе.

Уже щука его изнемогла жрать, зубы изъела, сама окрасилась... А он дрыхнет!

Да-а, милые братья и сестры мои, зага-адочна русская душа! Какие тут на хрен жида-семиты с их мудрёными протоколами сионскими! Какие там масоны-вредители...

Ни что её не берёт!

Иногда преемника старика Ухуельцина называли так – Вольдемар Перепутин. Был он человеком осторожным, стоял себе на перепутье и никуда не сходил с него. И это была позиция.

Сам старик Ухуельцин, по-державински, почти что «и в гроб сходя, благословил» Перепутину:

-Ты, Вова, береги, понимаешь, Россиянию... – сказал зловеще, со знанием дела, утробно гмыкнул, хрякнул, оглянулся на дубину-охранника и завершил со своим, понимаешь, ухуельцинским юморком, - а то мы из неё ещё не всю кровь высосали! – и прослезился, и загугукал филином. Так, что охранник чувств лишился.

И укатил в резиденцию.

А преемник остался.

С тех пор Генеральный Президентий Вольдемар Перепутин как зеницу ока берег Россиянию.

В первой своей жизни Перепутин был прапорщиком госбезопасности. И потому беречь и спасать государство было для него делом привычным, профессией. Кто-то лечил людей, кто-то их профессионально убивал, кто-то запускал спутники (в прошлое время, при старике Ухуельцине спутники перестали запускать, не на что было охранять старика от всякой, понимаешь, сволочи, и кормить «семью», какие там, понимаешь, спутники!), кто-то мастерил надгробия... а Вольдемар Перепутин берёт Россиянию. Есть такая профессия - Россиянию беречь.

На Перепутина давили и справа, и слева, и с запада, и с востока, и изнутри, и снаружи. Все его любили, уважали и даже побаивались за особое прошлое. Но он стоял на своей позиции и всем был свой. Он тоже любил всех. Проблема была только, понимаешь, с самой Россиянией, которую надо было беречь, и которую не любил никто, даже патриоты-коммунарии во главе с попом Гапоном. Вся загвоздка была именно в Россиянии. Перепутину было бы проще без неё. Нет Россиянии, нет вопроса. Ноу проблэм, как говорили те, кто любил Перепутина извне. Но изнутри требовали Россиянию пока сохранить. Изнутри Перепутина тоже любили. И он не мог сразу отказать любящим. Тем более, что и саму Россиянию и то, что было в ней, уже давно поделили. Перепутин делёж шальной добычи признал окончательным и обсуждениям не подлежащим. Самому ему ничего не досталось, кроме кресла Генерального Президентия, головной боли, права собирать дань и отдавать её западным кредиторам.

Перепутин держал ярлык. Ханский ярлык!

Казалось бы, живи и радуйся!

Но Перепутина вечно бросало к тому камню-валуну у перепутья дорог. На камне сидел взъерошенный ворон. За камнем была мгла. А на камне коряво значилось:

Направо пойдешь – костей не соберёшь!

Налево пойдешь – головы не снесёшь!

Прямо пойдёшь – сразу помрёшь!

Перепутин нависал над валуном каменным витязем, пучил глаза. И грустил. Назад пути вообще не было. Те, кому Перепутин сдавал россиянскую дань, так и сказали: «альтернативы реформам нет!», что в переводе на русский означало: «назад шагнёшь - под гаагский трибунал попадёшь!»

Витязь Перепутин не хотел под трибунал.

У этого трибунала был только один приговор.

И особая статья для бывших прапорщиков.

Он знал твёрдо, друзья с запада русских шуток не понимают. Да и какие ещё шутки! К тому же русские!

Да и какие они, на хер, друзья!

Всю жизнь он мечтал быть немцем. Проживать где-нибудь в Баварии или, на худой конец, в Саксонии, иметь скобяную лавочку или маленькую сосисочную... и никаких россияний. Но судьба распорядилась иначе.

Россияния была сизифовым камнем Перепутина. В Россиянии большинство люда хотело быть немцами, итальянцами или неграми. Но никто в Россиянии не хотел учить ни немецкого языка, ни итальянского, ни даже негритянского*.

И потому назло ей, этой проклятушей Россиянии, Перепутин с женой и детьми разговаривал по-немецки. Хотя ненадолго, хоть дома, в кругу семьи, но... о-о, мой милый Августин, Августин, Августин...

Перепутин просто изнемогал от вечной необходимости беречь Россиянию. И потому он мечтал вступить в НАТО. Пусть само НАТО эту, понимаешь, Россиянию и бережет! Когда его спрашивали: «А не собирается ли Россияния вступить в альянс?», он отвечал прямо: «А почему бы и нет!». Но тут же добавлял, чтобы не обдурили: «Но только на равных правах! никак иначе! на неравных мы не согласные!» Ему кивали, мол, конечно, на равных – когда придёт пора бомбить Россиянию, ваши ВВС будут её утюжить наравне с нашими, никакого ущемления, ведь мы же, понимаешь, равноправные партнеры!

Перепутин про себя думал – уж скорей бы разбомбили. Найн Русланд, ноу проблэм! Он во всём подражал великому реформатору херру Питеру, они даже были земляками, оба из Санкт-Ленинграда, как и другие великие реформаторы – Тсубайтц и Сообщак. Херр Питер мечтал лучше быть плотником в Амстердаме, чем царем в Москве. Перепутин тоже мечтал лучше иметь пивную в Мюнхене, чем головную боль в Россиянии.

* Тридцать три слова.

Но вечное возвращение на перепутье, к страшному и зловещему валуну в страшных ночных кошмарах заставляло его просыпаться во мраке и кричать:

- Нихт капитулирэн! Нихт капитулирэн!

Чёрная тень державного старика Ухуельцина являлась к Перепутину призраком отца Гамлета и мешала видеть немецкие сны.

Для того, чтобы Россияния была ближе к любимому фатерлянду, Перепутин решил снять с боевого дежурства все ракеты и продать все авианосцы в Китай и в Индию. Ни одному из реформаторов они прибыли не приносили. И значит, толку от них для дела мировой демократии не было. А заодно и утопить космическую станцию «Мир». Живет ведь Бавария или Саксония без всяких станций!

«Береги Россиянию, Вова!» – постоянно пеплом Клааса стучало в сердце Перепутину.

И он берёг.

В качестве «очередной мирной инициативы» витязь Перепутин пригласил своих друзей из НАТО на военные «ядерные объекты» Россиянии. Для контроля и управления оными.

И «друзья» пришли.

И с ними пришёл Стен. Его послали, хотя он долго упирался.

И дело пошло к развязке.

Иначе наш роман был бы бесконечным.

Ох, уж эта жизнь под номером восемь!

Семипутину его партнеры часто предлагали отдать все ракеты им, чтобы добить наконец усатого Хусейна. Но Семипутин был прозорливый.

- У нас сейчас приоритет внутреннего врага приоритетней приоритета внешнего, - парировал он. - Это в генеральной концепции написано. А так как у нас внешних врагов кроме партнеров нет, то чем мы, по-вашему, будем внутренних подавлять, бомбить и усмирять?

Довод был убедительный.

Внутренний враг в России был пострашнее какого-то там, понимаешь, Хусейна бен Ал-Ладина и прочих карабасов-барабасов с атомной бомбой. Партнеры смекнули – может, в этом и есть сермяжная правда решения русского вопроса... И оставили Капутину три сотни ядерных ракет для приоритета над внутренним, русским врагом.

А сам Капутин, на всякий случай позвонил мудрому старику Ухуельцину, посоветоваться насчет внутренних.

Старик ответил прямо, по-стариковски, по-ухуельцински:

- Эту сволочь, понимаешь, никакими бомбами не прошибешь!

После этого Семипутин совсем загрустил.

Он понял, что никогда не иметь ему колбасной лавочки в Бад Хомбурге. Все мечты детства шли прахом... Оставалось одно, самое худшее, самое страшное - влачить жалкую долю президентия в этой чужой и непонятной Россиянии.

Генеральные президентии сменялись. А заказ оставался. И никто его не снимал. И аванса, как назло, назад не просили. О, чёрный человек! о, чёрный человек! о, Кеша!

Он долго и мучительно размышлял. А как иначе, на карте были его честь и совесть. Дилемма была похлеще гамлетовской. Куда там этому старику Шекспиру.

И он решил.

Надо убирать всех.

.....

В жизни №8 каждый делает своё дело: патриархии врачуют души банкиров, олигархов и президентиев; олигархи берегут как зеницу ока бывшую народную собственность; банкиры строят замки в долинах Луары и Темзы; президентии собирают дань в Орду и сокращают вооружения; всякие попы гапоны страшат и пугают народ; мони гершензоны этот народ мутят; киллеры принимают заказы и ищут причины, чтобы не выполнить их; народ

безмолвствует; а кое-какие злобные мизантропы пишут человеконенавистнические пасквили на очень добрый и хороший род людской, на прекрасную, просто ослепительную в своем блеске демократию, на миротворцев, прогрессоров, цивилизаторов, деятелей культуры и прочих ангелов-гуманоидов, которые изо дня в день осчастливливают благодарное человечество...

Это я пишу эти злобные пасквили.

Потому что однажды я решил:

- Назову себя зеркалом. И отражу этот мир.

Люди, не стреляйте в пианистов – они играют, как умеют. И не плюйте в зеркала, в них вы сами.

Я думаю, моя работа не хуже, чем собирать дань для тех, кто живёт на другой стороне этой «круглой» планеты и почему-то до сих пор не падает с неё – хотя нам было бы гораздо легче, если бы они от нас когда-нибудь отпали. И не хуже, чем елейными псалмами врачевать души равноудаленных олигархов, строящих замки и новые империи без нас ... Я не завидую попам гапонам и президентиям, банкирам и народу... Я завидую киллерам.

Особенно Кеше.

Потому что он получил хороший заказ.

За такой и перед Богом не стыдно.

Назову себя зеркалом.

И пусть это зеркало разобьют когда-нибудь вдребезги – всё равно, в каждом осколке останется отраженный мир.

Я понимаю вас, не очень-то приятно, заглянув в зеркало увидеть в нём зверя, или змею, или рыбу, или пустое место...

Но погодите, не бейте отражение... замрите, взгляните в себя, улыбнитесь и разгладьте складки, спрячьте клыки, уберите жало... и вы увидите себя, да-да, почти таким, каким всегда и представляли... не плюйте в отражение, это вы сами, ещё немного расслабьтесь, совсем чуть-

чуть... и вы проявитесь из звериного оскала, вы всплывете из пустоты... И вы поймёте – зеркало не ваш враг. Оно просто видит вас такими, какие вы есть... Зеркало не уметь лгать... даже из любви к вам, даже из сострадания.

Я недолго буду вашим зеркалом.

У меня есть и другие дела.

Я недолго буду зеркалом этого странного и бестолкового мира. Но ваши отражения останутся в нём навсегда.

Моя мать, царствие ей небесное, была помудрее всяких там выдуманных мудролюбков, разных сократов и платонов, и даже невыдуманных, вроде нынешнего философа Удугина-Евразийского. В мои минуты слабости и отчаяния она говорила мне: «ну что же поделаешь...», и ещё говорила: «терпеть, надо терпеть...», и ещё: «русские предатели...». В этой триаде была вся соль всей земной философии. На этих трёх китах стояла Россия, а потом и Россияния – на русском предательстве, на терпении и на невозможности что-то изменить. Вот так.

Ну что же поделаешь...

А я назову себя Кешей. И скажу, что заказы надо выполнять. Особенно, когда это заказ вашей совести...

Убрать президента.

Потому что президенты отвечают за всё.

А если не хочешь отвечать, не клянись на Конституции или Библии... не прикладывай руку к сердцу...

А тем временем на библейских землях вместе с русскими переселенцами появились тут и там кошмарные антисемитские таблички: «Бей жидов!» и какие-то свастики на стенах. Ей-богу! Не вру! Россиянские евреи, то есть исконно русские люди, вдруг просекли, что в сравнении с местными носатыми и смуглявыми аборигенами они, ни дать ни взять, чистые арийцы... В Тель-Авиве был открыт филиал баркашовского «Русского единства», а в

Иерусалиме Союз русского народа... Это всё были Монины проделки. Черносотенец хренов!

Я всегда говорил, что «русский» это не национальность, а клеймо Господне! Все люди как люди, а эти или в монастырь уйдут, или деревню спалят. Широки!

И что это я всё про евреев? Куда ни пойдёшь, в какую степь ни занесёт, а всё на них, родимых, выходишь!

Видно, и впрямь есть он, есть этот пресловутый и «надуманный» еврейский вопрос. Двести лет вместе!

Какие-то кретины нам всё талдычат, мол, все нации равны, мол, у преступности нет национальности... и прочих бред... Но мы то знаем, что русская пьяная преступность это одно, чеченская кровная месть иное, а еврейское практическое хитроумие, извините за зоологический антисемитизм, совсем третье... Да и немцы-германцы не совсем равны папуасам, и «древние греки» не одинаковы с полудревними ямало-малайцами...

Равен то, оказывается, только каждый один человек с другим одним человеком... и то равен не кошельком, пухом, национальностью и женой, а только лишь... перед законом, то есть юридически...

Евреи равней всех перед законом.

Ибо они раньше всех догадались занять свой Закон (во всяком случае так считается! мы не будем рассматривать всякие нелепые теории, по которым древнее русов никого нет, тем более их автор какой-то там Юрий Петухов, а даже не Альберт Эйнштейн и не Моня Гершезон!)

Итак, есть калмыки. Есть калмыцкий вопрос.

Есть русские. Есть... впрочем, русских можно не считать. Их вообще стараются не замечать – в западных учебниках истории про русских вы найдёте только две строки: «Шведы основали Новгород, Киев и династию Рюриковичей, которую по их имени называли Русью». Вот так, милые мои. Так что, нет русских, нет вопроса.

А евреи есть. И вопрос остается.

Некогда я тоже страшно возмутился, прочитав воспоминания графа Витте. Как-то раз он обсуждал «еврейский

вопрос» с императором Александром III, и тот сказал, что, мол, проще всего было бы разрешить данную проблему, утопив всех евреев в Черном море... но так как сделать это весьма и весьма непросто... вопрос, любезные господа-товарищи, остается.

Вопрос! От возмущения я чуть не подскочил до потолка. Утопить! В Черном море! Чудовищно! Преступно! В нашем Черном море?! А экология?! А как там наши детишки купаться станут?! А кто после этого вообще в воду полезет?! А кто рыбу есть станет?! Нет, уж коли топить – так пусть их в ихнем Красном море и топят, том самом, что расступилось, когда они проворно бежали от фараонов египетских!

Позже мне и Красного моря стал жалко... как-никак, а впадает оно в наш почти что Индийский океан, где мы рано или поздно будем поить своих коней и мыть сапоги... нет уж, пускай для этой цели какое-нибудь Карибское море подберут, Мексиканский залив или, скажем, американское озеро Мичиган!

После того, как я побывал в Чикаго, вдосталь находился по Мичиган-авеню и нагляделся на одноименное озеро, мне и Мичиган стало жалко, тем более, что озеро это во все и не американское, а индейское, а американцы его просто приватизировали, облапошив простодушных детей природы. Жалко было и Онтарио, и Ледовитый океан. И я пришел к выводу не спешить с потоплением избранного племени... Всё равно не получится. Это они нас топили в Черном (Русском) Понте Эвксинском, да ещё как топили в «гражданскую» - баржами!

Отчего же у них всё получается?!

А у нас, простофиль, ну ничегошеньки!

Я четырежды был в Израиле. И говорил там то же самое. И мне рукоплескали.

У меня есть воля.

Как и у Моисея.

Я бы тоже смог сорок дней сидеть на горе, а потом водить избранных Божьих по разным пустыням лет сорок.

Но я не знаю, привел бы я их потом в «землю обетованную», где жили-поживали мои родичи, русские простофили... Привел бы я их в Россию? или в Россиянию?!

Привел... не привел... а куда, спрашивается, подевались десять колен избранных?

Гог и Магог... Князь Рош... где ты?

Аки Моисей стоял я пред Неопалимой купиной, вокруг которой выстроили монастырь Святой Екатерины, прямо посреди грустного Синая, и думал, лезть мне или не лезть на эту гору. Дело было в декабре. И когда я всё-таки залез на крутую Джебель-Муса, там лежал тонкий ледок. И было тихо.

В такой тишине надо было слышать Бога.

О, Моисей-Мосх, русский поводырь избранного племени... Ведь мог он их всех сдать фараонам или перетопить в этом самом Красном море, в котором наш утлый кораблик-шаланда чуть не перевернуло, а меня – старого морского волка – на этих гребнях всё же вывернуло наизнанку. Мог! Но не сдал. И не потопил.

А ведь не глупее нас был.

И вот когда я сидел один-одинешенек на горе Моисея посреди сказочно пустынного Синая, я и подумал – значит, они для чего-то были нужны русским, стало быть, наш Моисеюшка-то знал, что творил (хотя так и не удостоился за сорок с лишним лет иврита выучить!)

Волки злые и коварные вырезают из стада больных и хилых – санитары, блин. Нашему стаду, расплзшемуся по белу свету, древнему, как сама мать-сыра-Земля, нужны были санитары... как жизнь. И коли их в природе не было, надо был их вывести – откуда угодно, хоть из пробырки, хоть из пустыни. Вот Моисей и вывел. Этих самых злых и коварных... санитаров-вредителей.

Назову себя Моисее

И уведу евреев обратно в пустыню.

«Решительно русским Россия в голову не приходит, ни живые, ни мертвые, если это не Дрейфус, а Семенов – не озабочивают никого из русских, болеют ли они, мрут ли...» В. Розанов

Другой мой друг работал в администрации президента... Вернее, это он считал меня своим другом. Я давно заметил, что многим чиновникам-сановникам льстит иметь в своих «друзьях» известного писателя, нашумевшего журналиста, какую-нибудь поп-звезду... Про меня не говорили по телеящику, но книги мои читала вся страна... да и все русские во всех странах. Гоша это знал. Лучше всех знал. Именно к нему сходились ниточки той информации, про которую не говорили по телеящику и не писали в газетах...

Лет пять назад он позвонил мне и представился:

- Господин Петухов? Это с вами из администрации президента говорят...

- Какие вопросы... – без вопроса в голосе поинтересовался я.

Собеседник опешил. А потом сказал, что в библиотеку администрации почему-то не поступила моя очередная книга...

- Я вам и предыдущих не поставлял, - ответил я вежливо, и уже спросил: - У вас ещё что-то ко мне ... или как?

Вот тут Гоша, а это был он, начал что-то нести про то, как мы в одной школе учились, только он на пять лет позже и прочую ахинею... короче, он змеем заполз мне в душу. И тут же напросился на встречу. Естественно, меня не тянуло ни в какие «администрации», и я не с особо большим удовольствием пригласил его домой.

И не пожалел.

Гоша был очень – ну, просто очень – общительным. И очень откровенным. Он изливал мне душу, зная, что я не продам его в отличие от всех его прочих «друзей» и сослуживцев.

А я продам.

Гоша пил мой коньяк и говорил:

- Мы начинали с нуля... – он, видно, имел в виду всех своих братьев-демократов, - но эти козлы, эти сволочи начнут с минуса!

- Какие козлы? – не понимал я.

- Они просто охереют, когда увидят, что мы им оставили... – радовался Гоша заранее. – Только я их в гробу видал, у меня квартира в Нью-Йорке, и другая в Берне... у меня на всех – на всех, понял! – компромат есть! они в кресло сесть не успеют, как я их скovyрну! У-у, суки!

- Юра, никто не знает, сколько мы должны на самом деле! Им тошно станет, когда узнают!

- Мы этим козлам эту страну в таком виде сдадим...

- У нас девочек сколько хочешь, понял...

- А коммуняки лохи... и Дума, мы три «бурана» загнали в Кению, на железо...

- Меня стерегут восемнадцать рыл, надёжные парни... у нас все под колпаком, и ты тоже...

Я ответил, что плевал на их колпаки.

Я ответил: что вы со мной ни сотворите: арестуете, четвертуете, повесите, расстреляете... для меня это будет только бесплатной рекламой – причем, самой лучшей рекламой!

Гоша надолго задумался.

«Да, господа, вы не ошиблись, эта книга осиновый кол в вурдалачье сердце мировой демократии». И не пудрите нам мозги про народовластие! «И я, прирожденный аристократ крови и духа, монархист-государственник, империалист-державник, скрепя сердце и скрипя зубами, говорю: настало твоё время, товарищ Че! время свергать эту гнусную и поганую сволочь!»

Юрий Петухов «Время Че Гевары»

«Убивать или не убивать деспотов, вот в чем вопрос? – засомневался философ.

У матросов нет вопросов! – ответил матрос. – Который тут деспот?

Через полторы минуты от деспота остался неуклюжий и глупый труп. Свинорылая охрана крутила матроса. А тот героически пел: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг». И был счастлив. Он знал, что совершил доброе дело, он знал, что у настоящих матросов никогда не бы-

вает глупых вопросов. Он был счастлив и велик. Вяжущие его охранники рядом с ним казались суетливыми и жалкими червями. Философ всё видел. И начинал понимать – все вопросы существуют лишь в его голове и в дворовой помойной яме.

Философия Исцеления

- Понимаешь, - сказал мне Кеша, - пристрелить эту жирную гадину не так уж и сложно, но... но уж больно гадко! Старик, мы же все оттуда, из Святой Совдепии, мы все романтики-чистоплюи. Мы воспитаны не на американщине вшивой, как эти выблядки перестройки. Это я тебе как профессиональный мочила говорю, как благородный русский человек, лишний герой нашего паршивого времени, блин. Вот представь себе какого-нибудь благородного Атоса, стал бы он поганить свою благородную шпагу о червяка или крысу, о мерзкую жабу или о гнусную каракатицу!

Сегодня Кеша не был пьян.

И потому я ему ответил серьезно:

-Ты не Атос. И у тебя нет шпаги. И лучше бы ты его не колол шпагами, а просто утопил бы в нужнике...

- Это благородно, - согласился Кеша. – Утопить гада в дерьме. - Потом подумал и добавил. – Только ведь эта сволочь не пролезет в очко! Да и ... дерьмо в дерьме не тонет.

Кеша был прав. Красивые и благородные сатисфакции были в прошлых и позапрошлых веках, а нынче просто давили жаб, слизней и червей. Клыкастых, зубастых, рогатых и очень хищных жаб. На счету у этих прожорливых червей были миллионные жертвы, разрушенные страны, города и судьбы. Но они процветали и жирели...

Потому что монте-кристо и атосы нынче в Россиянии не водились, а словом «патриот» называли американские ракеты.

Да-да, я повторяюсь в тысячный раз: повывелись на Руси Святой патриоты, ни единого даже на развод не осталось.

А остались нытики, болтуны-демагоги и жлобы. «Живи, страна, ненаглядная моя Россия-ааа!!!»

Тру-ля-ля! Тра-ля-ля!

Но ведь кто-то дал заказ! О, чёрный человек...

У матросов нет вопросов.

Завалить президента... По законам и конституциям не положено. А по совести, по справедливости... Позавчера Совет безопасности президента его же распоряжением отменил эти понятия (совесть, справедливость), как не соответствующие общемировым демократическим ценностям.

Увы, и честь – неконституционное понятие.

Кеша был матросом, у которого были вопросы.

О-о-о, Святая Русь! Нет ничего святее твоей простоты. Сидеть тебе в царствие блаженных одесную от Царя Небесного. А на земле-матушке страдать и мучаться неизбежно... Ибо простота хуже... хуже всего на свете белом.

«Как живёте, караси?

Хорошо живём, мерси!»

Уже падая, Кеша врезал усатому поддых. Упал. Перевернулся. Вышиб ногой аварийный люк. И вывалился...

Никто не видел машину времени. Никто не верит в машину времени. А она есть. В наших мозгах. В извилинах наших мозгов. Мы иногда залезаем внутрь себя, в эти извилины. И жмём на газ... И видим.

Видим, как воздушно-невесомый, призрачный мотылёк, светлым ангелом из поднебесья пропарывает сталь, бетон, алюминий, титановое стекло, груды пластика... и как тихо, тихо летит вслед за ним ещё один – будто чайный клипер под всеми парусами в голубой лазури небесного моря... Тихо, тихо лети, ночь оставляя в ночи... тихий небесный свет – утренним нежным лучом....

Два «боинга», две тени, два «близнеца», два «рога дьявола», два адских крематория, наштапованные бедными русскими евреями, латиносами и прочей мигрантской рабсилой ... одна большая куча мусора, костей, шлака. И пыль. Огромные тучи пыли. И третий ангел, пикирующий в цель, осиновым колом вонзающийся в сатанинскую Пентаграмму, чёрный узел, опутывающий чёрной паутиной всю бестолковую планету. Третий ангел.*

А был ещё и четвёртый. Про которого забыли.

... он успел. Извивистая река синела в трёхстах метрах внизу. Дальше был лес. Кеша ничего не рассчитывал. Так получилось. Или сработал какой-то иной расчёт... Он даже не успел сгруппироваться толком, плюхнулся о воду спиной... зато он увидел, как в «боинг» ударила ракета, увидел вспышку, обломки... и уродливый хвост самолёта, подброшенный взрывом, нелепый хвост, который ещё долго кувыркался в воздухе, горел, дымился и падал как в замедленном кино.

Сбили, суки! – сообразил Кеша, погружаясь в воду. – Свои сбили! На всякий случай... По плану «боинг» должен был снести ко всем чертям Белый дом (Вашингтон, округ Коламбия). Прицельно-точным, «лазерным» падением на эту «садовую беседку» в стиле нью-бюргер-романеско. По плану Ус-Салямы бен Аладина. А по Кешиному плану, белый ангелок должен был укусить птичку покрупнее, огромный трансатлантический лайнер, на котором делегация отставных гарантов с супругами и прочими подпругами, упругами и задрыгами возвращалась в Россиянию (ещё не все знали, что есть такая страна, особенно те, кто не умел пользоваться машиной времени). По Кешиному плану, «боинг» должен был лететь пустой, лишь с тонной пластида и канистрой напалма... Но усалямовские мужички, усаые и маслянорожие, всё перепутали и перепортили. А может, у них с самого начала было так задумано. Пластид они выпихнули. По-

* «Рога дьявола» – так нежно и ласково местные бомжи называли башни Всемирного Торгового Центра в Нью-Йорк-сити.

набрали пассажиров, благо обормотов в Заокеании всегда хватало, а местные рейсы никогда не поспевали за расписанием... Кешу связали прямо после того, как он передал мне по мобильнику ключевую фразу: «процесс пошёл!». Связали, бросили в кресло. И пошли выволакивать пилотов. Двоих пристрелили сразу. Третьего оставили, на всякий случай. Обормоты-пассажиры сидели, охерев, с по-американски раскрытыми ртами и ждали, когда откуда-нибудь из-под земли, как в кино, появится Шварценеггер или Сталлоне и спасёт их, как и положено по всем правилам Голливуда. Они не знали, что Холивоод сделали одесситы - из картона и пластилина, точно так же они слепили и всех картонно-пластилиновых героев шварценеггеров... Но всё же супермен нашёлся. Не местного разлива. Кеша тайком разодрал путы, рассчитанные на кисметного араба. И пошёл крушить нехристей, ломая черепа и хребты. Кеша рассудил, что пустой Белый дом слишком пустая цель, чтобы ради неё гробить две сотни местных олухов с собой впридачу. Но масляного быстро намяли ему бока. И уже готовились спровадить вслед за пилотами... но он успел...

Нет, с азиатами связываться нельзя, решил Кеша, выныривая из речной прохлады. Сколько раз давал себе зарок. И опять купился на клятвы, обещания и братания. Евразийничество хреново! Прав был Александр Благословенный, у русских нет ни друзей, ни союзников, а кто евразийничает, тот последнее украсть хочет, в доверие втирается! Но сами засранцы-заокеанцы были ещё большими суками, чем масляного... своих сбить!

Кеша готов был потерять веру в человечество и гуманизм. Но сейчас ему было не до всякой херни. Надо было выбираться из глуши... И приступать к реализации запасного плана. Надежней заказ выполнять здесь, где не ждут. В Россиянии всё было слишком «схвачено», там за каждой кочкой и под каждым унитазом сидел негиббемый боец невидимого фронта по охране гарантов. Было ощущение, что этих бойцов миллиардами выписывали из Ки-

тая... ведь в самой Россиянии всего народонаселения не хватило бы на одну осьмушку «ограниченного контингента президент-секьюрити».

Да что там... опять ушли, задрыги!

Кеша, ещё мокрый, сидел в задрипанном американском баре, потягивал разбавленное пойло. И с тоской глядел в подвешенный к потолку ящик, из которого гутнивая голова вещала про то, как мужественные пассажиры сами скрутили страшных международных террористов и отважно послали свой «боинг» в пике, жертвуя собой, чтоб только спасти дядюшку Буша, демократию и святое право каждого ходить в памперсах. Голова была похожа на транссексуальный гибрид Мусорокиной и Свинадзева. И от этого в амэурыканском баре пахло чем-то родным, россиянским, с привкусом смолы и серы...

Клыкасто-зобастая хищная жаба-кровосос окопалась в одной из своих тайных резиденций. И все силы мировой демократии охраняли её. И ещё тысяча отборных мордоворотов. И сотня танков. И сотня самолетов. И все американские авианосцы. И все демократические средства массового вранья и оболванивания болванов.

В лютом страхе доживал свои кровавые денёчки матерый старичище Ухуельцин. Всенародно избранный вивисектор и расчленитель!

Он просто, понимаешь, не знал, что ему некого бояться, что и все, кого он боится, выбрали памперсы и пепси.

Живи, страна, ненаглядная моя Россияния-а-а-а!

Опухший, отёкший, непросыхающий Ирод-Тиберий пил, понимаешь, кровь людскую цистернами. Пил в галстуках и без галстуков, с партнерами и без партнеров. И не только в девяносто первом и безумном девяносто третьем. Лучший, понимаешь, друг Клина Блинтона.

Ох, какой был этот год... этот месяц.

Юра Шевчук в огромном зале, посреди молчаливых и лоснящихся несвидетелей грустно бормотал под гитару:

Страна швыряла этой ночью мутной сволочью... Герои крыли тут и там огнем по шороху... И справедливость думала занять чью-либо сторону... Потом решила как всегда - пусть смерти будет поровну... поровну... поровну... будет... пусть...

Смерти не было поровну.
Убивали одну сторону.
Убивали нервно и бестолково.
Много набили. Тысячи.

Помню надпись на стене скорби у пресловутого «дебелого дома»: «Охуельцин, куда дел трупы?!»

Стену снесли.

Но я повторяю вопрос: «Куда дели трупы?!»

И вообще, зачем надо было убивать столько безоружных, незащищенных людей, которые просто не хотели, чтобы их страна превращалась в колонию и в пыточную камеру демократии.

Власти думают, что все всё забыли. Власти награждают друг дружку орденами и званиями. Главному застрельщику Октября дали орден Гроба Господня. Интересно, что думает по этому поводу сам Господь?

Скорее всего, не то, что патриархий Ридикюль, представивший демократора-застрельщика к награде.

Господь справедливость восстановит. Разберётся с «орденоносцами», да и с теми, кто Его именем награждает царей-иродов за убийство младенцев.

Впрочем, патриархий Ридикюль от той крови, помнится, самоустранился. Поначалу страшно грозился, тряс бородою, клялся предать анафеме первого пролившего кровь. Но не рассчитал, что первым прольёт кровь «законноизбранный» (думал, другие, тех можно было анафемствовать безбоязненно, кто они такие!). Испугался. Сказался больным. Умыл руки. Как Понтий Пилат.

Нет. Не все. И не всё забыли.

Верховоды другой стороны тоже не были ангелами. Им тоже воздастся на Страшном Суде.

Но это там, за земным порогом.

А здесь, на Земле, «противоборствующие стороны» быстро вспомнили, что они номенклатура одного круга, перераспределили должности, звания, награды, области, губернии... вместе пьют на раутах... вместе голосуют друг за друга, идиллия!

А мы, наивные и недострелянные, остались где-то в И вопрошаем себя.

И долго ещё будем вопрошать.

Сейчас прошло много времени. Можно не горячиться. Всё спокойно взвесить. Разобраться... Понять... Нет, понять такое невозможно.

Сейчас ясно – с двух сторон было дерьмо. И в Кремле, и в «белом доме». А между этим двойным (как в гамбургере) дерьмом был народ. Тот, что защищал «белый дом» и тот, что прорывая заслоны, шёл на освобождение защитников. Потом одни себя наградили орденами. Других амнистировали. А восставший и расстрелянный народ называли боевиками и даже провокаторами (это Народное восстание было провокацией, люди, шедшие грудью на пули были провокаторами?! а депутаты за семью стенами героями?!)

А сейчас Чеченегия. Там теперь убивают русских. Чтобы не повторился Октябрь. Власти знают – лучше опередить врага, лучше убить русских заранее.

Мы сидели с атаманом Морозовым в Думе и вспоминали страшный Октябрь. Всё зря... Или не всё? Он нахваливал «батю»-Макашова... А я помнил, как Макашов очень быстро и шустро с быстрыми и шустрыми казаками своими (целый грузовик) ретировался из Останкина на вишневой «девятке». Как только запахло жареным... Сбежал. Бросил людей. Он был ещё нужен России. А люди у Останкина были отработанным материалом... В том числе и я. Смерти не было поровну...

Почему я выжил в этой бойне. Не знаю.

Макашов знал, чем кончится пресловутый «штурм». Он был готов... и вовсе не к победе, но к отступлению...

А я верил до конца, надеялся на подкрепление... Ушёл под утро, когда бойня закончилась, когда запекшуюся по асфальту кровь прихватило инеем... Хмурое утро.

А у меня болела мать. В эти дни началось у неё то, что спустя семь лет, убило её... наверное, одна из пуль хвалёных пидормотов-спецназоомбздоновцев попала в неё... Что ж, не первого ветерана Великой Отечественной отправили на тот свет, стрелки демократии.

Страна швыряла этой ночью мутной сволочью...

«Герои»-«витязи», спецназ хренов, зверски и профессионально убивали безоружных мальчишек и стариков. В ту ночь я понял – российская армия и российская милиция будут истово и рьяно выполнять все приказы НАТО. Время иллюзий усвистело вслед за пулями, свистевшими у виска... Мгновения, мгновения, мгновения!

Морозов рассказывал мне, что бывал с «батей» в деле, что с таким можно на смерть идти. Морозов был романтик. Где он сейчас – лихой казак? Говорят, убили. Ушёл из дома. И не вернулся... Его жена прислала мне трогательное письмо из своей русской деревеньки. Что ей ответить... Нас всех предали. И Витю Морозова, бесшабашного русского казака-авантюриста тоже.

Было бы России лучше, если бы власть захватили Хасбулатов с Руцким? Не думаю.

Наивно было бы думать, что Народное восстание дало бы власть народу. Нет, её все равно перехватили бы шустрые посреднички. Возможно, стало бы ещё хуже. Намного хуже... Может, и Россия была бы уже расчленена и оккупирована как Югославия. Кто знает!

Но одно свершилось.

Иллюзии иссякли. Их больше нет.

Да и России давно никакой нет. Есть Россияния. Страна непуганных олигархов, прихлёбнутых демократов и подставных патриотов. Есть ЖИЗНЬ №8. Самая дешевая жизнь. Самая ненужная... Это хорошо знает российская юная поросль, миллионами вешающаяся, режущая вены и выпрыгивающая из окон.

Ненужная жизнь. Демохренократия!
Перепутин, ку-ку! Державник ты наш!
Хотели как лучше, а получилось как... планировали в
госдепе Заокеании.

Я опять забегая вперёд, меняя времена и события.
Такие дела... (привет, Курт! и погоди, не уходи, посиди
ещё немного на своём мысе Код, небеса обождут!)

Так бывает при вялотекущей шизофрении. Ку-ку!

Многие читатели (следователи и дознаватели) скажут:
ну, вот, ополоумел окончательно. А я скажу, время и дано
нам, чтобы гулять по нему, как захочется. Это с континента
на континент мы не можем перескочить за миг. А в
прошрое или будущее, пожалуйста. Не мигом единым
жив человек! Мудро сказано... Нам много чего мудрёного
понасказали, а вот стали ли мы мудрее... или? Или – без
вариантов. А потому: вперёд и назад!

Старика Ухуельцина в народе любили. За то, что пил
по-чёрному. Непьющих народ россиянский не понимал и
боялся. А старик Ухуельцин пил. Падал с мостов, с самолётов,
с трибун, с операционных столов... но пил. Это было по-нашему,
по-россиянски. Вот и любили.

Одна беда, после того, как матёрому старикану першпунтировали какую-то головную артерию к кишечнику,
а кишечную к мозжечку, он стал пить меньше. Народонаселение
медленно и тяжко приходило в ужас. А старик Ухуельцин трезвел...

... Наконец он протрезвел настолько, что в одну новогоднюю
ночь, после трёх бутылок шампанского с «шипром» объявил на всю
Россиянию:

- Ухожу, понимаешь! Прощайте... и лихом не поминайте!
А вы уж сами теперь... гы-гы...

Это был тот момент, который надо было ловить. Я хотел
позвонить Кеше. Но он сам достал меня.

- Слышал?! – прохрипел он в трубку.

- Ага! – ответил я. – Это удача! Это твой шанс!

- И твой тоже! – откликнулся Кеша. – Я всё уже подго-

товил! Ты включен в делегацию от Полубоярской Думы и Синклита сенаторов, понял?!

- Нет... – сознался я по-честному.

- Слушай! Завтра с утра, пока старикинская охранка не протрезвела, делегация от имени всего россиянского народа будет просить Охуельцина остаться на троне! Усёк? Без него ж народ, понимаешь, осиротеет! И демократия по швам затрещит... Думоседы думают, мол, сам старикан всё и затеял, чтоб его поупрашивали, чтоб в ножках повалялись... а он погундобится, покочевряжится для виду... и вернётся! Ну, и им воздастся, понимаешь, самым верным...

- Понял! – закричал я. Это было гениально.

На следующее утро нескончаемая колонна лимузинов вытянулась по Долларовке... Бояре и выборные от народа ехали на поклон к царю-батюшке. В третьем лимузине, длинном и перламутровом, сидели мы с Кешей.

Мероприятие было ответственное, имело государственное значение. И потому поклонную колонну пропускали с почётом. Гибэдэдэшники с красными дедморозовскими носами лихо отдавали нам честь. Народонаселение по краям дороги ликовало и смеялось, размахивало еловыми лапами и пело: «многая лета! мно-о-огая лета-а!»

В ворота заповедной президенции всех, конечно, не пустили. Но первые десять лимузинов прошмыгнули. В том числе и наш. Похмельные полканы из охраны обыскали, прощупали, прозвонили – оружия, бомб и стингеров не нашли. Мне Кеша ещё по дороге сказал: «Со стволами лучше не соваться, враз заметут!» А на мой недоуменный взгляд мрачно ответил: «Я его вот этими удавлю!» Он показал мне свои белые и ухоженные аристократическо-бандитские руки в перстнях и «роллексах». Нацеплял он всю эту мишуру, только когда приходилось идти в бомонд. В нашем бомонде без мишуры человека не узнавали и не принимали (ни по одежке, ни по уму).

К парадному крыльцу народные посланники шли гурьбой, боясь отстать и остаться незамеченными: были тут и депутаты, и министры, и олигархи, и сенаторствующая

братия, и просто братва, и шоу-звёзды, топ-модели, и ток-ведущие, и лауреат Жуванейтский, и один случайно затесавшийся в этот бомонд писатель-человеконенавистник. Бомондовцы узнавали меня, но не здоровались, сразу скукоживались и норовили извернуться, ускользнуть от взгляда – им нью-гоголи явно не нравились. А мне было на них плевать. Я не собирался описывать их «мёртвые души». Я шёл на дело. И шёл достаточно смело... зная, что Кеша возьмёт на себя главное, а мне останется только зафиксировать для истории историческое событие. Лично я пачкать свои руки, пусть и не столь аристократичные и белые, как у некоторых, о всякую сволочь (в пушкинском понимании этого слова) не собирался.

Восторженный рокот прокатился над элитарными головами бомонда, когда резные двери вальяжно распахнулись... и величавого старца вынесли наружу.

Разношерстная, но единая в своём чистом порыве полупотченнойшая знать попадала на колени. И протянула взыскующие длани к всенародно избранному отцу демократии. Горячие неподдельные слёзы полились из десятков чистых и ясных глаз. Всё замерло и засияло округ.

- Дарагие рассияне... – начал было старик Ухуельцин.

И обмяк. Не договорил. Он был смертельно усталым после очередной работы над документами. Все знали, что старик совсем не щадил себя. Он работал наизнос, во имя народонаселения, во имя молодой Россиянии, во имя статуи свободы, которая являлась ему во снах и грозила факелом... И хотя перешпунтированные врачами-вредителями жилы, сосуды и селезёнки избранника бурно пульсировали в такт его горячему сердцу, железное здоровье несгибаемого борца с привилегиями держалось исключительно на единой, запрещённой к употреблению теми же злобными вредителями, панацее. Запретили? – ревел он бывало эдаким Пьером Безуховым. - Кому? Мене-е?! Первому президентию-ю! Апостолу перекройки! Творцу реформ! Не-ет! Не выйдет!!! Свободу не задушишь грязными руками в белых халатах!»

Не родилась на свет ещё та итицкая сила, что посмела бы чего-то там запрещать пламенному борцу с тоталитаризмом и шовинизмом, не родилась... и не родится.

Да, старик Ухуельцин, как и всегда к началу очередного рабочего (или нерабочего, учитывая Новый год), дня был вдрызг, влоскутину, вдребезину пьян. Волны духовитого перегара, исходившего от него, валили с колен народных представителей, вразнобой моливших «отца родного» не покидать осиротевшую паству и не бросать несчастную Россиянию на произвол окопавшихся красно-коричневых национал-патриотов и прочих гадов.

- Не оставь сиротами! – солидно гнусавили олигархи.
- На тебя единого уповаем! – козлила интеллигенция.
- Папа, не шухери! – рыдала чувствительная братва.
- Да! Да! Нет! Да-а-а! – истошно скандировали звёзды шоубизнеса, стуча в бубны и тамбурины.

- Ой-ёй-ёй!!! – выли министры.
- Уй-юй-юй! – ныли депутаты.
- Ай-ай-яй-яйяяя!!! - голосили с мигрантским акцентом землячества и меньшинства. – Ай-яй-яй-я-я-я-я, убили негра, убили, били, или... ай-яй-яй-яя-яй-яй, суки, замочили... замочили, папа!

Вся земля россиянская стонала и плакала, простёрши руки к небесам... Но глух был к её мольбам усталый царь.

Четыре крутобоких и крепкозадых охранника держали державного старика на руках. Ещё четверо с пулемётами наперевес стояли у дверей. Семеро с гранатомётами лежали за дверьми. По обе стороны от парадного крыльца в полной боевой готовности сидели на корточках шесть сотен верных бойцов, готовых тут же умереть за гаранта конституционных свобод. А по бесконечному фасаду дворца-президентии тут и там роились батальоны, полки и дивизии «витязей», «вымпелов», «альф», «бет», «гамм», «омег», омонов, омбздонов, собров, мобров и убопров. Где-то внутри бездонно-бескрайней президентии таились неисчислимые тысячи личных командосов президентия, присланных на его защиту из самой Заокеании.

Необъятна и могуча была вся президентская рать.

Я с сомнением поглядел на Кешу.

Он подмигнул, мол, поглядим ещё. И пошатываясь, пьяненькой походкой поплёлся к ступеням. В руках его был свиток челобитной. А в свитке...

Тысячи стволов тут же нацелились в Кешу.

Всё напряглось и окостенело.

Зыстыли каменные небеса. И оглохли поля.

И тут старик Ухуельцин приоткрыл один глаз.

Глаз был мутный, красный и бессмысленный. Но этим мутным глазом матёрый старец разглядел, что лежало в свитке... Он приподнял голову, отпихнул крутозадых. Встал на свои две. Качнулся. Мотыльнулся и... И полетел бы с крыльца, но Кеша успел вовремя. Он подхватил гаранта, прижал к его сердцу челобитную с завёрнутой в неё бутылкой. И шепнул в ухо государственному старику:

- Третий нужен!

Все знали, что старик не пьёт с утра один. Суевер!

Корявый палец долго блуждал над толпой, пока не упёрся в меня. Водил вельможным ухуельцинским пальцем податель свитка-челобитной.

- Вот! – сказал наконец гарант, облобызав Кешу. – Вот он меня понимает, понимаешь! А вы... сволочи! Вы с чем пришли? Пошто-о?! Тьфу!

Он потянул Кешу и меня куда-то в глубь президентии. Но на ходу обернулся, погрозил пальцем бомонду. Топнул ногой, плюнул, растёр, выmaterился...

- Прочь! Прочь иуды! – закричал он, трезвея.

Деловитая охранка начала выпихивать и выталкивать взашей особо важных VIP-персон, не особо и церемонясь, по принципу: незванный гость хуже татарина. Хотя разобратся, кто хуже кого, было непросто – татар тут собралось немеряно: и среди гостей, и среди охраны; не говоря уже о хохлах, армянах, евреях, мордве, корейцах, якутах, тунгусах и, главное, о русских, об этих невозможных русских, которых вообще никуда не приглашали. О-о-о...

Вслед русским плевались и шикали все.

Старик Ухуельцин уволок нас в какой-то полутёмный клозет. Заперся. Дрожа и тревожась.

- Следят, гады, - прохрипел с истовой, страдальческой укоризной, - шагу ступнуть не дают, понимаешь! рюмки выпить! Сволочи! Всюю президенцию прошмонали, понимаешь! Все заначки повыгребли-и... А ведь вчера с Ридикюлем стаканили, я бутылёк под подушку сунул, там ещё на дне было... Где-е-е, где он?! Всё утащили! Ироды... Врачи-вредители, понимаешь! Жена-зараза...

- А Калошин? – глупо спросил я, имея ввиду генерального президент-администратора.

- Их хаб им ин дрерд!* – злобно прошипел старик.

Челобитную он сразу скомкал, бросил в угол. И теперь желтыми ядрёными зубами рвал пробку с «Московской». Кеша стоял рядом, приноравливался... Я с ужасом ждал трагической развязки.

- Да погоди-и... – старик Ухуельцин выдрал пробку, глотнул раз, другой, судорожно дёргая кадыком. И оторвался... задышал тяжело, будто сом, выброшенный на берег. – Ы-ы-хыррр... и-хырашо-о-а!!!

Позже Кеша раскрыл мне зловещую тайну: в бутылке было лишь полстакана «московской», остальное раствор цианистого калия в крысином яде.

- Теперь ты... давай-ка... дрынкни! – Ухуельцин сунул было Кеше бутыль. Но тут же отдернул. – Не-е, погоди-и, успеешь ищо! – и снова присосался к мутнозеленому горлышку. – Ы-ыхррр... о-ооо...

Он пил смачно и яро, наливаясь багряной кровью и одновременно зеленея. В шпунтах, шунтах и шлангах внутри матёрой утробы урчало и булькало... Пил... и не падал!

- Закусите, Бормотух Ермолаич... – Кеша вытащил из кармана кашемирового пальто пирожное-эклер и угодливо сунул его вельможному собутыльнику.

Я уже и сам догадался, что эклер вместо крема был битком набит самой жуткой отравой, о какой и помыс-

* Я его в гробу! (идиш).

лить было страшно. Мороз продрал мою кожу. А старик Ухуельцин уже доканчивал бутылку. Он, не глядя, сунул руку за закуской и тут же, запихнув некошерное пирожное в пасть, зачавкал, зачмокал и зашамкал.

Потом недоуменно повертел в руке пустую бутылку. Поглядел на Кешу. И спросил:

- А тебе, понимаешь?

- Найдётся чуток, - заговорщицки подморгнул ему Кеша. И вытащил из другого кармана ещё пузырь. Хотел было поднести к губам...

Но цепкий старик Ухуельцин вырвал бутылку. Сам приложился к ней, алчно и хватисто: забулькал, загыгикал совеющим филином, засюсюкал в гробовой тишине матёрым упырём-винососом.

Ужас объял меня до глубины души моей. Одного наперстка поила, одного укуса отравы хватило бы, чтоб отправить на тот свет три богодельни таких стариков... А этому хоть бы... Нет, державный старец чуть покачивался и бронзовел на глазах. Но не сдавался. Стоял статуей. Оплотом. Гарантом. Это был просто Распутин какой-то! Он выпил три бутылки кошмарного яда и съел шесть напшигованных смертью пирожных... отплевался, отсморкался. Вздрогнул. Передёрнулся. Рыгнул. И только тогда благодушно раззявился и заорал дурным голосом: «живи стра-ана-а! да-ара-ага-ая ма-ая Расеяния-аа...»

Нас с Кешей он уже не видел. А может, просто принимал за кого-то другого. Мы терпеливо ждали, когда отрава начнёт действовать... Мы не могли уйти просто так.

Но когда старик вдруг погрозил мне корявым пальцем и злобно, с жуткой угрозой выдавил:

- А-аа, эта ты, Чубайтц! Нохшлеппер!* Эта ты-ы рыжий гад, понимаешь... эта ты во всём винова-ат!!! Да я тебя-аа...

Вот тогда Кеша не выдержал.

- Пора, - прохрипел он. Ухватил грубого старикана за могучую красную выю и принялся душить его.

* Прихлебатель (идиш).

Я отвернулся. Это зрелище было не для моих нервов...

Наконец что-то тяжёлое мешком рухнуло на мрамор. И Кеша толкнул меня плечом. Он сделал своё великое дело.

Мы вышли вразвалочку, как из бани. Плотно притворив за собой дверь и чуть покачиваясь. Так выходят из царских покоев фавориты и собутыльники властелинов.

- Работает с бумагами! – сказал Кеша бугаям из охраны и выразительно щёлкнул себя пальцем по горлу. – Сказал, первого, кто сунется, уволит на хер! Ясно?!

Быки из охраны загрустили.

Мы выбирались из президентии на дрожащих ногах. Будто из зловещего замка живого мертвеца Дракулы.

Но было... чего там скрывать, было немалое моральное удовлетворение. Как после Сталинградской битвы. Или поля Куликова. Уже и сами себе мерещились миниными и пожарскими... Только виду не показывали. Героев украшает скромность... Три четверти Россиянин, узнай бы они всю правду, напились бы сегодня за наше с Кешей здоровье в доску... а оставшаяся четверть от счастья бы ушла в запой на месяц! на год! Это ж... это ж... как от царя-Калина, чудища окаянного, змей-горыныча поганого землю русскую ослобонить... ильи муромцы! святогоры! Свершилось... есть правда на земле! но есть она и выше!

Ангелы несли нас на руках к лимузину.

И трубы пели в светлеющих небесах.

А вечером, когда мы собирались обмыть дело на Кешиной даче, из телеящика сообщили:

- Сегодня днём генеральный президентий Россиянии был доставлен в центральную клиническую больницу с диагнозом ОРЗ и обширным расстройством желудка. Опытные врачи-терапевты уже перелили старику Уху-ельцину кровь, желчь и мочу, пересадили лёгкие и промыли мозги... во время процедуры, как сообщили помощники и санитары, генеральный президентий утверждал указы, приказы, приговоры и помилования...

Я посмотрел на Кешу.

А он глядел в пустоту и повторял как заведённый:

- Распутин... это Распутин... нет, Дракула ... живой мертвец! Это мертвец, понимаешь... мы никогда не убьём его... он уже мёртвый... мёртвый... как убить мертвеца!

По щеке у Кеши текла крохотная скупая слезинка.

Нет, покамест ни на земле, ни выше никакой правды не было.

А жизнь-житуха тем временем текла своим чередом. И было в ней всё нормально, как в хорошем дурдоме.

Жизнь №8 – милости просим!

Обрыдлая мораль на расхожие темы:

И были в этой жизни хозяева и холопы.

Как и в любой жизни.

Поначалу приходили хозяева. Но после них власть доставалась холопам, так уж повелось...

На смену князьям-русам Меровингам, что царили в дикой Франкии, пришли их холопы-мажордомы, всякие капетинги-хренетинги и прочее латиноязычное* фуфло, и империя превратилась в бардак, в огромную холопскую.

На смену хозяину, народному заботнику и знатоку языкознания товарищу Кобе пришел «кукурузный» отпрыск, холопишка-дурачок. Без хозяина он не мог себе найти места – метался, «перестраивался», «реформировался», давил бульдозерами полоумных, таскался по америкам и чуть было не просрал Россию вкупе с плаксивыми, но хитрыми шестидесятничками, комиссарскими сынками. Папаши-комиссары вырезали десятки миллионов русских. Это было нормально. Мировое сообщество не возражало.

Но когда Коба чуть-чуть придавил комиссарскую сволочь, сынки завизжали: тоталитаризм! сталинизм! Кобу отравили. И дурачок-кукурузник заплясал под дудку комиссарского се-

* Неграмотная «французская» знать того времени, подражая новым хозяевам из Рима, пыталась изъясняться на латыни. Их язык получил название «латина вульгата» – вульгарная латынь, и со временем стал французским. Язык русов был забыт.

мени*. Изрядным плясуном был... Но холопа вовремя вывернули наизнанку и сшибли коленом под зад, как и положено спать холуев-холопов. Мало что не высекли. А следовало бы.

Затем был хозяин, добрейший Леонид Ильич. На него ненавистники России повесили много собак. За то, что крепил Россию, не обращая внимания на их вой, тывканье и скулёж... Пятая колонна оболгала железного генсека, обихихкала – воровски и гнусенько, из-за угла, в анекдотишках, изготовленных в «русских центрах» ЦРУ беглецами-диссидентиками**, «правозащитниками»-холопами (как известно, правозащитники всегда работают на «сильного», по нутру своему они холопы и плебен, что, впрочем, видно и невооруженным взглядом). В действительности Брежнев был гигантом, титаном. Даже смертельно больного, полупарализованного, потерявшего наполовину речь – его боялось «мировое сообщество», вздрагивало от одной поднявшейся брови на его челе, тряслось при вымолвленном полуслове, падало в обморок при движении пальца. Брежневская Россия не просто достигла паритета с НАТО и Америкой (вместе взятыми), она была вдесятеро сильнее. Брежневская Россия в космической и военной областях на пятьдесят, а на прорывных направлениях и на сто лет обгоняла пресловутую Амэурыку, которая везде вопит, что она «самая-самая!» Только теперь стало ясно, что Брежневская Россия была единственной сверхдержавой на планете и в космосе (американоиды, как ни пыжились, как ни воровали у нас секреты, но никак не могли сделать хотя бы простенькую станцию на орбите). Хваленая Амэурыка (как они сами произносят) была дутым пузырем до предательской сдачи России холопами.

После хозяина Брежнева была невнятная череда невнятных холоповатых людишек и комиссароватых джазистов-чекистов.

А потом к власти пришел опять холоп. Не чуя себя хозяином, и не чуя над собой хозяйской руки, он заметался в истерике, как и кукурузный Никитушка-дурачок. Заметался аж по всему свету. В своей державе должность да чины не позволяли ему найти хозяина и верно служить ему. А натура-то холопская,

* Это «семья» переодически то «окомиссаривалось», то «перестраивалось», то «одемокративалось». Народец за ним не поспевал. И потому его или вырезали, или он сам вымирал.

** Советский «диссидент» инакомыслил на тех, кто ему больше платил. А больше всегда платил запад, всегда!

требовала, чтоб хозяин держал на поводке... И он нашел себе хозяев, в «мировом сообществе». И никто не вербовал этого придурка в масоны. Нужны масонам такие обалдуи! Меченный Херр сам напросился в прислугу, ибо... и был прислугой, быдлом и холопом.

Против холопов не надо бунтовать. Не надо устраивать путчей и заговоров, революций и восстаний. Их надо просто брать за шкуру, отводить на конюшню и сечь... В девяносто первом всю эту перестроечно-холопскую шоблу-ёблу надо было просто выпороть на конюшне...

Розгами...

И тогда русская нефть принадлежала бы русским, а не трём толстякам с оффшорным гражданством... Но... но... но больших идиотов, чем русские, мир ещё не видывал. Об этом знают все на планете. Все, кроме россиянских россиян.

После Херра Горби пришел большой, напыщенный, с оттопыренной по-барски нижней губой, вальжжный, самодуристый и хамоватый ... холоп. Вальжность была внешней. А внутри огромного жирного тела сидел маленький плюгавенький и угодливый холопишко – на своих – «цыц! молчать! не пущать!», а чужим: «что угодно-с?» с поклончиком. Этот холоп стал в два раза «свободней», облетев два раза вокруг статуи Свободы, позеленевшей от злобы на весь мир. Свободный человек не может стать «свободней» в два или в полтора раза, он просто свободен и всё. А холоп может. В холопе много степеней холопства. Чем хозяин круче и конкретней, тем в холопе понта больше. Ибо халдей, холуй и холоп. Особенно холоп без галстука. Вальжжный холоп-самодур нашел себе хозяина самого могучего и сильного. И оттого раздулся до невозможности, как пиявица, усосавшаяся дармовой крови. Страну, могущество и державность, силу и независимость, народ и мир на земле просрал ... зато стал «свободней».

Эдакий плюгавый карлик-холоп под огромной позеленевшей от дряхлости и ксенофобии статуей «свободы». Увы, увы... никакой свободы в Штатах нет и не было, свидетельствую об этом как очевидец – там все, несмотря на разные одеяния и цвет кожи, чёсаны под одну гребенку – ежели ты хоть на йоту выходишь из-под общеамериканского стандарта, ни удачи, ни процветания тебе не видать. Не свобода, а тирания «общеамериканского мышления и поведения», шаг в сторону – и ты враг общества, ты вне общества, ты никто и ничто, бомж в вонючей

подземке. Ибо демократия есть деспотия олигархов плюс дебилизация всей страны. И ни хрена больше.

В общем, жирный и вальяжный «барин» был только для нас, русских дураков, барином. Увы...

Правда, под конец и он пытался надувать щеки и что-то там лопотать западу. Но его быстрехонько брали за шкуру, секли в холопской и сажали на его обычное кучерское место.

Хозяин не станет хапать и тащить. Ему и так всё принадлежит. Его дом Держава. Вот так, мои милые.

Хозяин не бывает вором.

Холопы всё тащат в свою конуру. Хапают и крадут. Холопы всегда вороваты. Они временные. Им бы успеть украсть.

Холопы очень любят всё иноземное. И особенно любят самих иноземцев. Сами они холопы, люди третьего сорта, плебс. И потому каждый иноземец мнится им господином-барином. Всё иноземное прекрасно...

С каким плебейским придыханием твердят холопы о «старейшей в мире амэурыканской демократии», они просто елозят на брюхе. О, Амэурыка! А ведь всё враньё... Жалкая страна стоит на лжи, вбитой в головы недалеким её жителям и всему миру. Чуть больше двухсот лет стоит – кровавая, деспотичная, злобная, завистливая и алчная тирания, убивающая мир... ограбившая всю планету, заживевшая до вырождения и тотального отупения – феноменально богатая (только в этом источник вожделений мирового холопства, и ни в чем ином). Феноменально богатая, бескультурная, тупая и самовлюбленная.

Тиранократическая дебилотратия.

Ублудица-Амэурыка появилась на свет, когда России было без малого полторы тысячи лет. Сборище авантюристов, беглых каторжников, преступников и алчных искателей легкой наживы собралось в стаю... Цель стаи была: сожрать как можно больше, если получится – весь мир. Стая искала прикрытия. И появились напыщенно лживые, сальненькие и слащавенькие «демократические» декларации. Под вывеской этих деклараций и началось ограбление, а одновременно и опошление, развращение и вырождение мира.

Холопы иных стран и народов быстро усекли в чем суть «демократии» – у них появилось «законное», «демократическое» право грабить, хапать и гадить «от имени народа». Если раньше ты был презренный подлец, вор и жулик. То теперь, под вывеской «деклараций» ты становился «всенародно избран-

ным». Величайшая ложь и подлость всех времен и народов – «демократия» – была запущена в мир.

Хозяева у власти отвергали эту ложь, эту пирамиду лжи. Они видели, кто стоит за этой ложью. Они понимали, зачем нужна «власть народа» вору и лжецам. Самые презренные, самые гнусные отребья стали тут и там «всенародно избранными».

Говорят, каждое население достойно тех, кто над ним властвует. И еще говорят – всякая власть от Бога.

Мудра та страна, мудр тот народ, которые не допускают над собой власти холопов и мерзавцев.

Ну, всё! Хватит морали... Эко меня опять занесло... По всем телевизорам с утра до ночи: «лучше нету того цвету, что в Америке цветёт!» А я всё про какую-то Россиянию убогую, которой на амэурыканских картах и вовсе нету...

Чёрный человек садится ко мне на кровать, водит пальцем по мерзкой моей и пасквильной книге... слушай, слушай, - бормочет он мне, ненавистнику и забулдыге, - слушай, раньше ты был поэт, без крамолы в мозгах и без тараканов, а теперь... проживаешь ты «в стране самых отвратительных громил и шарлатанов»*!

Мы встретились с ним в Риме. На Вилле Джулии. Возле музея этрусков, которые были родными предками россиян, ни хрена не помнивших своего родства. Это был тихий уголок в кишачем туристами Вечном Городе. Туристов сюда не водили, потому что гиды, в отличие от россиян, знали, кто кем кому доводится, а россиян и их предков в Вечном Городе, как и невечных городах и селах Европии не шибко долюбливали.

Это было нам на руку. Здесь на Вилле Джулии, ни одна охранка нас никогда не найдёт. Эти олухи будут топтаться между траяновыми колоннами, фонтанами, колизеями, римскими банями и форумами. Бог в помощь!

Кеша был в сером элегантном костюме и в темносерой шляпе. Он не был похож на итальянского мафиози. Потому что итальянские мафиози были точными копиями

* Из С.Есенина.

чеченежских козопасов. Он был похож на матроса, сошедшего на берег после кругосветного плавания. Не хватало только пиратской серьги в ухе. И трубки. Зато были белый шёлковый шарф и сигара в зубах. Здесь, в убогой Италии, это выглядело вызывающе.

- Что в России? – спросил он.

- Дураки и демократы, - ответил я. – Две извечные проблемы, мон шер ами.

- Да-да, - согласился он грустно, - мы все дураки... раз позволили этим гадам сесть нам на шею. Впрочем... полчаса назад звонили солнцевские. У них всё готово.

- Храни их Господь, - я невольно и с облегчением перекрестился.

Какая-то чернявая старуха-католичка, проходившая мимо, поглядела на меня с нескрываемой ненавистью. Местные знали точно, что единственный правильный бог, это их, итальянский бог, а папа в Ватикане – его личный наместник на земле. Мы с Кешей так не считали. Божьи люди не приторговывают водкой и табаком, да и в казино церковные денежки не вкладывают. Наместник! Однако мы встретились не для того, чтобы обсуждать делишки местного папы и заскоки старой мегеры. Мужа этой старухи пристрелили под Сталинградом, шестьдесят лет назад, пристрелили за дело... а она всё жила. И ненавидела русских убийц, убивавших славных и добрых чернооких парнишек-итальяно... Я всё знал и про старуху, и про папу, и про то, что на картинах мастеров Кватроченто* были не цыганистые смолокудрые «итальяно», а русые и белокурые герцоги, княгини, купцы, священники и простолюдины... Где они теперь?! Никто не ответит мне на этот вопрос. А на такие вопросы надо (надо!) отвечать!

Я любил Италию. Точнее, Этрурию которую сами этруски-расены звали Расенией, и Венецию, основанную род-

* Четырнадцатый век. Картины «италианских» мастеров этого Предвозрождения наиболее интересны и талантливы. Позже идут сплошные тела, похоть, кривоноготь, животы, зобы, зады, ветхозаветная «библейщина» и ремесленничество.

ными братьями расенов венетами. И «королевство обеих Сицилий», сколоченное нашим варягом-находником, которого местные туземцы звали просто Руссиеро. Нынче это всё итальянская Италия. Всё течёт, всё меняется... У нас тоже когда-то была Россия, Третий Рим...

Старуха плюнула в нашу сторону. И скрылась за углом. Точнее, за завесой густой зелени, окружавшей Виллу Джулии с трёх сторон. У меня не было зла на итальянцев, худо-бедно, но они сохранили память о нашем прошлом... Я позвал Кешу внутрь. Обсудить всё толком. А заодно ещё раз полюбоваться прекрасными творениями расенов (хотя и колизеи-колоссеумы, и виадуки, и сам Рим тоже были творениями этрусков-расенов, италики лишь стали непутёвыми наследниками-вертопрахами и геростратами, сжигающими время от времени «вечные города»)... Но Кеша отказался.

- Стены имеют уши!

Мы отошли под вечнозелёные сени, метров на сорок от входа в музей. Мимо по кривой улице пронёсся чёрный мерседес. Это были олухи из охраны, отслеживающие нас. Местные на таких машинах не ездили - моветон.

- Всё отработано до мелочей! – похвастался Кеша, выплёвая «гаванну», которую он так и не зажжёт. – На этот раз мы подстрелим его, как вальдшнепа! Со всей кодлой!

Я пока ничего не понимал. Но спросил бестактно:

- А почему ты не там?!

Кеша поморщился. Отвёл взгляд.

- Уговор такой, - пояснил он сквозь зубы.

И я понял, что дело нечисто.

- Выкладывай! Да всё без утайки!

Он махнул рукой, мол, была не была. Он явно боялся сглазить хорошее дело. Но у меня был добрый глаз. Я не мог ничего сглазить. Значит, сомнение сидело внутри него самого...

Мы уже пролетали не один раз. И это давило на нервы, расшатывало и без того расшатанную демократией психику. Так можно было заработать комплекс... Я давно

приметил, что он начал косить... нет, пока ещё в прямом смысле, но с этого и начинается.

- Солнцевская братва сказала, всё будет путём, - пояснил Кеша. - Два грузовика с гексогеном. В спальном районе. На пустыре между домами. Это приманка, понял? Залепуха под теракт. Воронка двадцать метров. Выбитые стёкла, двери, поваленные деревья... понял?

- Приманка, говоришь? - я начинал понимать.

- На живца! - Кеша мне подмигнул. - Этот хрен со своими козлами через три часа прискачет. Как только оцепят... Будет слёзы лить над воронкой. Клятвы давать. Так всегда бывает. Первые лица! Вместе с народом! В гуще событий! В едином порыве... Рейтинг! Уж перед выборами он момента не упустит... ну и...

- Что, ну и? - переспросил я, хотя всё увидел, как наяву: Кешиных гранатомётчиков, снайперов, которые перехерачат весь кортеж из соседних домов вместе с охраной, оцеплением и царствующими кандидатами на престол. По логике вещей, «этот хрен» приедет непременно. Любой президент любой страны, случись там такое, приедет. Просто не посмеет не приехать. Иначе шиш ему, а не второй срок! Но... но там же жилые дома. Так рисковать... из-за кого?!

- Сто пудов! - сказал Кеша. - Зуб даю, они его урюют!

Он щелкнул ногтём по фарфоровой коронке. И улыбнулся улыбкой третьеклассника, принёсшего домой после бесконечных «двоек» и «колов» крепкую и здоровую «тройку».

Улыбка была искренней. Но я на неё не ответил. Я схватил Кешу за его шёлковый шарф, притянул к себе и прошипел в лицо:

- Срочно! В аэропорт!

Он отпихнул меня. Не переставая улыбаться. И тогда я вытащил из кармана - ведь я так и не стал профи! писателюшка, что с него взять! - свой старый «тэтэ», подаренный мне фронтовиком, дошедшим до Берлина. Этот фронтовик так и сказал, что, мол, он отстрелялся, теперь

моя очередь. Вытащил. И саданул ему под ноги. Следующей пулей я разmozжил бы ему череп. Но Кеша всё понял. Он перестал улыбаться. Сделался бледным. А шарф сорвал и вовсе, бросил в кусты... Нет, он не испугался меня. Просто я добил его в его собственных сомнениях. Я стал последней каплей, после которой Кеша уже не мог больше убеждать себя, что «всё ништяк» и что солнцевские сделают дело на «сто пудов». Он дрогнул.

- Едем!

Мы добирались до аэропорта на каком-то заезженном такси с орущим неополитанские песни таксистом. Тот, верно, надеялся, что за его бельканто мы накинём ему деньжат... уж лучше бы он молчал! Мы не успели на вечерний рейс. Лайнер упорхнул у нас из-под носа. Пришлось ждать ночного.

- Несolidно, - пожаловался Кеша, - авторитетные люди на «ночные вазы» не садятся... может, переночуем где-нибудь до утра... Ну, ладно, как знаешь!

На рассвете мы подрулили к Алтуфьевскому. На точку. За километр до пустыря Кешин лимузин притерли два «мерса». В другой раз Кеша оставил бы от наглецов кучу металлолома и пионерское кострище. Но эти были явно свои. Кеша подтвердил: солнцевские братки. Двое тут же залетели внутрь. Радостные и возбуждённые.

- Всё путём, маэстро! – заверещали они. – Щя будет маленький фейерверк! Только не лезь вперёд! Джигиты сами управятся...

У меня похолодело внутри. Опоздали!

- Какие ещё джигиты? Ты чего несёшь?! – не понял Кеша.

- Всё нормалёк. Ты нам отстегнул три лимона. И чёрные два. Сами пришли. Говорят, сделаем в лучшем виде! Лимон тебе! Лимон нам. Экономия, усёк!

- У-у-у, суки, - застонал Кеша, прикрывая глаза рукой, - перекупили заказ! Перекупили!

- Какая, на хер, разница?! – удивились подсевшие.

- Щяс узнаешь!

Я поглядел на часы. Оставалось ещё двенадцать минут.

- Успеем! – сказал я Кеше. – Чего ты раскис?!

И тут рвануло.

Три башни в четырёх сотнях метров от нас обрушились сразу. Будто были слеплены не из железобетона, а из сухого навоза. Полыхнуло. И тут же повалил дым. Багряным заревом затянуло светлеющие небеса.

- Во козлы, - тихо удивились солнцевские, - им же сказано было: грузовик, на пустыре... а они в подъезды нафигачили! Ну, шарахнуло!

- Чёрные кто, - спросил Кеша еле слышно, - чечены?

- Чечены, - подтвердили братки.

- Сколько их?

- С нами четверо говорили... ну, там ещё семеро или шестеро тёрлись... да на подхвате столько же.

- Всех! – приказал Кеша.

Это был именно приказ. Братки всё поняли сразу. Только переспросили, в какой срок.

- Три дня, - отрезал Кеша.

- Непросто будет, - сказал один, что постарше. – Мало.

- Три дня! – повторил Кеша. – Всех на хер!

- Ермолов нашёлся, - еле слышно съязвил я.

Парни вылезли из лимузина. И тут же наморщили носы. Гарь пробивала насквозь. И кислый, рвотный запах гексогена. Не успели.

Я не знал, что делать. Всё уже было сделано. Без нас.

- Поехали!

Я ухватил Кешу за локоть. Он вырвался.

- Через полчаса всё оцепят. Надо успеть... А там этот гад подъедет! Я его сам уложу... Твари! Охранка сучья! Ни хера не охраняют столицу! Борцы, твою мать, с международным терроризмом! Защитнички!

Мы успели проехать. Водителя с лимузином Кеша отпустил сразу. На двенадцатый этаж бежали бегом. Лифт не работал. Там, наверху, была одна из купленных специально для дела квартир. Ещё в двух других сидели Кешины люди. Четвертая рухнула вместе с соседней башней.

Дверь открылась сразу. Кто-то из «быков» стоял на стрёме. Он признал Кешу по стуку.

- Где?!

- На кухне!

- Болваны! А где воронка?!

Тяжёлый станковый пулемёт пришлось перетаскивать в комнату, с окошком аккурат над руинами. Кеша уселся за него. Сгорбился.

- Я сам...

Ни через час, ни через три никто не приехал. Не приехал ни на второй день, ни на третий... то ли в «центральной клинической лежал», то ли на лыжах катался в Альпах. Кеша позеленел и поседел.

К концу третьего дня солнцевские приволокли четыре мешка, высыпали Кеше под ноги семнадцать голов. Головы раскатились по паркету, глупо скалясь и стекленея вытаращенными глазами.

- Ну и чего, - не понял Кеша.

- Все тут, можешь пересчитать, - заволновались братки.

- Как уговаривались, без булды. Больше нету...

- А на хера они мне здесь? – Кеша отвернулся. – В мусоропровод!

На четвёртый день мы снялись с позиций. Когда проходили через оцепление, я спросил у хмурого прокопченного и замерзшего паренька-мусорка, никогда не бывавшего в Вечном Городе:

- Сколько насчитали?

- Сто сорок семь, - ответил он. Потом подумал. – Реально, за двести будет.

- Президент приезжал?

- Какой, на хер, президент! У них там благотворительные балы и юморина с Жуванейцким, мы тут по телеку глядим между нарядами, ухочешься, блин!

Я понял, что паренёк никогда не попадёт в итальянскую Расению под синим высоким небом. Он наверняка и не слышал о ней.

Просто ухочешься.

Вся Россияния ухахатывалась. За исключением тех, что были в рухнувших домах. И нас с Кешей.

Я ждал неделю. Ответных мер режима. Потом понял, ждать нечего. И плевать! Пусть подставляет щёку тот, у кого она лишняя. Я позвонил в Грозный. Знакомым ребятам. Пообещал ящик водки и подписать новую книгу. От водки они отказались. Надоело пить. Пригласили к себе в бригаду. Через три дня на четырёх «вертушках» мы выдвинулись в горы и сожгли два аула, где жили родственники тех гадов, что подорвали дома в Москве. Я орал, матерился, требовал спалить ещё пару бандитских лежбищ, дотла, со всем отродьем... Ребята меня успокаивали. Говорили, хватит... Они были правы. Если и жечь кого из этого зверья, так тех, кто держал в своих волчьих лапах Грозный, Москву и всю Россиянию. Или нас самих...

Страна громил и шарлатанов. Самых отвратительных.

И пророков, которых нет в отечестве родном. Зато есть чёрные человеки. Много, много чёрных человечков...

А второе пришествие Христа мы просрали.

Он уже приходил. После того, как комиссаров повывели да войну выиграли. Да восстановились. Это и было чудом Господним. Вот и явился Он, чтоб чудо своё закрепить и засвидетельствовать... начал что-то про царствие небесное, про Третий Рим, про коммунизм, про Хельсинское соглашение, где границы навсегда и навечно, про любовь.

А народонаселение ему:

- Ты нам колбасу давай!

- И джинсы!

- И жвачку амэурыканскую!

- И не ходите дети в школу, пейте дети кока-колу! – тоже давай! Давай! И не хера зубы своим раем земным заговаривать! Не олухи царя небесного! Тоже поди «Голос Амэурыки» слушаем по ночам! Джинсы, гад, давай!

Не было у Христа джинсов и жвачки. Сам ходил в хитоне и жевал рыбу сушеную. Начал он чего-то плести про

ближних, про «эллинов и иудеев». Тут его и те и другие камнями-то и забили. И ушли.

В очередь за колбасой*.

На третий день Христос, как полагается, воскрес. Посмотрел вокруг. И грустно ему сделалось. И хреново.

И повесился он на ржавой трубе.

Навсегда. И окончательно.

С тех пор всё пошло и поехало...

С самого детства Вовик Перепутин любил что-нибудь взять да и потопить. Бывало пригреет бездомного щеночка или брошенного котеночка. Выходит, выпоит молочком... а потом возьмет и утопит. И одноклассников-сверстников топил в прудах и речках, в шутку – подплывет бывало сзади невзначай, как насядет на спину, подомнет, потопит, и ждёт, покуда потопленный дергаться перестанет. А потом вытащит еле живого, отпустит к маме, вздохнёт... и подумает – лиха беда начало!

За это звали его Вова Топилец.

Позже приходилось топить сволочей сослуживцев и прочую шушеру. Мелко это было и не масштабно.

Хотелось великих свершений.

Став генеральным президентом диковинной страны Россиянии, Перепутин понял – пришло время потопов. Он не хотел жить по мещанскому принципу короля-солнца Людовика ХУ – «после меня хоть потоп». Почему это «после меня». При мне! И именно при мне! Но не спеша, и коли партнеры за! А то и захлебуться можно.

Он давно мечтал потопить все россиянские корабли и подводные лодки. И в целях экономии, чтоб олигархам больше денег доставалось, чтоб не разбазаривать их на, понимаешь, какую-то там оборону какого-то там народонаселения... и по натуре своей топильческой. Но всё не

* Хотя у каждого в холодильнике уже было по полтонны. Но по «Голосу Амзурыки» всё время говорили, что колбасы не хватает... «Голосу» верили больше, чем холодильнику и своим мозгам (которых на самом деле не хватало).

решался. Осторожный был. И потому, когда американцы взяли и потопили самую большую россиянскую подводную лодку со всем экипажем, Топилец сделал скорбное лицо... а сам возрадовался! ведь живет же Бавария без подводных субмарин, и хорошо живет! практические люди эти заокеанцы!

Особенно Перетопилец был рад тому, что сам заокеанский президент – настоящий президент, большой белый вождь из большого белого вигвама! – позвонил ему за полчаса, предупредил, мол, потопим, на благо миру, прогрессу и демократии. Очень это уважило Топильца Перепутина. Ну просто очень! Он даже не показывался на люди недели две после этого звонка – чтоб не сглазили.

Юноша-участковый перехватил меня у дверей – я выезжал в аэропорт, надо было лететь в Данию, в Роскильде, там опять нашли драккар викингов, точнее, то немногое, что от него осталось. Датские коллеги утверждали, естественно, что это корабль данов-норманнов. Но я по присланному из Копенгагена снимку видел ясно, что это переходной вариант от северорусской боевой ладьи к поморскому кочу. И они знали, что я был прав... но... но... иногда наукой движет политика. А я просто хотел пощупать своими руками эти полусгнившие обломки ладьи моих предков русов. А заодно и побродить по знаменитой усыпальнице роскильдского собора, где лежала супруга и мать российских императоров... впрочем, кому они сейчас были нужны в обновленной России! Здесь в авторитетах ходили совсем другие.

- Не знаю чего и делать! – пожаловался мой юный друг, состроив грустное лицо. – В вашем подъезде уже почти всех поубивали, три семьи только старых осталось – на десять этажей... да и те...

- Что и те? – не понял я.

- Да две нормально, живут как положено. А третья вот, два старикана, ветераны-инвалиды, дед с бабкой, вчера за руки-то взялись и с восьмого этажа и сиганули...

- Земля им пухом! – посочувствовал я.

- Какой там пух, об асфальт расшиблись, в лепёшку, только ордена по всему двору полетели, ребятишки полдня собирали, сейчас на жвачку меняют...

- Они что, при орденах ходили?

- Да прежде не было такого. А тут надели и в окошко! Мне что-то расхотелось беседовать с юношей. Я поглядел на часы. И приподнял свой кейс, больше у меня ничего не было – всего-то на пять дней, туда-обратно.

- Удачи! – попрощался я.

- До свидания! А от бабушки вам привет горячий, - неслось мне в спину, - он по вашим книжкам теперь прихожанам проповеди читает, слушаешься, весь храм битком! до свидания...

- Всем капут устрою! – сказал Капутин.

И все страшно напугались.

Два самых близких и самых толстых олигарха и вовсе сбежали из Россиянии.

И потому поднимать потопленный крейсер он доверил заокеанской фирме из островного Кингдома (это такая Верхняя Вольта на острове). Лучше уж отвалить денежки богатеньким партнерам-миротворцам, чем всякой местной россиянской, понимаешь, нищете. Утопилец Перепутин знал, что с россиянской голытьбой каши не сварить, и потому вкладывал россиянские денежки в мировую экономику и в светлое будущее своих потомков. Ах, каким светлым-светлым виделось ему это светлое будущее!

Очень хотелось Вольдемару, чтобы его звали не абы как, по-русопятски, заурядным Перепутиным или Капутиным, а красиво, по-германски, скажем, фон Каппутин или хотя бы херр Капутинг, а ещё лучше херр Валдэмарис фон Каппутер дер Перепутинг. Но подданные были по-русски глупы, и ни один из них не угадывал желаний владыки... И потому вместо этих русских дураков он окружал себя бывшими натуральными немцами, всякими

умными трефами, мрефами, кухами, бухами, мюллерами, миллерами, липшицами, чубайтцами и фрайерманами... О-о, уж они-то на лету ловили мысли и чаяния великого гротсфатера фон Топильцера...

История не знает точно, кто из этой шибко умной немецкой слободы навел президент-гауляйтера на потопление века и тысячелетия... Но свершилось!

Была у Россиянии в космических просторах огромная космическая станция, целый звездолет звёздный, город на орбите... Ни у кого такого не было! Ни у богатеньких жителей Заокеании, ни у хитреньких и шустреньких японцев, ни у очень цивилизованных французов с англичанами. Даже у дошлых немцев-германцев не было своего космического города. И ничто им, самым развитым и богатым не помогало – ни миллиарды мешков с долларами, ни тысячи тонн марок, ни штабеля диковинных «евро». Ибо были времена – стародавние, еще до ухуельциных и перепутингов – когда не всё за деньги покупалось, и когда никакой Россиянии и в помине не было, а была Великая Империя Добра и Справедливости, ведущая держава ещё той, не пронумерованной, настоящей жизни.

Бедному Вольдемару в наследство от Империи, где делали космические города, досталась страшная головная боль – сотни тысяч суперсовременных ракет, подлодок, кораблей, танков, самолётов, заводов, станций... которые вот уже сколько лет всё крушат, ломают, пилят, режут, топят, взрывают, заливают бетоном, разлагают на атомы, вывозят и снова топят, топят, топят и всё никак перетопить не могут... хотя друзья-партнеры и отстёгивают на это дело мира каждый год по сто миллиардов долларов и всё делают, только бы от проклятушей империи зла и следа не осталось. А осталась чтобы правовая и демократическая страна дураков Россияния, выбравших взамен космических городов и антарктических мегаполисов, полётов на Марс и вселенски отзывчивой души русской очень прогрессивные памперсы-подкладки и самую сладкую мочу демократии под сладким именем «пепси».

Перепутинг знал, что лучше быть императором страны дураков, чем прапорщиком Великой Империи. И он принял мудрое решение. Ведь на самом деле, нет же в Баварии никаких космических станций! и в Шлезвиг-Гольштейне нету! А живут лучше! вон, колбасы и сосисок сколько! и пива! и презервативов!

И космический город потопили.

Вот это было шоу!

На весь цивилизованный мир!

Правда, умный фон Каппутинг прежде, чем потопить космический город, созвал всех бывших имперских мудрецов-умельцев и повелел им выстроить и запустить на орбиту космический город для друзей-амэурыканцев. И те выстроили и запустили.

А свой потопили.

Чтоб все знали твердо во всем мире – никогда и ни за что Россияния не сойдёт с пути реформ. Даже если и её саму потопить придётся.

О последнем Великий Топилец задумывался порой долго и сладострастно. Все потопы должны были быть при нём! И только при нём!

Но и потопам своё время.

Директивы из центра пока не поступало.

- Нихт капитулирен!!! – орал Перепутин во сне.

И вся огромная и бесчисленная охрана, охранявшая сон великого реформатора, знала – да, это знатный государственный! державник такой, что только держись! патриот! этот за Россиянию любого уроет и в сортире замочит!

- Нихт капитулирен! Русланд капут!

Всю охрану Великий Перепутин брал с собой в Германию-фатерлянд, когда ездил за опытом подобно Великому Питеру-батюшке. Но охрана-то знала, когда вопрос с фатерляндом разрешится окончательно, великий патриот-державник заберёт с собой туда далеко не всех. Умная была охрана.

И имя ей было легион.

Найн Русланд – ноу проблэм.

Ах, как Вольдемар Капутин мечтал быть немцем. Вы себе не представляете. Думал он только на немецком языке. Получалось сумбурно и глупо, через пень колоду. Ни одну думу он не мог додумать до конца. Проклятая доморощенная русопятость мешала – с корнем её надо было драть из себя и из других! не по капле выдавливать... а рвать всю как есть... когда враг не сдаётся...

Капутин советовал брать пример с немцев.

Впрочем, о немцах следует поговорить отдельно. Это будет длинный разговор, и я прошу вас набраться терпения или пропустить эти ужасные страницы. Я пишу ненормальный роман для ненормальных читателей. И потому отступления в нём тоже ненормальные. Какой-нибудь Чаадаев, не знавший русского языка (абсолютно!), мог бы назвать их философическими письмами. Что же...

А я назову себя Вольфгангом Амадеем, который никогда не был немцем или каким-нибудь австрийцем, а всегда был русским. И напишу Реквием по стране, ушедшей навеки в кристальные толщи озера Светлояра.

О-о, бедные, бедные немцы!

Далеко не все капутины и перепутинги знают про них то, что знаю я – потомок Рюрика, Пруса, Руса, Августа, Энея и Иафета... Дойче, дойче, юбер аллес...

Ведь несмотря на то, что мама нашего всенародно избранного гарантмейкера русская россиянка, а дедушка шеф-повар (как у правдоруба из Думы, мама русская, а папа юрист), сам-то Он, ну, просто чистокровный немец...

*«Все что ни случилось с нами плохого,
все это происходило из-за немцев!»*

Иван IУ Васильевич Грозный, Государь Всея Руси

«Немцы прокричали на весь мир о бесчисленных своих совершенствах и простодушные соседи им поверили»

М.О.Меньшиков «Немецкая душа»

*«Немцы сами простодушные
простофили... да и какие они немцы!»*

Ю.Д.Петухов

О, фатерлянд, о-о-о-о-о о-о-о-оооо!!!

фон Каппутинг

*О. бедные, бедные немцы!**

Я не помню, сколько раз бывал в Германляндии. Иной раз берусь считать... и не могу, пальцев не хватает... Дошло до того, что я вообще перестал воспринимать неметчину как заграницу (курица не птица, Дойчлянд не заграница), несмотря на визы, загранпаспорта и прочие глупые премудрости, которыми очинно цивилизованное «мировое сообщество» и не менее зажавшаяся Объединенная Европия ограждают от себя несчастную и затюканную матушку-Россиюнию.

Я много раз бывал в Фатерлянде.

И потому, наверное, имею право высказать пару тёплых слов о наших младших братьях (ниже я поясню, почему братьев, почему младших), проживающих в этой незагранице, ибо сердце мое переполнено к ним искренней любви и жалости.

Когда-то, в незапамятные времена, в бытность Гэдээрии, Германляндия была велика, просто огромна. Я ездил из города в город, из одной нашей части в другую, и не понимал, как такие уймища народа, миллионы и миллионы военных здоровенных, сотни тысяч танков, бэтээров, самолетов, пушек, зениток, ракет и всего-всего прочего умещается в столь крохотной (глядя, на карту) Европе! Тогда Восточная Германия была беспредельна и безразмерна. Это была западная провинция Империи...

Я читал на русской радиостанции «Волга» (Потсдам под Берлином) главы из своей повести, и голос мой плыл над великой и бескрайней державой, просто содрогающейся от исполинской мощи, таившейся в ней.

Это была Великая Германия!

Это был форпост Великой Империи...

* Философическое изощрение. Читать не стоит. Особенно пивным демократам, квасным патриотам и пепси-памперсным космополитам.

Восточная Германия метафизически была значительно больше нынешней «объединенной» двухкамерной Германляндии, скроенной белыми нитками на заокеанский манер заокеанскими портняжками. Это был могучий утес над равниной!

Тогда я завидовал немцам. Они были витриной Империи.

Теперь я полон сострадания к ним.

Вместе с разрушенной стеной они разрушили себя... и обратились из надмирных великанов Имиров во что-то средневропейско-общечеловеческое, безлико-копашащееся в своей унылой «объединенной» Европии, похожей на муравейник с рыжими муравьями, черными тараканами и дохлыми личинками.

Германия была разделена.

Но это была Германия.

Нынче она объединена. Но это уже не Германия, и не Дойчланд... а некая Псевдоамерикания. Подлинная германская Германия не была заплевана по уши американской жвачкой. Ныне это Дойчеленд... а может, МакДойчналдс... о, йес!

У бедных немцев отобрали даже их марку! И подсунули безродное «евро». Ну что такое немец без марки? Евремец...

А ведь были времена!

Заокееания тогда сидела в своей заокеанской заднице. Это были семидесятые-восьмидесятые, благословенные годы... когда мы, русские, жили в Великой Империи, в Солнечном Государстве Будущего, что навсегда кануло в прошлое... Золотой век, не понятый идиотами-современниками и дураками потомками. Променяли Божий Дар на жеваную жвачку... Впрочем, речь не о Россиянинах, ввергнутой в первобытность.

Речь о бедных немцах. О немчуре несчастной.

У меня, поднаторевшего в странствиях по Европе и её историческим дебрям, умудренного в философических скитаниях-размышлениях, всё более упрочается мысль-вопрос: и что же это «мировое сообщество» вытворяет с немцами? и есть ли предел этим экспериментам? и почему самая солидная нация на Европейском полуострове... (русских не принято считать европейцами; хотя русские вовсе и не нация, русские – мать наций) сидит в эдаком дерьме?!

Европейский полуостров – монстр,
Приглядитесь к очертаниям на карте,
Искореженный коррозией отросток
В Евразийском выпуклом гиганте.

Эти строчки я написал лет двадцать назад, когда с удивлением заметил, что Европа никакая не часть света, а жалкий полуостров. С тех пор ничего не изменилось.

Кроме одного... Немцам запретили думать.

И публично сомневаться. Ежели несчастный немец открыто (не приведи Господь, печатно!) засомневается, что в газовых камерах сжигали не бедных евреев, а просто дезинфицировали вшивое белье, дабы пресечь эпидемии тифа, его тут же поволокут в суд. И, будьте уверены, засудят. И уж вовсе не позавидуешь тому бедолаге, кто вдруг заявит, что проклятые нацисты уничтожили не шесть миллионов евреев, а, скажем, пять с четвертью. Его самого обвинят в холокосте.

О, бедные, бедные немцы!

Впрочем, про русских им разрешается говорить и думать всё. Абсолютно всё! Хотя русских они прохолокостили на все двадцать пять миллионов. Но русских не принято считать.

У немцев никогда не было надобности воевать с русскими. Это не я выдумал. Это Бисмарк сказал. Простофили-немцы всегда были чьим-то орудием. Так бывает, когда нет своей головы. То ими вертел Ватикан, натравливая псов-рыцарей на Русь, то Англия, то Англия на пару с Америкой. Больше тысячи лет римские папы пробивали тупой немецкой башкой славянскую стену, гнали русских из Центральной Европы на восток. Взамен за пролитую кровь немцы получали наши земли. Пришло время Рим одряхлел. И голову немцам стала заменять Англия. Она швыряла их то на Францию, то на Россию. Немцы постоянно получали по зубам, но своей головы так и не заимели: в Первую и во Вторую мировую их ввергли англо-американские интриганы. Получили немцы за простоту по полной программе. Интриганы содрали с них семь шкур. И сели на шею.

Теперь интриганы внушают глупым немцам, что им надо опять тупо ломиться на восток, и немцы рады стараться... Яволь!

О, бедные, бедные немцы!

После Второй мировой русские их пощадили.

Пощадят ли ещё раз?

Нынче, правда, Россия уж не та, слаба Россияния. Но ведь и Германия не ахти какая – одно название осталось. Мне жалко нынешнюю Германляндию, потому что я её знаю. Этому нынешнему Дойчеленду, дай Боже, как-нибудь справиться с турецкими мигрантами (не справится!) Запал-то остался прежний, а пороху нет. Население-то в Германляндии нынче не то: изне-

женное, гомосексуальное, не германское, а гейманское, одним словом обычный педеракратический евродемос с толстым-толстым слоем турецкого шоколада...

И всё равно мне жалко немцев. У меня такое ощущение, что они живут в своём МакДойчландсе исключительно потому, что кто-то им разрешил в нём проживать (и жить вообще). За это немцы питают чувство искренней благодарности к благодетелям. И они готовы всегда каяться и выплачивать им репарации и компенсации... А русским? Русских немцы готовы сократить ещё настолько же, и больше, был бы приказ из пен-штаба по борьбе с международным терроризмом. Впрочем, русские и сами себя сократят до нуля... и совсем скоро.

Немцы на вид очень brave. Закрученные усы, вздернутые подбородки, выпученные глаза, свирепые лица, рычащие голоса, громогласное «йя-йя!!!», способное до полусмерти перепугать какого-нибудь китайца или татарина... Но внутренне немцы люди робкие. Вся их bravость уходит на укладку усов..

Немцы тихи и незлобивы. В самых разных землях Германландии мне рассказывали одно и то же: если бедных немцев начинают бить свирепые турки (а их тьма-тьмушая там), brave немцы тут же бегут к русским (иногда это обрусевшие «этнические немцы» из России). Русские живо откликаются на призыв восстановить справедливость – приходят и бьют туркам морды. Помогает. Лучше полиции, которая турок боится.

Немцам романами и фильмами внушили, что они чрезвычайно brave вояки и были такими всегда. Немцы поверили. Надули щеки, выпучили глаза, закричали криком фельдфебелей, но внутри остались тихими и богобоязненными обывателями.

Когда едешь по природной Неметчине, особенно Восточной и Центральной, постоянно ловишь себя на мысли, что едешь по русской глубинке: всё родное, близкое, перелески, поля – сердце щемит. И ничего тут странного нет. Это и есть, ежели не Россия, то уж тот самый исходный русский фатерлянд.

Фатерлянд, заселенный почему-то немцами.

Здесь, среди наших полей – и вдруг какие-то германские немцы? Откуда? Почему?! Да и о каких немцах мы говорим?

Кто мне, историку и этнологу, покажет натурального немца-германца? Таковых просто нет.

И тысячу лет назад никаких немцев не было и в помине. В Центральной, Северной и Восточной Европе проживали русы и славяне. Римские историки называли их без разбору «германа-

ми» (то есть, яроманами, «ярыми людьми», «варварами»). Позже название это присвоили себе немцы-дойче, которые, как нация, сформировались к XIX веку. А, точнее, не сформировались и поныне, в разных землях разные немцы говорят на разных диалектах и друг дружку понимают плохо или не понимают вовсе. Объединяет их искусственный общегерманский язык. Сконструирован он на основе диалекта восточных немцев – дойче. Но... самое интересное, что слово «дойче» – это есть произносимое на современно-немецкий лад «деутцы» или «довци» (факт, известный каждому уважающему себя лингвисту). А деутцы-довци – это самоназвание славянского племени.

Вот вам и немцы-германцы!

Кстати, Рим громили не какие-то «германцы», а конкретные русы, вандалы, венеды и славяне. Столетие назад об этом писали открыто. А ныне скромно умалчивают, нынче верить в славян дурной тон, нынче на западе свято верят, что русский – это татарин, которого умные немцы научили повязывать галстук.

Предки будущих немцев стали вычленяться из славянских племён к концу 1 тыс. н.э. Одновременно с натиском на славяно-русскую Европу папских орд. «Миссионеры» шли с мечом и огнем, стравливали всех и повсюду: под крылом Ватикана одно племя славян бросалось воевать с другим, вытеснять его, гнать на восток. Штурм и натиск папского Рима стал ответным ударом на разгром русами Рима Древнего. Рим оправился, впитал в себя мощь вторгшихся «варваров». И пошёл в контратаку.

Рим воплотил в жизнь то, что было доселе лишь в умах историков: Германию и германцев. Он создал их папской волей из русов. Русы это предки русских и немцев. Но больше русских. Потому что русские ушли от натиска средиземноморской негроидной волны. А немцы нет. Особенно южные немцы.

Южный немец – это полурусский–полуитальянец, часто осветлившийся, с серыми, но выпуклыми глазами, русыми, но вьющимися волосами и италианско-эфиопским длинным носом. Южный немец это не немец и не германец. Как южный француз это не француз и не франк.

Вольтеру приписывают поговорку – мол, поскреби немного русского и обнаружишь в нем татарина... Это чушь. Русский больший ариец, чем немец.

Но если поскрести немца, под его «немецкой» кожей вы обнаружите самого исконного и самого натурального этнического руса-славянина. Немец – это русский, позабывший о своих

корнях и говорящий на искусственном (синтетическом) языке. Йа-йа! Натюрлих!

В Центральной и Восточной Европе перед русами и славянами был поставлен вопрос: умереть, бежать на восток или стать «немцами». Одни ушли. И остались русскими. Другим умирать и уходить не хотелось. Вот так на белый свет появились бедные немцы – наши младшие братья, онемеченные русские. Никаких чудес не было. И тем более никакой мифической «германской нации». Все мифы и легенды появились в романтических ХУШ-ХІХ веках, когда по Рейну настроили кучу «древних» замков и сочинили на основе русо-славянских легенд пышную и цветастую «германскую мифологию».

Немецкие историки ХУШ-ХІХ веков знали реальную историю. Но комплекс нелюбви к русским, а тем более, к славянам, произойти от которых к тому времени считалось чрезвычайно постыдным, и породил забавную версию, что германцы были всегда, что они всех повсюду покорили, везде создали государства, всем принесли культуру и порядок...

Итак, немцы это русские, которые не знают, что они русские. Не знают, несмотря на то, что все исходные названия городов, сел, рек, гор, лесов, урочищ, заливов, островов, озер в их Германляндии не просто чисто славянские, а исконно, кондово русские до такой степени, что иногда неловко перед сами немцами, что их города называются Липецк (Ляйпциг), Дрозданы (Дрезден), Торгов (Торгау) и так до бесконечности... Да, немцы про все это пишут практически во всех справочниках, сами пишут, признают, что это правда ... но делают вид, что не знают этого. О, эта деликатная дойчелендовская Европия!

Немцы усиленно делают вид, что они немцы!

Немцы сами себе внушили такую нелюбовь и презрение к славянам, что поддерживают в войнах против них любых и самых диких басурман. И этой своей поддержкой (плюс своей невоспроизводимостью) добьются скоро того, что Германия-Дойчланд превратится во вторую Турцию.

Да, бедные немцы намертво зажаты между Турцией и Америкой. Кто для них страшней, они пока и сами не знают.

Спасение немцев в России. Но они этого не понимают.

Нихт ферштейн и ни бум-бум.

Они испытывают смертельный ужас перед Россией. И правильно делают. Потому что Россияния это тоже уже не совсем Россия, а скорее, Большой Кавказ, нахрапистый и алчный. С

Россией можно ладить. Но с Большим Кавказом Германляндии не совладать. Он проглотит её вместе с турками и албанцами.

Спасение России в Германии и немцах. Немцы это русский генофонд. Когда Кавказ и Средняя Азия окончательно пожрут нынешнюю Россию, русским придётся возвращаться в родные отчины – на запад.

Россия зажата между Кавказом и НАТО не хуже зажатого между Турцией и Америкой Фатерлянда.

Америка смертным прессом давит Россию сверху. Бежать некуда. На востоке смерть или рабство. Русские побегут на запад, к этническим родичам, к младшим братьям немцам. Польша и всё прочее, промежуточно-межеумочное, не для русских.

Наше будущее – Русская Германия.

Если немцы этого не поймут, их детям придётся жить в Турции. Ибо Турецкой Германии не будет. Один народ, одна нация, одна вера. Короче, Турция. Русский Израиль уже есть. Это не все признают. Но он факт нашей реальности. Он просто есть. Он не нуждается в признании.

Будет и Русская Германия.

Или Германская Россия.

Как спасение германской Германии.

Как спасение немцев. И как спасение русских и России.

На китайцах лежит грех изобретения пороха. На русских – грех изобретения радио и телевидения. Они изобрели страшное оружие против себя. Немцы очень верят этому оружию. И русские тоже, ведь русские в душе не менее добропорядочные и доверчивые. Одна кровь. Одна душа. Одна черта неотъемлемая – простота, которая, как известно, хуже воровства.

Немцам внушили, что они государствообразующие люди (это немцы-то, у которых до конца XIX века и государства своего не было, жили кто где попало, в герцогствах, землях и княжествах разных!) Ну, простим им эту слабость.

В своем высокомерии к русским немцы смешны. Как смешон холеный, лощеный мальчуган, с презрением сына лавочника взирающий на старика, философа и мудреца, Екклесиаста, знающего эту жизнь от «а» до «я», и видящего глупого мальчугана насквозь. Старик безразлично высокомерие мальчугана, он был таким вечность назад. Русский видит немца насквозь и сразу. Немцу надо сто лет жить в России, чтобы понять русского. Да и то, не всякий немец долетит до середины Язуы...

Наверное, поэтому немцы немецкие ни под каким видом не признают российских этнических немцев за своих. Они для них русские. И только русские. Они не свои, они непонятные, не такие. Но русским немцам очень трудно стать немецкими немцами. Для этого надо отключить какую-то часть мозга.

У немцев пока больше задора и сил. Немцы юны.

Русские стары.

Русские вымирают естественно, от старости.

Немцев убивают в расцвете сил.

Сами они защитить себя не в силах. Они просто не видят того, что происходит. Они даже не понимают, кто их убивает. Они думают, что это естественный процесс...

То, что русскому здорово, немцу – смерть. Это пословица, русская. Откуда она? Оттуда! И до меня было не секретом для русских умов то, о чем я пишу. Бедные, бедные немцы!

Мне жалко немцев не только из-за них самих. Мне жаль эту нашу общую отчую землю, где живут они и где жили мы. Немцы не хотят, чтобы на ней селились русские, их старшие братья. Но приходят другие. Небратья. Они уже не оставляют немцам места. И противиться им нельзя. Сразу попадешь в нацисты. А это крест и гроб.

Я раньше всё думал, как нам спасти и обустроить Россию? И надумал – заселить её немцами. Ведь если хорошенько поскрести немца, обнаружишь русского. Было бы неплохо, если на Руси кроме лиц кавказской национальности жили ещё и этнические русские. Но потом понял... ошибка вышла! Тех немцев, что были немцами, или нет, или они стары. Юная поросль это уже не немцы. А американоидов у нас своих хватает.

Нет! Россия спасется Германией. Она обретет себя на исторической родине... Но нас теснят к Уралу. Опять дранг нах остен.

А вдруг русские на этот раз не потеснятся, не отступят.

Так что же нам делать с Германией и немцами?

Немцы органически неспособны любить русских и дружить с ними. Все попытки проявить эдакую «дружбу и любовь» сразу выявляют явную фальшь и натянутость. Никакой любви и дружбы между русскими и немцами не получится.

Так что же делать? Бомбить их? Засыпать ракетами? Уничтожить к чертовой матери? Такая возможность есть. И немцам не поможет ни их бундесвер, ни НАТО, ни Америка. Проблема будет решена за три-четыре дня. Тем более, что и моральное право на это у русских есть... За одну только тотальную траге-

дию Второй мировой русские имеют все права вывести немцев, как вредоносных животных, с лица Земли.

Но русские великодушны.

И не только в этом дело.

Германия это русский генофонд. Нашествие на Россию диких мигрантских орд, ввергает Россию в состояние агрессивно нерусское. Уже сейчас её можно назвать Нероссия. В нашей забытой Богом державе проводится тотальный геноцид русских-православных. Геноцид этнический и религиозный. Одни этносы и одна конфессия уничтожают другой этнос и другую конфессию. Мусульмане-кавказцы и мусульмане-азиаты за последние годы полностью монополизировали торговлю алкоголем, табаком и наркотиками. Потребляют отраву доведённые до отчаяния православные русские. В силу генетики северной расы, русские беззащитны перед алкоголем, он смертелен для них, у них почти нет фермента, выводящего алкоголь из организма. Этническое, расовое оружие массового истребления русских действует безотказно. Смертность в среде русских превысила на два миллиона в год рождаемость. Убивая русских-христиан, пришельцы не только наживают сказочные богатства, но и высвобождают для себя среду обитания. Они занимают место русских в России. На глазах у «просвещенного» мира творится беспощадный геноцид, по сравнению с которым истребление индейцев Америки, уничтожение фашистами славян выглядят гуманитарной помощью. Масштабы кровавой истребительной бойни, вершимой ныне над русскими не сопоставимы ни с чем в истории человечества. Сама бойня-геноцид безмолвно поощряется нынешним режимом, депутатами и чиновниками, лоббирующими в верхах интересы алкогольно-табачно-наркотического кавказско-азиатского мусульманского торгово-преступного капитала.

Русские, к сожалению, полностью утратили инстинкт самосохранения, и вымирая миллионами от геноцида, просто не понимают, что происходит. К 2030 г. русских в России (если она ещё будет, что маловероятно) останется 30 миллионов, а к 2060 г. не останется нисколько. Остатки не ассимилированных и не спившихся русских выедут из Азербайджано-Туркмено-Чеченской Нероссии-Орды в Европу и Америку. Десять-пятнадцать миллионов будут ассимилированы, поглощены пришельцами. Москва из Третьего Рима превратится во второй Стамбул. Она уже сейчас наполовину Стамбул...

Русские выживут Германией. Сейчас её можно считать исполненной консервной банкой, где в «немецком этническом льде» хранится русский этнос. Придет эпоха реассимиляции – и пятьдесят миллионов «немцев» «вспомнят», что они есть этнические, антропологические, культурные и расовые русы. В этом им помогут миллионы русских, выехавших в Германию, тех, русских, что имеют более высокий интеллектуально-духовный потенциал, чем немцы-туземцы, не говоря уже о пассионарности и врожденном русском мессианстве.

Возродится ли русский язык на землях Германии. Или это будет смесь флективного русского с синтетическим немецким... сказать трудно. При любых вкраплениях русский язык будет оставаться основой, ибо без него немислима сама нация русов. И, к сожалению, второго такого суперязыка на нашей планете нет (полудебильный синтетический английский язык занял главенствующее место исключительно в силу процесса дебилизации населения планеты, он рухнет вместе с англо-американской финансовой пирамидой, построенной на песке, доверии миллиардов простофиль и фальшивых американских долларах).

Россия возродится Германией. Русские возродятся немцами.

Или не возродятся вообще.

О, бедные, бедные немцы!

О, бедные, бедные русские!

Всего этого фон Капутин дер Перепутинг Миротопильский не знал. Он думал, что немцы это какая-то особая раса, что немцы это: о-о-о-ооо!!! а русские это: у-ууу...

И ему в этом незнании было хорошо, как утопленику в воде. Вот так. Фон президентий был блаженноверущим. Он верил блаженно, что уж его-то родные внуки будут самыми натуральными немцами.

На худой конец румынами.

Кеша нашел меня в Роскильде, на берегу моря в новехонькой ладье русов-норманнов, которые местные умельцы строят десятками. Его голос в «сотовом» был утрюм.

- Всё, уезжаю на хрен! Навсегда!

- Куда?

- В Германляндию, - признался он, - прочёл тут твою статью в журнальчике. Хватит. Достали басурмане!

Блажен, кто верует.

Блажен, кто ничего не знает о заказе.

И о летящей откуда-то из тьмы маленькой пуле.

Впрочем, не все заказы выполняются...

Но есть один странный закон нашего глупого мироздания: ежели что-то нехорошее имеет вероятность случиться, то оно обязательно и непременно случится. Раньше я не понимал этого закона. Он мне казался голым философствованием бестолковых обалдуев-философов. Теперь я знаю точно: этот закон вернее всех прочих. Вот так.

Два слова всерьёз: Пришло Третье тысячелетие. Эпоха постапокалипсиса. И пришёл я. Дать вам другой Новый Завет. Завет, как жить в Обществе Истребления. Это не шутки. И не стёб. Берите. Но не всё сразу... Не надо спешить. Просто дочитайте... и обрящете. Жизнь номер восемь кончается двумя бесконечными сортирными нулями. Но и после них остаётся кое-что... остаётся эта Книга книг. Сольют всё и всех, и наши цивилизации, и нас с вами. А она останется – так говорят те, кто курирует нас из тридцать третьего тысячелетия. Уж они-то знают!

На что похожа восьмёрка?

- На скрипку, - сказала изящная скрипачка.

- На стоящую гитару, - поправил её кудлатый гитарист.

- На виолончель, - уточнил Растропович и зачем-то достал из-под полы автомат, выданный ему ещё в прошлом веке, во времена белодомовского сидения. – И вообще... я на восемь лет отказываюсь выступать в России... заявляю об этом в восьмой раз...

- На контрабас, - бестактно оборвал великого маэстро толстый и вислоусый джазмен, - и ещё на мой старый велосипед в прихожей.

Все уставились на него с недоверием.

Джазмен пояснил:

- Когда я лежу там пьяный... ну, очень похож!

Все сразу закивали.

А случайно уцелевший и ещё не сваливший в Сан-Франциско секретный математик ответственно заявил:

- Горизонтальная восьмёрка есть знак бесконечности!

- Лично мне она больше напоминает колодки, в которых я ходил на каторге, - вставил зэк-каторжник, узник совести Самсон Соломонов. – И ещё наручники, в которые суют руки...

Растропович шумно расцеловал политкаторжанина устами в уста... и те, слившись, стали вдруг тоже похожи на скукоженно мокрую пластилиновую восьмёрку. Все дружно заплодировали. Это было так мило!

А я сидел, всеми заброшенный, и не знал, как их остановить. Ещё полчаса назад все они собрались в «литературном кафе» Лейпцигер бухмессе (книжной ярмарки огерманенного городка Липецка) возле моего столика, где я беседовал с милыми немецкими студентами, литераторами и славистами, пытаюсь их разуверить в том, что модный в Фатерляндии российский постмодернист Белобокин это ещё не всё наше, что заурядно-сермяжные русские мужики, которых ежели хорошенько поскрести, все как один татаре, в сто раз кондовой и изящней Белобокина ругаются матом, что тот же Ширян Баянов, скажем, ширяется покруче и почаще Белобокина, а растама-ном он вообще никогда не был, и ни один реальный дуремар этого Белобокина в Мастырбане (Амстердаме) ни разу не видал, и что Дуня Огурцова пишет в полтора раза грамотней, а кроме неё и Белобокина (того самого, что написал свой «Лёд» из моей цитаты про «бедных немцев») у нас в великой русской литературе есть ещё великий лауреат всех премий Жуванейтский, Пушкин, Гоголь, Абрам Терц, Карина Малинина, Малина Каринина, Марина Колчачич, Клуня Дунцова, Маня Дашцова, Моня Гершензон, Лёва Толстой, Алексей Толстой Константиныч, Алексей Толстой Николаич и ещё одна под псевдонимом Толстая, которая переконопатила у меня «Бойню» и назвала её «Кышь!»... так мы и беседовали, покуда не

набежали один за другим мои россиянские читатели-почитатели (а они повсюду! это просто наказание какое-то!) и не начали меня терзать с этой проклятой «Жизнью № 8»! И дёрнул же меня чёрт опубликовать отрывки из неё! Скрипачка плакалась, что так любила мои нежные стихи! гитарист учитывался моими «романами про фантастику»! математик был без ума от исторических сочинений! джазист тащился от публицистики! великий виолончелист поражался, как я цепко схватил образ Великого Реформатора... А теперь... Теперь все они считали, что я их предал, что я сошёл с ума, что я пишу бред вместо высокой литературы, и они ничего не понимают... Коварная восьмерка и впрямь затягивала меня в оба своих водоворота, я смотрел сквозь неё, как сквозь очки, нацепленные мне восьмёркой на нос и увосьмеряющие моё и без того цепкое и чересчур пристальное зрение... Господи! Бедные немчики ничего не понимали... Вот тогда я и спросил у своих обожателей, мимо которых проносили великого маэстро с его автоматом:

- На что похожа восьмёрка?

И поехало. И понеслось...

- Я точно знаю, на что! – закричал наконец толстячок, с двумя круглыми щеками, восьмёркой обвисшими по краям его носа. – Точно!

- На что?! – остолбенели все.

- На мою «восьмёрку»!

Все ещё раз остолбенели. И уже надолго. Это был просто удар. Поддых! Это была высшая математика... и даже секретный математик развёл руками. Даже мои немцы благоговейно закивали: «йа! йа! йа!», будто они могли соображать что-то в этой жизни со своим Белобокиным.

Остолбнение нарушил мрачный субъект с зелёным, желчным лицом юного и неудачливого критика Абрахама Карбидмана. Это был не он. Я сразу распознал...

- Восьмёркой висит надо мной петля моя, - несуетно поведал он, - два круга, два оборота, один над другим – вокруг люстры и вокруг шеи... вот вам и вся бесконеч-

ность со скрипкой и велосипедом... Семь раз вешался... не везло... На восьмой, уж точно, не оплошаю!

- Почему? – зачарованно спросила скрипачка.

- Мой знак осьминог! – замогильно отозвался зелёный.

Все в ужасе задрали головы вверх, будто уже теперь могли видеть того чудовищного спрута, что обволакивал своими щупальцами наш дутый земной шарик... Потом разом осуждающе уставились на меня, будто это я был виноват в несуразной и гибельной восьмеричности бытия.

Лже-Карбидман ушёл. Оставляя за собой шлейф тлена и смерти. Вслед за ним сомнамбулами начали расползаться остальные... Лишь один превозмог липкое оцепенение...

- Тогда и вешайся на восьмое марта! – крикнул в согбенную спину висельника весёлый гитарист. – Во женето подарок будет... хе-хе!

И долго ещё под сводами восьмого павильона звучали раскаты этого пророческого и доброго смеха!

Брошенный всеми, я сидел, допивал холодный кофеёк, хорошо ещё, что взял «гроссе», а не «кляйне». И думал, кто же из нас изо всех ненормальный. Я бы ни за что не поехал на эту несусветную выставку... но тут ждали на закрытие Горбатого Херра. Восемь Кешиных пацанов с восемью пулемётами, замаскированные под восемь ярмарочных транспарантов лежали, сидели и стояли вокруг столиков «литературного кафе», им предстояла великая миссия... но увы!

Интриган был не из тех, кто сам лезет в капкан. Мы имели дело со старым и хитрым лисом, который чуял нас за восемь вёрст... иногда я даже думал, что он на самом деле продал душу дьяволу и дьявол помогает ему. Дьявол, блин... нашёл кому помогать! Чёрный человек.

Ну, да ладно...

На восемь бед один ответ – у нас есть тоже Бафомет.

В умной стране Россиянии было сто восемьдесят миллионов россиянцев. Шестьдесят миллионов из них были наркоманами (сто пятьдесят алкоголиками). Перепутин

глядел и умилялся. Всего за два года он втрое повысил заветную цифру... Он ожидал за усердие и рвение награды, хотя бы орден какого-нибудь гроба или хоть подвязку... Но мировое сообщество не понимало его рвения и требовало, чтобы на игле сидело двести семьдесят миллионов российских россиян. Заокееания вложила в афганоталибанские маковые плантации килотонны баксов, держала для их охраны и выращивания полумиллиардный ограниченный контингент! а поганые никому не нужные россияне не садились поголовно на иглу! хотя железная леди Тэргарит Мэтчер ясно сказала, что «русских хватит и семнадцать тысяч», а остальные никому и на хер не нужны! сука-Россияния и суки-русские создавали всему свободному миру массу проблем! какие тут на хрен ордена! от Капутинга ждали конкретных действий!

А он был заботливым отцом нации.

И усердным садовником

Ведь в умной стране Россиянии было сто миллионов лиц мигрантской национальности. Сам генеральный гарантмейстер Перепут-Капутинский однажды в генеральном послании к нации объявил, что именно таковыми лицами он будет замещать естественную убыль россиянского народонаселения (то есть самой этой нации). Шибко умная нация бурно рукоплескала мудрому решению заботливого президент-гауляйтера и отца-огородника.

И тот как усердный садовник, пекущийся о благе, брал в натруженные посланиями руки топоры, пилы, кувалды и начинал пилить, резать, долбить и крушить подсыхающие ветви и корни северной россиянской сосны-нации, отсекал больное, ненужное, недужное да и все прочее, что под руку подвернётся... Потом он набирал полные карманы гвоздей, болтов и шурупов... И начинал заботливо прибивать, ввинчивать и пришурупливать к остаткам соснового ствола ветки и корешки баобабов, лавров, саксаулов, анчаров, мандрагор, карликовых секвой и исполинских сельдереев... Получалось новаторски, реформаторски и экуменистично.

Перепутин отходил в сторону, потирал натруженные ладоши и радовался. Ненавистная всем Урус-Россияния постепенно превращалась в сладкую как персик, золото-зубую Апхган-Азэбарджанийскую Ордухерию Джамахирийского Намаза.

Главные россиянские академики россиянского языка Нурбатый Франкельмон и Йоханаан Тимурмамаев готовили проект перехода нецивилизованной россиянской кириллицы в цивилизованную ивритолатыницу арабоготической вязи с постепенным изъятием шовинистических россиянских корней, приставок, окончаний, существительных, прилагательных, глаголов и заменой их на демократический и прогрессивный общеевропейский инглиш-фор-туземиш.

Народы мира просто рукоплескали освобождению этой несносной Россиянии от тоталитарного ига россиянских языков и наречий!

Перепутинг прижимал руки к сердцу, раскланивался на все стороны. Счастье переполняло его большое демократическое сердце. Он со слезами на глазах заверял общественность, что если какой-нибудь фашиствующий скинхед ещё хоть раз скажет вместо «саммит» фашиствующее русопятско-квасное словечко «встреча» или вместо демократического «боулинг» имперско-нацистское «кегли», то все международные антитеррористические силы будут немедленно брошены на подавление этого очага международного русского фашизма!

Прогрессивная общественность просто рукоплескала душе Перепутингу.

Всё путём! – орали голубые мальчики и розовые девочки. Им нравилось жить в молодой Россиянии. – Путём!

Какие-то красно-коричневые шовинисты ещё продолжали думать по-гоголевски, что, дескать, Пушкин это наше всё.

На подлинных прогрессисты знали точно:

Перепутин – это наше всё!

Правда, один оголтелый человеконенавистник вкладывал в это «всё» совсем другой смысл*. Но его никто не слушал и не слышал. Многомиллионные толпы народонаселения бродили по российским пустыням с красивыми транспарантами и дружно скандировали:

- Перепутин – это наше всё!!!

А ещё Вольдемар Перекапутин был бригадным ефрейтором в в армии Хаттаба ибн Басая ибн Масхада.

В своем государствии он был Главноприказывающим Командармием и Генеральным Генераллисимумом. Но это было ничто в сравнении с честью, оказанной ему самим неуловимым Хаттабом. Этот неуловимый ибн Басай имел свою долю в госбизнесе Россиянии. Короче, он был уважаемым человеком, почти что сенатором, а может, даже и повыше самого президентия. И потому его, конечно, никто и не ловил. Хотя им время от времени пугали простоватых россиянцев. Хаттаба ибн Басая ибн Масхада охраняли и берегли пуще зеницы ока все спецслужбы Россиянии, чтобы, упаси Аллах, какой-нибудь бестолковый русский солдат-гяур случайно не пристрелил бы уважаемого человека или не взял бы его в плен. Ещё для этого в Чеченегию, где проходила массовая операция по ликвидации российской армии, время от времени – почитай каждый час – засылали дивизии прокуроров проводить зачистки в армейских частях. Поговаривают, что этими зачистками руководил сам Хаттаб и дикторы телеканала КВНТВ, которые были бригадными бригадирами непобедимой армии Хаттаба.

Когда в Чеченегии уничтожали и отдавали под суд одно подразделение российской армии, Хаттаб требовал у бригадного ефрейтора немедленно прислать новое.

И присылали.

Перекапутинг очень гордился своим высоким званием бригадного ефрейтора. И всё время увеличивал охрану

* «Всё» в смысле «конец», «край», «предел», после которого уже нет ничего.

Хаттаба за счёт ФСГБ, СБФ, ВДМ, МВФ, ВДВ, армии и флота. Злые языки поговаривали, что ракет, пулеметов, прокуроров и омоновцев в армии Хаттаба было в четыре раза больше, чем во всей прочей Россиянии и Окраине вместе взятых.

Сам Хаттаб был бригадным фельдмаршалом.

И он частенько давал нерадивому ефрейтору разгон. Особенно, когда тот присылал слишком мало миллионов зелёных как знамя ислама долларов на восстановление экономики Ычкер-Чеченегии.

Прежде никакой Чеченегии не было. А жили в горах добрые и свободолюбивые дикие абреки, грабили всё вокруг под ноль и разоряли вчистую по чисто горскому обычаю, а не корысти ради. Лихие были. Головы резали направо-налево и гениталии. Обычай! Обычаи надо уважать! А понизу богатые казацкие станицы стояли. И кордоны казаков не давали диким свободолюбцам пересаживаться с ишаков на «волги» и «мерседесы», захватывать русские города, заводы, фабрики и гостиницы, не позволяли шустреньким джигитам торговать русскими проститутками, сажать на иглу русских мальчишек и переводить к себе в горы миллиарды по фальшивым авизо. Свободолюбивые абреки так любили свободу, что повсюду воровали свободных людей и делали их рабами. Обычай, понимаешь! Надо уважать! Обижались свободолюбцы!

Потом пришел добрый дедушка Володя Бланк. И пока красные казаки крошили в капусту белых казаков, добрый дедушка науськал добрых абреков на станицы – те на радостях то ли три миллиона детских да женских голов отрезали, то ли четыре. Во имя свободы горских народов. Казаков повывели. И свободные станицы заселили лихими абреками. Это называлось ленинской политикой расказачивания и преимущественного развития национальных окраин... Так добрый дедушка Ленин-Бланк с добрыми чеченегамі окорачивали злых русских. Ещё более добренький старичок Ухуельцин, уважая горские свобо-

долюбивые обычаи, раздал свободолюбивым чеченегам по аказму, пулемёту, гранатомёту, танку, реактивной установке «Град» и по вагону боеприпасов...

За это его, понимаешь, наградили орденом Победы над Империей Зла, орденом Голубой Подвязки, Мальтийским Шестиконечным крестом, медальоном Пурпурное сердце, Нобелевской премией мира и двумя орденами Гроба Господня.

Старичок Ухуельцин вслед за Горбатым Херром стал самым знатным и пламенным миротворцем.

Эх, жизнь-житуха! Сколько ж в тебе измерений, пространств и слоев. И в каждом своё. И всегда, покуда в одном что-то одно, в другом что-то другое. Как на разных планетах в этой гнусной и всё ещё расширяющейся вселенной.

А реальная жизнь была совсем рядом.

На расстоянии выстрела в сердце.

Рота псковских десантников героически умирала. Умирала в России, одна, брошенная и преданная президентом, правительством, министерством обороны, главнокомандующим и командующими, генералами и полковниками, преданная населением, которое ещё долго после этого не сможет называться народом, преданная и брошенная Россией... которой больше нет.

Рота умирала, истекая кровью, но не сдавалась.

Умирала одна посреди двухсотмиллионной Россиянии.

Умирала на голом чеченском склоне, очищая Россию от бандитской мрази. А в это время:

- бандитская мразь по-хозяйски гуляла и пиновала в завоеванной Россиянии;

- «писатели»-сатирики исходились хихиканьем на голубом экране, им было смешно и радостно как никогда, они просто визжали от своего остроумия, издеваясь над русскими – и вместе с ними визжали русские залы;

- увеселительные викторины и развлекательные концерты шли без перерыва – нон-стоп; население, охренев-

шее от безделья и бесконечных выборов, развлекалось на полную катушку;

- вонючие и грязные скоты, черной смрадной волной накрывшие Русь, убивали поганой сивухой миллионы русских людей и наживали на их смертях миллиарды долларов;

- кавказские выкидыши в Москве и по всей России превращали в проститутку невест и жен солдат и офицеров, выполнявших свой воинский долг перед Родиной, солдаты освобождали Кавказ, проливая кровь, а «кавказ» проливал в России кровь русских девиц;

- писатель-деревенщик Распутин, бывший «мудрый советник при глупом президенте», с обиженным лицом обиженно бубнил что-то про коллективную совесть, и кучка таких же бессильных «деревенщиков», деревенеющих от своей смелости, согласно кивала и крестилась на «советника», как на икону;

- телепередача «Русский дом» призывала всех к богопокорности и скорбела, лоснясь и раздуваясь, наверное, от своей скорби;

- знатный оппозиционер ехал на своем «мерседесе» на дачу, отдыхать после трудов праведных; оппозицию в России он развалил – можно было и отдохнуть;

- президент катался на горных лыжах; и тысячи охранников охраняли его от населения:

Рота героев умирала, преданная и брошенная всеми, преданная Россией, которая после их великой и чистой смерти уже не имела права называться Россией.

Он высадил половину обоймы в брюхо чечену. И теперь тот червём извивался на кафеле, царапал грязными ногтями пол и визжал, омерзительно и гадко.

- Это не гуманно, - сказал я Кеше.

- А меня тошнит уже от гуманистов, пацифистов и прочих педерастов, - просипел он, думая добить гада или пусть помучается. – Он отрезал головы семи нашим солдатам. Понимаешь? Этот херров гауляйтер послал их ту-

да. На убой зверюгам. Год назад гниду поймали, был суд, дали двенадцать, скостили до семи, учитывая пятерых детей... Отсидел три месяца, подменили на бомжа, одного из рабов, вышел... всё нормально! у нас всегда всё нормально! три месяца за семь отрезанных голов... а этот херр, что послал их, на лыжах в Альпах катается... нет, Юра, сколько раз увижу зверя, столько и убью... вот тебе мой новый завет! Аминь, мать вашу!

Он пнул ногой издыхающего.

- И щенков его положу и родню до седьмого колена... Коли государи государевых людей не берегут, я беречь буду... не дам имя русское поганить!

Он был блаженным, просто каким-то Робин Гудом. В то время, как власти мором вымаривали народишко напроць, миллионами, грабили, вымораживали, обирали, спаивали, отдавали в рабство и полон иноземцам, он хотел защитить каждого сирого и убогого... Дон Кихот!

- Они найдут тебя!

- А я и не прячусь! Вот он я! Бери! – Кеша вытащил два огромных «кольта». Он всегда вытаскивал их первым. И стрелял первым. Но они могли подойти сзади... – Я давно переступил ту черту, Юра! Я уже давно не думаю о себе... Это война! И я буду драться до последнего!

Он не знал, что он и был последним... предпоследних убили в «белом доме» на верхних этажах, в Приднестровье, в Сербии, в подвалах ФСГБ... Убьют его, некому будет за Россию постоять...»

В двухтысячном я стоял по колено в грязи в этой самой Ычкер-Чеченегии и глядел в придорожный овраг. Там лежал русский парень без головы... Полгода назад мне сказали, что «боевые действия в Чеченегии закончены». Я знал, это так – власть передали бывшим боевикам. И потому отрезанных русских голов уже не считали. Это было нормально и обыденно.

В кармане у солдата лежал клоч бумаги. Я его вытащил, не измазав рук, кровь уже запеклась до черноты.

Вот что писал солдат Генеральному генералиссимусу
Россиянии и его brave генералам.

В вашем доме веселье и пир.
Веселится, гуляет Москва...
А у меня в груди восемь дыр...
И отрезана голова...

Я в чеченском овраге лежу,
Злой и мёртвый, и шлю презент,
Генералам продажным шлю,
И тебе, мистер-херр президент!

Вам к столу, чтобы пить допьяна,
По европам мотаться с лихвой,
Обмывать вином ордена,
Посылаю я череп свой!

Чашу сделайте из него,
И пируйте в угарном пиру,
И пока вас черт не возьмёт,
Ни за что я здесь не умру.

Буду я из пустых глазниц,
На веселье ваше смотреть,
Буду с вами вместе гулять,
Буду пить, хохотать и петь.

А когда будет праздник мой
Среди ваших утех и потех,
Я приду за своей головой!
Я приду отомстить за всех!

Гуманисты, пацифисты и прочие педерасты не любят русских солдат. За жизнь и покой русских солдат им деньги из госдепа не платят. Платят только за отрезанные головы солдатские. Ни один правозащитничек-иуда ни единого раза про них не вспоминал... двойная арифметика, двойная совесть... двойная честь... коли она есть... Спите спокойно, ребята... никто за вас не отомстит... В Россиянии нет русских... чечены это знают хорошо.

Третий день Моня стоял под унылыми стенами Останкинского телецентра с огромным экстремистским плакатом, нагло гласившим: «Дайте, пожалуйста, русским хотя бы полчаса в неделю на одном из каналов ТВ!» Редкие прохожие злобно посматривали на экстремиста, цыкали и плевались.

Лет двенадцать назад, когда под тем же лозунгом такие же злобные шовинисты разбили в Останкине палаточный лагерь, им быстро переломали кости и хребты добрые правозащитники из ОМОНа – демократия была спасена. В девяносто третьем на этом же месте доблестные «витязи» ликвидировали ещё один террористический русско-фашистский заговор. На этот раз спасение демократии обошлось всего в пять или десять тысяч трупов всяких красно-коричневых боевиков и прочего народонаселения, которое и без «витязей» вымирало миллионами... Доблестные «витязи» и омовцы получили ордена, стали героями Россиянии. Страна гордилась своими героями. Все знали, что они боролись, не щадя себя, с самым страшным, ужасным внутренним врагом. Все внешние враги были друзьями и партнёрами...

Так было.

А нынче никто на Моню внимания не обращал. Только пробегающие мимо школьники обзывали Моню русским фашистом и показывали ему средний палец, пенсионерки бранили скинхедом, хотя Моня был волосат и бородат, как Лев Толстой, а все прочие – жалким отщепенцем, сталинистом, большевистствующим лимоновцем, националистующим мандариновцем, квасным патриотом, жидом-provокатором и снова – русским фашистом.

Нынче народонаселение и без «витязей» с омонами знало из телевизоров, что русские - фашисты, что если их пустить на каналы, они тут же превратят молодую демократическую Россиянию в ужасную фашистскую Германию времен Третьего Рейха или, что ещё страшнее, в тоталитарную советскую империю сталинского образца.

Народонаселение готово было закидать этого оголтелого русского фашиста камнями. Но пока сурово выжидало... когда он сам начнёт кидаться.

Лишь однажды к Моне подошёл белобрысый бугай в милицейском бушлате и спросил с вологодским оканьем:

- Ты чо, русской?

Моня кивнул.

- У меня дед в Берлине погиб! – недовольно сказал бугай. – Сволочь ты фашистка! Я, как дед тут костями лягу, а тебя, гестаповца, не пропущу туды! Ишь чо, в канал захотел!

Он погрозил Моне дубинкой. И отошёл, вспоминая со щемящей радостью, как позавчера на Останкинском рынке они защищали мирных дагестанских торговцев от фашиствующих русских беспризорников-скинхедов. Скинхеды воровали с лотков гнилые яблоки и объедки. Торговцы гонялись за этими фашистами по всему рынку с длинными ножами. Но шустрые и мелкие скинхеды были увертливы. Не все попадались на ножи. Только вызванная конная милиция смогла переловить фашиствующих юнцов, скрутить их, связать, доставить по назначению. Теперь получают лет по пятнадцать! Закон! Порядок! И никакого русского экстремизма! И пакет с продуктами от благодарных гостей столицы. А этот... гад! Уконтропупить бы его на месте! И вообще, давно бы уже пора президенту написать новый указ, чтоб русские вообще не стояли и не ходили в общественных местах... фашисты хреновы! С ними хер договоришься... вот азеры... и чечены... другое дело, а этих экстремистов выселять на хер надо!

Моня не знал, о чём думает бугай.

Он вспоминал прежние, ещё доерецизраилевские времена, когда и он сам, как все нормальные люди, не был русским. Вот тогда телящик был для него полон веселья и утех. Он смотрел. И не мог нарадоваться. По всем программам с утра до вечера шли шоу-представления, ток-шоу, пип-шоу, викторины, игры, «золотые лихорадки», «свободы слов», «крутые стирки» и снова игры и ток-

шоу. И везде – а как иначе! – ведущими были только избранные, а аудиторией, игроками, толпой полоумные гои. Он смотрел, как всемогущие и всевластные избранные крутили этих гоев вокруг пальца, заставляли их то визжать от страха, то хохотать от счастья, то лаять, то хрюкать, то нести чушь и околесицу, испытывая наслаждение оргазма от своего всемогущества, от своей абсолютной власти над бестолковой, тупой толпой обалдуев, готовых дергаться на ниточках в руках шустрых, ироничных и язвительных кукловодов. Это был пир души! Это был просто блеск! Для тех, кто понимал суть игры. Это был шик! высший пилотаж! это была весёлая и изощрённая расплата за все столетия сплошного холокоста и сплошных «хрустальных ночей»!

В земле обетованной Моня вдруг понял, что на званном пиру избранников божиих ему места не зарезервировали. Увы. До него дошла простая, как талмуд, вещь – и среди избранных были избранные и гои... И он был полный шломп, поц и шмак*. Он был законченный, как говаривал папаня, пастернак! Заурядный «избранный» лох! Это открытие озарило его смеркающиеся мозги вспышкой сверхновой, что сжигает галактики и созвездия. И оно сожгло часть этих мозгов. И высветило часть иную, сокрытую прежде в сумерках его сумеречного сознания. И это было естественно, как всё во Вселенной. Как признание старика Данта, который земную жизнь пройдя до середины, вдруг оказался в сумрачном лесу...

О, жизнь №8! извечное блуждание в чащах и рощах!

Блуждая посреди этого сумрачного леса, Моня узрел лучик света, пробившийся сквозь лохмато-пархатомохнатые дебри, свисавшие мириадами перепутанных лиан-извилин в его страдающем мозгу. Не каждому дано видеть свет... но нет пророков в родном отечестве.

И вот Моня стоял с плакатом.

Теперь он ненавидел кукловодов.

* Кретин, осёл и балбес (идиш).

Куклы-марионетки ненавидели его.

Это была сумеречная и бестолковая жизнь.

Я вышел из телецентра, когда Моню били ногами три каких-то демократа из Антифашистского комитета. Демократы имели богемный вид и явно шли с прямого эфира, где, как всегда, обличали «эту страну». Ключья изодранного плаката лежали рядом в кучах привычного московского мусора. Метрах в двадцати с наручниками в руках, ссутулившись и сдвинув шапку на затылок, стоял бугаистый мент. Он грыз семечки и ждал, пока Моню добьют, чтобы скрутить его и доставить в отделение.

Я и сам шёл с того же «прямого эфира», на который меня в очередной раз пригласили, но не пустили внутрь, на запись, зная, что я навряд ли буду хрюкать и лаять под их дудку. Эфир назывался «Культурной революцией», вёл его толстый и лысый, как скинхед, нарком культуры, а тема была такая: «Российская интеллигенция: говно или как?» Вечная актуальная тема.

По дороге я зашёл в редакцию «Русского дома», но и оттуда меня вытолкали взащей, как какого-нибудь антихриста-басурмана, заявив, что эта передача для православных, а за мной числятся шесть монографий и два десятка статей по древнерусскому язычеству, а с язычниками им не по пути! В общем-то я не очень-то и напрашивался. Я никогда никуда не напрашиваюсь, это знали все в литературных, газетных и научных сферах, знали и тихо ненавидели за такое неслыханное вольнодумство... и тихо завидовали... что делать!

Плевать мне было на всех этих уродов.

Но Моню-мерзавца я по-своему любил.

И потому, выждав пару минут, я без лишних словопрепний накостылял этим демократам. И пинками прогнал их прочь. Подошедшему бугаю-менту я сунул сотенную.

Но он даже не протянул руки за ней. Стоял с отвисшей челюстью и глазел на меня влюблёнными глазами.

- С этим сами разберёмся, - пояснил я, показывая носком ботинка на лежащего в мусоре избитого и несчастно-

го Моню. Куртка на нём была хорошо истоптанна и мокра. Из носа сочилась густая вялая кровь.

- Да какие проблемы! – бугай тут же ухватил Моню за шкуру, приподнял его, даже отряхнул и цыкнул в набитое лицо, мол, не падать! стоять! И снова уставился на меня с обожанием. – А это правда вы...

- Я, правда, - пришлось сознаться мне. Я всегда требовал от издательств и редакций, чтоб они не печатали на обложках и переплётах моих фотографий. А они, сволочи, печатали и печатали.

- Уй ты! А я, прям, балдею от ваших «Записок Воскресшего», и от «Западни» тоже! Пять раз перечитывал. Вот бы кино снять!

- Спасибо на добром слове, - ответил я. Пожал руку парню. Пожалел, что нет с собой книжки, подписать. Но он и так был рад. – С кино пока проблемы...

- Вон других по сто раз на день показывают, и фильмов стока... А вас и не увидишь!

- Ну, вот и увидели! – я махнул парню рукой. И повёл шатающегося Моню к машине, из которой настороженно выглядывал мой водитель. Он не очень уважал случайных попутчиков. Особенно шатающихся и мокрых.

- Ну, что, Моня, навесили? – спросил я, когда мы уселись на заднее сиденье. И не дождавшись ответа, изрёк: - Теперь с плакатами ходить неактуально, толку нет, дорогой! Теперь ежели плакат берут, так для того только, чтоб древко под рукой было, охерачить кого следует!

Но Моня оставался идеалистом. Он ещё верил, что с россиянским народонаселением можно работать.

За эту веру его и били. С каждым разом оставляя всё меньше мозгов.

Россияния просто лопалась от избытка талантов.

В свободное время Перепутин любил сниматься в кино. В отечественное россиянское его не приглашали. И потому Перепутин наострял лыжи за океан, для встреч без галстуков, носков и прочего белья. Но сам всегда успевал

вне протокола оторваться на денёк-другой от охраны. И тайком сняться в одном из голливудских фильмов.

В саквояжике, который все принимали за «ядерный чемоданчик», Перепутин возил большие накладные уши и длинный накладной нос. Попав на киношную студию, он тут же приклеивал их и немедленно входил в любимый образ. И миллионы детей и взрослых по всей планете просто хлопали от восторга и умиления в ладоши, когда на их экранах появлялся ушастый и носастый домовой с его милыми проделками и ужимками...

- Доби! Доби! – радостно скандировали они. – Доб-би!!

А кто имел россиянское гражданское подданство, тут же бежали к избирательным урнам и вписывали любимого избранника Доби во все бюллетени.

«Из жизни замечательных людей»:

А матёрый человечище росточком с трухлявый пенё и плешивой головой-глыбищей всё мерил корявенькими шажками палату, теребил некогда рыжую, а ныне седую востренькую бородёнку, покусывал усики, погрызывал ноготки и твердил с истовостью пророка или апостола:

- Говно наша интеллигенция, говно...

Патлатая седая старуха с базедовыми глазами сидела на корточках в углу камеры и жевала край халата.

- Сколько я Кобе говорил: провернём шахер-махер с Горками, проверим партию на вшивость, как Грозный бояр... и натюрлих! А он двойника в гроб! а меня в дурдом! А ведь я писал партии про этого двурушника... и-ех, говно наша интеллигенция... архиговно!

Старуха мычала и пугала говоруна «козой».

- Да ты меня и не слушаешь, Надин! А ведь могли бы с тобой да с Иннесской-бестией преотличненькую адвокатскую конторку в Цюрихе иметь!

- Цирлихи-манирлихи! – старуха постучала скрюченным пальцем по виску.

Она давно привыкла к проказам муженька. Гений!

Матёрый человечище подпрыгнул козликом, заложил большие пальцы за подтяжки, склонил голову набочок и лукаво улыбнулся:

- Не скажи, Надин! Профессора тутощние тебе наговорят... интеллигенция-хренохрюленция! А ты и поверила? уши и развесила? А зачем тогда как новый генсек или президентик ихний, так с полным собранием моих сочинений ко мне бежит, мол, подпишите, уважаемый товарищ Ильич, «на добрую память от основоположника верному продолжателю с приветом»?! А-а?! Молчишь?! Тото и оно! – лукавая улыбка вдруг покинула чело мыслителя. – Только последний не пришёл, ренегат каутский! иудушка троцкий! домовой доби!

Ильич грозно, как на злобного международного контрреволюционера, уставился на портрет Перепутина, висевший в красном углу палаты. И даже погрозил ему пальцем.

- Архиговно наша интеллигенция!

Патлатая старуха замахала на него рукой, перекрестилась на портрет и размашисто поползла к нему на коленях, не отрывая базедовых глаз от благого лица угодника.

«Семь раз отмерили, а на восьмой, суки, отрезали!»

Увы, в той, обычной жизни были честь и совесть, был долг – святой долг ... да, понимаю, сейчас это трудно объяснить кому-то, сейчас в нашей палате... в нашей Жизни №8 тоже есть долг, есть долги – за них-то и мочат на каждом углу. Но тот долг был вовсе не денежный.

Я вижу третьим глазом - на меня косятся, как на сумасшедшего, как на юродивого... У меня, пока тянулась вся эта долгая бодяга с этим долгим шизофреническим романом, тяжело, безысходно болела и умирала мать – долго и безнадежно, отрешившись какой-то большой частью своей оставшейся жизни от нашего бестолково-нелепого, гнусного и бесполезного мира, не замечая его, уходя из него, готовясь к вечности и постепенно сливаясь с ней...

О-о, наши (и, наверное, не только наши) лекари-гиппократишки! О-о-о, кошмарное нутро всей этой гнуси, называемой медицина! Есть ли что-нибудь беспомощней, подлее, гнуснее, вероломней и гаже (кроме нашего режима)?! Я не знаю.

У меня обнаженные нервы. Может быть. Каждое легчайшее дуновение этого нелепого больного бытия обжигает их, раздирает и леденит. Я сгусток боли! Я писатель... не сочинитель романчиков, их нынче легион. Но... я и есть нерв нашей больной, издыхающей в агонии плоти. Ничего не поделаешь. Так уж я создан. Аминь.

Я бесконечно виноват перед своей матерью.

Я страдал с ней каждый час, каждый миг.

Другие просто уходят, когда страдают близкие. У них инстинкт самосохранения. Они не хотят страдать. И не хотят тратить время, жизнь, деньги на обреченных... уйти, сбежать, отвернуться, не знать... У них «дела» и «заботы», у них семьи и хлопоты, дети и внуки, у них – они сами, любимые, ещё не вкусившие всего от жизни... Да, от матерей, именно от них отворачиваются в их тяжкий час почти все... и у всех есть причины. Сверхважные! Неотложные!

У меня нет инстинкта самосохранения.

Я живу вместе с живыми и умираю вместе с умирающими... И выживаю. Пока. На пределе своих обнаженных нервов. Таким меня создал Господь. Страдать со всеми и за всех. Аминь.

Пропустите эти страницы. Не тревожьте себя.

Как не тревожили себя многие из ближних моих. Господи, сделай нас всех каменными и железобетонными – и большинство не заметит перемен.

Мать умерла.

Её тяжкое дыхание ушло из неё в ноосферу... или просто в воздух. И душа, наверное, ушла. Туда, где лучше, где нет подлости и обмана, где её уже никогда больше не предадут и не обрекут.

Будем верить, что есть такие места и пределы...

Пока её дающая рука не оскудевала, все вились вокруг неё роем. Не оскудеет рука!

Когда она слегла, рой погудел, позудел и переместился в поля более злчные... просто жизнь.

Я могу понять этих гиппократишек-прощелыг. Я давно не верю их клятвам. Если бы всех их, приложивших руку, собрать в одну большую кучу, я не минуты не раздумывая, вытащил бы свой старый гранатомет, подаренный мне моими друзьями, которых Перепутин не сумел истребить в Чеченегии... и завалил бы всю эту алчную вражескую шоблу в одну большую братскую могилу... ещё больше им подошёл бы скотомогильник.

Я злой! Я очень злой! Потому что я беспредельно добрый. Да. Добро и зло смыкаются там, где мир сходит с ума, где ночь заполняет день...

Беспощадная болезнь убивала мою мать.

Но и они убивали её.

А она была бесконечно лучше и святее их. Они не стоили и полногоotka с мизинца её недвижимой, парализованной ноги.

Людам, что и бесам чужды жалость.
Справедливость, память и посты,
Сколько мрази на земле осталось...
Праведникам – ямы и кресты.

Она умерла.

А они живы.

Так было. И так есть. И так, наверное, будет...

Счастливые концы бывают только в сказках. И в какой-то другой, настоящей жизни, про которую мы все уже давно забыли.

Горе горькое по свету шлялося. И на нас невзначай набрело. Не мы первые...

Мама, прости меня, не спасшего тебя, не закрывшего собой от летящих в тебя пуль, прости... Сам себя я не прощу никогда! Никогда!

Мама, мама не бывает чуда, только близким суждено предать,
Меж чужих не водятся иуды, смертный век... иудова печать.

Страдания дают мудрость. В последние месяцы у неё был лик просветленного, познавшего мир философа.

Спи под сенью на века распятой,
Бог и все архангелы с тобой,
Чёрный год – две тысячи проклятый...
Со святыми, мама, упокой!

С ней рядом, в её и моих страданиях и я, наверное, стал мудрей. А может, и нет... Нет, наверное, не стал. Это долгий роман. Я пишу его наверное, всю жизнь. Вот и отец ушёл. Навсегда. Молча. Без жалоб и рыданий. Как солдат. Он всегда был солдатом, воином, его так и отпевали: «Господи, упокой душу воина Димитрия...» Я не стал мудрей. Я не смог спасти и его. Я не смог даже отвести от него этих иродов и бесов в белых халатах... всё повторяется. И жизнь не учит нас... видно, потому что не мы правим этой жизнью, а князь мира сего... Нет. Опять отговорки, снова оправдания... нет никаких оправданий. И не будет. Хватит испытывать меня, Господи!

Да. Я вам сейчас отвечу на извечный, самый тайный и самый жгучий, мучительный вопрос – есть ли Бог на свете. Приготовьтесь...

И внемлите.

Бог есть. У людей и в людях.

У скотов и в скотах бога нет.

Имя двуногим скотам – легион.

Вот такая вот диалектика.

Эх, мама, мама.... папа, папа!

Кеша никогда особо не готовился к актам. Провидение само выводило его на жертву. Оно редко ошибалось.

Провидение имело понимание.

Ибо праведников в мире оставалось все меньше. А всякую сволочь даже Господь не жалел (иначе Он не сжег бы Содом с Гоморрой и не затопил бы весь допотопный мир). Впрочем, пути Господни неисповедимы. Аминь.

Кешины пути были тоже непросты.

Ибо, как вы догадываетесь, Кеша мочил не безвинных старушек, не нищих и бомжей, не голодных и холодных пролетариев и даже не вшивую бедную интеллигенцию.

Кеша, как и подобает подобию Божьему, мочил всякую мразь и сволочь, имевшую грехов побольше содомян с гоморрейцами. Если бы я был папой римским, я выдал бы Кеше индульгенцию лет на сто.

Правда, заказчики порой были не меньшей сволочью. Но рано или поздно дело доходило и до них. Среди заказчиков были либералы, демократы, лесбиянки, новые правые и даже махровые коммунары-патриоты, ставшие ныне большими бонзами, но заказывали они отнюдь не тех, кто крушил Родину, а сплошь гадов-конкурентов.

Короче, клиенты были ещё те.

И вдруг такой заказ. Тихо, тихо лети...

Иногда Перепутин хотел быть японцем. Он надевал розовое кимоно, перепоясывался черным поясом и просил называть его Перепутин-сан.

В такие минуты он мечтал отдать все острова Стране восходящего солнца, даже Новую Землю, остров Франца Иосифа и заодно полуостров Крым, который принадлежал нынче государствию с удивительным названием Окраина (чего только не бывает в Жизни №8!). Остров Русский он мечтал переименовать в остров Японский, а Сахалин в Чио-Чио-сан.

Но на самом деле Перепутман был оберштурмбанфюрером СС... Правда, только в своих заветных снах.

Именно поэтому он орал посреди ночи:

- Нихт капитулирен! Нихт капитулирен!

.....

Стэн долго стоял перед этой самой «кнопкой». Минуты полторы. А потом взял и нажал на неё. И что-то сказал тихо, умиротворенно, обретая душевный покой.

Сказал, уже после того, как все три с половиной тысячи оставшихся ракет взмыли в стратосферу и взяли курс прямо за океан. Сказал будто самому Господу...

И никто его не услышал.

Один я услышал эти тихие и добрые слова.

Услышал, чтобы рассказать о них вам, чтобы донести до вас это новое евангелие, эту новую и столь краткую благую весть. Ибо вначале было Слово. И в конце было слово...

Точнее, даже два слова:

- Сдохни, Америка!

Ого! А не заскочили ли мы вперёд?! Нет, милые мои, это пока лишь два самолёта народных мстителей-моджахедов снесли с лица земли те самые два рога дьявола на Манхеттэне – символ глобальной власти глобалистов. Эх, не перевелись ещё робин гуды... Я три дня и три ночи проплакал по бедной Амэурыке, да-да, по той самой несчастной бедняге-миротворнице, невинной жертве, что спалила огнём Хиросиму, Нагасаки, Вьетнам, Ирак, Сербию, Афганистан и снова Ирак... и что вот-вот спалит остатки нашей блаженненькой Россиянии.

Ух, Бен-Алладин! Ух, террорист международный! Ты что это, забыл, что когда тебя Амэурыка мордует по левой щеке, надо подставлять правую?! и на колени! и чтоб в глаза глядеть! и молчать!

А этот самый Алладин мне отвечает:

- Это ваш блаженный Христос вам, русским, дуракам блаженным, завещал щеки подставлять и шею... А у нас заповеди попроче: не сей ветер, пожнёшь бурю! а за глаз два вышибем! и рога снесём!

И лампу свою достаёт, этот Бен-Алладин-то. А в лампе – джин. А у джина меч. А на мече насечка чистым золотом сияет: «Кто к нам с мечом придёт, тот от меча и погибнет!» И подумал я вдруг с трепетом: а и впрямь, чего это к нам в наше полушарие эта Заокеания всё время с мечом суётся? И страшно стало... вот сейчас меня-то и

схватят за мысли нелояльные, вот сейчас-то террористом и объявят... а не дай Бог, в Амэурыке кто эту книжицу мою прочтёт – и точечными ударами! лазерно-прицельными! так расхерачат всю Россиянию...

Нет, только не это! ведь у нас ни Алладина своего, ни лампы, ни джина... Был когда-то какой-то там Александр Невский, тоже про меч что-то говорил... да, небось, помер давно. Мы лучше в Орду... в Амэурыку эту дань... то бишь, проценты по кредитам уплатим, ещё какой остров или полуостров отдадим с республикой или областью... авось они нас и не тронут.

Да и нет, наверное, никакого бен Алладина, сказки всё это, романтические бредни от деда Луки или вечного сидельца Самсона Соломонова... И моджахедов-мстителей нет... а есть наши грёзы светлые, есть бригадный бригадир Бен О,Ладин, сексоты-цэрэушники (они же фээсгэ-бэшники), вся президентская рать и полковник невидимого фронта Веня Оладьин...

*«Глобализм - есть итецкая власть
плюс дебилизация всей планеты»*

А Стэну это... про кнопки, пока только снилось... с глубокого похмелья. И мне тоже.

Вещие сны снятся вещим людям.

А как иначе? Ведь 11 сентября, после которого «мир стал другим», это вам не какой-нибудь праздник международного террориста. Это, как выяснили шустрые вещуны из объединенной «конторы» (цэрэу-фээсгэбэ), ещё и день памяти Иоанна Предтечи. День, в который по указу царя Ирода (не путать со стариком Ухуельциным) Пророку и Крестителю Господню усекли голову. Взяли, и отрубили! Без всякого моратория на смертную казнь. Дескать, у гоев голов много, не убудет. Дескать, гоям головы рубить, это вам ещё не холокост, не первая и не последняя! Срубили да позабыли - быльём обнесло, травой заросло, позатёрлось-позамылилось... А оказалось, и не со-

всем. Не заросло где-то. Не забылось в чём-то. И не забудется, наверное... Ведь опречь того, как гою голову срубить, не мешало бы поинтересоваться, а кто у него папа... или племянник, к примеру, или крестник, скажем. А то ещё вдруг аукнется? Ироды очень любят сами головы рубить, а когда им малость чего усекут, визгу на весь мир: угроза общечеловеческим ценностям! демократия в опасности! А шарахнули-то не по «демосу» несчастному и не по «кратии», а по «рогам дьявольским» да по «пентаграмме сатанинской» – так один мудрец-посвященный говорил, то ли Златоуст, то ли Заратуштра*, а может, и сам Господь. Всякое ведь бывает. Две тыщи лет Он думал: мол, а с какого-такого хрена Моему крестному увечье нанесли? Всё поверить не мог: ну, у какого урода рука на божью родню подыметесь! ведь не дурдом же создавал! не палату №8! А потом поверил: дурдом! палата! И сказал, что это нехорошо. И знак свой явил... И сшиб рога, кому следует. Дошло не до всех. Ничего, дойдёт! Погодите малость.

А ещё, братья и сестры мои, раскрою вам тайну великую, в каждом православном календаре пропечатанную: 11 сентября - День памяти всех православных воинов, на поле брани убиенных... Много их положили ироды. В одной Боснии-Сербии не счесть...

Кто старое помянет, тому глаз долой, - так говорят умные люди. Да ещё бывает приговаривают: - а кто забудет, тому оба вон! 11 сентября – два кола, две пики в два глаза. Чтоб не забывали. Герменевтика, блин. Не пинайте писателя-злопыхателя, что умудрён вельми. Не его вина. По написаному в книгах... по-христиански... помните?

Очень, конечно, негуманно. Согласен. Сам горячими слезами обливаюсь, рву редкие волосы с головы и степаю... Сам по «близнецам» хаживал, с крыши поднебесной на зелёного идола свободы, что средь вод стоит, поглядывал, любовался... Может, Господь в кумира-то и

* Лингвистически Заратуштра и Златоуст одно имя (автор).

целил? ведь твердил же Он нам бестолочам: не создавайте себе, гады неверующие, кумиров! не кланяйтесь идолам поганым! Может, промахнулся? Но то неведомо смертным. Ибо пути Господни неисповедимы.

Особенно когда в руке Его праведной крепкий бич.

Назову себя Екклесиастом.

И начну мудрствовать лукаво. А что ещё остаётся... здесь, посреди чужого пыльного города, второго Стамбула, с гусиным пером пророка в руке и клавиатурой компьютера на столе?

Только писать эти злые пасквили, мудрствовать и рыдать горькими слезами.

И завидовать боевикам Хаттаба ибн Басая – там у каждого по три акаэма под рукой, по гранатомету и «стингеру»... Они могут сражаться... я не знаю, за что – за свободу, независимость, за веру... или за деньги. Но могут!

Я могу только скрипеть зубами. И выть.

У меня нет пулемета.

У меня есть только моё перо.

И моя боль.

Которая осталась от моего убитого народа.

У меня нет даже той надежды, той истовости и испуленности, что есть у Мони Гершензона, самого отъявленного россиянского патриота, самого оголтело-махрового и квасного... нет, не квасного, ибо пропали с улиц нашего второго Стамбула квасные бочки, а бывшие и новые квасопивцы бродят по этому пока ещё русскоговорящему московитскому Стамбулу в майках с надписью «USA» или просто «Ай лав ю, Амэурыка!».

У меня нет веры...

Я изуверился.

Наверное, я изувер. Так я и назову себя... потом.

А ныне...

Я грущу на пару с иным пророком...

Он меня понимает.

Он видел то, что случится с нами, ещё сто лет назад,

больше ста... он знал – к власти придут смердяковы, править Россией станут бесы и одержимые бесами, и имя им будет легион.

Он всё понимал... за многие десятилетия до конца.

Ах, Федор Михалыч, мой брат и предтеча, ну, здравствуй! Что так одиноко сидишь посредине Москвы. Закованный в бронзу, угрюмый, смешной и лобастый, глагол изнемогший над чертополохом молвы... Всю жизнь тебя бесы пинали, терзали и гнали, а ты все кричал, докричаться не мог до толпы. И жизнь отобрали... и смерть у тебя отобрали. И зрят, и не видят, воистину, брат мой, слепы! Ни к званым, ни к бранным судьбиной тебя не прибило, они в суе, но и ты в ней с макушки до пят, один как всегда, до плетей, до креста, до могилы, один надо всеми и всеми навеки проклят. Печальник премудрый, ну что ты молчишь и страдаешь, что толку теперь горевать нам на пару с тобой! Сиди и молчи, ты один лишь меня понимаешь: в премудрости mnogой — печаль. Нам пора на покой. Ах, Федор Михалыч, ну где же твой тихий Алеша? Он спился давно. Он убит на чеченской войне. Алешам досталась, мой брат, непосильная ноша, их дети и внуки с сумою, в тюрьме и в земле. Где старцы твои, где пустыnnики и страстотерпцы? Все в прошлом, мой брат, что грустить и стенать о былом! Христа здесь распяли опять, здесь повсюду царят иноверцы. И здесь полумесяц давно уж взошёл над крестом.

Стамбул, Стамбул... это действительно так, други мои. Некогда и Царьград славный был полон гомону греко-славянского, православного... а затем пришли иные языци и народци... и пошло, и понеслось... и остались в святовизантийской земле одни сплошные турки... кто останется в святорусской земелюшке – чечены? азебарджаны (как говаривал ставропольский немец Михель Горбачёв) или «не имеющие национальности»? Это только Аллах знает и пророк его Мухаммад... Святую Софию в Святом Константинополе быстрёхонько под мечеть переоборудовали, так и в московском Стамбуле Храм Христа Спасителя переделают в приют благой для правоверных... (и пра-

* «Преступность не имеет национальности» - лозунг демократов, коррупционеров, воров и бандитов.

вильно сделают, пить меньше надо и за подкладками не гоняться!)... и будет тогда наш навеки народноизбранный мэр туда в чалме ходить и долгополом халате. Большой политик! Уважаемый чалвэк!

Новый век не для старых русских.

Мы «мышкинь», брат, мы здесь все на Руси «идиотъ», такой уж расклад, и не нам его, видно, менять... Заботы и хлопоты, Федор Михалыч, оставим пустые заботы, уж мы отзаботились, нам ли себя укорять. Ах, Федор Михалыч, нас двое с тобой и осталось, кто знает, кто помнит, что стольным в России Царьград. И жалости нет, и какая там, к дьяволу, жалость: кругом смердяковы, их век, ты накликал его, так-то, брат! Век черный и злой, мы с тобой ничего не попишем. Россия была, при тебе... А при мне ее нет. Спаситель ушел навсегда, ощутив среди нас себя лишним. Пришел Инквизитор судить и карать этот свет. Ты в каторге гнил, Бог тебе и судья и заступник. И ты перед Богом судья и заступник всем нам. Но ты не моли Богородицу - грех наш вовек неискупен,

И ты не проси у Всевышнего, пусть нам воздаст по делам!

Мы в каторгу сами Россию свою обратили, и нет нам прощенья, молчи, не тревожь себя, брат! Мы бесов в себя и во храмы свои запустили, и бесы нас кружат! И бесы над нами царят! Твой век золотой — только сон, беспробудный и странный, что снится похмельным в беспамятстве чуждых пиров. Мы бедные люди, мой брат, и нас нету, увы, между званых, чума правит пиром... Но мы вне пиров и миров. Ах, Федор Михалыч, вставай, поднимайся, дружище, нам места здесь нет - нет пророков в отчизне родной.

Вставай и пойдем, по руинам пойдем, пепелищам...

Ах, Федор Михалыч, вставай и пойдем, дорогой.

Такой вот мудрствующий Екклесиаст третьего тысячелетия от Рождества Христова: «... видел я место суда под солнцем, а там беззаконие; видел место правды, а там — неправда...»

И много, много народноизбранных президентов.

Да, я пишу этот ненормальный, сумасшедший роман, только потому что я один вижу, что России больше нет, что она погибла... И что никто за неё не отомстит. Ни олигархи, ни бизнесмены, ни бизнесвумены, ни бизнес-

киндеры, ни банкиры... просто по определению; ни президенти, ни патриархии, ни депутари, ни министри, ни министрелли... ибо они продажные шкуры; ни патриоты... ибо их в Россиянии нет; ни армия... ибо она носит американские ботинки на шнурках и перенацелена президентиями с внешнего врага на «внутренних террористов»; ни милиция... ибо она занята охраной наших кавказских братьев торгово-пиво-водочно-табачно-наркотической национальности; ни наши партнеры по НАТО... ибо они и Россиянию видели в гробу; ни народонаселение, которому, как писалось выше, всё по херу, было бы пиво кавказского разлива, презервативы с крылышками, папуасские сериалы и подкладки с толстым-толстым слоем шоколада; ни юные поколения телепузиков и гарри-поттеров; ни престарелые кадры коммунаров-гапоновцев... никто... кроме настоящих, честных русских бандитов... которые рано или поздно снимут с предохранителей свои русские акаэмы-«калаши»... и скажут: «Ну, всё суки! Время ваше вышло!»

Поэтому я и пишу про Кешу.

Херр Перепутин очень любил детей. Особенно своих двух дочурок. И поэтому он разговаривал с ними только на немецком, и учились они в немецких лицеях. В Россиянии были два немецких лица. По одному на каждую ученицу.

А ещё в Россиянии было пять миллионов беспризорников. Они никак не хотели кататься на горных лыжах в Альпах, заниматься джиу-джитцей, тэквон-до и учиться в лицеях. И тогда Капутин подписал указ о планомерном и последовательном усыновлении в Италиянию, Парижанию, Стамбулию и Заокеанию всех этих ужасных, ну совсем не нужных Россиянии беспризорников – кого в «модели», кого в бордели, кого на органы... Экономику надо было подпитывать. Да и вечно голодные олигархи над президентиевым ухом зубами клацали.

Поп Гапон, утверждая указ в Полубоярской Думе, так и сказал, угрюмо, по-рабочекрестьянски:

- Экономика, понимаешь, должна быть экономной! Нам Талибастанию нечем кормить и восстанавливать, вон,

опять сто колонн и тыщу самолётов послали да две тыщи госпиталей развернули... это вам не хрен моржовый, а участие в антитеррористической операции, понимаешь! А тут своих террористов пять миллионов по подвалам растёт! А нашим партнёрам органов не хватает... Всяких отщепенцев предупреждаю, визы в Заокеанию и командировочные хрен получите!

Доброе дело одобрили всем миром.

А Перепутингу очередной бюст на родине поставили. И самый большой российский стадион в его честь переименовали. Даже вывеску повесили «Лужниковский Вещевой Рынок» имени херра Перепутина.

На радостях народонаселение переизбрало своего любимца на очередной бессрочный срок.

*«А то государство, представителей которого
нам по телевизору показывают, все эти
министры, кандидаты, депутаты... всё это
штопаные гондоны, вот и всё...»*

Из фильма «Нежный возраст»

- Его шлепнули шесть лет назад, - сказал Кеша, - и он сам был штопаным гондоном, иначе бы не вязался с чеченами. Они его и пришили. Но сказано верно...

Верно. Конечно, верно. Но кто мог бы подумать лет пятнадцать назад, что страной будут править штопаные гондоны. Шпана!

Эх, Кеша, Кеша. Не с тебя ли я писал ветерана аранайской войны, рецидивиста и беглого каторжника Иннокентия Булыгина... Не помню. Но больно уж похожи. Чем? Да тем... Оба русские. Сейчас мало русских осталось. И много говна – шпаны, выблядков перестройки и штопанных гондонов. И ещё просто жвачных, которые жуют.

Пятнадцать лет назад, и двадцать, и тридцать, и сорок я всё ловил себя на мысли – непонятно, непостижимо, необъяснимо: выходит, мы первое поколение за всю историю Земли-матушки, которое не знает и не будет знать – да! – войны. До нас воевали все – и отцы, и деды, и пра-

деды, и прапрадеды... на каждое поколение была своя война... И вдруг нате вам - прервалась цепь. И настал золотой век... Тогда равновесие казалось незыблемым, абсолютно незыблемым... любые серьёзные войны исключались. Мощь России была несокрушимой, фантастической, сверхреальной...

И вдруг мы оказались в нокауте, на лопатках, по уши в дерьме! и не коммунары номенклатурные вовсе, как им грозили «прорабы перестроек» (коммунарии-то и стали самыми махровыми демократорами и приватизариями)... а мы, все прочие, народишко неотесанный, триста миллионов тупых и наивных совков. В таком дерьме, что сиди и не рыпайся!

Третья Мировая свершилась в одночасье.

И наши правители просрали всё!

Абсолютно непобедимая держава рухнула сначала на колени, потом лицом в грязь... мириады злобных карликов-лилипутов вонзили в неё свои булавки. А из спины торчал огромный нож с чёткой гравировкой: «Мировой демократии от советского правительства и ЦК КПСС».

Да, это они, а никакие не спецслужбы запада, и не масоны, и не жида-вредители сокрушили Тысячелетнюю Державу, сдали самое мощное в мире государство. Сдали, «чтобы красиво тусоваться», как сказал один брайтонский водитель-еврей из фильма «Брат-2».

Брат Данила, где ты со своим самопалом?! И почему ты стреляешь не тех... Ничего, ежели не сопьёшься, не продашься – через десяток лет станешь Кешей, Иннокентием Булыгиным, который знает, кого стрелять...

А кого сечь.

Холопов надо сечь на конюшне.

Но холопы правят нами и сами секут всех.

Век страшный и злой...

Эти твари, чтобы вдосталь жрать импортной колбасы, пить от пуза сладкой мочи демократии «пепси» и подкладывать своим сукам подкладки с крылышками, продали Великую Империю с потрохами – за кулёк жвачки, пару

джинсовых штанов, три памперса и ворованный у сирот дворец на Рублевке.

От полнейшего охерения народонаселение ничего не поняло. Ему сказали: всё нормально, терпите, скоро заживете как немцы и заокеанцы

И все заорали истошно: «Уря-я-яааа!!!»

Все очень хотели быть папуасами, итальянцами и неграми.

Народонаселение просрало Россию вместе со своими правителями, которых оно стоило.

И миру явилась Россияния.

В обычной жизни страной Эрэфией управляли мудрые реформаторы, убежденные сторонники общечеловеческих ценностей, гаранты конституции, дальновидные государственники-державники, члены «большой восьмерки», борцы с «международным терроризмом» и прочие достойные члены демократического формата.

А в и без того бестолковой жизни №8 страной Россиянией управляли штопаные гондоны. Да-да.

Я всегда мечтал изъясняться высоким штилем барственно роскошной тургеневской прозы и писать свои жизненноведческие опусы витиевато-причудливым языком великих предтеч восемнадцатого и девятнадцатого веков – красиво и изысканно. О, как я умею это делать!

Но, увы! Каждому времени свой стиль.

Я и так слишком красиво пишу о нынешних пидормотах. Между нами говоря, они заслуживают лишь сплошного мата и прочих непотребных звуков. Я их облагораживаю своим благородным языком высокой и изящной словесности.

Итак, Россиянией правили штопаные гондоны и прочая сволочь. Увы...

А народонаселению доставалось лишь то, что вываливалось из этих штопаных гондонов. И от восторга народонаселение орало благим матом: «Уря-я-яаа, демокра-

тии! Ур-рряя-яааа!!!» Охерительно умное было в Россия-нии россиянское народонаселение.

Ну просто охерительно умное!!!

Штопаные гондоны возлагали венки к могилам Неизвестных солдат. И эти Солдаты корчились в своих могилах от боли, горя и стыда. Выбравшие «пепси» и демократию ходили по костям Мамаева кургана, Бородина и Куликова поля. И эти кости начинали сочиться кровью.

Россияния избрала «пепси» и подкладки.

И сама стала подкладкой в истекающей кровавой слизи промежуности мировой демократии.

Но Кеша уже успел разочароваться во всяких демократиях и в прочих памперсах для слабоумных.

Кеше было не до всякой хренотени.

Убить президента. Легко сказать. Горбатый Херр обмочился от страха, когда он ему сказал, за чем пришел. Сулил любые деньги... видно, наворовал немало. Обещал золотые горы и внучку впридачу. Кешу тогда чуть не вырвало на роскошный ковер. Херр облизывал его башмаки, исцеловал все подметки. Елозил на брюхе. Рыдал, мочился в штаны и снова рыдал. Меченому Херру было очень жалко самого себя... И Кеше приходилось все время отталкивать этого жирного слизня ногами. Его слюнявые поцелуи липли к черной коже ботинок омерзительной слизью... Бр-р-рр! Кешу просто трясло от отвращения, его блевать тянуло... Но он не позволил себе пнуть эту гадину в её лоснящееся мурло, раздавить её как червя... нет, он не имел права на чувства, он был просто орудием справедливости. И всё.

Первую пулю он всадил в жирный волосатый живот. Тот вывалился из-под растегнутой рубахи... и зрелище стало просто невыносимым. Кеша нажал спуск машинально, будто и не сам.

Но гадина оказалась живучей...

Почему эти гадины всегда такие живучие?!

Это просто какая-то непостижимая загадка!

Назову себя «зеркалом революции». И скажу – нет у нас ни хрена ни революционеров, ни революционной ситуации... Это в Европах всякие, блин, антиглобалисты, троцкисты, маоисты, «красные бригады» и «черные блоки»... А у нас тихая ряска над бескрайним гнилым болотом... Я не хочу быть «зеркалом»! Мне противно отражать это тихое и покорное дерьмо.

Вчера под окнами одного дома (в котором живу и я) шустрые дяди вырубили под стоянку целую рощу прекрасных раскидистых деревьев... Ну и ... хоть один из тысяч обитателей-россиян огромного дома вышел во двор с винчестером и завалил гадов? Вы угадали, не вышел, сидели по щелям как мыши и смотрели по ящику про сталинский произвол... И что же, дорогие господа россияне, вы ещё хотите, чтобы вас не сожрали с говном?

Уже сожрали... Как, вы и не заметили?

А при «отце народов» на зоне-то парилось в тринадцать с половиной раз меньше люда честного, чем нынче в нашей шибко правовой демократической Россиянии... это про террор и тиранию... так, к слову... и про дураков, которым можно впарить что угодно.

Назову себя зеркалом, которое устало отражать вас, любезные мои «богоносцы».

Кеша, милый! Ты не просто герой нашего глупого времени! Ты Архангел Михаил во плоти, спустившийся с небес и вступившийся за тихое стадо... в наш несусветный отупелый век.

Век штопанных гондонов.

Где та грань, где те непонятные годы, что великую нацию, народ-богоносец превратили в кучу штопанных гондонов... И не удивляйтесь, милые мои, и не плюйте в зеркало, не бейте его кулаками, прикладами и зонтами.

У народа-богоносца не было такого мурла... это штопанный гондон набили импортной колбасой из бешеной говядины, подмочили мочевиной «пепси», подвязали подкладкой – и родился на свет далеко не Божий герой нашего времени – «новый русский», такой же штопанный гондон, как и все эти министры, депутаты и кандидаты...

Вот и всё...

Всё нормально. Просто век штопанных гондонов.

И не кривитесь! Не надо морщиться и поджимать губки! Я очень добрый человек, слишком добрый, иначе я назвал бы вас не столь ласково и деликатно, да-с, милые мои господа-с.

Вчера я шёл по кладбищу. Только навестил маму... - ох, горе горькое! – И чуть ли не в лоб столкнулся с живехоньким, целёхоньким и вертлявеньким интриганчиком, лучшим германским херром. О, майн Готт! Натюрлих! Михель Горби Меченный шел навстречу, два оператора его снимали на ходу, три быка-мордоворота охраняли, и людишек семь-восемь суетно семенили следом. Херр Горби был холён, жирён и загорел. Он прямо сочился жирной холённостью, будто только что съел пять порций итальянской пиццы.

Обматерив про себя Кешу-обманщика, я пожалел, что в руках нет ни гранаты, ни засапожного ножа... Пока жалел, жирный Михель прошёл мимо – сытый, болтливый, очень довольный, с наглой ухмыляющейся рожей и прошпаклеванной пудрой бесовской отметиной на лоснящемся лбу.

Только тогда я вспомнил, что нынче у них очередное торжество демократии – десять лет назад эти лощено-холёные жирные бесы сунули под колёса танков и бэтэ-эров троих наивных мальчишек... Да, любезные мои, демократии нужна была жертва. Вот и сунули... Теперь мальчишки в земле, а «прорабы перестроек» и «великие реформаторы» на своих виллах и в дворцах далеко за пределами «этой страны», изредка, по особым случаям

навещают они слетевшими с небес архангелами нашу грешную землю... Вот и этот снизошёл, благодатью пролился на благодарную почву. Ур-ряя!!!

И я упустил такой случай!

Где ты, Кеша?!

Я снова вспомнил мать... Господи, есть ли Ты вообще на белом свете? И куда Ты подевался от нас, куда Ты запропастился... коли праведниц и тружениц великих, святых век Твой новый не приемлет, а всякую нечисть носит, холит, лелеет и хоть бы что?!

Век страшный и злой... Эх, Россияния!

Мать Богородица бросила дочь свою блудную,
Прахом истлел над страной Покров Её Пресвятой.
В каменных храмах чужих, как и ты, беспробудная,
Спит беспробудно отныне Спаситель твой...

Господь отказался от нас. Хотя на патриархии Ридикюле нашем благолепном не бывало изрядно золотых одеяний, бриллиантов и жемчугов... и чем их больше, тем больше сирот беспризорных, вдовиц несчастных, убогих и проституток.

Впрочем, какие там сироты!

Бог штопаных гондонов – скважина. Присосаться к скважине – вот «новое евангелие» новых русских нерусей: к нефтяной, газовой, водочной, никелевой, алюминиевой... лишь бы к скважине. И сосать! сосать!! сосать!!!

Сосущие. И жующие. Герои нашего времени.

Мама работала всю жизнь для России, окопы копала, воевала, в блокаде сидела, сыновей растила, и снова работала, работала, работала... и так десятки миллионов русских матерей. Теперь их в землю... и труды их в землю.

Покорение иуд зарывает Покорение Победителей.

Отдохнуть она не успела.

Всё откладывала на потом...

«Потома» не получилось.

Бледный всадник длань простёр над нами,
Бледный конь копытом землю бьёт,
Меж веками, смертью и мирами
Праведница в мир иной бредёт...

Жирная и холёная сволочь, обещавшая нам «правовое государство», «общечеловеческие ценности», отмену привилегий и равные права, ограбила и переубивала нас, обчистила до нитки, оттянула на себя, на своих сук и своих выблядков всех оставшихся врачей Россиянии... На блокадниц и героев Отечественной войны врачей не осталось.

Она в земле.

Жизни век сгорел и канул в Лету.
Смертный век взмахнул своей косой,
В саване, с антихристовой метой,
Алчный, равнодушный и слепой.

А меченный лоснящийся бес всё болтает, болтает, болтает... и венки возлагает. Жертвам. Кости эти мальчишек сочатся кровью под землей. Им бы встать на миг, на мгновение – уж они бы разобрались с этим великим реформатором без гранат и засапожных ножей.

Век грязной и мерзкой сволочи.

Я позвонил Кеше и злобно обругал его.

- Ты чего мне про Горбатого лепил, гад?!

Кеша сник.

- Обознался, видать, - пробубнил он, - да и нетрезв был, сам понимаешь...

Понимаешь, понимаешь... Я всё понимал! Он столько раз отрабатывал в своих фантазиях эту сцену ликвидации Горбатого, что она вошла в его мозги уже отработанным, свершившимся материалом!

Профи, называется! Робин Гуд! Стенька Разин!

Господи, где ж справедливость на этом свете?!

«Не хватает на этом? – ответил Он. – Может, хочешь поискать на том...»

- Нет!!! – взмолил я в голос. – В другой раз!

«Тогда помалкивай!»

Вот так!

Моё терпение лопнуло. И я позвонил Моне.

- Привет черносотенцам! – поздоровался я.

- Не актуально, - поправил он. – Прошлым веком живёшь. А сейчас новые технологии...

- Ты мне мозги не парь, дело есть.

Моня засопел в трубку. Великий конспиратор! У них там под простым словом «дело» подразумевалось нечто такое, за что сразу давали от семи до пожизненного. Я, правда, ещё не понимал, с какой Мониной ипостасью веду разговор, уж больно быстро он поспевал за веком. Но это не имело значения. Главное, что в моём приятеле бурлили и кипели гены его пламенного и несгибаемого деда. А это было посильней всего прочего. В пылу и раже Моня мог запросто горы своротить.

А значит, он просто обязан был нам помочь.

- Молчи! Я всё знаю! – просипел он голосом опереточного карбонария. – Мы уже идём по следу... Подробности при встрече. Пароль: команданте. Отзыв: Че!

Большого всего на свете Мехмет любил получать письма из Гроссбритании, из самого Лондиниума и его окрестностей, где в суперпрестижном колледже обучались его любимые сынишки.

Он даже специально купил огромный золотой поднос аглицкой работы и золотой звонок-колокольчик. Раз в месяц одна из русских жён-блядей, как и было заведено, трезвонила в звонок из-за сандаловых дверей его кабинета, а потом торжественно вносила заветное письмо на подносе... как в лучших домах!

Вот и сейчас Мехмет сидел в огромном джакузи посреди своего кабинета, выклеенного итальянскими обоями с

выпуклыми корешками самых дорогих и умных книг, потягивал сладковатый дымок из кальяна, поглаживал атласный зад юной гяурки-прелестницы (завуч местной гимназии каждый день приводила ему новую девочку; сил уже не было; но положение обязывало; и Мехмет пользовался антикварным костяным ножичком для разрезания страниц; ни одна из дев не должна была уйти от него девственницей, панимашь!)

От внезапного трезвона прелестница вздрогнула и затонула в булькающей воде вместе со своим атласным задом и мордочкой отличницы.

- Ыйе-ес! – важно разрешил Мехмет.

Огромные резные двери распахнулись. И Люська-блядь, одетая в шитую золотом ливрею, без штанов, но в павлиньих перьях, павой вплыла в кабинет... и чуть не сверзилась в бурлящую воду. Она была уже пьяна. Мехмет презрительно оттопырил нижнюю губу... в этот миг он готов был прощать люськам всё.

- Почта из Лондона, сэ-эрррр!!! – голосом старого и опытного дворецкого известила Люська.

И слеза навернулась на крутой Мехметов глаз.

Он пнул пяткой подводную русалку-прелестницу. Та ящерницей выскользнула из джакузи и пропала из непомерного кабинета в одной из ниш-дверей, оставив по себе лишь мокрый след на малахитовом полу и отражение атласного зада в бесчисленных хрустальных гранях...

Мехмет вылез из бурлящих вод. Закутался в роскошный халат. И милостиво махнул Люське:

- Читай!

Люська подождала, пока господин усядется в золочено-бархатное императорское кресло из Эрмитажа, аккуратно подложила столь же золочено-бархатную подушечку под его ноги, придвинула инкрустированный изумрудами и бриллиантами кальян... И только после этого опустилась на ковёр рядышком, благоговейно, с поклоном взяла конверт с подноса, трепетно коснулась его губами и с почтением принялась распечатывать...

«Дарагой и уважаймай фазер-мазер слюшай! - писали любимые сыновья. – Скока тебе можна ...»

- Стой! – оборвал Люську Мехмет. – Скока тебе можна учить! Слюшай! Читай с выражением! Даа-аара-аго-оой! И ува-ажай-имый!

Люська послушно затянула муэдзином с мечети, на красивый восточный манер:

- Да-а-аааа-аараго-оо-ооой...

В каждом её слове были шербет, рахат-лукум, изюм и прочие нерусские сладчайшие сладости. Мехмет шурился, жмурился и млел от удовольствия, распушая усы и закатывая масляные глазки. Больше всего на свете он любил своих любимых сыновей, больше, слюшай, шербета, гагиша, изюма, сникерсов, пепси-колы, рахат-лукума и юных прелестниц! Да-ааа-рааго-ооооой!!! Это он им даарааа-гоой!!! А они ему... Они ему ещё да-ароже! Они ему чистое золото, слюшай! Он не русский гяур-свинья, что бросает младенца в мусорку да продаёт на органы, понимашь! Он своего сына в бордель не отдаст за стакан водки и понюшку табака! А потому и «да-арагой» и «ува-ажаймый»! Всё верно! Аллах свидетель! Мехмет плыл в океане счастья и покоя...

А Люська читала послание.

И голос её был слаще шникерса.

«... скока тебе можна писать и званить, фазер-мазер, понимашь! Слюшай, дэнги давай, да-а?! Когда присылал? Сам забыл, да-а? Хочишь мы тут бомжами станим, да-а? Давай, высылай... Тут кругом одни ишаки... и прафесор ишак... и училки ишаки... и учатся с нами ишаки, понимашь... ни чирта ни паймёшь, чиго гаварят: окей-хоккей, слюшай! Все русские, понимашь, фридманы-бридманы, слюшай, гусинские-мусинские, путины-мутины, алискеровы-мулискеровы, да-а... никто русского не знает, слюшай! забыли, говорят! им фазеры-мазеры дэнги шлют, да-а! одын тока всё понимает, слюшай, как завут, нэ знаем, внук, гаварыт, какого-то старыка Ахуельцына! мы его вчера опидала...

Люська осеклась. Мехмет недовольно крикнул. Вырвал у неё письмо. Но не разобрал. Давно не читал букв... нэ дэло, слюшай, уважаимых людэй буквы читать!

Люська продолжила:

«...расили!» – Опидарасили! – вот! – «Слюшай, сначала рвался-дрался, да-а... патом панравилясь! Мы его патом в Бакы забирать будэм, слюшай, больно харош! будыт как лючший друг, как дэвка будыт! тэбэ от ниго прывэт, да-а... дэнгы нэ прислэш, слюшай, ты нам ни фазермазер, да-а... давай дэнгы, да-арагой...»

Мехмет слюшал сам не свой. Он уже парил где-то на седьмых небесах. Это ж надо! С кем почти породниться! С самим стариком Ухуельциным! Да он теперь... Да его... Дыхание захватывало!

- Обабили внучка-то, охуельцинского! – сокрушалась внизу Люська-блядь, причитала: - Вот ведь жеребцы! девок им мало-о!

- Малчи, жэншына! – осёк её Мехмет.

Что могла понимать, слюшай, эта глупая баба!

Перед Мехметом открывались райские врата всемирного истэблишмента, понимаешь, самого высшего света, где вращались гауляйтеры, президентии, лорды, пэры, мэры, сэры, херры, патриархии, папы, старики ухуельцыны, михели горби, деризовские, берипаски, майклы джаггеры и микки джексоны, познеры, нины-риччи, абрамовичи, перепутины, буши, кварценеггеры, тони-блэры, мадонны-примадонны, доны-корлеоне, Жуванейтский и прочие небожители сверкающего алмазами седьмого неба!

А я сидел в венской кофейне на венском стуле с гнутой спинкой, потягивал кофеек со сливками (я не люблю черный ядовитый как дёготь «эспрессо») и листал местные газетёнки. Тут все листают их, читают мало, смотрят на заголовки и фото... куда спешить этим бездельникам из «золотого миллиарда». И мне было спешить некуда. Уж не в Россиянию же, где на меня шла очередная облава (ну, кого же ещё ловить да травить, как ни писателей! ну

да хрен с ними!) И я смотрел на картинки... Пока не наткнулся на знакомое прыщавое лицо и подпись «Он выбрал свободу и демократию!» В статейке писали про то, как пышно и красиво принимали в элитный парижский гей-клуб смазливово внучонка старика Ухуельцина... «Наконец-то русские медведи начинают вливаться в мировую цивилизацию!» – с восторгом заключал статейку автор. Я тоже радовался за старика Ухуельцина, который ещё в девяносто первом подписал указ о полной свободе для пидоров, лесбисосок и декрет о государственной программе опедерастивания населения и молодёжи.

О, прекрасная Вена! Прямо над моим столиком висело уведомление, что именно тут сиживал и пивал кофий сам Штраус, король вальсов. Может, это было враньём чистой воды. Не знаю. Но мне захотелось самому пуститься в вальс... или хотя бы вприсядку, по-нашему! Но «нашего» тут не понимали. Вальсов тем более... И тогда я принялся сочинять письмо в редакцию этой солидной газеты, в котором просил присвоить гей-клубу имя старика Ухуельцина, а Россиянии почётное звание филиала этого почётного голубого клуба.

А вообще-то я ждал одного посыльного от Кеши. Он должен был передать мне «стечкина», пару обойм к нему и четыре «лимонки». Вчера по телеящику передали, что Херр Горби должен вот-вот приехать с внучкой в Вену для съёмок очередной серии рекламы про подкладки, крылышки и диарею. Это был шанс.

Назову себя отшельником в башне из слоновой кости. И перестану мудрствовать лукаво. Все равно ни один подлец не признает за нового Екклесиаста.

Народонаселение не любит мудрствующих. Народонаселение любит пить водку, пиво, «пепси», жевать шникерсы и ходить на выборы.

Народонаселение выбирает стариков ухуельциных, горбатых херров, попов гапонов, перепутиных и капутиных.

Народонаселение любит веселиться.

Вот потопили космическую станцию «Мир» – весело! с размахом! по-нашему! Даёшь ещё чего потопить, к едрёне матери! Даёшь бразильскую фильму на тыщу серий про мексиканцев и папуасов! про фазенды и бананы!

Хлеба и зрелищ!

Хочу быть как все!

Хочу!

Хочу...

Не получается... Как-то раз, давным-давно, Кеша брал меня с собой на заурядный заказ. Для стажировки и просто для писательского дела - опыта поднабраться, чтоб не с кондачка строки строчить, а с самой разживой натуры. Тогда надо было двух банкиров убрать.

Дело было до дефолта треклятого, банкиров было как собак недорезанных... эти попались весьма крутые, нахаживали вволю, от пуза. Один заказал другого, конкурента проклятого... Но Кеша всегда творчески подходил к исполнению заказов, и потому решил убирать обоих... Одного повесил на меня... сам напросился.

Лиха беда начало...

Оружия у меня кроме чеченского гранатомёта не было. Но эту бандуру в центр Москвы я брать поостерегся, можно было много невинных положить... хотя насчёт невинных Кеша всегда говорил, что, мол, на небе разберутся, кто там винный, кто невинный. По-своему он был прав. Но оружия он мне не дал.

- Засветишь меня, - объяснился смущенно.

Сам он работал всегда красиво.

К машине, ожидавшей банкира, мы подошли вместе. Банкирчик только вывалился из своего «офиса» с двумя рылами-охранниками.

Кеша им сказал очень тихо, по-доброму:

- Братки, у вас три секунды, чтобы свалить.

И «братки» свалили. Банкир упал и больше уже никогда не вставал. Уходили мы спокойно – по главной улице с оркестром, прохожие понимающе пропускали нас, ка-

кой-то молоденький милиционер даже отдал Кеше честь. Кеша был очень похож на одного милицейского генерала, которого всё время показывали по ТВ. По-моему, он и был этим генералом на самом деле.

- Ладно, я дам тебе свой ствол, - сказал он, когда на второй день мы вышли на второго банкира.

- Не надо, - ответил я.

У «моего» держателя «народных средств» было три ангела-хранителя. Я подошёл к ним очень спокойно, как Кеша. И сказал ещё тише:

- Братки, у вас две секунды, чтобы завалить этого козла, время пошло!

Они прострелили своего хозяина с трёх сторон.

Контрольный выстрел в голову я им делать не разрешил. Я не люблю красотостей и штампов.

- А с банком чего? – спросили «братки».

- Вон тот будет держать банк, - кивнул я в сторону Кеши.

- Так теперь его пасти, что ли? – не понял один из «братков».

Кеша подошёл ближе, и всё сразу стало ясным.

Через полтора часа приехала «скорая помощь», ещё через час милиция. Нас с Кешей взяли в понятые и свидетели. Полдня мы сидели на Петровке и с удовольствием составляли фотороботы предполагаемых преступников.

Ещё через три года по нашим фотороботам кого-то нашли и посадили, ещё через пять оправдали и выпустили...

Кеша был доволен мной. И я его не подвёл.

Но когда я предложил ему свою помощь в последнем и решающем заказе, он явно растерялся... убить... кого бы вы думали... нет, нет, нет... только не вслух!

Дело начинало принимать серьёзный оборот.

Старику Ухуельцину меняли памперсы, когда бдительная старуха-супружница заглянула в рабочий кабинет прима-президентия.

- Чур меня, чур!!! – заорал тот дурным голосом.

И спрятался в шкафу.

Старику Ухуельцину вечно и повсюду мерещилась расстрельная команда, что должна была, понимаешь, рано или поздно придти за ним. Ещё ему мерещились трибунал, души бастующих шахтеров и призраки миллионов невинно убиенных младенцев. Шахтеры занудно стучали касками, а младенцы тонюсенько тянули то ли «Марсельезу», то ли «Калинку-малинку».

Старуха Ухуельцина пришла похвастаться пышным и белым как облако платьем, что прислали прямо из Парижа в кастрюльке. В руке у нее был китайский веер, в волосах павлинье перо.

Это смерть с косой! – думал в шкафу удрученный старик Ухуельцин. – Опять, понимаешь, по мою душу заявись!

Насилу удалось его успокоить и вытащить из шкафа. Пока матёрому отцу российской демократии меняли очередной памперс, старуха всё щебетала что-то про новые яхты и виллы в Лазурном берегу, про учебные успехи внука, которого снимают нагишом в «Плэйбое», про умную Татьянду и её бой-фрэнда из «ЭйрАумэрыка», про рюшечки своего очаровательного платья и про мужлана Перепутина, что прислал ей на 8 марта какого-то арабского рысака, хотя обещал «чайный домик» в Петергофе...

- Ах, Борух, эти новые какой-то сплошной моветон! Я уже звонила Жоре в Белый Дом, ябедничала... он обещал приструнить мальчонку! Да ты меня и не слушаешь, Борух!

Старик Ухуельцин всегда считал себя русским богатырём, сибирским медведем, эдаким руззудись плечо, развернись рука... А эта стерва всё одно: Борух! да Борух! поганка нерусская! Родной дядя старика Ухуельцына Шлома Ахуельцин в гражданскую комиссарил на Урале, за что его сначала наградили всеми звёздами и бантами революции, а потом расстреляли. А отец был из крепостных кондово русских крестьян, и фамилия его происходила не по материнско-еврейской традиции от какой-то

там Эльки-жидовки, а от исконного обычая русских ельчан варить уху из молодого ельника-ельца. Так было написано во всех биографиях и энциклопедиях. И старик Ухуельцин свято им верил.

- Сама ты Сарра! – ответил он ехидно. И тут же утратил весёлость. – Ходит, понимаешь, нервирует! Тут не знаешь, когда эти коммуняки расстреливать придут, а она ходит всё...

Памперс не налазил и советник вскрыл новую упаковку, которыми был завален кабинет прима-президентия.

- А тебя и демократы расстреляют... – не растерялась благоверная, - или повесят, хе-хе! Расчленитель! – старуха знала про шпунтированное сердце старика Ухуельцина и не упускала случая ласково пошутить.

Поп Гапон вошёл, когда старуха сама начала натягивать на супружника самый большой памперс, ласково матеря советников, охранников и помощников мужа.

Ухуельцин тут же спрятался в шкафу.

А поп Гапон злорадно потёр руки.

- С международным праздничком вас! С днём коммуны! И независимости! Ага!

И сдёрнул маску.

Под маской было помятое Кешино лицо.

Охранники подняли руки вверх, и советники, и помощники тоже. Старуха Ухуельцина подняла вверх подол роскошного белого платья от Джанни Гугуччи и натянула его на голову.

- Всё! – сказал Кеша голосом прокурора. – Попили народной кровушки? Хватит!

Он аккуратно перестрелял всех, не обращая внимания на протесты, посулы и проклятия. Затем вытащил из шкафа матерого старика.

- У мене последнее желание, понимаешь! – мужественно сказал Ухуельцин.

- Изъявляй, ирод! – благородно разрешил Кеша.

- Хочу, дарагие россияне, памперс сменить... этот, понимаешь, полный уже!

Кеша нажал на спуск.

Серебряная пуля отскочила от шпунта. Вторая застряла в содержимом памперса. Ещё семь серебрянных пуль отскочили от прочих органов, вшпунтированных матёрому старику врачами-вредителями. Серебра больше не осталось. Тогда Кеша вытащил из-под полы осиновый кол и начал им зверски наносить жертве многочисленные телесные повреждения. За спиной у Кеши, незримой аватарой, стоял сам Иисус Христос с бичом в руке.

Стоял. И тихо радовался.

На следующий день все газеты писали о том, что в результате очередного международного терракта, осуществлённого Ус-Саламой бин Ал-Ладином совместно с русскими фашистами-скинхэдами и футбольными фанатами, было истреблено семейство известного актёра, игравшего первого президентия Великой Россиянин в нашумевшем фильме «Ура, демократия!». Сообщалось также, что сам старик Ухуельцин не пострадал и отдыхает с супругой в резиденции на Иссык-Куле (по другим источникам, лечится от диареи* в Баден-Бадене).

Очевидцы-несвидетели утверждают, что ассистировал международному террористу известный придворный оппозиционер Ельцюганов, он же Зюгаельцын, он же Фёдор Интернационалов, он же Поп Гапон... Это подтверждает и маска Попа Гапона, найденная на месте преступления в резидентской президентии Ручаров Бочей...»

Нет, мы боролись не с ветряными мельницами. Мы сражались с кощеями бессмертными и прочими многоглавыми змиями, у которых на месте отрубленной головы вырастали три новые... ещё более болтливые, мерзкие, алчные и прожорливые.

Народные террористы, понимаешь!

Проще было убрать самого чёрного человека...

* Поноса (русск.)

Наёмным убийцей быть доходней, чем каким-то там писателем. Это знает каждый ребёнок. Кеша сказал мне, что я мог бы зашибать неплохие баблики... Нет, я человек настроения: сегодня мне нравится выполнять заказ, а завтра я пристрелю самого заказчика...

- А ты давай себе заказы сам, - подсказала совесть.

- А если я ошибусь? – парировал я.

Совесть промолчала. Она точно знала, что в таких делах я не ошибаюсь. Хорошо... я ведь языковед, я работаю со словом. И сейчас я вам объясню, что такое «совесть». Это двучленное слово: «со-» - это приставка сопричастности, «весть» – это не совсем весть, а та самая Благая Весть (Евангелие так и переводится дословно «благая весть»). Получается, что «иметь совесть» это просто жить в соответствии со Святым Писанием. Вот так.

А в Писании сказано: «Не мир принёс Я вам, но меч». И ещё: «Мне отмщение, и Аз воздам». Понимаете? Аз воздам! Господь воздаст всякой сволочи по делам её, в полном соответствии со Святым Писанием... и безо всякого пацифизма. А все эти «подставь левую щёку...» - это только для «ближних», для братьев, сестер, матерей, отцов, единомышленников... Всем прочим Христос щёк подставлять не предлагал... Но... Аз воздам! Вот в чём вопрос... Уверен ли ты, что именно тебя выбрал Господь орудием своего возмездия, своим мечом?! Тут любой философ зубы сломает.

Это у матросов нет вопросов...

Кеша мои сомнения развеял:

- Ну, ты чего в натуре, - даже удивился он, - да если б я заваливая этих гадов, не Божье дело вершил, Он бы первым мою руку отвёл... Нет, Юра, я не шибко верующий, но у меня Бог в душе... Дед покойный, казак лихой, чего мне говорил...

- Чего? – переспросил я.

- А того, что хорошего человека и сабля не секёт, вот чего! Ты ж не собираешься хороших людей мочить?! – и он грозно свёл брови, вперился в меня испытующе.

- Нет, - как на духу ответил я.

- Вот... то-то и оно, значит, всё по-Божески!

Кеша был прав во всём... только вот деньги... нет, денег за заказы я брать не собирался, в Писании ничего про деньги не говорилось. Хотя, если разобраться хорошенько, не таким уж я был и шибко верующим человеком. Сомнения обуревали меня. Просто хотелось быть как-то чище и духовней, хотелось жить по совести.

Я уже хотел посвятить в наши планы моего юного друга-участкового. Может, в его незамусоренную философствованиями голову под бананово-диктаторской фуражкой придёт свежая мысль и неожиданное решение... Я просто не сомневался, что он поддержит нас с Кешей, как и каждый порядочный и благородный человек.

Но при встрече – а это было около фирменного магазина «Кристалл», что в нашем доме, принадлежавшего вальяжному и толстому армянину, который всегда ставил свой «шестисотый мерседес» поперёк тротуара, преграждая путь неимущим неармянам – я еле узнал юношу: он был худ, измучен и рассеян, даже милицейские штаны висели на нём мешком.

- Уже полдома переубивали! – пожаловался он. – А к кому ни придёшь: ничего не видел, ничего не знаю...

- Сплошные невидетели?

- Ага! Они меня доконают!

Нет, я не стал его загружать ещё и своими проблемами... Хотя какие они мои!

Зелёным удавом глядел Перельмутин из телеящика. И в такт его вкрадчивым словам шевелились уши у миллионов кроликов. Водянистые глаза президент-гауляйлера выражали полнейшее оп..денение.

Он что-то вещал про беспризорников в Россиянии. И о программе борьбы с беспризорностью. И я понимал, что теперь бездомных русских ребятишек будут не просто сотнями тысяч продавать на органы и в гаремы лицам

нефашистской национальности, что теперь их будут миллионами, десятками миллионов закатывать в асфальт, только бы не попались на водянистый глаз президенту. Ретивая чиновная братия умела ретиво проводить президентские кампании.

Мне стало жутко от этого водянистого взгляда недотопленного утопленника. Будто хлынут прямо сейчас из телятника воды всех морей и океанов, и обоймут меня до глубины души моей.

Да, да! именно так!

Ибо всего неделю назад этот самый Перельмутер-Перетопильский открыл шлюзы десятка огромных водохранилищ – и пару сотен привольных кубанских станиц смыло с лица Россиянии, только их и видали! а потом ещё пару сотен закубанских! А всё потому что не хотели к себе пускать лиц некубанской национальности! Фон Утопилитц тут же выделил сто миллиардов перепутинок (не путать с «керенками») «горским народам Кавказа», морально пострадавшим от созерцания с гор очередного перепутинского потопа. И доложил в центр, что план сокращения поголовья россиян россиянской национальности идёт по плану! Но воды в водохранилищах оказалось мало, и потому утопить всех пока не удалось! Его пожурили... но простили, пороть на конюшне не стали, всему своё время. Перельмутин был горд оказанным доверием. И обещал исправиться. На беспризорниках и скинхедах. И ещё он сказал:

- В Германии блинского пива пьют по сто литров на душу, а у нас пока по девяносто... непорядок! Школы и детсады совсем не охвачены! Ну кто же нас в Объединенную Европию примет с такими азиатскими показателями, господа?!

Сам Перетопильдер пива не пил. И дочерям не велел. Он знал, что нецивилизованные россияне помимо учтённых девяноста литров за год выглушивали по девятьсот неучтённых, левых... Но как это докажешь проверяющим из Европии?! Нет, лучше сосисочная в Гамбурге! Сохра-

нять должность шестёрки в «большой восьмёрке» было хлопотным делом.

А тут ещё разнарядка из Заокеании по борьбе с международным терроризмом! Перельмутер немедленно бросил в самые ужасные и тёмные застенки писателей-человеконенавистников Апельсинова, Ананасова и Мандаринова... Вся творческая интеллигенция и мастера культуры возликовали, дружно заклеили международных шовинистов и стали носить Перельмутера на руках, называя его светочем свободы... Но хозяевам и этого показалось мало. И Перлемутин расформировал последнюю танковую дивизию и утопил ещё три подводные лодки (чтоб международные террористы не захватили!)

Из центра пришел декрет о награждении героя-реформатора золочёной пуговицей с личных штанов генерального гаранта мировой демократии Буша-младшего. Это была заслуженная награда.

- Я думаю, пора его кончать! – сказал Кеша мрачно. – Вернее, начинать с него, с нынешнего! Старые паскуды никуда не денутся... а то мы пробегаем за этими лохами, покуда от Россиянии один пшик не останется... Широко шагает мальчик, пора его остановить!

Последнюю неделю Кеша предавался меланхолии. Он начинал комплексовать. Не было ещё случая, чтобы он, серьёзный человек, профессионал в своём нелёгком деле не выполнял заказа. Не было... раньше. А теперь было. Кеша худел и мрачнел на глазах. У него появился нервный тик, стала подергиваться левая щека. Он плохо спал по ночам. Он даже ходил к психоаналитику... и чуть не пришиб этого болвана, который сам оказался форменным психом. Кеша был из тех железных людей, которых было невозможно сломить, но которые ломались сами, когда брались за неподъёмное дело. Я давно уже рекомендовал ему хорошенько отдохнуть где-нибудь на островах, лучше всего на богемном Миконесе, где собираются сливки голубых и розовых миров, а ещё лучше на моём любимом

провинциальном и по-гречески сельском Крите, ведь кроме меня там любил отдыхать и старина Зевс, извечно утомляемый своими неисчислимыми земными и небесными пассиями, – в глуши, в провинции, под ритмичные пляски аборигенов и ласки аборигенш... Но Кеша превратился в натянутую пружину, в взведённый курок, он и думать не хотел о каникулах... А тут, прямо скажем, Кешин суворовский замах обескуражил меня... да и Перельмутер был отнюдь не Наполеоном, даже не юным Буонапартием, он всё больше сдавал, чем завоёвывал... да и лихая кампания шла нынче совсем не в Альпах.

- Тебя тут же запишут в международные террористы! – припугнул я Кешу. – А с тобой, глядишь, и меня. Понимаешь?! Меня и так уже записали в русские фашисты, в национал-шовинисты, в эти хреновы антисемиты, хотя, ты сам знаешь, что я больше всех люблю и уважаю умных евреев, а ненавижу и презираю исключительно русских обалдуев! Кеша, окстись, ежели нам прилепят ещё и этот ярлык, нас же начнут долбить с авианосцев, лазерно-точными крылатыми ракетами и вакуумными бомбами...

Мы сидели в моём московском кабинете, под портретом последнего законного правителя России несчастного Николая Второго, свергнутого, расстрелянного, оболганного, и пытались философствовать о стране, которой не было, и о президентах, которых президентами считали только наши наивные соотечественники. Мне надо было дописывать третий том моей «Подлинной Истории». Мне совсем не хотелось гоняться за призраками. Тем более, я ещё помнил сказку, в которой поганому чудищу отрубили голову, а взамен выросло две, потом четыре и так далее в геометрической прогрессии. Тем более, что мне удалось выяснить кое-что про витязя Перепутина, медленно сходящего с ума у своего перепутья дорог на виду всего недоразвитого человечества.

- Кеша! – сказал я, вставая с коричневого кожаного дивана, на котором так любил сживать мой пламенный друг Моня Гершензон, подлинный красно-коричневый

национал-большевик и абсолютно махровый русско-фашиствующий скинхед. В эти дни Моня вместе с маонистами, троцкистами и антиглобалистами из Чёрного Блока подвижнически громил и крушил макдоналдсы в Брюсселе, где опять собралась на сходку-саммит ненавистная всему глобусу «большая восьмёрка». Я слышал, что Моня сам уже стал одним из командате «красных бригад» и фюрером уайтпазуров Фатерляндии, что теперь он сливает их в единую Армию Виртуального Возмездия имени князя Кропоткина, что недалёк час единения с воинами Зелёного Знамени Пророка и большой поход на Вашингтон... Нет, все эти слухи, как обычно, сеяло перепутинское фээсгэбэ... а реальный Моня наверняка скрывался с бесшабашными талибами где-нибудь в тёмных пещера Торо-Боро или подрывал дискотеки на сиреневом острове Бали. – Кеша! – сказал я, вставая с этого дивана, на котором сживали все знаменитости нашего времени. – Он мой родственник, понимаешь?

- Кто? – не понял Кеша.

- Капутин.

Кеша посмотрел на меня как на полоумного. Закурил. И тут же загасил сигарету о ноготь, вышвырнул в окно – он знал, что у меня не курят, никто, будь это хоть генеральный президентий, хоть Господь Бог.

- Нам обоим надо ехать на Богамы... лечиться. Ты ещё не видишь эти сволочей во сне?

- Нет.

- А я вижу! Они являются мне каждую ночь! Они строят мне рожи, кривляются, высовывают языки... а этот горбатый херр всё время спускает штаны и показывает мне свою голую, как его плешь, задницу! и ты знаешь, что на ней?! такая же чёртова отметина, как и на его лбу! Они доканают меня, Юра!

- Пить меньше надо... особенно на ночь. Я не шучу. Ты дослушай сперва. У его родного деда Спиридона была родная сестра...

- Ну и что?!

- А то, что её звали Аксинья, а фамилия у неё была Пестухова! Усёк?!

Кеша надолго задумался. Потом встал и начал ходить вдоль высоких книжных шкафов туда и обратно. Он усиленно обмозговывал что-то. Наконец сказал:

- Твоя однофамилица?

- Нет, родня... – я ответил еле слышно. Для меня это тоже было не самым приятным известием в жизни.

- Ну и что... – Кеша тяжело и испытующее уставился мне в глаза: - на родню рука не подымается?!

- Народ не поймёт... – ответил я первое, что пришло в голову. Я и сам ещё многого не понимал. Но дальше я сказал ему чистую правду: - Кеша, ты можешь пристрелить меня на месте, но это я порекомендовал его старику Охуельцину в преемники...

Минуту он стоял соляным столпом, эдаким Лотом.

Потом взревел:

- Но почему?!

- Потому что другой родни у меня в верхах не было, - виновато и честно признался я.

Он уже сорвался с места, чтобы задушить, пришибить меня или разорвать на части. Но его отвлек дребезг телефонного звонка. Я поднял трубку. Звонил мой «приятель» из администрации:

- Слушай, - кричал он заполошно, забыв поздороваться, - они тут требуют острова!

- Какие?

- Курильские, блин, какие ещё! Говорят, всё, терпения больше нет, не то, говорят, мы вам «зюйд-вест» устроим! у нас все на ушах стоят, никто ни хера не понимает! у половины наших там интересы и капиталы! макаки узкоглазые! Чего делать-то? Отдавать?!

- А Капутин чего говорит? – переспросил я его в свою очередь. И погрозил Кеше пальцем, мол, погоди.

- Чего-чего! Да он теперь, как чего такое, сразу: ни хт ферштеен, блин! моя па рюски не понимайт! и в кабинет! и на ключик! а мы ни хера тут по ихнему, по-немецки не

понимаем! и переводчиков он всех уволил! министры, блин, дебилы! так отдавать или нет!

- Отдавайте! – сказал я твёрдо. – Но не даром, цену повыше заломите!

- Ты что, охренел! – заорал на меня Кеша. – Предатель! Я его успокоил:

- Ничего, денежки получим, назад отобьём.

А тем временем Россияния лезла изо всех жил и мошей, чтобы помочь Заокеании разгромить, завоевать и оккупировать страну Талибастан... а заодно и всё оставшееся полушарие восточное. Очень это нужно было Россиянии. Ну просто ничего нужнее не было! Так она любила заокеанскую Амэурыку, так, что прямо в бой за неё готова была пойти... Заокеания поняла всё верно. И сказала: «Ну ты, Россияния, и иди за меня в бой! Я тебе за это полпроцента с процентов по кредитам скину...» Буря ликования прокатилась по Россиянии. «Урр-ря-яаа! – кричали президентии и корреспондентии. – Ур-ря-я-яааа!!!» И уже предвкушали в экстазе, как их будут любить в настоящем Белом Доме... уж так! уж так! прям, как в романах!

- Он и есть Антихрист! – выкрикнул мне в лицо, брызжа слюной и размахивая руками, Моня Гершензон. Он даже не поздоровался, узрев меня после многих лет разлуки. Он просто дико заорал: - Антихрист!!!

- Да кто же? кто?! – оторопел я.

- Кто, кто... хрен в пальто! – поразился моей бестолковости Моня. – Перепутин! Кто ещё!

Мы стояли посреди Франкфуртской книжной выставки и нас обтекали пёстрые толпы окололитературной публики. Прежде я не встречал Моню во Франкфурте-на-Майне, хотя регулярно посещал эту тусовку ещё с девяностых. Это была главная книжная ярмарка планеты, это был всемирный слёт писателей и издателей. И я, как заводной апельсин, из года в год, из века в век всё катился в её суетный капкан. Катился, зная, что мода на русских

писателей и вообще русских в Европе и Штатах давно прошла, что легче бедному еврею пролезть в богатые Аравийские эмираты, чем нашему россиянскому брату-сочинителю на полки ихних букшопов. Правда, ещё на ура шли матерщинники-поставангардисты и изощрённо-скандальные певцы анального секса. Но я никогда не входил в их придворные круги и никогда в их числе не получал госпремий. Моня тем более... Моня был членом Союза щелкопёров-бумагомарателей без году неделю... Позже я узнал, что Моня приехал сюда с делегацией писателей-«деревенщиков», привёз трёхсотстраничную поэму «О, Русь, тряхни власами!», посвящённую извечной борьбе русско-печенежских витязей с международным хазарским сионизмом, что остановились они в гостинице «Россия» у вокзала, где хозяином был наш русский еврей, перебравшийся сюда «прожектор перестройки», что «деревенщики» долгими вечерами и ночами пили с хозяином водку, кляли проклятуших сионистов, от которых просто нигде не было спасу, и плакали по русским берёзкам...

А я остановился под Франкфуртом в чудесном и уютном «водолечебном» городке Бад Хомбурге, почти точной копии знаменитого Висбадена, где Федор Михалыч проигрывал свои писательские гроши в рулетку. Я был опытным путешественником, я совмещал приятное с ещё более приятным... притом водку давно уже не пил... а берёзки росли тут же рядышком, возле изумительной русской церквушки, что построил вездесущий Бенуа ещё в прошлом кошмарном веке.

Нынешний век был не менее кошмарным.

- С чего ты взял эту чушь? – спросил я Моню Гершензона, который, оказывается, был ныне Мокеем Ивановичем Шершенём-Гречесевым.

- Пришёл! Ибо уже при дверех был. Обольститель и ниспровергатель! Тень Хирама и сын Вдовы! Всадник бледный! Истинно говорю вам... – зловеще ответил Мокей-Моня. – Как и было написано в книгах! Антихристус богомерзкий! – и погрозил мне скрюченным пальцем.

Я сказал, что ему бы пора знать, кто и как пишет эти самые книги. На что Моня-Мокей замахал на меня руками, как на пособника международного сионизма.

- Не богохульствуй!

Я писал про антихристов и прочих мерзавцев времён перестройки ещё лет пятнадцать назад. Я тоже видел рогатую рожу с тремя черными шестёрками во лбу то в Горбатом Херре, то в старике Ухуельщине... Но потом понял, не будет никакого конкретного антихриста, не будет! не надо переваливать свои делишки-грешки на чужого дядю! ежели и явится о н , то не козлом рогатым, и не вторым Мессией с нимбом и проповедями, и не президент-гауляйтером или патриархом, а черным незримым облаком, что начнёт входить в наши души и делать нас понемножку антихристами... а потом, когда нас самих, вот таких, станет больше, чем сможет выдержать земля наша, тогда и придёт конец света... Я даже написал про всё про это большущую умную статью во всероссийской газете «Вокс Универсум», и от неё, от статьи и от самой газеты, как черти от ладана отшатнулись все прочие... уже не российские, а россиянские газеты да журналы... и только умная еврейская газета «Новое русское слово» в Нью-Йорк-сити перепечатала мои размышления, а вслед за ней их перевели в интеллектуальском «Нью-оркере»... Нет пророков в родном отечестве... именно поэтому Моня Шершень-Гершензон не знал ничего о технологии массового производства антихристов.

Да, три шестёрки были... двоих я уже назвал, а третий сам назвался, открыв российские базы своим партнерам по НАТО... Три шестёрки при «большой восьмёрке».

Моня не знал простой истины.

Шестёрка не может быть Антихристом.

Увы.

Веселится и ликует весь народ. А паче народа гарант.

Стэн, измученный приемами и водкой, видел, что паренёк доволен. И он по-отцовски похлопал его по спине.

- Будешь хорошо служить, до сержанта дослужишься, парень! – добавил он добродушно, поощряя ретивость и рьяность подопечного.

- О-о, йес, сэр! – браво ответил Перепутин и лихо козырнул, отдавая честь важному посланцу.

Он был несказанно рад. Ещё бы! Эта важная персона из Заокеании привезла ему прямиком из настоящего (настоящего!) Белого Дома запечатанный пакет! а в пакете лежали нашивки рядового 2-го класса заокеанской армии... О-о, это была великая честь!

- Ван момент, сэр! – удержал он собравшегося уже уходить Стэна. И замахал руками.

Перепутин не хотел выглядеть неблагодарным. О-о, он знал, как быть цивилизованным!

Заранее подготовленные бумаги принесли. И Перепутин, величаво потрясая ручкой, прямо на глазах у великого посланника, присланного курировать и опекать Россиянию и её безопасность, подписал новый указ, по которому в целях повсеместной борьбы с кошмарным международным терроризмом, он передавал в распоряжение заокеанских ВВС все военные и гражданские аэродромы и лётные базы на территории Россиянии и бывших её республик для гуманитарной помощи странам Восточного полушария посредством точечно-ковровых тотальных бомбардировок таковых простыми, вакуумными, атомными и нейтронными бомбами и ракетами. Это был большой шаг навстречу демократии и цивилизации!

Подписывая исторический указ, Перепутин живо представлял себе, как он, рядовой 2-го класса заокеанской армии, браво марширует вдоль взлётных полос и ангаров и лихо отдаёт честь настоящим сэрам сержантам и сэрам капралам... Это был просто пир души!

- О-о, это большой шаг навстречу демократии и цивилизации, парень! – Стэн снова хлопнул местного президента по спине, и тот от восторга чуть не упал со стула.

А тем временем грянули трубы, ударили барабаны, слажено грохнул каблуками по паркету почетный караул.

И внесли ордена и верительные грамоты.

Перемутин под звон литавров самолично повесил на грудь Стэну высший орден Россиянии – Большой Демократический Крест всех Гробов Господних Первой степени с бантом, подвеской и подвязкой. Поклонился заокеанскому посланнику большим поклоном, троекратно облобызал его плечи и на вытянутых руках поднёс большую грамоту с большой печатью. В грамоте, как и гласила директива из Белого Дома, говорилось, что сэр Стэн назначается верховным куратором-координатором всех стратегических (тактические были досрочно уничтожены ещё при старике Ухуельцине) ядерных объектов и баз Россиянии, с правом осуществления полного контроля за их использованием, утилизацией и уничтожением в соответствии с Международной Конвенцией по переводу Россиянии в связи с мировым разделением труда в прогрессивно-демократическую топливно-сырьевую цивилизованно-колониальную общечеловеческую фазу.

- О-о, йёс, сэ-эр! – восторженно повторял Перельмутин единственную знакомую ему заокеанскую фразу, тянулся стрункой, ел глазами присланное начальство и тут же отбивал новый поклон. Он знал, что именно от этого немногословного янки будет зависеть решение о присвоении ему очередного звания.

- О-о, йес, сэ-э-эр!!!

После торжественного ужина в Грановитой Палате в кремлевские апартаменты Стэна доставили трёх «рашенс гёрлз» в одних сапожках а ля рюс и кокошниках. И пачку презервативов.

Среди них не было ни одного штопаного.

У Перепутина было много самых лучших друзей. И все без галстуков. И все за границей. Дружья всегда говорили Вольдемару: "Ну на какой хрен тебе столько народу, Вова?!» Они все его звали просто Вова. И все жалели... каждому досталась страна как страна, а этому несчастному...

Короче, население надо было сокращать, как и ядерные боеголовки. Вова это понимал. И вовсе не собирался не оправдывать возложенных на него надежд. Он всегда помнил про свою будущую пивную в Мюнхене или про колбасную лавочку в Цюрихе. Он сокращал этих лишних нецивилизованных людей цивилизованного времени, как умел: водкой, пивом, героином, табаком, нищетой, мором и голодом, отменой медицины и образования, войной в Чеченегии и другими войнами, он их топил вместе с подводными лодками, надводными кораблями и межпланетными станциями... но народонаселение сокращалось плохо, всего по три-четыре миллиона в год. Друзья без галстуков были недовольны. Им тоже было нелегко, по всему миру за ними гонялись кошмарные и ужасные антиглобалисты, от которых просто не было спасу и приходилось каждый год увеличивать охрану ещё на миллион дубинок, штыков и вертолётов. А тут ещё этот несчастный Перепутинг со своей несчастной Россиянией! В большой восьмерке её считали за небольшую шестёрку... Наверное, так оно и было.

Без старика Ухуельцина поп Гапон осиротел. Хотел было с горя сменить партийный псевдоним с Зюгаельцина на Зюгапутинга... но в дверь его не пустили, выставили в кухню, указали место в холопской, сказали, что в партию медвежатников всё равно не примут... за родство с этим... с Володей, то ли Бланком, то ли Тотельбоймом.

Другой бы на месте попа Ельцюганова запил. Вчёрную! А он нет, не запил, а начал создавать новое оппозиционно-непримиримое движение в поддержку всенародного бригадного президент-гауляйтера всея Россиянии.

За это попу разрешили служить дальше.

По пасхам и вербным воскресениям Гапон ездил в гости к старику Ухуельцину, в тайную резиденцию, которую охраняли сто дивизий ОМОНа и три дивизии НАТО.

Старик Ухуельцин после отставки раздобрел и в дверь не пролезал. Его выносили в окно. По особо торжествен-

ным случаям. Замок в Фатерляндии уже давно был готов и ждал не свернувшего с пути реформ старика. Но до этой Фатерляндии надо было ещё добраться! Через всю проклятую Россиянию! Нет, любимые дочки старика Ухуельцина и их любимые зятья советовали ему лучше сидеть тихо и не высываться... А самая любимая, красавица-миллиардерша Татьяна так и сказала:

- Ты, папуля, на НАТО-то надейся, а и сам не плошай!

- Все сволочи, понимаешь! – со слезой отвечал папуля. –

А для какого хера я их расширял тогда?!

- Надо ещё расширить, - мудро говорила мудрая Татьяна, - не переживай, папа, Вольдемар всё сделает... он уже получил директиву из Брюсселя.

- Космополиты вы безродные, - ворчал старик Ухуельцин, - капуста, понимаешь, брюссельская...

Татьянда уже давно не была в Россиянии и по-русски почти ничего не понимала. Но кивала, агакала и угукала.

Триста пятьдесят три контрольно-пропускных пункта прошёл поп Гапон. Зато сам старик Ухуельцин встречал его на крыльце с гранатомётом в руках... ждал, понимаешь, сволочей-террористов (международных; а кого ж ещё, коли ими с утра до ночи по телевизору стращали)... а тут лучший друг... отощавший и осиротевший.

И начали они тут добрую старую жизнь вспоминать. Водку пить. Народ-сволочь, недозревший, песочить. Фон Перепутингу косточки мыть...

И прослезились от умиления.

А где-то совсем рядом аки тать в ночи бродил взбужденный Кеша и бормотал вдохновенно: «Убить президента... убить президента... едрит его переедрит! Неужто у самого, гада, не хватит совести повеситься...» И сам себе, как вялотекущий шизофреник, отвечал: «Знамо дело, не хватит!»

Я всё слышал. Потому что я бродил за встревоженным Кешей тенью. На тот случай, коли его рука дрогнет... Контрольный выстрел, понимаешь, не дураки придумали. Как говаривал наш друг Рейган: «доверяй... но проверяй!»

Кеша ещё не знал, что заказчиком был я.

Младший эмир Перепут-ага с тревогой глядел в телящик, в котором хоронили его приемного отца эмир-ин-эмира (шах-ин-шаха) Хаттаба ибн Басая Чеченего-Ичкерского, генерального генералиссимуса Аравии и Россиянии, кавалера всех орденов, гробов и подвязок, шеф-ин-шефа всех российских спецслужб, лейб-куратора силовых российских департаментов... По официальной версии, злейшего международного террориста героически отравили героические эрэфские фээсгэбэшники в результате героической спецоперации, детали которой держались в глубочайшем героическом секрете... На самом деле (и Семипут-заде знал это от жены, а та узнала из «Голоса Заокеании») приемный папашка объелся бледных поганок. Это подтверждал и аглицкий лорд Гад, что неделю назад отвозил эмиру всех эмиров эшелон гуманитарной помощи со стингерами, гранатомётами, комплексами С-300 и «солдатскими матерями».

- Умочился... – с облегчением сказал верховный рядовой 2-го класса, - в сортире укакался и умочился!

Тяжело быть слугою двух господ.

Теперь стало на одного меньше.

- Умочился!

Перепутинг растянул рот в лягушачьей улыбке и ехидно потёр ладошки. Захотелось тихо и торжественно спеть по-немецки «Прощание славянки»...

Он с вожделением вперился в телящик.

Из глубины могилы ему подмигнул круглый наглый глаз генерального шах-ин-шаха.

Перепутинг выскочил из кресла, вытянулся в струнку и по-заокеански приложил руку к пустой голове.

- Яволь, мин херц! - браво доложил он.

Побледнел, позеленел, помокрел от холодного пота.

И неожиданно вспомнил, что самолично подписал особоважный приказ о выделении десяти миллиардов долларов из российской казны на обеспечение «коридора» для

папы-Хаттаба и придания для охраны его личной неприкосновенной персоны трёх спецдивизий.

Бессмертные не умирают.

Назову себя Кешей. И скажу тихо: «Пора!»

Я не очень-то люблю Швейцарию... Нет, страна прекрасная и люди ухоженные, чистенько кругом, так чистенько, что после Швейцарии Германляндия просто помойка. И красиво. И горы. И озеро... О-о, это Женевское озеро с дурацкой струей фонтана! Ну, почему наш Ильич не утонул в этом прекрасном озере?! Впрочем, нет... я не люблю Швейцарию по иной причине, чисто российской. Ведь у нас как: стоит кому-нибудь украсть состав солдатских сапог, или сдать Тихоокеанскую флотилию в металлолом, или отключить какую-то область от света, а энергию перегнуть в Китай, или просто обанкротить свой банк с вкладами трудящихся, как он тут же объявляется в Швейцарии с миллионами и миллиардами – и респектабельней и честнее его никого нет. Бедные коренные швейцарские миллионеры в тёртых джинсах добросовестно крутят педали стареньких велосипедиков (это так, клянусь!), а респектабельный эксзаввоенскладом, спустивший в Чеченю «под пожар на складе» тысячу танков, сто тысяч «калашей» и состав авиабомб, обгоняет его на шестисотом мерседесе – он спешит в Английский клуб на партию гольфа с премьер-министром: у них саммит без галстуков, трусов и шнурков.

О, Швейцария! Заповедник российских олигархов!

Я бываю там по иным делам и заботам, ведь помимо прочего Швецария ещё и исторический заповедник, многие дороги тысячелетий перепутались в её теснинах. В Швейцарии доживает дни и русская интеллигенция, перепутавшая авангард с постмодернизмом и ананас со свиным хрящиком. Тут много наших, ничего не развовавших, ничего не продавших из закров родины... они не при деньгах, но в достаточной чести, ибо... ибо... да-да,

вы уже догадались, своей интеллигенции в старушенции Европе почти нет, вывелась, уелась в «средний класс». А на духовное тянет, тянет господ европейцев... вот и не гонят нашего брата, который отдувается перед Богом по духовной части, почитай, за весь мир.

И на этот раз я, растревоженный и злой, после постоянных хождения по мукам в любезной Отчизне, решил окунуться на пару неделек в безмятежное «искусство-ради-искусствование» посреди этой альпийской чужбины. Им, нашим беглым писакам да философам, можно, и можно без счёту, а почему мне – нет?! Ну, хоть капельку, хоть на миг мимолетный...

Не тут-то было!

Кешины пацаны-мордовороты прихватили меня в Берне, где я безмятежно любовался местной достопримечательностью, медведями, посаженными в каменную яму. Мишки были откормленные и холеные. На них было приятно смотреть. Посадили их в яму не случайно, ведь они были живыми символами города. Полторы тысячи лет назад, и даже ещё всего лишь пятьсот, здесь жили славяне, русы, они-то и звали медведей «берами», теми, кто «берёт». Медведь «бер», город чей? медвежий! то есть Берин, Берн... с Берлином, кстати, та же история. Нынешние глупые швейцарцы ничего про русских не знали. Ну и ладно! С них хватало медведей. Но больше всего мишек любили дети и туристы. Я и сам превращался в ребёнка, когда смотрел на них. Я даже забывал про русско-швейцарских миллиардеров-олигархов и про то, что где-то далеко есть нищая Россияния, в которой каждый год вымирает миллиона по два детишек, так ни разу и не увидевших живого забавного мишку.

Я просто отвлёкся...

И вот тут-то меня и подхватили под белые руки. Ласково, но уверенно. Упираться было бесполезно. Я уже подумал было, что президентская охранка всё же настигла меня, что не хрена было писать «клеветнические романы», злопыхать и человеконенавистничать, что сейчас

они меня быстрёхонько депортируют в Россиянию, предадут «суровому, но справедливому суду», а потом, так как на смертную казнь в Россиянии президентий по распоряжению Европы положил свой мораторий, меня ещё быстрее передепартируют в Штаты, где наконец и сожгут на электрическом стуле на радость народонаселениям обеих дружественных держав...

Но и на этот раз героически умереть за правду мне не удалось. Когда меня затолкали в роскошный лимузин, я сообразил - охранка тут не при чем. Слишком красиво и круто! Значит, кто-то другой... Значит, пока казнить не станут... кому нужен сейчас писатель (кроме, разумеется, тиранов и деспотов, которых он злобно обличает)?! Часа три меня куда-то везли с повязкой на глазах, я чувствовал, что лимузин всё время тянул вверх – значит, везли в горы. И потому не удивился, когда увидел заснеженные верхушки гор, альпийские зелёные луга и леса, да изящные ворота, за которыми красовалось милое здание в стиле нью-модерн со скромной вывеской «Клиника».

Конспирации уже не было, повязку с глаз содрали... стало быть знали, что я уже никому и ничего не расскажу. Я понял всё сразу. Отсюда вынесут только мои бранные останки – да-да, именно то, что останется после того, как из меня вырежут и высосут всё, что сможет пригодиться больным олигархам. Вообще-то, я знал, что поставка органов и живого товара из Россиянии в подобные клиники по всему миру была отлажена лучше самого лучшего швейцарского часового механизма. В Россиянии постоянно проводили конкурсы на детей-моделей для рекламного бизнеса, а потом лауреатов отправляли для дальнейшей «карьеры» на запад и восток. Все журналы и газеты пестрели объявлениями об «учёбе за границей»... и так далее, и тому подобное... Конвейер работал прекрасно. Тем детишкам, которых продавали в публичные дома или гаремы, конечно, везло. Но большинство шло в клиники на органы... Это называлось международным партнерством и взаимовыгодным сотрудничеством. Правда,

чаще россиянские детдома сами продавали мальчиков и девочек «на усыновление», десятками тысяч. Усыновляли... но частями: кто-то из олигархов усыновлял сердце мальчика, кто-то глазик девочки, кто-то предстательную железу, а некоторые особенно детолюбивые и несколько органов сразу... Из остатков усыновленных делали вытяжки для омоложения, кремы, мази, парфюм для красавиц... Заказов было немеренно, потому что вслед за олигархами омоложением увлёкся и средний класс... Всё это было обыденно и понятно.

Непонятно было другое, зачем меня приволокли сюда и какому богатею нужны мои страдающие за весь мир, изношенные раньше времени органы? Это была страшная загадка!

Но и она быстро прояснилась, когда меня вволокли в клинику, вежливо раздели, освежили душистыми тампонами, впихнули в огромный обшитый деревом кабинет и очень уважительно усадили в огромное мягкое кресло. Я сразу подумал: сегодня резать на куски не будут.

И в то же мгновение в кабинет стремительно вошёл огромный, почти двухметровый верзила в зеленом халате, зеленой шапочке, в зеленой повязке на лице и с огромным хирургическим скальпелем в руках. Хирург!

Я от ужаса окаменел. Всё-таки будут! Резать!

Холодный пот потек со лба. Лучше бы я прыгнул в яму с медведями!

Но хирург направился не ко мне, а к какому-то нескладному типу, который был привязан бельевыми верёвками к массивному деревянному стулу. Он сидел прямо перед огромным письменным столом. Но при виде скальпеля как-то весь ополз, скукожился, уронил старческую головёнку набок и ... пустил лужицу под стул.

- Вот гад! – вырвалось из-под зелёной марлевой повязки. – Падла! Он мне всю операцию сорвёт!

И сердце мое встрепенулось. Родной до боли голос...

Кеша сорвал марлю с лица. Обернулся ко мне.

- Ну что, похож?! – спросил он.

- На кого? – не понял я.

- На хирурга в пальто! – разозлился он. И почти заорал на меня: - Ты чего, не видишь, это же знаменитый кардиолог-трансплантолог профессор Дэ-Бейкин! – он махнул скальпелем в сторону скукоженного старика на стуле. – А вечером привезут самого Охуельцина! На омоложение! Понял?!

Я покачал головой. Я и в самом деле ничего не понимал, мне было не до этого дряхлого и, разумеется, известного мне светила, который ещё сто лет назад менял череп академику Келдычу. Меня жгла одна радостная до жути мысль – резать, наверное, не будут, ура-а-а!!!

- Оперировать... – очень внятно и членораздельно, по словам произнёс Кеша, - вместо этого старого хера... буду... я... Усёк?! А ты... будешь ассистентом!

Пот на моём лбу мгновенно высох.

- Кеша, - спросил я его как можно серьезней, - а ты уверен, что мы с тобой давали клятву Гиппократу?

Зловещая улыбка осветила Кешино лицо.

Я понял его план. Это было гениально!

Оставалось только подменить Кешу на сэра Дэбейкина.

Но Кеша на обмен и обман не пошёл. Он растолкал чувствительное светило, помахал у него перед носом скальпелем. И сказал что-то на латыни...

Профессор тихонько заскулил. Он только теперь начал понимать, ху из ху «рашен мафия». В чём Кеша его тут же разубедил.

- Слушай, сэр, - сказал он деликатно, - никому твои лавры не нужны! Скажешь своим пацанам, что привёз двух лучших учеников, которые под твоим мудрым руководством проведут блистательную операцию по реанимации этого трупа... понял? Можешь даже не называть наших имён! Вся слава твоя, док!

Кончик скальпеля уперся в обвисший конец носа профессора Дебейкина. Но тот уже овладел собой.

- А если я скажу нет? - вежливо, с певучим одесским прононсом поинтересовался прославленный целитель.

Я, разумеется, знал, что все «светила» в мире наши люди... но не до такой же степени! О, Россияния, родина слонов и носорогов!

- Тогда сам ляжешь на стол. И прямо сейчас!

Кеша достал из кармана скомканный носовой платок не первой свежести и протёр им скальпель, давая понять, что он готов к операции.

- Но мой гонорар! – начал нервничать лучший хирург мира. – Больше сорока процентов я не уступаю... можете резать меня хоть на этом письменном столе! – в дрожащем голосе маститого старца звучало благородное негодование.

- Гонорар ваш, на все сто, - успокоил профессора Кеша, - мы сделаем всё бесплатно, из любви к науке... и человечеству. Вы просто будете нам говорить, что и как отрезать – ваш авторитет для нас дороже всего!

Польщённый сэр Дэбейкин округлил глаза.

- О, вы альтруисты? Гуманисты?!

- Ого, - не стал разуберять его Кеша, - мы очень большие гуманисты, особенно я. Только запомни: рыпнешься – на перо сядешь! в твоём возрасте, папаша, это вредно!

Дебейкин поглядел на меня, будто не совсем доверяя своему «ученику».

Я долго молчал, сидел куклой в кресле. Я был как пружина. И потому ответ созрел сразу:

- Пахан верно говорит. Тут всё схвачено!

После последнего моего слова двери кабинета распахнулись, и три Кешиных пацана втащили в два захода пять туго перемотанных скотчем тел.

- Вертухаи здешние, - доложил один тихо, - хазу пасли. Чего с ними-то, мочить будем?

Кеша брезгливо скривился. Мочить! Пацаны, видно, забыли, что мы гуманисты. У охранников наверняка были жены, дети, старенькие и не очень старенькие мамыши с папашами... и им явно никто не вкалывал вытяжек из русских младенцев. Этих надо было не мочить... а любить, по-христиански, по-нашему. Я приказал, чтоб путы осла-

били. Кеша кивнул. Мы делали всё для людей, простых людей и не очень простых, для тех, кто всё понимал, и для тех, кто не понимал ни хрена... потом поймут. Мы шли на дело ради всего человечества... а эти парни были его частью. Впрочем, Кешины пацаны были не философами. Они были матросами. А у матросов...

- Нет вопросов, - ответили они.

Следующим заходом ребята приволокли семерых огромных мордоворотов в чёрных костюмах и при галстуках. Поначалу мне показалось, что они мертвы. Но это было не так.

- Быки ухуельцинские, - пояснил старшой из пацанвы, - во прорвы! по два литра пшеничной влили в эти утробы, блин, пока ни упоили...

Кешины ребята хорошо знали, как надо брать российских секьюрити. Да и как не понимать родной души!

- Вы им попоздней ещё по литру вкачайте, чтоб к утру не продрыхлись, - посоветовал Кеша. И энергично потёр руки. - Ну что, батенька! - повернулся он к профессору. - А не пора ли и за дело?!

Я на всякий случай поинтересовался у пацанов, как там пациент.

- На каталке... везут гада

- Ну те-с, пора, пора-с...

Кеша кивнул мне, и мы, подхватив величавого старца под руки, уверенным шагом двинулись в сторону операционной. Где она находится, знал только наш «учитель».

По дороге в коридоре у него начали слабеть ноги и мозги... Сэр Дебейкин опять начинал сомневаться.

- А если... летальный исход?! - спросил он с плохо скрываемым ужасом. - Как тогда с моим гонораром?!

- Маэстро, - успокоил его Кеша, - ну, у кого на вас рука поднимется! получите вы свой гонорар! ведь вы же талантище! вы же золотые руки! лучший хирург планеты! какая на хер разница, летальный, нелетальный! Полетал и хватит! а второго Дебейкина больше нету! вы же гений!

- Гениальный гений! - подтвердил я.

Кешина речь произвела на «светило» неотразимое впечатление. Впрочем, Соломон Дебейкин и без речей знал, что он талантище, не чета всяким старикам ухуельциным.

Через полчаса мы уже стояли под большой круглой лампой в зеленых халатах с масками на лицах и, главное, над грузным и несвежим телом с расползшимся бледным животом. Голова пациента скрывалась под анестезиологическим колпаком. Проходя мимо которого, я ослабил вентиль, строго посмотрел на анестезиолога, мол, наркоза не жалеть! Наступал наш звёздный час.

Великий учитель что-то сказал Кеше по-английски. Все зелёные колпаки и очки из-под них сразу уставились на нас. Их было то ли трое, то ли четверо. Я от ответственности момента даже не разобрал. Но двоих оттеснил сразу, особенно одну, ту, что прилипла к столику с блестящими ножами, ножиками, сверлами, пилками, зажимчиками и прочей хирургической дребеденью. Кеша поглядел на меня. И я подал ему скальпель, который лежал ближе. А сам сказал профессору:

- Все указания только на иврите!

- Но вы же не знаете иврита! – поразился тот.

- Неважно, - объяснил Кеша, - они, наверняка, тоже не знают. И в конце-то концов, профессор... мы тут что, - он потряс скальпелем перед зеленой маской «светила», - диспуты разводить будем? или мы курей не потрошили? вскрыть этот бурдюк не сумеем?! Не уважаешь...

Кеша примерился и быстрым сильным движением располосовал брюхо лежащего от грудины до паха... Меня чуть не вывернуло, когда два слоя белого жира разошлись, открывая... нет, эту жуткую утробу я описывать не стану. Увольте! Лучше бы меня оставили в Берне с моими медведями... А заказ... совесть... Нет, всему есть мера.

Сэр Дебейкин тихо застонал. И прохрипел Кеше в ухо:

- С чего вы взяли, что ему надо вскрывать брюшную полость, гуманист хренов! Мы должны были ввести три зонда... откачать... закачать... о-о-о!!!

- Новый метод! – спокойно ответил Кеша.

Дебейкин важно перевёл.

Зелёные врачи и сёстры закивали, недоуменно покачивая головами, но не смея перечить гению мировой хирургии. Я пожалел, что в операционной нет пары Кешиных пацанов с автоматами. С ними я был бы больше уверен в благополучном исходе операции... Для нас.

Потом Кеша сунул руку в подергивающиеся влажные кишки, вытянул, сколько смог, обрубил скальпелем, и бросил шевелящийся и расползающийся ком в пластиковый чан под ногами.

– Последние разработки. Ноу-хау!

Он быстро и властно протянул руку ко мне. И я, почти падая в обморок от этого кошмара, сгрёб со столика кучу тампонов, зажимов и сунул всё это ему... половина сразу просыпалась в разверзтое брюхо, другую Кеша туда плотно и уверенно утробовал. Он боролся за жизнь пациента как умел. И это впечатляло.

Профессор Дебейкин размеренно кивал головой. Это был нервный тик. Но его лохи смотрели только на него, шеф был превыше господ бога. А Кеша всё тянул и тянул руки ко мне. И я подавал ему какие-то огромные и малюсенькие шприцы, заполненные то зеленой, то красной, то жёлтой гадостью... и он, не колеблясь ни секунды, вкалывал их куда ни попадя: в брюхо, плечи, ноги, шею, коленки... последний, самый большой, он с размаху вонзил меж ребер, прямо в сердце, выдавил бурое содержимое до последней капли... Вздохнул.

Откуда-то сбоку за сложнейшей операцией наблюдали три российских то ли профессора, то ли академика, то ли просто личных врача старика-демократа. Они цокали зубами, чмокали губами, широко раскрывали глаза и по иному всячески выражали свое восхищение мастерством гения, который за всю операцию даже не прикоснулся рукой к оздоравливаемому телу... высший класс! Европа!

Кеша изнемогал. Шустрая швейцарская сестричка не успевала тампоном, зажатым в пинцете, вытирать пот с Кешиного лба. А он все резал, колол, отрезал, шпунтовал,

шунтовал, зажимал... он пережал уже всё что только можно, но не успокаивался... ведь профессор всё кивал и кивал. Наконец, Кеша демонстративно снял перчатки, бросил их в чан. Развёл руками. И поклонился.

Вынырнувший из-за его левого плеча очкастый тип принялся шустро зашивать живот оздоровлённого пациента. Я смотрел на его искусные манипуляции и думал: любить здесь всё-таки лишнее!

- Всех благодарю за отличную работу! – сказал вдруг Кеша галантно на отличном гундосом английском. Небось, месяца два учил фразу, пижон.

Потом, уже на ходу, выводя за собой под локоток великого учителя сэра Дебейкина, Кеша сорвал колпак с головы старика Ухуельцина, ещё раз убедился, что это он, что никакой подмены нет, и только тогда двумя зажимами крепко зажал нос и губы «мирно спящего» пациента, снова водрузил колпак... и поглядел на меня. Он сделал всё, что смог. Это был подвиг Гиппократы! Но кто мог оценить его по достоинству?! Я сам был близок к летальному исходу... Впрочем... Мы выходили под тихие интеллигентские рукоплескания академиков.

Свершилось!

Наконец-то свершилось! Причём самым гуманным образом... ни чуть не хуже, чем в аумэрыканской смертной палате, где пациенту вкалывают жуткую гадость, чтобы в страшных судорогах отправить его на тот свет... Наш пациент ушел в потустороннюю нирвану из нирваны наркотической, ушёл в сладких снах и грёзах. Это было верхом гуманизма для него... и не только для него.

И всё же...

- Как ты мог... как ты мог... – будто заведённый талдычил я ему в полубреду, оцепеневший и разбитый.

- Я просто исполнял свой долг, - скромно ответил Иннокентий Булыгин. – Есть такое слово – надо!

На прощание он крепко пожал руку доктору Дебейкину. Тот полез было обниматься и целоваться с Кешей, всё стараясь дотянуться до его дрожащих губ своими старче-

скими синюшными губами. Это был синдром! синдром заложника, который привыкает к своему захватчику, привыкает до обожания и готов лобызать его, если только появляется шанс... да и без шанса. Дебейкин полюбил Кешу. Кешу нельзя было не любить.

Но всё же он отстранился от поцелуев. Он был не столь сентиментален, как олигархи, которым здесь вставляли новые половые железы, селезёнки и надпочечники.

Мы сели в машины.

И долго ещё с порога клиники неслоь нам вслед:

- До встречи! Если прихватит чего, не стесняйтесь, приходите, вырежем в лучшем виде, это я вам, как лучший хирург мира обещаю... до скорого-го-го-ого-ого!!!

Я думал, мы помчимся вниз, скрываться от полиции.

Но Кеша приказал водиле гнать повыше, к снегам. У первого же огромного сугроба он остановил машину, быстро и нервно разоблачился, на бегу, срывая с себя то одно, то другое... и голым прыгнул в снег. Он почти утонул в сугробе и минут десять барахтался в нём, как медведь. Добрый и большой русский мишка, вернувшийся в эту обасурманившуюся, но родную снежную землю.

Швейцария! Нет я всё равно недолюбливал эту страну.

... Подлые средства массовой дезинформации ровно через неделю сообщили, что операция по омоложению матёрого старика-демократа прошла успешно, что Ухуельцин уже почти пришел в себя, только не может никак вспомнить, кто он такой и откуда его привезли. Санитарка, пожелавшая остаться неизвестной, поведала, что русский больной за эту неделю выпил весь спирт в клинике и ей нечем протирать скальпели и клизмы. А всемирно известное «светило» медицины сэр Дебейкин сообщил прессе, что пациент чувствует себя превосходно и при надлежащем мониторинге проживёт ещё лет двести. Прогрессивный мир рукоплескал чудо-доктору.

Не рукоплескали только мы с Кешей.

Мы начинали просто люто ненавидеть медицину.

После занятий в школе, после двух ежедневных обязательных уроков по афронегритянскому «рэпу» и усиленной сексологии девочек шестого «а» разделяли на две неравные группы для внеклассных занятий... Ту, что побольше, классная руководительница Лолита-Эстебанья Мымровна Чунькина вела прямиком к Сослану и по списку сдавала для дальнейшего прохождения... Сослан выдавал Лолите «на ремонт школы» и рассаживал девочек по машинам, клиенты не любили ждать. Сослана и его сервис охранял местный ОВД, и потому классная дама не беспокоилась за своих школьниц.

Меньшая группа... неорганизованная и недисциплинированная шла ватагой на местный рынок. Там можно было хорошо подзаработать. За один отсос Мехмет давал две жвачки: это было очень выгодно – «вригли сперминт – удивительно стойкий вкус!» А за «скрипку в три смычка» – бутылочку «клинского» и полпачки подкладок. Девочки дрались за очередь к Мехметовым гостям...

И Мехмет очень любил девочек. Хотя сил у него оставалось только щупать их и заставлять плясать перед собой голенькими. Они были рады до визга и хохота, а он хлопал в ладоши и красиво улыбался большими золотыми зубами.

Когда они все уставали, Мехмет засовывал в каждую девочку по презервативу с гашишем или героином... и посылал по адресам. Чтобы к девочкам не пристали русские оболтусы или нацисты, Мехмет наказывал рыночным ментам пасти их потихоньку сзади до самого адреса-та... Менты верно служили хозяину.

Русские ленивые мужики несли Мехмету золото – кольца, браслеты, часы, цепочки... тянули трясущимися руками, просили не обидеть. Мехмет был честный, никогда не обижал – наливал по стакану водки. Этой самодельной отравы у него было хоть залейся. И жалел их баб, у которых они тянули золотишко... Мехмет знал, что и бабы придут... но им предложить кроме самих себя будет

нечего... а он уже не мог находить столько клиентов на этих старых кляч! не хватало желающих на школьниц!

- Русский мужик, совсем ишак, - жаловался он друзьям, - русский дурак сами глупый дурак, слюшай! Баран! Нэ-э... баран не даст свою овцу. Русский баран хуже баран! Ва-ах, какой дурак!

Мехмет не знал, что в Россиянии не осталось русских... даже правительство россиянское вынуждено было отметить в паспорте графу «национальность», потому что никаких русских больше не было и не хотелось обижать всех остальных.

Мехмет не знал, что скоро и сам станет русским, которых нет... ну, проживёт ещё лет пять или десять здесь, и загрустит, затоскует, запьёт, обрусееет настолько, что милиция перестанет отдавать ему честь...

Мехмет не знал, что десять, сто, пятьсот, тысячу лет назад все русские в Россиянии были половцами, чудью белоглазой, хазарами неразумными, татаромонголами, печенегами, жидами пархатыми или просто евреями, уграми, башкирами, пермяками, грузинами, таджиками, азэбарджанами, берендеями, древлянами, полянами, обрами, шведами, литвой поганой («языческой») – прим. цензуры), хохлами, кацапами или обычной мордвой.

И всё равно раз в два месяца Мехмет собирал местных ментов и говорил:

- Сапсэм мышь не ловите, суки!

Менты тут же разбегались, собирали по подвалам обкуренных и наколотых мальчишек, раздавали им прутья. И начинался погром.

За час до погрома менты привозили Мехмету три автобуса из Останкина. Он поил, кормил дорогих гостей... жаловался на проклятых русских фашистов, слюшай, шовинистов!

Останкинские пили и понимающе угукали.

Их тоже, слюшай, заел прямо русский фашизм.

Погромщиков хватало, чтоб по два раза поднять прутья. Потом они падали. Обессиленные и одурманенные.

- Русские фашисты! Русские фашисты!!! Это путч! Завтра они будут в Кремле! – орали истошно спецы по русскому фашизму из Останкина. – Доколе!!! Куда смотрит президент! Демократия в опасности!!! Этот президент опять делает демократию в белых перчатках... позор! История нас учит – демократию не делают в белых перчатках! Кругом русские фашисты!!! А-а-ааа!!!

Вызывали к себе на телевизионный ковер мэров и министров. Отчитывали. Секли напоказ, чтоб неповадно было... драли за уши...

И через неделю Мехмет получал новую квартиру, сто паспортов с постоянной пропиской, кучу извинений, ещё большую кучу компенсаций за погром, право на полную автономию в пределах Садового кольца, обязанность самому определять и излавливать для наказания русских фашистов, штатный пропуск в министерства и ведомства, медаль за Веру и Отечество с крестом и полумесяцем, орден Гроба Господня, лицензию на производство спирта, табака, пива и беспошлинную торговлю в пределах Россиянии, знак почётного горожанина, билет на приём в Кремль и кредит на миллиард евродолларов.

Мехмет уже сам не знал, что ему пожалуют, только бы он наконец усмирил этих проклятуших и вездесущих русских фашистов, которых в Россиянии просто видимо-невидимо и от которых главное зло бедной мировой демократии.

Мехмет был мудрый, образованный и почти полуграмотный. Но он думал, что он главный борец с этой напастью. Он не знал, что при генеральном президент-гауляйтере уже давно была создана Международная Тайная Канцелярия по борьбе с проявлениями национального экстремизма, которая объединяла двенадцать тайных и явных министерств, которые только и знали, что днем и ночью боролись с русским фашизмом... И была тут какая-то роковая загадка! Каждый год народонаселение Россиянии сокращалось на два-три миллиона никому не нужных лиц так называемой русско-славянской национальности и

прирастало на четыре миллиона уважаемых, панимаишь, золотозубых граждан демократической интернациональности... а зловещий и ужасный русский фашизм всё нарастал!

- Нихт капитулирен! Нихт капитулирен! – орал по ночам фон Перепутинг.

И десятки тысяч отборных спецназовцев тут же бросались ловить и хватать, топтать и сажать этих ужасных, просто ужасных двенадцатилетних русских скинхедов. Они были настолько ужасны, что на каждого посылали по три батальона самых отборных бойцов демократии.

И Мехмет знал, его не дадут в обиду. Скорей уж ещё две подлодки потопят и три космические станции с орбиты свернут, скорей вообще всех этих русских под корень выведут, чтоб никакого, панимаишь, фашизма!

Но самой главной тайной было то, что Мехмет посылал денежки не только детишкам на молочишко в Лондон и женушкам на золотишко в Баку. Каждый тысячный евро-доллар Мехмет, как правовеерный, отсылал моджахедам великого и ужасного Бен-Алладина, на джихад против этих проклятых русских (и нерусских) фашистов, слюшай, шовинистов. А уж ЦРУ и ФСГБ чётко отслеживали, чтобы каждый честно заработанный Мехметом цент попал точно по назначению. Ведь кроме этой проклятушей Россиянии надо было ещё принести демократию в Иран, Ирак, Корею, Сирию и Антарктиду. А демократию не приносят в белых перчатках: на бомбы нужны деньги!

Вот так, господа хорошие. Иначе хрен бы вам на ничточке, а не орден Гроба Господня!

Оле-оле... аллилуйя-а-а!!!

А Аллах воистину акбар!

Вот дочитаю Коран. И уйду в горы, пока зелёнка не сошла... может, там и есть правда.

Два дьявольских рога сшибли... Видно, и впрямь, не так страшен чёрт, как его малюют. С нами Бог!

А как его зовут Сварог, Аллах или Саваоф не столь и важно... Ибо Неизреченный есть.

Я знал, что Кеша романтик и идеалист. Я знал, что он совершенно оторвался от жизни со своими раутами и вояжами, приёмами в посольствах и благотворительными балами. Я сам не однажды бывал на банкетах и сходках «авторитетов». Я умирал на них от скуки... Эти бандиты - и паханы, и сявки, утомляли меня своими аристократическими манерами лордов и маркиграфов... серебро, сервский фарфор, изысканный хрусталь, манишки, вышколенные лакеи, полуобнаженные дамы в соболях и парче, придворная роскошь... казалось сейчас кто-то громогласно крикнет: «Ея Императорское Величество!», и распахнутся золочёные двери, и... Да, я прекрасно знал, что многие из «авторитетов» уже получили великосветские титулы и слегка, барски кривили губу, когда к их имени добавляли «князь» или «барон», мол, ну зачем эти детали, господа, всё и так ясно, господа, ну, разумеется, князь, ваша светлость, ну какой базар... Всё было весьма красиво и весьма привычно. Никакой экзотики.

А Кеша много раз жаловался:

- Хочу, мол, экзотики...

Хотеть не вредно. После одного такого недельного великосветско-запойного приёма, когда мы оба позеленели от галантностей и манер, я напомнил Кеше про экзотику.

- Есть одно место... Моя соседка, милая старушка, называет его гадюшником... а алкаш с первого этажа просто помойкой...

- Нет базара, - ответил Кеша. И услал мордоворотов подальше. – Пойдём!

Мы добирались до «оптового продуктового рынка» на стареньком трамвайчике, скрипящем и забитом до отказа – народонаселение стремилось «отовариться подешевше» и потому всем скопом с утра до вечера перемещалось по главному жизненному маршруту «дом – рынок» - «рынок – дом». В трамвае Кеше первым делом обтёрли каким-то вонючим селёдочным рассолом его кашемировое пальтишко от Версачи и истоптали новенькие крокодиловые штиблеты. Кеша ничуть не расстроился, он предавался

ностальгии... ещё каких-то пятнадцать лет назад он не вылезал из этих трамвайчиков и сам оттаптывал ноги неуклюжим и нерасторопным... хотя тогда и не было таких «рынков»... неважно. Похмельное сердце пело.

- Это молодость, Юра, - шептал он мне в ухо жмурясь, - это дух моей юности...

И слеза наворачивалась на его глаза.

- А ты думал, нынче все на мерседесах и кадиллаках? – вопрошал я не в лад.

Его толкали в спину и грудь, ругали, обзывали, материли... но он плыл по волнам своей памяти, наивный и блаженный романтик.

Наконец толпа выпихнула нас наружу возле самого зёва «гадюшника». Орды взвинченных и злобных старух с тележками и мешками осаждали дверь, не давали выбраться, и Кеша с непривычки чуть не остался внутри, всё пропуская бабкок. Я вырвал его из трамвая, а заодно и из грёз за полу длинного и уже несвежего пальто.

- Да вылазь ты, ваше сиятельство, чего столбом стоишь! Едрёна-матрёна!

Старухи меня поддерживали:

- Ага! Ишь благородие выискался, сволочь! ни туды ни сюды! мать его перемать!

- Вылазь с проходу, тебе говорят!

- Раззява хренова!

Кеша вылез, оплётанный с головы до ног, и растерянно улыбающийся... он любил весь мир и готов был всех прощать.

Мир не отвечал ему взаимностью.

- Это путешествие в прошлое... – мечтательно протянул он. Но я видел, что пелена начинает сползать с полупьяненьких глаз «его светлости».

- Это путешествие в настоящее, Кеша... – поправил я его. – Это поход в вытрезвитель № 8.

- А они что, ещё есть? – удивился он. – Вытрезвители?!

Я понял, что сморозил чушь... этот гадюшник был чем угодно – охмурителем, опоителем, отравителем, развра-

тителем, расчленителем, наркоубийцей... только не... — нет, для него он должен стать именно вытрезвителем!

Краснорожие бабы и бледнолицые мужики с огромными мешками, сумками, пакетами недовольно обходили нас, просверливая насквозь какими-то пещерными взглядами. С каждым годом эти взгляды становились всё пещерней, первыботней, процесс реформирования гармонической личности в животное шёл успешно, недаром его финансировали наши самые добрые друзья из Заокеании, которую мы все обожали до потери пульса.

Кеша не любил Заокеанию, он её просто презирал за дебилность. В отличие от этих звереющих мужиков и баб он бывал там не один раз... и потому он не понимал этих взглядов изподлобья... Он трезвел на глазах. И лицо его приобретало зеленоватый оттенок...

Изъязвленные руки и лапы, в струпах, чесотке и проказе тянулись к Кеше, хватали за полы — гниющие бомжи и бомжихи сидели прямо в зловонных лужах по обе стороны от входа в «гадюшник». Сам рынок принадлежал супруге одного из префектов, и потому был в идеальном санитарно-гигиеническом состоянии. Блохи перепрыгивали с бомжей на покупателей и обратно, вши были не столь проворны, но и они успевали переползать. Полубезумная и совершенно пьяная бомжиха неопределённого пола в драной и поганой куртке с надписью «beer amerika» сидела на корточках под столбом вывески и, тихо хихикая, громко оправлялась. На вывеске значилось: «Демократия наш рулевой!»

Под вывеску спешили пустопорожние граждане. Назад пёрли... именно пёрли с кулями и тюками отоварившиеся. Мы с Кешей долго не могли попасть в струю... но наконец и нас занесло внутрь, мимо бродяг и нищих, мимо золотозубых красавцев-пастухов, что пасли своих российских, молдаванских и украинских торговков-воровок, не доверяя им ни на грош (и правильно делали), мимо трясущихся старух, что выпрашивали у торговок самый гнилой помойный товар — этим было не на что ку-

пить товар менее гнилой, их пенсий не хватало на анашу внукам и внучкам... мимо всех тех, ради кого слуги народа, не жалея себя, денно и нощно реформировали Россию... По мере засасывания нас течением в образцово-показательную помойку, «его сиятельство» зеленело всё больше. И я начинал уже жалеть, что привёл сюда Кешу. Сам я жил этой жизнью, я не мог жить иной жизнью, я, на погибель себе, был писателем, я не мог «отрываться от своего народа», ну никак не мог, я полз к «торжеству демократии и правового общества» вместе с ним, вымирающим, спивающимся и звереющим... Но Кеша! Он был утончённым романтиком, поэтической натурой, он верил, что где-то там, в исконных толщах ещё живы арины родионовны и пересветы, капитаны тушины и осляби, сержии радонежские и аввакумы, минины и пожарские... Кеша был милым и смешным идеалистом. Наверное, поэтому он и пошёл в киллеры. Наверное, он верил, что зло истребимо, что его можно победить. Он слишком много читал Достоевского... хотя и был матросом.

Он пялил свои серые наивные глаза на всех этих «богоносцев», которые подобно отарам и стадам сновали под гортанные выкрики загорелых смоляных пастухов нероссийской национальности по помойке-гадюшнику и смекали с прилавков всё, что там было – и мороженую картошку, и парную вонючую рыбёшку, и бананы из моргов, и тухлую румынскую свинину, и свежайшую бешенную говядину из Англии, и бруцеллёзное молоко из итальянского порошка, и сальмонеллёзные американские окорочка Буша, и собачатину, и нутрятину, и водку из опилок, и пиво из мочи, и минеральную воду из-под крана, и чёрта и дьявола из всевозможного дерьма... Пялил. И трезвел.

Мы пробирались по щиколотку в пахучей жиже, которой были залиты все проходы меж рядами ларьков и ларей, мимо грызущихся в очередях покупателей, мимо рядов откормленных милицейских и прочих охранников, коих жижа ничуть не смущала, мимо чумазных и бледных шкетов-беспризорников, норовящих стянуть с прилавка

какую-нибудь дрянь, мимо дрожащих и жалких стариков-ветеранов, которым щедрые пастухи бросали объедки и гниль, мимо пьянующих, одутловатых русских доходяг-грузчиков, подпитых и обкуренных рабов-россиян, что беспоминутно таскали мешки, тюки, ящики с товаром в ларьки своим господам-хозяевам и их торговкам-воровкам, мимо вездесущих ужасающе больных и полумёртвых бездомных, в чьих домах давно жили золотозубые и усатые пастухи и на чьи головы то тут, то там из ларьков лились помои и сыпался прочий мусор. Бомжи погружали в него черные ладони и пригоршнями совали их в черные дыры ртов... Народонаселение просто упивалось свободой, правами человека и демократией. И каждый – каждый! – находил в этой демократии, понимаешь, свою экологическую нишу. И ежели этой нишей была яма с дерьмом, демократоры с голубого экрана поспешно уверяли, что именно в эту яму и стремилась всю свою жизнь данная свободная личность. Я был в Штатах и видел дома, в которых эти демократоры имели квартиры, они вовсе не были похожи на бочки с дерьмом. Я знал, где получают демократоры свою основную зарплату... Но я уже давно молчал об этом. Я знал, что те, кто жил в бочках, очень любили тех, что жили в телевизорах, они их так любили, что могли за них побить камнями... У меня ещё не зажили раны от этих камней. И потому я молчал. Хотели экзотики... получайте по полной программе. Да для наших президентиев, патриархиев, киллеров, олигархиев и прочих, по образному выражению одного из депутатов, сэров, мэров, перов и херров с префектами и их владетельными супругами всё это было экзотикой... они больше предпочитали благотворительные балы. Те самые, на которых я скучал и предавался мрачной мизантропии.

- Всё... уволь! – Кеша застонал.

Он был близок к обмороку. Но нам ещё предстояла долгая дорога назад, к лучезарной вывеске у входа, к набитому горемычным людом трамваю. Впрочем, люд себя

не ощущал горемычным. Это где-то в Аргентине, где повысили цены на полпроцента, народ громил дворцы и банки, жёг полицейские машины и готовился сжечь гада-президента, вот там, видно, обитал горемычный люд. Наши никого громить не собирались... каждый –надеялся, что сосед сдохнет раньше и будет как в пословице: «меньше народу – больше кислороду». Власти и демократы считали так же, демократия в Россиянии просто задыхалась от избытка народа и нехватки кислорода.

Когда рядовой второго класса фон Капут-Перельпутер, ответственный за россиянское народонаселение, обращался к своему заокеанскому другу без галстука за помощью, тот долбил своё: «У нас, понимаешь, и так мало ракет осталось с этим Бен Алладином, на всех ваших не хватит... сами, сами управляйтесь! – добавлял, лукаво щуря глаз: - Верным, верным путём идёте, господа!»

Польщенные господа управлялись сами.

Кислороду с каждым днём становилось всё больше и больше.

Две нищенки, дравшиеся за гнилую луковицу, упали в жижу и Кешино и без того промасленное и засаленное пальтецо то ли от Версачи, то ли от Гуччи с Армани, залило омерзительной зеленоватой гадостью... Он задрал голову к серому небу.

- Нет! Всё! Не могу больше!

Я понял, что его сейчас вывернет наизнанку.

И попытался было развернуть Кешу к выходу... Но он уже падал головой на какой-то ларёк прямо-таки дворцового вида, огромный и окрашенный в ярко-жёлтую, по вкусу владельца, видно, краску. Я растерялся... Но он успел подставить руку, та опустилась на обитую жёстью дверь... Дверь заскрипела, задрожала, распахнулась с дребезгом... и Кеша рухнул внутрь, в полумрак... и пополз, пополз куда-то прочь. Я бросился за ним...

И оторопел.

В глубине этого обширного дворцового ларька-сарая, возле столика с банками, бутылками и одним стаканом,

на куче замусоленных импортных, набитых синтепоном или прочей гадостью матрасов, в свете трех мигающих люминисцентных светильников-труб стояла на четвереньках белобрысая девка лет четырнадцати с круглым розовым задом, а на ней пыхтел какой-то чернявенький, усатенький, толстощекий и пузатенький человечек явно кавказской, как выражаются органы, национальности. У человечка, несмотря на все его пыхтения и ерзанья, что-то не получалось, и он злорадно щипал девку за розовый зад... та взвизгивала и мотала растрёпанной головой. Внизу, у подножия матрасов валялся китайский рюкзачек с лямками, надписью «USA» и школьными учебниками за 7-ой класс. За миг до того ещё две белобрысые девки, сидевшие в углу ларька и ждавшие, видно, своей очереди, пробками вылетели в какую-то щель... Подымающийся медведем Кеша напугал их до невозможности. Это была просто какая-то картина под названием “не ждали!” Да, все были немного растеряны и ошарашены приватностью ситуации.

За исключением пузатенького круглощекого усача. Лишь с полминуты тот очумело и грозно вращал черными как маслины глазами и беззвучно разевал золотозубый рот... потом из этой сверкающей, как и ларёк, дворцовой пасти извергся пронзительный визг.

- Иша-ак! Руски иша-ак! Свиня-я-я! Пошёл вон, руска свиня-я-яаа!!!

Это был Мехмет. Я узнал его не сразу, он здорово отёк от пьянок и позеленел от блядей. Но это был он, славный орденоносец всех гробов господних со всеми крестами, полумесяцами и президентскими подвязками! Мехмет! Перпетуум-мобиле россиянской торговли и лучший друг всех милиционеров! непримиримый борец с русским фашизмом! движущая сила демократии и прогресса! золотозубый и знойный герой моего ненормального романа!

Мехмет точно знал, что все русские, слюшай, ленивые свиньи, терпеливые ишаки и глупые бараны. Он знал, что на них возят воду, а на их бабах и девках ездят верхом!

Он знал по опыту, ещё точнее, что этот русский ишак сейчас опрометью вылетит из его дворца и будет всю жизнь ставить свечки и благодарить своего неверного бога, что остался цел... он знал...

Но Кеша ничего этого не знал. Он был русским, который пришёл из другого мира, в котором золотозубые джигиты ещё не набирали гаремов из невест тех парнишек, что защищали родину на Кавказе и возвращались в цинковых гробах с отрезанными головами... он ещё не знал, что русские, слюшай, свиньи и ишаки, что они за стакан продавали своих дочерей... Он просто свалился с Луны.

И потому он вразвалку подошёл к грозному и важному Мехмету. Ухватил его за шкурку. Одним рывком сорвал с оцепенело-распяленной девки. Немного подержал в воздухе, рассматривая с явной брезгливостью, как уже раздавленного червя. А потом каким-то неуловимо благородным движением ткнул несчастного Мехметушку носом прямо в разверзтый зад девицы. Вдавил поглубже за загривок... прижал, придавил.

- Не надо, Кеша! – закричал я. – Это грубо!

Кеша молчал. И в своем длинном черном пальто, высокий и бледный, он сейчас был похож на какого-то святого или, по крайней мере, сугубого иеромонаха, изгоняющего откуда-то или загоняющего куда-то отвратительного пущатенького бесёнка.

Бедный Мехмет рвал ногтями матрасы, сучил ногами, хрипел, хлюпал носом, всё сильнее втягивая в него содержимое кишечника окостенелой от ужаса девки. Мехмету сейчас явно не хватало кислорода, как не хватало его правительству, просто не знающему, что делать с этим народонаселением, которое ещё – какая наглость! – дышало.

- Это не благородно! – пытался я остановить Кешу. Так он мог перебить всех героев моего романа, и я остался бы один в этой бестолковой и нелепой жизни.

Один на один с всё более звереющей демократией.

- Благородно, - сказал Кеша, когда несчастный перестал сучить ногами.

Он отбросил труп подальше от девки. Обернулся к ней.

- Подол опусти...

- Чего? – не поняла та.

Я подошёл и сам натянул модное красное платице на розовый зад. Неэстетичность обзора усугубляла и мою депрессию.

- Чего он тебе обещал? – спросил Кеша по-отечески ласково.

Девка на этот раз поняла сразу.

- Бутылку «клинского» и три жвачки! – заявила она с вызовом, будто у неё отбирали заработанное.

- Щяс получишь, - успокоил её Кеша.

Он подошёл к столу, взял откупоренную бутылку пива, вылил её малолетке на голову. Потом нашёл рядом целую упаковку жвачки и, не разворачивая её, сунул в рот девке.

- Жуй!

Та покорно зажевала, ловя языком стекающие с волос струйки пива. Это было непедagogично. И я, подняв китайско-«американский» рюкзачок, собрал туда учебники, бросил его на колени ей и сказал строго:

- Иди отсюда, уроки пора учить!

Тем временем Кеша откупоривал уже третью бутылку водки и тщательно, как хирург, промывал палец за пальцем, ладони, кисти... Я вообще не понимал, как этот сноб и эстет мог работать киллером... Впрочем, сейчас Кеша был не на работе.

На всякий случай я подошёл к несчастному Мехмету, пошевелил ногой труп... тот был дохлее дохлого ишака. Слезы навернулись на мои глаза... издох бедолага, сколько вдов оставил и сирот горемычных, скольким чинам и ментам бакшишу не додал... я готов был рыдать по несчастным Верке с Надькой, которым теперь обездоленные бакинские вдовушки живьём глаза выцарапают и уши отгрызут... я жалел ветеранов и пенсионеров, которым Мехмет иногда даром дарил гнилые луковицы и черви-

вую тухлятину, теперь им придётся просто помирать с голоду... я плакал по тысячам мальчуганов и девчонок, которые покупали дозы у доброго Мехмета и которые теперь будут биться в корчах по своим подвалам, пока не найдут нового благодетеля... я сокрушался по всей обездоленной Россиянии...

Но долго мне рыдать и сокрушаться не пришлось. С двух сторон разом, со скрипом и лязгом распахнулись двери. И в дворцовый ларёк ворвалось десятка три разъярённых лиц рыночной национальности. Суки-девки, белобрысые, донесли! В руках у пастухов-джигитов были ломы, ножи, монтировки и топоры. Они дико вопили и клацали зубами, извергая проклятия, от которых волосы вставали дыбом. За спинами этих «лиц» маячило с полсотни русских милиционеров и омоновцев, готовых всецело поддержать их в священном джихаде с проклятым русским фашизмом.

Я догадался, что нас сейчас забьют насмерть. Но Кеша оказался не столь догадливым. Первым четверым он свернул челюсти и переломал хребты в мгновение ока. Я не знаю, где он набрался этих приёмов, но бил он коротко, жестоко и беспощадно. На каждое «рыночное лицо» хватало одного удара в рожу. Это был явно не голливудский фильм, где били, вставали, били, вставали и так до конца кассеты. Кеша бил не по-киношному. Он бил очень жизненно и натурально. Смертным боем. Пока я собрался с мыслями, припомнив свой боевой опыт, и двинул ему на помощь, на полу уже валялись в корчах или бездвижно не меньше двенадцати нерусских неишаков. Их золотые зубы валялись отдельно.

А Кеша только входил в раж. Он трезвел.

Недаром я намекал про вытрезвитель.

Милиция и охрана, видя, что бакшиш скоро будет брать не с кого, начинали расходиться. А Кеша всё молотил и молотил совершенно очумелое "национальное меньшинство". Теперь он гонялся за этими пастухами русских отар по всему балагану. Он бил несчастных на-

смерть, с несусветной русской удалью и богатырским размахом, как в добрые старые времена их били Илья Муромец с Алёшей Поповичем, Добрыня Никитич с Василием Буслаевичем... да и все прочие былинные и небылинные герои, которые наверняка были оголтелыми и махровыми русскими фашистами.

Это было просто какое-то мамаево побоище.

Незванным «соловьям-разбойникам» не помогали ни топоры, ни ломы с ножами. Когда двое золотозубых выскочили из-под прилавков с «калашами», Кеша, просто сшиб их с ног трупом бывшего сородича, а потом аккуратно свернул им шеи. Один «калаш» он пнул мне ногой со словами:

- Прикроешь в случае чего!

Он знал, что я прикрою.

Второй он взял в руку как дубинку. Выпил из горлышка бутылку «гжелки» и выскочил на воздух. Полтора часа я бегал за ним следом по всему гадюшнику. И не мог его остановить. Кеша разыскивал прячущихся повсюду в ужасе печенегов, бил их, вязал и брал в полон... Восторженные посетители «помойки» ликовали и радовались, будто рязанцы, восставшие на ордынских баскаков и предвкушающие скорое освобождение любимой родины. А ещё через полчаса он сгрёб всех полоненных в центральную, самую глубокую лужу гадюшника, самую мерзкую и зловонную лужу, выпил ещё бутылку, объявил рынок первой свободной от ордынского ига территорией Россиянии и собрался рубить нехристям головы да насаживать их на колья... Но тут приехали его мордовороты на перламутровом лимузине. И нас обоих увезли отсыпаться.

В затемненное окошко я наблюдал, как расходились отары, как опрянувшие пастухи гнали их пинками и визжали что-то беззвучное золотыми ртами... Орда восстанавливала своё узаконенное властями иго на первой и последней свободной территории свободной и счастливой Россиянин. Куликова поля не предвиделось...

Но Кеша уже дремал, улыбаясь во сне, пребывая в сладких неземных грёзах. Наверное, ему снился поп Гапон, рассуждающий с трибуны о народном счастье и грядущем всеобщем коммунизме, а может, и повешенный наконец-то старик Ухуельцин... короче что-то доброе, светлое и чистое.

К вечеру, пока Кеша ещё дрых, я узнал из телеящика, что в стране начались повальные облавы и аресты. Внеочередное заседание Боярского Сената запретило тридцать девять партий и общественных движений, оказалось, что все они были фашистскими, нацистскими и шовинистскими... В столицу срочно введены Таманмировская и Кантеманская спецдивизии, особо преданные самому президент-гауляйтеру, что они уже приступили к порайонной зачистке и прочим спецоперациям... Только в одной Московии уже схвачено и обезврежено свыше ста сорока тысяч фашиствующих скинхедов... главаря, какого-то монаха в черной рясе, вышитой огромными свастиками, пока задержать не удалось, но шли поиски и министры клялись честью, что поймают и доложат лично... Телевизионные гарпии, брызжа слюной, в истерике вопили, что красно-коричневые штурмовики рвутся к власти, что столица захвачена погромщиками, что демократия в опасности и надо срочно вызывать сто дивизий миротворцев из НАТО и что Растропович со своим автоматом уже вылетел на защиту «белого дома»...

Я точно знал, что после Кешинового мордобоя в гадюшнике ничего больше в нашей Россиянии не случилось, злорадное народонаселение уже давно разъехалось по домам и с ужасом смотрело и слушало по таким же телеящикам ужасающие ужасы про этих ужасных русских фашистов. Но я недаром был писателем-душеведом и человеколюбом, я знал, что телевизионная реальность в миллион раз реальней реальной реальности. И ещё я знал – как скажут в телеящике, так и будет. Потому что и Полубоярская Дума, и Сенаторский Синклит, и все минист-

ры, патриархии и президентии всё время глядели в телящики, и все свои помыслы, душевные порывы и возложенные на них «мировым сообществом» обязанности сверяли по сказанному из телящиков. А патриархий Ридикюль даже повелел все евангелия переталмудить по-новому, изъяв «и судимы будут по написаному в книгах» и вставив взамен «... по сказанному эНТиТиВи». Толкователи-экуменисты утверждали, что эН-Ти-Ти-Ви и было тем неизречённым именем бога, которое так долго скрывали праведные и избранные. Ридикюль не опровергал этого публично.

А Кеша всё дрых.

У матросов не было вопросов.

Какой-то мордатый министр-силовик, которого еле втиснули в телящик, снова каялся в страшных грехах, стучал себя в грудь, винился, что недобил с ещё того раза всех русских фашистов, но непременно добьёт их в этот раз, даже если для этого придётся в целях переёма опыта объездить весь мир и выбить из правительства на это дополнительные сто миллиардов евродолларов... Телегарпии требовали у него «перед лицом мировой общественности» гарантий, и министр клялся партбилетом, осенял себя крестным знамением, непрерывно твердил «гадом буду» и «зуб отдам», щёлкая себя ногтем по золотой фиксе. Теледиве этой фиксы было маловато, и она брезгливо воротилась от министра, аппелируя больше к мнению настоящего Белого Дома. По другим четырём программам показывали, как дюжие борцы за демократию в чёрных масках и пятнистых робах врывались в бесчисленные русско-фашистские логова и дубасили прикладами, били головами о стены, бросали на пол, выкручивали руки, заковывали в наручники каких-то бесчисленных фашистов явно самой фашистской русско-славянской национальности. Всё это вселяло уверенность, что в самое ближайшее время с фашистами и русскими в Россиянии наконец-то будет покончено.

А Кеша всё дрых.

Дурной пример заразителен. Глядя на него, провалился в дурное забытьё и я. Мне снились столь кошмарные фашисты в рясах со свастиками и рогатых касках с православными крестами, что всю ночь я орал благим матом, требуя, чтобы и нам прислали для охраны Растроповича с автоматом.

В холодном поту очнулся я от твёрдого и вкрадчивого голоса президент-гауляйтера Перельмутера фон Утопитца. Теперь он самолично сидел в теляшке и обращался к народу:

- Господа, - говорил он олигархам, банкирам, нищим и бомжам, - демократия и реформы в опасности! Демократию и реформы не делают в белых перчатках! Вы знаете, что процент от процента валового продукта за прошедшие годы вырос на полтора процента относительно отношения процентов... и это бесспорная заслуга демократии и реформ. И вот тогда, господа, когда мы столь успешно интегрируемся в интеграцию, европеизируемся в Европу и американизируемся в Амэурыку находятся силы, мечтающие о старом... И это тогда, когда все прогрессивные силы планеты не на жизнь, а на смерть борются с международным терроризмом и русским фашизмом! Да, господа, совет безопасности президентия всея Россиянии заседал всюю ночь... С благословения наисвятейшего и равноапостольного патриархия его святейшества Ридикюля, великого муфтия всех мусульман, гросс-раввина всех еврососиян иудейского вероисповедания и далай-ламы всех лам (на экране поочередно возникали благообразные лики с бородами, пейсами и голыми черепами) совет принял решение обратиться за помощью к мировому сообществу цивилизованных стран... Уже сейчас я могу доложить вам, господа... - на устах и в глазах фон Перетопильмутера заиграла улыбка человека, с честью выполнившего своё честное дело, - уже на этот час на территорию нашей независимой Россиянии введены ограниченные миротворческие контингенты наших самых лучших друзей и партнеров из Северо-атлантического миро-

творческого альянса... Да, господа, уже семь тысяч тяжёлых транспортных самолётов наших партнёров приземляются на всех аэродромах и всех авиабазах нашей необъятной и любимой родины. По первичным договорённостям только за эту ночь на помощь демократии и реформам должно быть переброшено не менее десяти миллионов миротворцев в голубых, зеленых, серых и крапчатых касках... – он сделал паузу, чтобы благодарные россияне смогли оценить всю широту его президентской широты и всю глубину глубокой дружбы россиянского народа с альянсом, а потом добавил с лукавым прищуром Санта-Клауса, одаряющего подарками: - и это ещё не всё! К концу недели мы совместно с Брюсселем и Пентагоном, нашими самыми большими друзьями без галстуков, намерены увеличить гуманитарную помощь нам до ста миллионов касок и штыков... На этот раз русский фашизм и международный терроризм в Россиянии не пройдут! Ура, дорогие россияне, ура-аа!

Бурные аплодисменты перешли в овацию.

И я почти физически услышал, как ошастливленное народонаселение Россиянии – кого ещё не били башкой о стены и кому пока не заламывали руки и не бросали мордой в грязь - у своих телеящиков восторженно заорало в миллионы глоток: «Уря-яаа! Уря-яааа!!!»

Писателям не следует повторяться. Тавтология вообще нехорошая штука... Но я повторюсь:

В Россиянии проживало охерительно умное народонаселение. Ну просто охерительно...

Уря-яааа!!!

Кеша наконец продрыхся. Мутным взором оглядел экран. Перекрестился. Сплюнул через плечо. Повернулся ко мне... И ещё раз перекрестился.

- И всё-таки мы не ишаки... – сказал он.

И снова заснул.

А тем временем в ящике восторженно освещали прибытие миротворцев. Уже создавались комитеты и фонды

по их приему, все ведущие шоумены и прочие «звёзды» спешно сколачивали концертные труппы и эстрадные бригады для развлечения борцов с международным терроризмом, генералы и адмиралы рапортовали об очистке казарм от солдат и офицеров и о полной готовности к приёму зарубежных гостей... девочки 8-б класса 439-ой московской школы выступили с инициативой немедленно, всем своим девичьим коллективом выехать на обслуживание храбрых заокеанских и европейских парней... эту инициативу тут же поддержали сотни школ, техникумов, колледжей, институтов и академий по всей России... олигархи и владельцы ларьков перечисляли миллиарды в пользу защитников демократии... телемарафон в поддержку миротворцев набирал обороты...

Демократия шла по стране победным маршем.

И лишь по одной из третьестепенных программ вспомнили про несчастного Мехмета, кавалера всех подвизок и гробов, про эту жертву оголтелого русского фашизма... И как-то вскользь сказали, что, дескать, мэрием уже подписан указ о сношении части устаревшего мемориала на какой-то там Поклонной горе и о возведении там восьмисотметрового мавзолейного комплекса всем жертвам русского империализма и тоталитаризма имени Героя демократии Мехмета Оглы-заде Бакиномосковского. Там же, в хрустальном саркофаге на золотых цепях будут храниться святые мощи великомученика. Представитель Патриархии тут же пояснил недоумевающему ведущему, что поместный собор уже принял решение канонизировать невинную жертву и непримиримого борца за стирание граней между эллинами и иудеями, мол, указ уже завизирован его святейшеством Ридикиюлем и теперь лежит на подписи у Римского папы. Аминь. Академия художеств и Антифашистский комитет предлагали снести наконец на Красной площади тоталитарный памятник шовинистам Минину и Пожарскому и установить там огромный броневик, на котором бы стояли в обнимку старик Ухуельцин с декретом, Растропович с автоматом и Мехмет с

ротфронтовским кулаком, призывающий всех на борьбу с русским фашизмом.

Второй раз Кеша проснулся после полудня.

И я сказал ему.

- Пора валить отсюда!

А он философически просипел:

- Интересно, кого они объявят фашистами, когда добьются последнего русского?

Нет, Кеша уже не был матросом.

Я знал, что никаких русских в Россиянии давно нет. Просто Римский клуб принял решение сократить население этой страны до семнадцати тысяч голов. Но я не хотел расстраивать Кешу ещё больше.

Кеша! Не тяни резину! Ну, почему так дрожит твой палец на спуске... Эх ты, интеллигенция!

Ты не матрос, Кеша!

А он мне:

- Прошло время матросов-то!

- И не вернётся?

- Никогда...

Эх, яблочко! Куда ты котишься? Хотя ты тресни, в прошлый век не воротишься!

Это в прошлом веке были у нас бомбисты-террористы... тысячами на куски рвали кого ни попадя, в ошметки... нынче повывелись... Не воротишься! Эх, блин, яблочко... Народные террористы!

Стэн позвонил, когда я стоял на своем письменном столе, сжимая в одной руке веревочную петлю, а в другой пистолет Макарова, маленький и удобный для таких дел. Верхний конец веревки я привязал к хрустальной люстре над головой, так, чтоб от моих ступней до паркета оставалось с полметра. После всех этих паскудных событий я намеревался уйти из этой проклятой и продажной жизни, где гаранты и прочие президенты координируют оккупацию своей страны, а народ ликует и бросает вверх чепчи-

ки, памперсы и надутые голубые гондоны с надписью «урря-а демократии!» Мне уже обрыдло всё это. Зачем тогда вообще все мы были: Предтеча, Андрей Первозванный, Иоанн Златоуст, Иларион, неистовый Аввакум, Державин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Булгаков, я... зачем?! за каким хером?! Я надел петлю на шею... Теперь главное, прыгнув со стола, надо было успеть поднести пистолет к виску и нажать на спуск... или наоборот, сначала прострелить себе голову, а потом... потом тело само упадёт и затянет петлю. Наверняка и надёжно! Время русских миновало... ликующий россиянец из меня не получался, значит, надо было с честью уходить. Вот так.

К трубке я потянулся машинально. Веревка натянулась, мешая звон хрустальных подвесок со звоном телефона.

- Да, вас слушают...

- Это Стэн, - раздалось в трубке с диким акцентом, - слушай меня, стой и не дергайся, понял?!

Я ничего не понимал.

- Дёрнешься, они выломают твои двери...

- Это кто – они?

- Наши люди!

- Значит...

Значит, эти сволочи держали меня под колпаком. Я невольно оглядел стены и потолки, где-то был «глаз», Стэн явно меня видел... вот сука...

- Не крути головой, ещё свалишься!

Я представил, как в мою квартиру, в мою библиотеку и мой кабинет врываются какие-то пятнистые гады в масках, всё крушат, бьют, палят, тянут меня за руки за ноги со стола, вдребезги расколачивая люстру, опрокидывая шкафы с моими книгами... топчут мои книги... сволочи... Такой поворот событий не входил в мои планы.

- Слезай давай!

Со Стэном я познакомился в Сан-Франциско. Добрые люди сидели дома, а меня всё мотало по этим заокеаниям. Дома лежала больная мать! А меня, негодяя, мотало и таскало... Предатель! Все русские предатели, - так она

говорила, - дня не проживут, чтобы не предать и не продать друг дружку... она не попрекала никого, просто говорила правду. Она любила русских и страдала за них... предатели! эта правда была выстраданной болью её больного сердца... Как она была права! Потому у нас всё и вверх дном, потому и нищенствуем в богатейшей стране... потому! Все эти туфтовые ссылки на «дураков» и «дороги» ерунда! Дорог у нас хватит на полмира, а дураков в Штатах уж побольше нашего, на порядок. Нет предательство... во всём... И бесшабашность! Безумная русская бесшабашность! Сидел бы дома, может, и обернулось бы всё иначе... Нет, несёт к чёрту на рога... Рождённый в мае...

Нас носят черти по чужим пределам,
Нас бесы кружат где-то далеко,
Ни нам нет дела, ни до нас нет дела –
Рождённый в мае моется легко...

Не замечаем боли и страданий, не различаем дня в слепой ночи, не оправдает, мама, ожиданий рождённый в мае... Майся и молчи! Мы ищем что-то алчно и упрямо, и нет покоя и терпенья нам... Мы возвращаемся с чужбины, мама, к гробам родным, к угасшим очагам...

Да простят мне читатели лирику вовсе не нужную, слюнявый репортаж с петлей на шее... когда надо бы не песни петь, а стрелять из всех стволов ... или уходить в сельву и горы, коль уж назвался Че Геварой... уходить и копить гнев... ведь будет буря! И не ныть! Но именно петля располагает к раскрытию души, истекающей из тела... И дело не в Стэне. Я сбросил петлю с шеи. Сунул «пээм» в карман, хотя Кеша всегда бранил меня за эту дурацкую привычку – профи не носят стволы в карманах! Плевать, я не профи! Я писатель... нет, я предатель...

Но только нам есть Свыше назначенье,
И есть свобода даже на цепи...
Рождённый в мае, не проси прощенья!
Рождённый в мае, майся и молчи!

Там, в амэурыканском городе Святого Франциска Асизского есть забавный Пирс № 39, возле которого плещутся в воде или спят на деревянных помостах сотни лоснящихся морских котиков, тех самых, что не добили русские промышленники двести лет назад. Американцев тогда здесь не было, были русские, испанцы, индейцы и котики. Из старожилов остались лишь котики да латиносы. За скальпы индейцев платили немалые деньги (доллара три-четыре, ежели мне не изменяет память), и потому, когда русские ушли, а испанцев выперли, когда пришли цивилизаторы-демократизаторы в шляпах и с «кольтами», «индейский вопрос» был весьма успешно решён: демократы делали свой начальный капитал. А котики выжили. Амэурыканцы были сентиментальны. Они до слёз любили всяких забавных зверюшек. А вот людишек не всех и не всегда. Это было очень трогательно и умирительно.

Вот мы и стояли тогда с моей верной спутницей Ниной на этом весёленьком берегу Тихого океана, умилялись котиками и вездесущими утками... А совсем рядом, перевалясь через перила, какой-то жилистый и помятый ковбой из местных бросал в воду крошки – машинально, совсем по-русски. Я запомнил его, потому что местные никогда не кормят зверюшек, нельзя, запрещено... а этот кормил. И на туриста из Россиянии он не был похож.

Через неделю я его встретил на Маркет-стрит, возле станции кабл-кара, есть там такие трамвайчики, сплошная кунсткамера раритетов. Мы к ним и шли, покататься, когда к нам репейником привязался очередной жирный негр-попрошайка с белым стаканчиком и мордой серийного расчленителя. Я знал, что все русские неграм кажутся лохами беспросветными.

- Ченч! Ченч! Ченч! – орал он мне в ухо, требуя мелочь и брызжа своей сифилитично-спидовой слюной. Потом решил взвинтить ставку и начал орать: - Хэлфдооаллз! Хэлфдооаллз!!!

Я был готов убить наглеца или хотя бы садануть ему в бок, чтоб отвязался. Но здесь было не принято нарушать

права всяких уродов. Я был гостем в этом монастыре. И я терпел... терпел...

Пока какой-то сухощавый крепыш на ходу, будто бы ненароком, но достаточно резко не отщёл от нас попрошайку. Тот отпал сразу, понял, что уже не обломится, что у лохов появилась крыша.

- Спасибо, - поблагодарил я невольно, забыв про все ихние «сэнкью-тэнкью».

- Суха спасип гвотка длать! – ответил он, скаля прокуренные зубы с дичайшим акцентом. И спросил: - Фром Раша?

Я кивнул. Нина улыбнулась, мол, Раша, Раша.

- Айм тоша русски, бывша русски!

- Бывших русских не бывает, - возразил я и тут же получил локтем в бок. Ладно, в следующий раз я её и поставлю с краю, отпихиваться своими локтями от этих гадов. Нина вообще всё время мне запрещала громко ругаться и кричать по-русски. Везде имелись уши... и, в общем-то, она была права. Я хорошо помнил двух немчиков, с которыми учился сто лет назад на одном факультете, они всё время орали, особенно меня тошнило от их оглушительных «йа!! йа!!!» Мне не хотелось быть похожим на тех обалдуев. Но я не всегда сдерживался. – Бывших русских не бывает! А глотку можно и промочить...

Я знал, что в Штатах лишь в одной забегаловке из ста можно заказать спиртное. Лицензия на пойло должна висеть у дверей заведения... В отличие от запьянцовской Россиянии здесь запрещалось спаивать народонаселение в тотальных масштабах – полусухой закон! Надо было искать соответствующее зведение...

- Меня зовут Стэн, - сказал наш спаситель.

Был он седоватый, лысоватый, высокий, с умным, но малость помятым лицом и серыми грустными глазами. Таких здесь встречалось немного. И его вполне можно было бы принять за русского. Вот только выражение на этом почти русском лице было местное. Такие выражения быстро прилипают и превращаются в маску. Его можно

было принять и за безработного. В этой Заокеании две трети жителей болтались по улицам и получали пособия. У нас не было ничего общего. Кроме наших корней. Но этого вполне хватало.

- Я специально приехал во Фриско, - сказал он, когда мы уселись в зачуханной китайской харчевне, где клиентам наливали чуть ли не из-под полы. – Котиков покормить, андэстэнд?

Мы говорили на жуткой смеси русского и препоганейшего с нашей стороны инглиша. Но понимали друг друга очень хорошо. Тогда я не знал, кто такой Стэн, и раскрывал душу нараспашку. Собственно говоря, иначе я и не умеааааал. А ведь именно тогда он уже получил своё задание и просто отдыхал перед отправкой на «историческую родину». Платил каждый за себя, как было принято у аборигенов. Стэн пил. Я смотрел. Нина ела. Ноги гудели, и нам нужна была маленькая передышка перед очередным рывком, ведь я ещё собирался сплавать на знаменитый Алькатрац, этот остров-тюрьму, где когда-то держали аж самого Аль-Капоне (самую главную достопримечательность Штатов), а потом пробежаться через залив по длиннющему Голден-Гейт-бриджу, который называли «золотым», а на самом деле он был густокрасным, можно сказать, красно-коричневым. Но я не мог пропустить Стэна – русские в Штатах, за этим я и ехал сюда, не только за этим, но и.... Восемьдесят процентов русских в этой обетованной земле были евреями. Господь их храни! Но Стэн точно был русским.

- Мой дед...

Дед-белогвардеец, подлинная белая кость, голубая кровь, это находка! Русских слишком долго и очень старательно уничтожали, нынче они на вес золота... голд! Впрочем, об этом мало кто знает и всем нет до этого дела.

Моим писательским делом было вытянуть из него душу – да на три поколения назад. Русские везде разные: в Париже одни, в Ницце другие, на улице Хэрри в Сан-Франциско совсем третьи. А Стэну было интересно, ка-

кие они, эти «красные» туземцы, к которым он собирается в гости большим белым господином. Может, он и впрямь был «бывшим русским». Я успел прогуляться по Голден-гейту. Назад, с того берега возвращался во мраке, лишь несущиеся навстречу машины слепили фарами, а под ногами было триста метров мрака... В этой тьме я вдруг вспомнил, что видел Стэна раньше. В Яме. Есть такое местечко вокруг Мёртвого моря. Я видел его в Энгеди, в холле роскошного пятизвёздочного отеля. Я сидел там с одним стариком-евреем, который родился в русском Харбине, мотался по свету, а потом на «фантоме» сбивал наши «миги» во время Семидневной войны. Старик был матёрый, называл себя Бобом, хотя по-настоящему звали его то ли Борис, то ли Борух. Он сбивал арабов. И я не мог его упрекнуть... Он защищал свою родину... А теперь он управлял хором русской песни, самодеятельным, местным хором, в котором пели беженцы из Союза, из совдеповско-демократической Россиянии, он был единственным порождением той, настоящей державы, что и Харбин делала русским градом... Когда он сам затянул «Степь да степь кругом...» в том же сверкающем холле, душа моя раскисла и потянуло меня в «берёзовые сини» из этой ямы с мутным свинцовым воздухом... Да, я вспомнил помятое лицо с серыми печальными глазами. По-моему, они и пришли вместе... Впрочем, это было неважно. Важно, что в той китайской забегаловке я пригласил Стэна в Москву, даже дал ему свой телефон...

Это он и рассказывал мне потом про «рядового второго класса», про свои сны и сволочей из «конторы»... это он плакался спяну, что дед его обманул и что дым, хлам и мусор отечества вызывает в нём приступы тошноты. Я сочувствовал Стэну и не донимал его... сам поймёт, что мать надо любить не только в парче да злате, но и в рубище. Душу изливал... а сам «жучков» ставил... ну, может, не сам, может подручные, какая разница.

- Возьми себя в руки, - потребовал Стэн из трубки. - Это были учения! Все дивизии, все самолёты ещё ночью

вылетели назад, пока ваши проститутки свой марафон крутили и им на пиво собирали...

- Правда? – переспросил я его совсем по-детски.

- А что за резон их держать, Юра, - пояснил Стэн, - ты думаешь, у нас деньги не умеют считать? Наши парни привыкли к комфорту, каждый в день обходится по три тыщи баксов плюс техника, горячее... А на хера тратить, когда ваши справляются задаром?!

- Кто наши? – переспросил я, стягивая петлю.

- Администрация ваша, колониальная... Да, ладно, не горюй вот примем в альянс новых членов, тогда и пришлём вам «лесных братьев» да «стрелков латышских», ха-ха! - юмор был чёрный. Но другого явно не было. – Шучу! Сами управитесь! Мне тут доложили, что ваши за ночь по Россиянии полтора миллиона русских фашистов, нацболов и скинхедов выловили. Уже и лагерь оборудовали, на Медвежьем острове, спиралькой обложили, туда и загонят до отмены моратория...

- Какого ещё моратория? – спросил я, спрыгивая со стола и направляясь к двери.

- Какого? У нас смертную казнь не отменяли... так что сам подумай, какого! Это у вас – гуляй не хочу!

Я поглядел в «глазок». За дверью стояли четыре бугая из «беты», в камуфляже и с гранатомётами. Значит, и эти уже работали на Стэна. Шустрый. Впрочем, он тут не причем, нынче все работали или на Заокеанию, или на Альянс, или на мафию. Стэн сам был простым администратором, которому выпал чёрный жребий – ведь были же колонии и потеплее и поспокойней этой!

Мне вдруг страшно захотелось рассказать Стэну про Кешин заказ. Я подумал, что он помог бы нам справиться наконец с этой неразрешимой проблемой... Нет! Только не это! Ведь его, Стэна, и направили сюда, чтобы защищать этих кукольных назначенцев да дергать их за верёвочки, он им и папа Карло, и Карабас-Барабас.

- Ну, ладно, - прошелестел Стэн в трубке напоследок, - больше не дури, вечером заеду, будем водку пить...

Вечером я ему сказал.

- А ты знаешь, почему именно тебя послали сюда?

- Я лучший... – без тени сомнения ответил он.

- Нет, ты не лучший, ты просто нужный... Когда им было нужно занять всю Азию и Восточную Европу, они руками таких же нужных спецарей раздолбали нью-йоркских близнецов...

- Врёшь! – он выскочил из кресла.

Но я не собирался ни драться, ни спорить с ним.

- Нет, не вру. А теперь им нужно, чтобы по ним из Россиянии шарахнули, понял?

Лицо у него вытянулось и побледнело.

- А кто тут может шарахнуть, подумай сам? Эти генеральные президентии и федеральные генералиссимусы? Хрена вам, у них у самих виллы и счета там, на западе, они их шарахать не станут... да и кнопка-то нынче у твоей «комиссии по разоружению Россиянии», у тебя, Стэн... Или ты её вернёшь этому мальчугану Карапутину?

- Не верну... – сипло выдавил Стэн, – этому тинэйджеру только с писаками воевать... опять Апельсинова посадил! Рядовым второго класса ядерные кнопки не дают...

- Только ты можешь долбануть по Штатам... только ты!

Он стоял и, молча, запрокинув голову пил «Гжелку» из горлышка, бутылка пустела на глазах: я смотрел и понимал, бывших русских не бывает.

- Ты понял в какое дерьмо они тебя посадили?

- Мне не давали такого приказа! – наконец выдавил он.

- А таких приказов и не дают. Тут расчет на сообразительность... А кто плохо соображает...

Стэн криво ухмыльнулся. Рухнул в кресло. Скособочился. Он сразу стал похож не на бравого, чуть усталого иноземного супермена, а на вшивого русского интеллигента, размякшего и раскисшего от самого себя и от обилия своих очумелых мыслей.

- И как ты думаешь, сколько мне ещё срока дадут?

Я развёл руками, показывая, что срок давно истёк.

- Зря я тебя остановил, - просипел он.

- Конечно, зря, Стэн, - я похлопал его по плечу. Он был чувствительным и добрым малым. Жизнь не сломала его, не превратила в робота-чушку, в негодяя. Ему тяжело было здесь, в этом гнилом болоте, где все предавали друг друга, ввали на каждом шагу, воровали, пили по-чёрному, клялись матерями и за полушку продавали их, братались и сдавали братьев почем зря, иногда просто, чтоб «меньше народу, больше кислороду»... Он ещё не совсем понимал, куда попал, куда его занёс дьявол... Мне стало жалко его. Ну, зачем доводить до отчаяния бедного шестидесятилетнего парня. – А может, мы ошибаемся, кто знает... – заключил я. – Может, пересидишь как-нибудь... Да, ладно, дружище, три к носу, мы с тобой ещё покормим котиков с причала...

- С пирса, - поправил он меня, - с пирса №39 в городе белых туманов... о-о, Фриско, моя любовь!

Он тут же отмяк.

Но я его вернул к жизни.

- Ну, а надумаешь шархнуть остатками, гляди, котиков не распугай...

Он в остервении схватил пустую бутылку и с силой бросил её в окно. Он забыл, что месяц назад по его же настоянию я поставил непрошибаемые стекла. Бутылка отскочила и шаркнула его по голове, надолго остудив её.

*«Америка – это гигантский остров, которому
насрать на весь мир. Так что, если нас разбом-
бят, мы получим по заслугам»*

Джордж Клуни, «ПэйджСикс»

20 ноября 2002 г.

Конечно, никакой кнопки Стэн не нажал.

Да и нет такой кнопки в природе. Если б была, всё могло решиться проще. А был чемоданчик при президентии. Чемоданчик на цепочке. Вот в нём и были кнопки, коды и прочая глупая белиберда... Стэн знал прекрасно, что ря-

довой 2-го класса мистер Перепутин давно сдал свой ядерный чемоданчик на хранение в Пентагон. Для надёжности. Чтоб международным террористам и русским фашистам неповадно было! И тем не менее...

Земля предков... историческая родина... Стэн угрюмо брёл по Тверской. И с раздражением вспоминал своего белоэмигрантского деда-фантазёра: Россия-матушка! Святая Русь! тройки! сорок сороков! народ-богоносец! золотые купола!

О,кей! Пока он видел только «пепси-колу», сигареты «мальборо», «макдоналдсы», «сбарро», грязный тротуар, заплёванный жвачкой, ковбоев на рекламных щитах и бесконечное мельтешение голых и полуголых сисек и задниц. Какие-то черные небритые рожи злобно глядели на него тут и там вороватыми черными глазами. Эти рожи совсем не были похожи на просветленные и почти апостольские лики из дедова фотоальбома.

Толпы размалёванных юных проституток с пивными бутылками и сигаретами в тонких пальчиках шкандыбали на высоких каблуках вверх-вниз по мэйн-стриту Россиянии. Стэн ежился, вздрагивал, исподлобья искал глазами полисменов, которые вот-вот неминуемо ринутся на этих проституток и поволокут их в участок за распитие в общественных местах... Но полисменов не было вообще, а какие-то охломоны в серых фуражках тут и там стояли кучками, грызли семечки и чуть не до земли кланялись, когда мимо них проходила чёрная небритая рожа. Стэн слишком долго жил в Штатах, где уже лет десять не вливали в себя на улицах мочу, не дышали поганым дымом, где женщины не мазали лица ядовитыми химикалиями, чтобы быть похожими на папуасок и проституток.

Ему трудно было перестроиться.

Он схватил за руку мальчонку лет восьми, который покупал в киоске бутылку водки. Машинально. Ибо это был конец света! И тут же покраснел до корней волос под десятком любопытных взглядов: эти русские болваны даже не поняли, почему он дёрнул ребёнка... они приняли его

за педофила и приготовились смаковать забавную сценку... Малец расхохотался, сорвал зубами пробку, глотнул из бутылки... и сел с протянутой рукой у дверей в «Елисеевский».

Да, думал про себя Стэн, не зря он проливал кровь во Вьетнаме, Анголе, Афганистане, Ираке, Боснии, Сербии... не зря, иначе бы всё это коммунистическое дерьмо, вся эта тоталитарная зараза перекочевала бы в Штаты!

«Хороший русский – мёртвый русский!» – думал он вполне по-американски, глядя на пьяного татарина, валяющегося под американским щитом с верблюдом и надписью «кемэл».

Он знал, что вся Европа уже наводнена алчными русскими проститутками, что их привозят на продажу не менее алчные чеченцы – интернационализм в действии! Стэн не хотел, что бы этих крашенных обезьян привезли и в Штаты, там своих обезьян было с избытком. Он свято верил в голубую «американскую мечту». Потому что был русским романтиком.

О, эти русские романтики! Лох ин коп*...

В чужой монастырь не ходят со своим уставом... Стэн всю жизнь только и делал, что ходил со своим уставом по чужим монастырям... Проклятая девка, как живая, стояла перед глазами... Правда, последние годы он всё меньше стрелял и всё больше работал головой... в Косово было совсем плохо! и если бы русские не сдали сербов с потрохами, если бы они не воткнули сербам нож между лопаток, никто бы друзей Стэна не пустил в этот балканский монастырь!

Русские! Стэн сам был русским... И он знал это. И ещё он знал, что в Россиянии русских не осталось... всё, были да сплыли... остались россияне... он не мог сказать им: «мы с вами одной крови», потому что в их жилах текла пивная моча и пепси-кола.

Слава богу, что отец не видит этого бедлама!

* Дырка в голове (идиш).

Чёрные поглядывали на Стэна со злобой, девки с яркой девичьей хищностью... В красных, слезливых глазах бомжей Стэн троился, но они единственные, пожалуй, были исполнены добром и печалью. Россиянские бомжи были тихие и виноватые. Они не лезли обниматься и не совали кружки под нос, как это делали их заокеанские коллеги. Стэн долго думал и пришёл к выводу, что из бо-гоносцев они одни, пожалуй, и остались.

Все прочие были носителями подкладок, СПИДА, трахомы, пивной мочевины, презервативов, сифилиса, парфюма, свиных цепеней, кариса, бюстгальтеров, штанов, галстуков, сплетен, телевизионной дури, злобы, ненависти, демократии и прочего дерьма, но отнюдь не Бога.

И это было нормально.

Это было нормально для любой из колоний Заокеании. Лет через пять, а может, через год здесь обоснуются парни из корпуса «быстрого миротворчества». Ох, как им будет здесь тошно! Стэн заскрипел зубами. Здесь всё липовое, ненастоящее, фуфловое: фуфловый «белый дом», фуфловый президент, фуфловые «сенаторы», фуфловые «саммиты», фуфловые банки, фирмы, холдинги, консалтинги, интэрнэшнлы, инкорпорэйды и прочее фуфло, перефуфлованное фуфловыми туземцами с настоящего Белого Дома, с настоящих президентов и сенаторов... Тошно! Скушно и тошно...

Жить в картонном фуфловом домике, доверху набитом фуфлом, что может быть тошнее?!

Стэн уже знал, что эти раскрашенные русские бляди за полгода превратят отчаянных амэурыканских парней в таких же обалдуев, как эти местные оболтусы в серых фуражках, они высосут из них все соки, все контрактные и командировочные... и всё отдадут своим чёрным сутенёрам, себе оставят только на героин, подкладки и химикалии для подмазки бледных истеричных лиц.

Святая Русь!

Стэн и раньше не верил деду. Хотя и знал от него, что все русские ещё сто лет назад сбежали из этого вселен-

ского дурдома №8. И потому он вздрогнул, когда увидел в толпе русское лицо.

Он его видел в Анголе, когда их джип подорвался на mine, а из джунглей выскочило трое белобрых парней с русскими автоматами; он видел его во Вьетнаме, когда в прицел его пулемёта попала кабина русского «МИГа»; он видел его в Средиземном море, когда их линкор шёл ко дну, а с мостика русской подлодки им махал рукой человек в тельняшке; он видел его в Боснии, Хорватии, Герцеговине, Македонии в крошечных отрядах, что сдерживали натиск всех армий альянса и прикрывали отход сербов; он видел его в Косово, когда обколовшиеся албаны рубили головы русским добровольцам и сдирали с живых кожу; он видел его в Афгане, когда сметал с талибами вместе оставшиеся русские посты, и потом, когда гнал этих талибов на русские танки; он видел его во время последнего переворота, устроенного их спецслужбами, когда сам, в бронезилете «альфы» выжигал огнём коридоры и лестницы липового «белого дома»... человек с этим лицом ускользнул тогда от спецбригад, присланных из Заокееии спасти старика Ухуельцина, ушёл по подземным ходам, но перед уходом он уложил два десятка его людей... Это было в девяносто третьем... И потом, в продажной Чеченегии, где парни с такими лицами остановили исполинский натиск всего Востока и всей Заокееии; и снова в Афгане; и снова в Ираке, в последней предательской заварухе, которую и войной нельзя было назвать, в которой заокееанцы сбивали островитян, а островитяне долбили заокееанцев... Это лицо было везде, повсюду, где его страна натыкалась на кулак и получала в морду... А сейчас... Сейчас он снова видел его.

И это было лицо Иннокентия Булыгина.

Моего друга Кеши.

Он был везде, где надо было постоять за Землю Русскую. Это раньше имелось целых три богатыря, три заступника святорусских: Илья Муромец, Добрыня Никитич и Алеша Попович... А нынче не до жиру. Один всего-

то и остался... если не считать меня да Мони Гершензона. Ой, ты гой еси...

Они сразу узнали друг друга.

И у обоих руки потянулись к подмышкам.

Мой знакомый юноша пришёл ко мне в фуражке без козырька и в простых «ливайсовских» джинсах вместо своих солидных милицейских брюк. Он попросил дать новую книгу, почитать. И признался, что «уволился из органов», попросту – сбежал. Пожаловался, мол, доконали. Его друзья при рынках и ларьках ездили на мерседесах и вольво, жили в загородных виллах. А он всё бежал как ошпаренный, искал свидетелей. Но свидетелей не было...

- Кстати, - сказал он, уже прощаясь, - вчера в вашем доме последнего жильца пристрелили... Вы из старых один остались. Живучий!

- А из новых?

- Да черт их разберёт! У меня все эти черные на одну рожу... но много, очень много, как грязи. Требуют все вывески и афиши по-азебарджански писать! Меня два раза били, говорят, языка не знаю, не умею с населением, панимаишь, работать... хорошо ещё два армянина рядом оказались, прикрыли, а то б забили или сожгли б... как в Сумгаите... ну их на хер! Да вы видали, небось, по району уже их участковые ходят, с усами, в фуражках... Меня встретили, запинали, вон, и козырёк оторвали и зуб вышибли, еле откупился, штаны отдал!

По району, и впрямь, ходили какие-то масляноглазые джигиты в милицейских фуражках. Но я пока лично не видел, чтоб они кого-то сжигали или забивали насмерть прямо на улицах. Я просто знал, что в органы объявлен перепутинский набор: голодным и облезлым русским россиянам доверия не было, брали только сытых и холеных кавказских и среднеазиатских сторожевых демократии.

Когда Хамиль Колбасаев и Сослан Детсадов поручили бригадному ефрейтору Карапутину провести в Московии

операцию «Зюйд-Вест», тот забился в свой кремлевский кабинет, обитый шестиметровой титановой обшивкой, и просидел там две недели, не высовывая носа. Карапутин был большим и гибким политиком.

Тогда разгневанный аглицкий лорд Гад, который от Объединенной Европы курировал окончательное решение русского вопроса чеченежскими муджахедами, самолично разжаловал ефрейтора в обозные маркитанты и тут же нашёл самого пламенного и непримиримого борца за свободу по имени эмир Карамовсар Каравансараев. Лорд отыскал бесстрашного шахида среди пятнадцатисуточников налета Ивановка Пятигорского улуса. Столь несправедливо суровое наказание отважный шахид получил за то, что взорвал три бронеколонны русских гяуров, сбил шесть вертолётов над Грозным аулом и отрезал семнадцать голов у пленных федералов. За примерное поведение Каравансараева на третьи сутки должны были освободить из-под ареста и компенсировать ему его моральный ущерб. Но лорд Гад всё испортил. Он освободил шахида на вторые сутки, посадил в головной КАМаз спецколонны с пластидом и отправил его с культурной программой в Московию на триста двадцать пятую премьеру потешной фолк-оперы «Зюйд-Вест».

Я тоже ехал на эту премьеру с билетом в кармане и со своей старой, но любимой подругой. Да так уж получилось, что когда милиция, сопровождающая колонну Каравансараева к месту назначения, оттерла нашу машину к обочине, образовалась непредвиденная пробка, и я не попал на представление... Зато я видел, сколь торжественно стражи порядка и законности эскортировали пламенного шахида с сотнями его соратников, готовых тут же во имя Аллаха принести себя в жертву – среди сотен эмвэдэшных машин, мотоциклов и конников там было и два-три бэтэра «беты», пять-шесть мерседесов «гаммы», один бронированный «запорожец» Омеги и семь-восемь «линкольнов» личной генерал-президентской гвардии... Все просто рукоплескали отважному эмиру Каравансараеву...

Они тогда ещё не знали, что тот спятит от оказанных ему почестей и вместо того, чтобы просто взорвать театр, а заодно и десятка три соседних жилых многоэтажек (по мирному плану Гада-Колбасаева), он потребует вывести из Чеченегии федеральные войска! Это был просто нокаут по программе сокращения русского поголовья... просто предательский удар в самое сердце мировой демократии и не менее мировой цивилизации!

- Вау!!! – взволнованно удивились все силовые министры и бросились звонить в посольство Заокеании.

Оттуда им сообщили голосом Стэна, что Россияния суверенная страна и чтоб сами решали свои мелкие и вшивые колониальные проблемки! Это стало вторым ударом ниже пояса. Ни силовики, ни генеральный президент-гауляйтер, ни совет по его безопасности не были готовы к такому предательству друзей без галстуков. Три дня и три ночи они тарасили друг на друга глаза и повторяли одно: «вау... вау... ва-а-ауууу!!!»

Всё начиналось с шоу. И всё им кончалось.

Шустрые пропагандёры из средств массовой пропаганды пепси под истерические вопли о свободе слова тут же организовали вселенское шоу-зрелище.

- Зрелищ и хлеба!!! – орало в восторженном ужасе народонаселение. – Шоу и пепси-и-и!!!

- И подкладок! – перекрикивали всех феминистки. – Вывода войск и памперсов! И вибраторов – толще, больше и длиннее!!!

- Свободу Ичкерии! Долой службу в армии! Всю власть педерастам! – голосили в режиме реального времени геи и гейши из передачи «Ограниченная свобода слова».

Кто-то обливался кровью.

Кто-то слезами...

Кто-то наливался жиром.

Да, глупый Карамурзай ибн Сараев захватил десять тысяч заложников и потребовал начать вывод русских дивизий... Тех самых дивизий, что были уже списаны и денежки на содержание которых уже уплыли на заокеан-

ские счета... Президент-гауляйтер и управление после ускоренной утилизации живого состава дивизий к понедельнику планировали ввод новых, с соответствующим перечислением в швейцарские банки семи миллиардов евродолларов на их содержание... И тут такой удар!

Вся демократическая общественность немедленно поняла, что Каравансараев из прогрессивного антирусско-фашистского движения подло переметнулся в стан национал-экстремистов и международных террористов...

Я рыдал и рвал на себе волосы. Я должен был сидеть там! На этом хреновом хрюзикле, из которого сделали такое же супершоу, как из утопления «Курска» и отрубания голов русским солдатам в Чеченегии.

Я даже позвонил Кеше.

- Слушай, надо их брать штурмом! Я первым пойду! У тебя сколько пацанов?

- Пацанов-то хватит, - понуро ответил Кеша, - сотни три наберётся... Да ведь менты за чёрных встанут... и фэ-эсгэбэшники... Они как чего всегда заодно, Юра, такой расклад... помни, где живём!

- Ну так всех ведь положат!

- Положат... это точно. Для того и спектакль затеяли. Только мы в этом спектакле не игроки, мы зрители...

- Гад ты, и всё!

- Все мы гады... – Кеша повесил трубку.

На четвертые сутки особые спецподразделения высочайших профессионалов, предварительно закачав аэропомпой в зрительный зал десять цистерн сжиженного нервно-паралитического газа зарина в смеси с ипритом и напалмом, ворвались внутрь со всех шести сторон и открыли снайперский огонь по международным террористам из трёх сотен гранатометов, огнемётов, станковых пулемётов и систем залпового огня «град».

Народонаселение визжало от ужаса и вырабатывало адреналин. Пиво «Блинское» впадало в океаны. На кону крутились залежи, прииски и скважины... И кровь из залов и коридоров «Зюйд-Веста» телекамерами перекачи-

валась в миллионы квартир, клубов, сосисочных и пивных. Уши ЦРУ торчали из поясов шахидов... Вау и уву!

Министр культуры не успевал менять фраки, бабочки и панталоны. Силовики благородно и скупое роняли слезу на мерседесы. Ичкерийское землячество предлагало обменять себя на министров и президентов, а тех на трупы заложников... «Однорукие бандиты» и рулетки бешено выкручивали из «новых русских» новые миллиарды на пластид и камуфляжи от Версачи... Оле-оле-алилуйя... что в переводе означает Аллах-акбар! Воистину акбар!

Всепланетное шоу входило в кульминацию.

Когда Перепут-Карапутину доложили, что международные террористы уничтожены и можно выходить из укрытия, тот долго плакал, молился Одину с Иеговой и отказывался. Международный терроризм был вездесущ! Все мечты о сардельках в Мюнхене могли оказаться дымом... а ведь он уже почти научился думать по-немецки (про эти сардельки...) Ах, мой милый Августин! Ох, эти проклятые сволочи русские...

Останки десяти тысяч зрителей развезли по моргам разных больниц для выявления и установления их причастности к международному теракту и Усаме бен Аладину.

В ознаменование знамений Вольдемар фон Кара-Капутинг устроил пышный бал в Екатерининском зале Кремлевского дворца съездов. Был приглашён весь бонд. Ордена и шампанское текли реками и морями. Олигархи и мастера культуры ликовали и целовались вза-сос. Лауреат Жуванейтский изрекал смачные здравицы во избавление священной персоны генерального гаранта от напастей и угроз. Силовики пили водку и клялись как один умереть за молодую Россиянию и её храброго президент-гауляйтера... Всё ликовало и кричало: уррряа-аа!!!

В моргах хлоркой смывали с трупов остатки иприта.

Испарения растворялись в сыром осеннем смоге и нежно щекотали ноздри прохожих несвидетелей.

Москва праздновала очередную победу демократии.

Я позвонил Стэну:

- Ты что, болван, не мог дать им нормальных инструкций?! Столько жертв!

- Это они болваны, - поправил меня Стэн.

Мне трудно было с ним не согласиться.

Но... но... как хорошо, если бы они были просто болванами. Жирная чёрная нефть текла в их жилах. И голубой русский газ урчал в их животах, переваривающих трупы неродившихся русских младенцев.

Когда в «Зюйд-Весте» мочили заложников, старик Ухуельцин сидел в опереточном театре на мюзикле «Сорок вторая улица» или «Стрит №42». Вообще-то, когда матёрый старичище узнал про эту оперетту, он сразу догадался, что будет про ментов и оперов, как в ящике. Поэтому и приказал везти туда, а не в «Зюйд-Вест».

Когда охрана сообразила, понимаешь, чего надо пожизненному президенту, тот уже спал. Но умные охранники тут же принесли телевизор, поставили его в ложу перед боссом, и оставшиеся четыре действия старик Ухуельцин смотрел фильмы про оперов и ментов.

В конце даже похвалил:

- Вот, умеют, понимаешь, делать! Америка!

Про «Зюйд-Вест» и младенцев ему ничего не сказали, чтобы не испортить пищеварения. Старичище и так ослаб, а ещё надо было ехать в Германландию на омоложение. Не щадил себя, совсем не щадил!

И вся страна носила народолюбца на руках. В соответствие с указом преемника. Надышаться не могла.

Только один злобный человеконенавистник всё приставал к профессорам-светилам со злобным провокационным вопросом: из скольких, мол, зародышей надо вытянуть вытяжки, чтобы продлить жизнь старика Ухуельцина на полдня? Орденосца Гроба Господнего?!

Все пляшут! Улю-лю! Уля-ля!

И резвее всех скачет святой авва Ридикюль.

Живи, страна... ненаглядная моя...

Жизнь №8 - косою всех косим!
Кроме всенародноизбранных.
Коса-то в их руках... Аминь.

Был я на этой сорок второй стрит, и не раз... помойка.

А тут по телязику сообщили: «международные глобалисты, идя навстречу пожеланиям трудящихся и нетрудящихся (антиглобалистов), переименовывают все заведения быстрого амэурыканского фэст-фут-питания в Макдоналдсы имени товарища командантэ Че Гевары».

Венсерэмос!

На какое-то время я раздумал уходить в горы и сельвы.

Почему? А потому что в эпоху постапокалипсиса вы далеко не уйдёте. Ибо на лбу вашем – ИНН. Нет, это не метка дьявола... и не антихристова печать, не будем думать про себя красиво... Это просто клеймо раба в Обществе Истребления, индивидуальное клеймо раба.

Генеральный гарант нашей банановой джамахирии по высочайшему повелению и с благословения генерального аввы патриархия приказал проклеить всех. Во их же благо... Так что в сельве, в горах, на дне моря и в лунном кратере вас найдут по вашему клейму и доставят по назначению для своевременного... истребления в соответствии с вашей индивидуальной очередью (о деталях в новом Новом Завете – *по окончании сего доброго повествования*). Аминь.

Вообще-то по-настоящему международного террориста Ас-Салям бин-Аладина звали, как и его родного папашу, Веня Оладьин. Туповатые англоамериканцы не могли выговорить этого сложного русского имени и переделали его на свой манер в Бена Ладена, ведь даже прежнего своего министра, одессита по происхождению Вениамина Израилевича Гершензонгера-Мелитопольского, они перекрестили (вариант, переталмудили) в сэра Бенджамена Дизразли. Англоамериканцы вообще всё перетолмачива-

ли, переангличанивали и переамериканивали. Из несчастного царевича Иванки они сделали рыцаря скитальческого образа Айвэнго, а из русского космизма Циолковского – «першинги», «томагавки» и Вернера фон Брауна (которого, вдобавок, выкрали у немцев)... Традиция!

Веня Оладьин был родным братом Мониного дедушки и одно время даже гоп-стопничал с тем в гомельской банде Бени Крика, хотя сам был из одесских скокарей.

Бандитом и налётчиком Веня стал по заданию ВЧК, а точнее, по ленинскому призыву самого Сигизмунда Дзержизмундовича ... грабил и убивал он в основном зажавшихся нэпманов, возвращая народные деньги в народную чекистскую копилку. Потом нэп закончился, отдел банд в ЧК-ГПУ реорганизовали в отдел народного контроля и сектор «воров в законе». Но Веню воры, сплошь махровые и отпетые антисемиты, в свой закон не приняли, сказали, мол, «хватит тебе своего, жидовского Закона». И тогда партия и органы направили проверенного и закаленного в огнях революции бойца на Восток, где он продолжал нести службу в качестве аравийского шейха. Веню проинструктировали на совесть и на страх, и он знал – главная задача состоит в том, чтобы на Востоке его завербовали проклятые цэрэушники... ну а там... Там предстояла сложная и опасная игра, цели которой пока (до особого распоряжения) не знали даже в «центре». Но Веня, как водилось в их роду, запил и загулял. Плодом его загулов с черноокой аравийской гурией стал сын-обормот, то же Веня, он же Бенья, он же Бен – вертопрах и паскудник, как, впрочем, и все дети великих родителей. Папаша был матёрым чекистом. Но завербоваться к двурушникам-цэрэушникам ему так и не удалось. Зато это удалось сыну. Бен Оладьин-младший, двоюродный дядя Мони Гершензона, после того, как папаша-чекист за пристрастие к пьянкам и бабам снял сына с довольствия, сам заявился в американское посольство. К тому времени Бенья был в чине майора КГБ, ходил в длинном белом халате, имел длинную чёрную бороду и был похож на Ка-

рабаса-Барабаса и патриарха Авраама одновременно. Он так и числился в «конторе»: под кличками Карабас, Барабас и Сынок. Тупые американцы прозвали его просто Борода и дали код: агент номер 008. Веня младшенький тогда ещё не знал, что восьмёрка это роковое и магическое число, которое сулит ему весёленькое будущее. Он тогда вообще ничего не знал про Жизнь № 8! несмотря на кэзгбэшный чин он был просто профаном*, как и миллиарды глупых землян, смотрящих в телящик и воображающих, что они знают всё.

Цэрэушники, как и все американцы заокеанского происхождения, были болванами. Причем, изрядными. Но болванами по-американски энергичными и предприимчивыми. Когда совместный с гэпэушниками проект «мировая революция» провалился с треском, а разработка «демократизация и перестройка» принесла хилые результаты, им сверху спустили новую директиву – «международный терроризм!» Это звучало свежо и устрашающе.

В порыве рвения цэрэушники снесли два билдинга в Нью-Йорк-сити и чуть не взорвали напрочь Пентагон. Ни у кого из их агентов не было такой устрашающей бороды, как у агента 008. И потому на должность главного «международного террориста» назначили Веню Оладьина, младшего, так как старший, папаша Веня уже почил в бозе, то ли в Аллахе, то ли в Иегове, а может, и в Ваалзебубе, к концу жизни старый чекист-скокарь сам уже не разбирал, кто он такой, может, сын раввина, а может, и впрямь шейх арабский – он так и умер где-то в Аравии, и в могильную яму вместе с ним положили портрет Сигизмунда Держизмундовича, усыпанный красными как кремлевские звезды рубинами, коран и партбилет, подписанный лично Ильичом. Товарищи-соратники по подполью долго читали над усопшим Тору, ели мацу, блины и опресноки, пели что-то революционное в местной синагоге, а потом, вспомнив, что они всё же россияне, устроили

* Да простят меня Посвященные за то, что я раскрываю некоторые мистериально-потаённые сакральные тайны (автор).

по православному обычаю языческую тризну с водкой, матом и мордобоем. Соратники были добрыми людьми старого и доброго тоталитарного мира. И делать ставку на них было нельзя.

Мировое сообщество (которого никто и никогда не видел) сделало ставку на Ус-Салям Бен Аладина, в просторечии, на Веню, которого по праву в одном полушарии звали Веня-цэрэушник, а в другом Беня-кэгэбэшник. Красивое восточное имя Ус-Саляма, Вене дали местные бедуины за то, что он знал по-аравийски только два слова «усё» и «салям-алейкум».

Деваться Вене было некуда – обе «конторы» поклялись замочить его в первом же сортире, куда он зайдёт. Не всю же жизнь оправляться за барханами. И Веня смирился с должностью «главного международного террориста» и даже выступил с обращением, что он ещё так покажет проклятым заокеанцам (а заодно и предателям-россиянцам), что мало не покажется! Ох, как искренне он это говорил! Черная авраамо-карабасовская борода тряслась в праведном гневе. Веня-Ус-Саляма поклялся отомстить проклятушим гяурам за всё... от всего своего большого и чистого сердца поклялся! Впрочем, правая его рука не ведала, что творила левая... а левая продолжала принимать миллионы зеленых от одних и миллиарды деревянных от других. Работа! Сам помирай, а поле засевай! Веня бен Ладен был ответственным человеком.

И потому он не узнал в Моне Гершензоне, прибывшем к нему с делегацией парламентариев, своего двоюродного племянника. Конспирация!

Очумевший от происков международного глобализма Моня предложил засекреченному дяде взорвать ещё пару билдингов в Штатах и все масонские высотки в Москве. Он так и сказал напрямую:

- Их специально так построили – шестиконечной звездой, могондавидом! Чтобы русских гоев зомбировать и в рабстве держать! А русские гои кровные братья своим братьям-муджахедам, секешь, дядя Беня? Там всего по

грузовику пластида пойдёт... остальное по-братски, на две части?

Ус-Саляма вспомнил про деда-раввина и нахмурился.

Потом процедил в бороду:

- Да эти суки матрасно-полосатые, за цент удавятся!
Мне отчёты писать дороже!

Говорили они на русском. Моня сразу смекнул, что с этим бородатым патриархом надо на родном, откуда ему тут знать иврит или инглиш, пустыня! и Сорос, гнида, со своими программами и фондами далеко!

- Надо, Беня, надо! – настаивал Моня.

Патриарх рвал из бородищи волосья, не хуже Старика-Хоттабыча. Но он не был джинном. Он не был даже пресловутым, «убиенным в спецоперации» Хаттабом, который заработал не один «лимон баксов» и балдел теперь на своей вилле во Флориде. Зависть и чёрная злоба терзали агента 008.

- А Басай будет нежиться с русскими гяурками в своём гэбэшном логове? Думаешь, я не знаю, кто его пасёт?!

- Знаешь, - согласился Моня, - все знают! Только не его назначили, понял! Вот ссучишься, тебя укроют, а его поставят! Мне Басай сам божился, что ты его слева обошёл, понял! Кому дал на лапу, Веня? Просто так такая маза не прёт!

Полковник Оладьин растерялся. И впрямь, Басай ходил в бригадных генералиссимусах... но назначили-то не его, а засидевшегося фээсгэбэшного полковничка, не по чину взлетел! Верно пацан толкует. Надо бы шифровку в «центр», чего они там, лохи, с заокеанской «конторой»-то толком не перетёрли назначение, что ли? А кто крайним выйдет... Только теперь Веня-младший, он же Борода, он же Карабас, он же Сынок, он же Ус-Саляма бен Аладин, «главный международный террорист» понял, как его круто подставили! А этот поц поганый хочет его подставить ещё круче!

- Ладно, - просипел он в бороду с умешкой, - выбирай, казачок, шкуру с тебя драть или на кол, по-нашему, по-аравийски?

Моня побледнел. Отвислая нижняя губа предательски задрожала, как у последнего пархатого жида. Это всё гены гнилые! Давид Абрамович с пращой! Гетто, блин, с Освенцимом! Жертва холокоста несчастная! Пора петь отходняк... эх, позовите Герца, старенького Герца... Но он тут же вспомнил, что он русский патриот. А русские не сдаются!

- Ладно, тебе, Веня, две трети! – предложил он сурово.

- Три четверти! – отрезал Ус-Саляма. – И проценты!

На том они и поцеловали Коран.

Моня умел держать слово. Жизнь перековала его из маменького сынка, приударявшего за маменькиными ба-леринами, в пламенного борца за идею. Идей у Мони было хоть отбавляй. Любая из них стоила того, чтобы положить за неё жизнь... Гвозди бы делать из этих людей, - сказал как-то про Мониного сумасшедшего дедулю один широко известный поэт-песенник, - не было б в мире крепче гвоздей! Внук пошёл в деда. Из Мони вполне можно было делать гвозди, болты, гайки, гильзы, патроны, снаряды и бомбы. Для последних не понадобилось бы даже начинки, всяких там пластидов и тринитротолуолов. Моня сам был динамитом...

Кешино предложение лишь убедило Моню, что историю делают не серые массы, а личности. Такие, как он сам, Моня Гершензон, он же Гера Маннергейм, он же Мокей Передреевич Шершень-Гречесеевъ, он же Карлос Кузьмич Койот, он же Красный Бригадир, Чёрный Абдулла, Минька Бомбист, Философ, Псих Бешенный, Чу-моняра и Буба Пупнитский – теоретик и практик международного народно-освободительного терроризма, красно-коричневого шовинизма, сионизма, русского фашизма, троцкизма-маоизма, антиглобализма, национал-большевизма, скинхедства и блэкблочничества.

Моня, в отличие от безыдейного Иннокентия Булыгина, был отнюдь не киллером-душегубом. Он был борцом за народное счастье, воинствующим ультраправым лева-

ком, профессиональным р-р-революционером и анархистом-фундаменталистом. И те, кто злобно твердил у Моня за спиной, что нельзя объять необъятного, просто ни хрена не понимали его широкой русской души.

Саммит генеральных президентиев всех времён и народов в формате большой и толстой «восьмёрки» должен был состояться в Санк-Питерсбурхе. Это ещё была секретная тайна в красной папке с грифом «особо важно». Но Моня уже знал о ней. В «конторе», как и повсюду, у него были свои люди.

«Конторы» всех стран «восьмёрки» в бешеном темпе готовились к эпохальному саммиту. И Моня тоже готовился. Ещё бы! Упустить такой шанс было смерти подобно. Тем более, что на саммит приглашались все президенти: и нынешние, и бывшие. Осиное гнездо глобалистов... И всех разом! По-библейски, по-православному: «одним махом осьмерых побивахом!» Главное, чтоб только единомышленнички не пронюхали, иначе... Моня с ужасом представлял ехидную бородатую рожу Ус-Саламы Оладьина. Этот гад со своими «боингами», талибами, «стингерами» и «шахидами» мог испортить всё на корню. И так уже глупые мамыши по всему миру пугали Оладьиным своих глупых детей.

Исторический саммит должен был пройти в режиме реального времени и пространства, с наивысшей степенью доверия и партнёрства, то есть: без галстуков, шнурков, носков, трусов и ботинок. Особая программа готовилась для первых леди планеты, которым предстояло встречаться без бантов, зонтов, чулков и колготок. Миру предстояло вступить в новую фазу своего развития. Тысячи дивизий были приведены в полную боеготовность. Миллионы бомбардировщиков и перехватчиков барражировали в небе над Россиянией и окрестностями. Неисчислимые силы быстрого реагирования стягивались на ударные плацдармы. Десятки тысяч термоядерных ракет нацеливались на десятки тысяч возможных международно-террористических центров по всей планете. Мириады и

мириады полицейских, спецназовцев, омоновцев, карабинеров, «альф», «омег» и «эпсилонов» готовились дать отпор силам реакции... Мировая демократия бросила всю свою жандармерию, все танки и ракеты на укрепление мира в мире. Глобус просто распирало гуманизмом.

А тем временем Моня вёл свой подкоп под Смольный. Где ещё могла состояться столь грандиозная встреча самой толстой восьмёрки всех времён и народов? Только в Смольном! Там, где сиживал на реввоенсоветах пламенный Монин дед, где хаживал он с этажа на этаж, острым глазом выявляя контру... Рыть подкоп было просто. Его и вообще не надо было рыть. И так понарыли чёрт-те сколько! Всё под Смольным было изрыто всяческими коммуникациями, канализациями, ходами, переходами, лазами, шахтами, штреками... Первую неделю Моня как окаянный без сна и отдыха блуждал по ним в потёмках... На восьмой день его нашли чёрные диггеры, уже восемь лет блуждавшие по подземному Питеру. Вначале они хотели утопить Моню в отстойнике. Но когда узнали, зачем он забрался в их владения, с радостью предложили свою помощь. Диггеры, в своих подземельях, как и прочее народонаселение в своих хижинах и дворцах, постоянно смотрели по телеящику всякие передачи про международных террористов и так же, как и прочие смотрящие, сами страстно мечтали о какомнибудь международно-террористическом акте. Они так и сказали Моне:

- Братан! Ты воще объясни нам, почему их воще ещё никто не расхерачил! Мы тут ни хера не понимаем!

- Вот потому и не расхерачили, - мудро разъяснил Моня, - что все ждут и никто не херачит.

Диггеры были потрясены нечеловеческой мудростью незнакомца. И тут же провели его под Смольный.

- Ты тока не оплашай, братан! – попросили они Моню. – Пострадай за народ. А мы те памятник отольём нерукотворный и на Адмиралтейский столп поставим...

Дети подземелий были хорошими и добрыми людьми. Они и на самом деле увековечили бы Моню в бронзе.

- Лучше на Лубянку, - скромно попросил Моня. – А то там вместо Дзержимордыча зелёную кикимору водрузили, малыши в «Детский мир» боятся ходить.

- И на Лубянке! – согласились питерские диггеры, - там наши московитские кореша масть держат, говорят, будет базар, саму «контору» под землю обвалим!

Моня знал, что под «конторой» на Лубянке вмонтированы восемь титановых столпов до самой базальтовой платформы, «материка», по-научному. Лубянские столпы, на них всё и стоит-держится в Россиянии и на Лубянке, аки на восьми слонах. Но тайну эту он питерским не выдал. Не время. Как никак, а Третьим Римом был не Санкт-Петербург. А Третий Рим обваливать не положено, ибо четвёртому риму не бывать! Так говорили святые старцы. Святым старцам Моня верил не меньше, чем Герберту Маркузе, Бакунину, субкоманданте Маркосу и Теодору Герцлю.

Монин план был прост. Ещё неделю назад он закупил в Чеченегии два грузовика пластида. И на всякий случай десяток гранатомётов, чтобы мочить тех, кто будет выскакивать из «эпицентра», как выражались очень грамотные россиянские репортёры. С гранатомётами по периметру будут сидеть десять нацменов (национал-меньшевиков). Ещё два десятка ребятишек из «Чёрного Блока» должны поддерживать их автоматным огнём. Про милицию-полицию, спецназы-херазы, которых должны были подтянуть до полумиллиона касок, Моня вообще не думал, он знал, что эти «профи» разбегутся после первого выстрела, они были хороши против безоружных старух и ветеранов-инвалидов... ну, а пока в Питер введут Таман-мировскую дивизию и силы быстрого реагирования НАТО, он уже будет в Гондурасе. План не вызывал ни малейших сомнений.

Но началось с того, что чеченеги-сволочи подсунули Моне не настоящий ычкерийский пластид, а купленный на гатчинских складах довоенный динамит, и всего один грузовик, да и в том, каждая вторая пачка динамита ока-

залась хозяйственным мылом. Чеченеги клялись Аллахом, матерью и бригадным ефрейтором, что это сволочи-прапора со склада их надули и что все Монины деньги до последнего цента они отдали складским гадам. Моня знал, что гады они все: и прапорщики-ворюги, и чеченег-жулики, и министры, которые получали свой процент с оборотов воинских складов. Он не стал поднимать кипеж. И половины грузовика должно было хватить.

На всякий случай он позвонил Кеше.

- Конечно, эффектной этих шмаков* было бы раздолбать сверху, «чёрными акулами», - доложил он, - или захерачить на них «сессну» с баком иприта. Но верней работать снизу. Не так красиво, но... короче, мне нужна цистерна бензина, можно, солярки – закачаем в трубы и батареи, чтоб... хе-хе! не замёрзли... без галстуков, блин!

- Садист! – выругался Кеша. – Может, ты их ещё из душа напалмом польёшь?!

- Не я его придумал, - чистосердечно признался Моня.

Кеша долго молчал, соображая, что имел в виду Моня: напалм или душ. Потом дал ценное указание:

- Работать надо красиво!

- Тогда давай мне пару «боингов», хе-хе...

«Боингов» у Кешы не было. Даже если бы и были, он бы не дал – слишком жирно для этих уродов, можно и поскромнее... Но на солярку пообещал.

Дело было святое. Поэтому Моне помогали все: и питерская братва, и бабки-коммунарки, и подпольная красная армия Третьего призыва, и хмурые безработные пролетарии, сдавшие свои цепи в утильсырьё, и депутаты, и охреневшие от разгула демократии нищие демократы, и бомжи, и олигархи Савва Рабинович с Моисеем Морозовым... и наиболее несознательные работники охраны правопорядка – за пару зелёных червонцев они пригнали бригаду незаконных мигрантов из Патагонии, и те живёхонько перетаскали динамит вперемешку с мылом в ла-

* Балбесов (идиш).

биринты под Смольным. Солярку в систему отопления залили под видом профилактических работ.

Братва поначалу поставила Моню на ножи. Питерок городок маленький, свои боками трутся, а залётным облом в натуре. Моня не стал косить под блатного. Сразу выложил про себя, про Веню Оладьина, про Кешу, про идею... В бандитском Питерсбурхе «идейные» ходили в авторитетах. Кеша просто был иконой. А потому Моню зауважали. Подвезли грузовик «лимонки», коробку «наполеона», закуски, девок... всю ночь пили-кутили, покуда кто-то не спёр половину гранат. Через три дня пропажу вернули с запиской: «Извиняйте! Не знали благородной цели. Бог в помощь!», и мельче подпись «питерские беспризорники». Вслед за вернувшимися «лимонками» невеста откуда пришло тыщи две шахтёров, уселись на мостовую и в знак солидарности начали колотить по ней своими касками. Моня ходил злой, нервный, всё боялся, что динамит и мыло сдетонируют. Но прогнать углекопов не решался... Народ!

Помогали кто чем мог. Бабки-коммунарки авоськами носили коробки со спичками. Авосек сто нанесли. Моня отказывался наотрез. Но бабки твердили своё:

- Там серы вагон, как жажнет! Вот ироды из нашей-то серы в адскую и попадут разом, милок! И батюшка так сказал, мол, одним динамитом бесов не уморишь!

Пришёл и сам батюшка. Вытащил из-под полы трофейный немецкий «шмайсер», две бутылки с зажигательной смесью «коктейль Молотова». Сунул всё Моне, перекрестил его размашисто, облобызал троекратно. Да так и ушёл молча – ни дать ни взять, Сергей Радонежский.

Приезжали с мигалками из местного фээсгэбэ, интересовались, почему скопление в неположенном месте, но когда узнали, кто и зачем, пожали Моне руку, оглянулись да и отъехали... Святое дело! Конечно, никто таких высоких слов не произносил. Но все понимали. Надо. И пора.

Моня взорвал бы пол-Санкт-Петербурга Свято-Ленинградской области, а не только Смольный.

Он не знал, что международный саммит генеральных президент-гауляйтеров всех времён и народов и на самом деле проходил в Санкт-Питерсбурхе, уютном заокееанском городишке, штат Миссисиппи.

Кеша расставил свои капканы по всему миру. И хоть один, но должен был сработать. Скользкие твари знали, что за ними охотятся и путали след. Тогда в Вене бригада, которую курировал лично я, три дня прождала Горбатого Херра. Его должны были разорвать в клочья одновременными выстрелами из трёх гранатомётов прямо перед слащавым фасадом Венской Оперы, куда заботливый дедушка намеревался сводить любимую внучку. Но вертлявый угорь вывернулся... В тот же день его видели в Милане на премьере Ла-Скала. И не пришибли только по той причине, что приняли за двойника. Кешины пацаны «точно знали», что объект в Вене.

Изможденный Кеша метался по всему миру за двойниками, тройниками и прочей нечистью... Я метался то следом, то в перекрёстную перепутаницу с Кешей. Я знал, что хитрющий Херр мог сыграть под эмира Хаттаба ибн Басая, то есть прикинуться дохляком или подложить труп двойника... и смыться. Но Херру очень хотелось рекламировать пиццу под своим собственным брэндом. Была у него такая слабость.

Во время съёмок рекламы его и взяли.

Копенгаген вообще мой любимый город, я просто млею от этих мощных домов из красного кирпича, от этих зелёных шпилей, круглых башен, векового булыжника, синего неба и синего моря. Если бы не Россия, я хотел бы жить и умереть здесь... Ещё тысячу лет назад здесь обитали русы, как их ни назови потом – викинги, или варяги, или норманны – самые настоящие русы, говорившие на русском языке. Потом с юга да с запада сюда начали приходить всякие обормоты и прочие незаконные мигранты: реликтовая немчура да латыняне ватиканские... они здорово подпортили кровь высоким и могу-

чим, русоволосым и сероглазым викингам. Ещё больше испоганили язык... Потом латынтян-папёжников и прочего сброда становилось всё больше – викинги мельчали и чернели, разбегались по морям и долам, кто в Винланд Заокеанский, кто на Русь, остававшиеся обасурманивались под крестonosной псово-рыцарской сволочью (по Марксу, хе-хе)... Но не хватило чёрной крови. И по сей день русские даны, ставшие «германскими» датчанами, остались самыми высокими и самыми светловолосыми детьми старухи-Европы (пожалуй, только исландцы могли сравниться с ними; но исландцы то же были русами-данами, которых турнули аж до крайнего острова). Я люблю Данию любовью её родного сына, русского сына... И я обожаю Копенгаген – это тут осталась та закваска, которую ни ватиканский наместник Иеговы на земле, ни италианообразные германоиды не смогли перекусить в своё бургундское пиво и за тыщу лет. Здесь были чистые истоки святой Родины. И мне становилось совсем не по себе от одной мысли, что эту землю будет топтать гадина, отбросившая русов чуть ли не за Урал – вышвырнувшая их из родной Европы, не нынешней суки-Европы, а той матери-Европы, чьими исконными сынами они были... Хитрый плешивый азиат с арабскими глазами и сатанинской меткой во лбу... его только не хватало тут!

Оказалось, именно его... Именно этого «лучшего немца» пригласили в столицу прекрасной, удивительной, процветающей страны, чтобы он торжественно вручил ещё одну Премию мира свободолюбивому чеченежскому борцу с российским тоталитаризмом. Борец совершил героический подвиг во славу европейской демократии и общечеловеческих ценностей, он прополз в Ставрополе, на фиктивно-историческую родину Горбатого Херра, и взорвал три детсада, две школы и четырнадцать яслей. После этого он переполз через россияно-грузинскую границу и был с честью доставлен на Национально-освободительский конгресс свободолюбивого чеченежского народа в Данланд. Встречали его как Прометея.

Мы тоже готовились к встрече. Я ничего не знал про Кешу. Мне помогали два его парня. Но они сразу сказали, что «на политику» не пойдут, только выследят и отвлекут охрану. И всё. Остальное моё дело.

Перед торжественным вручением миролюбу премии хитрый Херр как всегда «шил». Он так и приговаривал: украсть миллион и ещё немножечко «шить». Натуру и гены не пропьёшь!

Сделавшись рекламной моделью, Херр сказочно разбогател. Особенно от рекламы пиццы. За все проданные россиянки секреты и военные тайны он не получил и десятой доли того, что ему давали за пиццу! Он даже подписал контракт на двести лет и стал тайным совладельцем всех пиццерий в Россиянии... Но «шил»!

Вот и сейчас интриган опять снимался для видеоклипа и какого-то порнографического журнала, снимался очень демократично, в семейных розовых трусах, сидящим на большой пицце, в шляпе из пиццы на плешиевой голове и с лапшой, свисающей со слюнявых губ. На фанерном красном щите, под которым сидел Горбатый Херр, было написано: «До Горби русские варвары не ели пиццы!!!»

Ниже голубым было выведено: «Демократия есть охеризация всей Россиянии плюс пицца!»

Сам «отец демократии» периодически возвещал, жуя лапшу: «Тот, кто пиццы съест мешок, тот свободен до кишок!» Затем он вздымал корявый палец над головой, потрясал им и возвещал: «Истинно, истинно говорю вам! Ещё нынешнее поколение пиццеедов будет жить при полном консенсусе!» После этого на интригана проливался сверху грибной соус и незримые архангелы трубили с небес в трубы и били в литавры.

Роль архангелов, видимо, исполняли два бронзовых древних скальда с длинными гнутыми трубами-лурами, что высились тут же на высоком красном столбе. Они были величаво прекрасны. И ни к пицце, ни к демократии, слава Богу, не имели никакого отношения. Увы... Архангелы вообще не ели всякого завозного дерьма.

Снимали пиц-модель посреди Ратушной площади (Радхуспладсен) на фоне фонтана с большим Драконом, которого сто лет назад изваял Биндесболь со Сковггардом, на фоне Ратушной башни... Слева краснел Палас-отель, в котором я остановился. Он был почти точной копией Ратуши. И если бы я был профессиональным киллером, я пристрелил бы жертву прямо из окна своего номера - даже оптического прицела бы не понадобилось, всё как на ладони. Но я был просто писателем, просто совестью погибшей России... А совесть всегда малость простовата и лоховата.

Снимали макаронники. В Европе их называют итальяшками. Но мне всегда претила подобная фамильярность в отношении к нескладным потомкам древних римлян. А вот макаронники... или лягушатники (о французах), это звучит ёмко и почти гордо. И потому я сразу подошёл к оцеплению, дал «еврайчонка» кудрявому парню из охраны, отпихнул плечом не менее кудрявого режисёра (на поверку оказавшегося русским евреем из Малаховки) и строго спросил у главного героя:

- Почём будерброд, гнида?

Это был пароль для моих ребят. Услышав его, они должны были затеять драку на съёмочной площадке и отвлечь охранников... Но от моего прямого вопроса, да ещё прозвучавшего по-русски, голый Херр обделался на своей пицце, и из жирного колбасно-грибного мазева, на коем он сидел, потекло нечто вонючее и омерзительное... Начавшие было махать руками Кешины пацаны застыли с гримасами отвращения на лицах, зажали носы... Но это не исправило и не спасло Горбатого. Я уже разряжал в его дрябло-жирное брюхо свой верный «пээс». Пули, правда, были не серебряными. Но зато я их не жалел. Своим подслеповатым боковым зрением я видел, что ещё кто-то палит в дергающегося на пицце мертвяка. Я скосил глаз основательней – и увидел, что это был помощник режисёра, самый натуральный итальянец с иссиня чёрной кудрявой шевелюрой и в такой же итальянской бороде. Он истово

долбил из крошечного «узи» в голого «отца российской демократии». А когда додолбил всю бесконечную обойму, то схватил автоматик за дуло и рукоятку треснул Горбатого по плечи, с которой расползалась трепещущая пицца. О-о, этот итальянский темперамент! Я стоял, разинув рот, забыв, что надо уходить... Темпераментный макаронник мне напомнил:

- Чего столбом встал?!

Потом он сдернул пятерней сразу и шевелюру и бороду, утёр ими взопревший лоб, отшвырнул в сторону. Это был Кеша. Мы так не договаривались. Он опять не доверял мне.

- Давай крути фраеров!

Мы быстренько скрутили невинного еврея-режисёра и какого-то цыганистого пидора в трико. И деловито сунули обоих в подъехавший полицейский фургон. Полисмены горячо пожали нам руки за содействие. И уехали.

Чтобы соотечественник, прозябавший в Италии, не обиделся на нас, я успел сунуть ему в карман сто евро, откупиться. Датская полиция неподкупная, это знали все. Но наш откупится. На цыгана мне было... толерантно.

Потом мы подхватили гадкого мертвяка на руки – и вовремя, шестеро с носилками уже спешили к нам. Но мы доволокли труп до мед-вагэна, мало того влезли туда сами... И вовремя. Понаехавшая полиция хватала на площади всех подряд, сволакивала к медным дракончикам, охранявшим подходы в красной Ратуше, цепляла наручниками... Начинался разгул демократии.

Наутро мы прочитали в «Дагенбладет», что международные террористы принародно расстреляли очередного двойника Нобелевского лауреата. А сам он в это время вручал Премию мира непримиримому борцу за мир бригадному фельдмаршалу Независимой Ычкерии эмиру Обладии Обладаевичу Кукукову.

И впрямь, от всего этого можно было кукукнуться!

Я поклялся себе, что в следующий раз обязательно положу в карман коротенький осиновый колышек – острый,

преострый... больше проклятый вурдалак-оборотень от меня не уйдёт!

А Кеша – русский интеллигент, мать его! – опять впал в запой... Матрос хренов!

Из Жизни замечательных людей:

Узник совести Самсон Соломонов получил первые двадцать лет без права переписки ещё в ужасном тридцать седьмом. В тот суровый год юный старшекласник Самсон, начитавшись Герцена, Огарёва и Карла Маркса, возмечтал вдруг о свободе для всего прогрессивного человечества. Он влез на парту и заорал на весь класс: «Пока свободой горим! Пока сердца для чести живы!» С этой парты был виден кусок Арбата, по которому раз в день проезжал на свою дачу сам товарищ Сталин. Коварный замысел юного врага народа был немедленно раскрыт. Одноклассники скрутили двурушника, связали и доставили по назначению, в психушку. Старый большевик-ленинец профессор Соломон Самсонов внимательно, по-большевистски выслушал пламенного свободолюбца, который истошно кричал, что он «всё равно умрёт на той единственной гражданской!», осмотрел его и, решив, что от этого павки корчагина будет больше пользы на стройках народного хозяйства, передал его в другое ведомство. Так Самсон впервые получил номерную телогрейку, заступ и полное право мечтать о свободе.

Вся его дальнейшая жизнь на нарах текла в пламенных мечтах об этой незримой, но притягательной субстанции. В шестьдесят втором его выпустили и на следующий же день он приехал в Москву, в ГУМ, где и приковал себя украденными с зоны наручниками к деревянным перилам. Один шустрый корреспондент успел заснять Самсона Соломонова и переправить плёнки на лицемерный запад. Обоим дали по двадцать лет. Корреспондента-диссидента, как комиссарского сына, выслали из страны, в Париж. А Соломонова укатали в Мордовию. Вторую ходку Самсон проходил уверенно, твердо зная, что про-

клятые сталинские времена навсегда канули в прошлое и скоро все станут свободными. В восемьдесят третьем борца за свободу выпустили. И он, не колеблясь, приехал на Красную площадь, где бурно протестовали против тоталитаризма участницы Хельсинкской группы. Самсон тут же присоединился к ним и начал кричать что-то пламенное про свободу, права человека, гласность... Кончилось всё тем, что участниц Хельсинкской группы, как справившихся с заданием партии и ГБ, отправили на отдых и лечение в Финляндию, а Самсона Соломонова - в зону с очередным двадцатилетним сроком. В девяносто первом амнистировали всех убийц, бандитов, грабителей, расчленителей, насильников и гомосексуалистов... наступала эра торжества демократии. Но Самсона выпустить не решились.

Отсидел он день в день всё ему начисленное. И с чистой совестью вышел... Нет, свободы за пределами зоны по-прежнему не было. И Самсон Соломонов отправился на её поиски.

Долгими и трудными были эти хождения по мукам.

Дней восемь, а то и больше восьмидесятилетний узник совести добирался до знаменитого Соловецкого камня на Лубянке, чтобы возжечь свечу по убиенным борцам и соратникам... Вот там, на Лубянке, перед мрачным зданием, что сыграло столь роковую роль в его судьбе, Самсон Соломонов и увидал, наконец, Свободу...

Раньше он видел её только во снах и на открытках, которые ему присылала раз в год Интэнэшнл Эмнисти из-за океана. Теперь Свобода воссияла наяву...

Самсон Соломонов не знал в своём мордовском лагере, что тридцать три года и три дня до его освобождения Полубоярская Дума обсуждала кого лучше поставить на осиротевшую Лубянскую площадь: свергнутого поляка Зигизмунда Дзержизмундовича, пламенного венгромадьяра Белу Куна, утопившего сорок тысяч «золотопогонной сволочи» в Чёрном украинском море, или люби-

мого заокеанца Клина Блинтона в объятиях очаровательной пани Моники... Своих героев, кроме героического старика Ухуельцина, в молодой Россиянии не было.

Наиболее горячие головы предлагали поставить Растроповича с автоматом. Но от такой чести отказался сам Растропович.

- Может, вы меня ещё и в мавзолей с автоматом положите? – спросил он и отменил все гастролы в Россиянии.

Наконец решили поставить настоящую статую Свободы. Чтоб как в Амэурыке. Всё в Россиянии было по-заокеански: был свой «белый дом», свои «президенты» и «сенаторы», свои холдинги, консалтинги и билдинги... не было только статуи Свободы...

И поставили.

Так свободолюбивые россияне ещё раз доказали, что ни за что не свернут с пути реформ.

Поп Гапон от Думы разрезал красную ленточку, посол Заокеании признал речь, которую никто не понял.

А патриархий Ридикюль ещё долго кропил святой водой зелёного кумира демократии и пел алиллую.

Самсон скупно рыдал в ногах у зелёной статуи. Жизнь была прожита не напрасно. Свобода! Вот она! Свершилось! Раз за разом он обходил Статую вокруг. И с каждым разом становился свободнее! Он не мог бросить её день, другой, третий... на двенадцатый он проголодался. На сороковой забомжевал. А на полгода наступила зима... подъезды закрылись, в метро не пускали, отовсюду гнали какие-то молодые бугаи, подавали совсем мало, спать под Соловецким камнем стало зябко, а назад в зону ехать было не на что. Да могли и не пустить обратно-то.

Самсон долго мастерил длинную веревку с петлей.

Долго забрасывал конец на руку с факелом.

И к Рождеству повесился.

Но рука с факелом обломилась. Свобода в Россиянии была глиняной... а не медной, как в Заокеании. Всю медь с бронзой сдали в Ээстляндию за ящик водки. Сдали бы

и глину, но глину пока не брали. И потому Свободу отлили из глины, на совесть, целиком, и замазали купоросом.

Переломанного Самсона увезли в Склифасовского, где он и пролежал в коридоре два дня. На третий Самсона доставили в Бутырку, там он получил свой последний срок за покушение на свободу и демократию. Следствие установило, что Самсон Соломонов был скинхедом, нацболом и русским фашистом. Улики были неопровержимы. Заодно ему пришлось сознаться в циничном нанесении тяжелых увечий в прошлом году двумстам азербайджанам, в изнасиловании трёх таджиков и в убийстве семи негрососисиян африканской национальности. Учитывая мораторий в Россиянии на смертную казнь, узника совести приговорили по совокупности к пожизненному заключению и содержанию в лечебной камере смертников.

В заключительном слове на суде Самсон Соломонов горячо поблагодарил судей. И сказал:

- Да на хер мне сдалась ваша херова свобода!

Впрочем, Статуя Свободы недолго оставалась безрукой. Вскоре в одном из скульптурных заповедников отыскалось подходящее по размеру изваяние вождя мировой революции. Согнутой левой рукой Ильич поддерживал лопнувшую подтяжку. А правой, с зажатой в кулаке знаменитой ильичовской кепкой, он указывал путь к свободе и мировому коммунизму.

Идея с кепкой понравилась мэру. Академия Художеств дала добро и разбила под статуей группу фонтанов с рыбками, рыбками и сценами из басен Крылова. Идя навстречу пожеланиям президент-гауляйтера, Свободу одели в длинную распахнутую на ветру чекистскую шинель, как у Дзержизмундыча. У Свободы должно было быть горячее сердце и холодные руки! Две руки! И потому...

Правую руку, что с кепкой, от Ильича отрезали и прицементировали к статуе на Лубянке. Теперь довольны были все: и бабушки с гармониями да флажками, и беспокойные узники совести, и сочувствующие им сексоты.

Теперь Свобода имела законченный вид. А чтобы никто не сомневался в этом, подол её сарафана изукрасили цитатами из «Капитала», а на голову вместо дурацкого венца надели кивер с двуглавым орлом и рубиновой звездой.

На второй день после торжественного открытия Статуи, к ней стали приезжать новобрачные молодожены. Паломники ставили под Свободой свечи «во здравие» и «за упокой». И целые классы гимназий и колледжей принимались под её стопами в бой-скауты. На новообращённых тут же надевали синие майки с Перепутиным и надписью: «Верным путём идёте, господа!» Это было круто.

Самсон Соломонов мог гордиться. Он не даром просидел в лагерях и тюрьмах свою замечательную жизнь.

Первые полгода в Россиянии Стэн спал сном младенца. Проклятая девка не мучила его по ночам. Да и сколько можно! Ведь прошла целая вечность, мир стал другим... он почти старик. А она так и не дожила ни до старости, ни до зрелости, вообще ни до чего... Вспыхнула свечечкой и сгорела. Судьба!

В той дурацкой стране, где brave парни морили вьетконговцев, как тараканов, газами и ядами, была дурацкая пословица: «люди – песок». Кто считает песчинки?

В тот день они распилили последнюю русскую ракету, последнюю «сатану». Теперь родная Амэурыка могла вздохнуть спокойно и на самом деле послать пару десятков дивизий «морить тараканов» в Россиянии.

На распилку последней русской ракеты приехал рядовой второго класса генеральный президентий Россиянии. Стэн не мог не отметить его рвения, поощрил пакетиком жвачки, одобрительно хлопнул по плечу и назвал добрым парнем.

Он так и сказал вытянувшемуся в струнку, взволнованному Перекапутину:

- Гуд! Гуд бой! Слуши не туши!

Перкапутин зарделся и приложил руку к сердцу, будто трубы уже заиграли амэурыканский гимн. Сонмы генера-

лов, маршалов, адмиралов и бригадных генералиссимусов восторженно зааплодировали – они и впрямь были в восторге, что столь важная VIP-персона отметила усердие их главноприказывающего командармиуса. Теперь и их самих ждали немеренные и несчитанные ордена, медали, звания, фуرشеты... некоторых могли пригласить даже в Брюссель на брюссельскую капусту. Всю ночь несмолкаемо палили в россиянское небо салютующие пушки, гаубицы и мортиры из музейного фонда Эрмитажа. Ликовал и веселился освобождённый от ракет и всего прочего россиянский люд.

А Стэн не спал.

Он только на краткий миг смежил очи, провалился в чёрную бездну. Только на миг... но из этой беспросветной бездны выплыл горящий на бегу факел... обернулся... И Стэн увидел лицо своей жены. Она никогда не была во Вьетнаме. Её убили обколотые и обкуренные ниггеры в самой свободной и демократической стране мира. Убили просто так, за сумочку с пудрой и двумя зелёными бумажками... ни за что! Он убивал за свободу! за демократию! за идею! за право каждого поймать свою жар-птицу в свободном мире! А они... эти твари?

Она молча смотрела на него. И он начинал понимать всё: и про свободу, и про напалм, и про деда, который до последнего вздоха считал себя русским... Потом миг кончился. Стэна выбросило в явь. И он вдруг отчётливо ощутил, что цепь предательства бесконечна, что он лишь крохотное звено в ней, почти невидимое и неосязаемое... Каинов грех. Или ещё хуже. И вспомнилось нелепое пророчество то ли из Библии, то из комиксов, что проклят будет род предавшего мать свою до двенадцатого колена. Он начал загибать пальцы с деда. Потом сообразил, что лучше считать с себя самого... нет, эта условно круглая Земля столько не могла протянуть – и, значит, они прокляты до скончания веков.

Там, за окном, пушки палили без усталости и в небе было светло от гирлянд и букетов, и народонаселение в востор-

ге подбрасывало вверх чепчики, американские флаги и пивные бутылки. Стэн долго всматривался в толпы на площади... нет, там не было хмуроликих че гевар, не было и мининых с пожарскими... там не было даже вечно недовольного чем-то Мони Гершензона. Там вообще не было свидетелей. Там был вечный, нескончаемый праздник. Пир! Счастье и радость переполняли чумную Россиянию.

Есть упоение в бою, и бездны мрачной на краю...

Нет! всё не так! какой там бой! какое, на хер, упоение!

Толпы народонаселения радостно упивались и ухохатывались. Есть упивание в пиру, и охерение в миру, наш председатель Жуванейтский, всё остальное – по херу...

Из замечательной жизни замечательных людей:

- Ну, шо, товарищи, процесс пошёл? – спросил пациент.

- Пошёл! – ответил ему санитар. Ткнул кулаком в жирный загрибок и дал коленом под не менее жирный зад.

Пациент оказался болтливым и суетливым. Пока его вели по бесконечным коридорам клиники, спускали на лифтах вниз, он всё нёс какую-то околесицу про новое мышление, социал-демократию с человеческой образиной, консенсусы и пиццу. Плешивый лоб у него был подозрительно заклеен пластырем.

- Это для конспирации, товарищи, - объяснял пациент. Хотя никто ни о чём его не спрашивал. – Шоб экстремисты не узнали! И провокаторы...

Он всё молол и молол что-то. Его не слушали.

Санитары тычками гнали конспиратора к палате.

- Токо вы меня понадёжней упрячьте, поуглыблённой, - настаивал пациент, - за нами давно следят!

Санитары хихикали. Куда уж глубже... Только ведь бестолку всё... этих обалдуев куда ни прячь!

- Бог шельму метит, - сказал один. И дал пациенту пинка. Толстая рифлёная подошва утонула в жирном гузне.

- Верно, - заметил другой. – Горбатого могила исправит! – и дал ещё пинка.

- А вот это преждевременно, товарищи, - заегозил пациент, - мы ещё не всё перестроили и не всё к консенсусу привели... обождите с могилой...

- Не хера ждать!

Санитары поставили плешивого пациента заклеенным лбом к стенке, потом согнули его в три погибели. Будто собираясь проверить, нет ли у него в заднице «малявы». Но не стали... Больные в палате сами проверяют. Им сподручней. Развязали рукава смирительной рубахи. Щёлкнули замком-засовом. Окованная дверь палаты с решетчатым оконцем скрипуче распахнулась.

- Вот твоя могила, интриган!

Они впихнули плешивого в палату. Протерли руки прихваченным спиртом. Немного приняли внутрь, для дезинфекции. И ушли. Работы было много. Наверху постоянно кто-то болел...

Они не видели, как плешивый с размаху, запутавшись в полах рубахи, рухнул в парашу. И долго, как в Фаросе, не решался вынуть из неё голову. А когда решился и вынул, то, не вставая с карачек, обратился к другим пациентам, которые любознательно взирали на него с нар и шконок, с пространной речью. Впрочем, речь из-за набития полости рта испражнениями не получилась.

- Это, товарищи... – сказал он проникновенно, - просто какой-то глобализм с человеческим лицом, я вас уверяю!

- Это просто морда в говне, - поправил его кто-то.

- Меченная морда! – дополнил ещё кто-то.

Плешивый в испуге провел дрожащей ладонью по лбу. Пластыря не было. Он лежал в параше. А морда и на самом деле была в говне. По самую отметину.

- И вообще, - сказал третий, явный авторитет в законе, - ты чего пидор, говноед, что ли?

- Позвольте, позвольте! – зашепестил блеющим голосом четвёртый, бывший знаменитый правозащитник Кувылёв. – Каждый имеет право свободного выбора... Вот я, к примеру, выбрал нелёгкую долю шестёрки с нетрадиционной ориентацией на удовлетворение потребностей

товарищей по палате, вы – нашего глубокоуважаемого пахана-президента, а этот меченный господин... – в дрожащем голоске Кувылёва появились ревниво-обиженные нотки, – ещё ничем не доказал своё истинное значение, как вы изволили выразиться, пидора, а уже претендует...

Тут правозащитник с плешивым кинулись друг на друга, вцепились в остатки волос и в уши, принялись царапать, кусаться, визжать и кататься по палате. Минут пятнадцать авторитет наблюдал за их возней. Потом пинками загнал правозащитника на его место под шконку, а плешивого на парашу.

- Докажет ещё! А долю он сам выбрал... – подытожил авторитет. Подошёл к плешивому, помочился на него и в парашу. – Выбрал, тут тебе и место, говноед меченный!

Через неделю санитары доставили плешивого пациента к лечащему врачу, профессору Асклепию Гробневу, главному специалисту по вялотекущей паранойе.

- Ну, вот, голубчик, вы выглядите намного лучше! – сказал врач, брезгливо прижимая к носу надушенный платочек. И поинтересовался неожиданно: - Копрофилией, случайно, не балуетесь? Эко от вас... голубчик!

От пациента изрядно пованивало. Смирительная рубаша на нём была не серой, а буро-пятнистой. Да и сам он был в коросте, вшах и трупных пятнах. Вместо рта у него была чёрная беззубая дыра. Зато глаза... ах, эти карие глаза! в них стояли слёзы, они оживали, и из аморально уродливых масляных маслин постепенно превращались в глаза. Профессор Гробнев глядел на выздоравливающего. И радовался. Новая методика явно давала результаты.

Гробнев уже видел себя в нобелевской мантии.

- Мне бы пиццы! – сказал плешивый, пытаясь высвободить блудливые руки из связанных рукавов рубахи.

- Пица, пицца... Ах, да, не волнуйтесь, голубчик, ваши двойники рекламируют пиццу, как и прежде, всё в порядке, и фондами управляют, и саммиты открывают, и премии вручают... не тревожьте себя, это крайне вредно!

Плешивый обиженно надул губы. И стал похож на Му-солини, которого недемократичные партизаны повесили вверх ногами. И спросил, чуть не плача:

- Ну, послушайте, в конце-то концов, не могу же я всё время есть одно говно!

- Вы хотите, чтобы вам его в пиццу клали? – переспросил догадливый психиатр. – Чтоб пицца, но непременно с говном, голубчик? А простой овсянки, как английской королеве, или просто омаров с миногами, как вашим сопалатникам, не хочется?! Интересный случай!

Он хлопнул в ладоши.

Санитары схватили пациента, скрутили, заломили руки за спину.

- В карцер его! – приказал профессор. – И никакой пиццы! Ни в коем случае! Это у него пункт! И миногов! И устриц! Никаких! Решительно никаких!

- Что, говном кормить? – переспросили глупые санитары. Они ничего не знали про такую лечебную диету.

Профессор расстроился. Кругом были сплошь олухи.

- Вы что, не слышали, что он не может есть всё время одно говно! – заорал Асклепий Гробнев. И тут же успокоился, озарённый гениальным озарением: - Не может есть, делайте внутривенно! С мочой напополам!

После карцера плешивого пациента, накачанного до ушей целебной смесью, разместили в одиночную палату. Бывшие сопалатники наотрез отказались принять плешивого к себе, так от него воняло. И даже поставили санитарам ящик коньяку. Те ящик взяли. Выпили. Но решили не спешить. Одиночка была одна. На всякий случай.

И они сунули меченного пациента в другую, давно и основательно занятую... чай, не баре! перебьются! в других спецлечебницах люди, вон, в коридорах и сортирах лежат! Внесли прямо на носилках. Свалили аккуратно у стенок. На серый колючий войлок. Подвесили капельницу-ведро с пахучей профессорской смесью и шлангом, ввели иглу в вену. Да и ушли себе с богом восвояси.

Пока они возились с больным, матёрый человечище сидел в углу, съезжившись, нахохлившись и задумчиво обгрызая остатки ногтей. Он точно знал, что никакие это не санитары, а переодетые комитетчики Феликса Держимондовича, которых прислал иудушка Троцкий, чтобы его арестовать и сослать на царскую каторгу... Когда комитетчики-санитары ушли, матёрый человечище пошёл к оставленному ими больному, явному провокатору и доносчику из охраны.

И спросил:

- А вы, батенька, случаем не интеллигент?

Плешивый испуганно затряс головой.

- А что же от вас так говном разит?!

Он пнул плешивого в бок. Плюнул на него. И обернулся к старухе с базедовыми глазами, что сидела под портретом-иконой и задумчиво жевала краешек войлочной обивки, отодранной от стены.

- Архискверно, Надин! Архискверно! Я всегда говорил, что эта русская интеллигенция говно! Но не до такой же степени... Ты погляди, что у него лезет из ушей и ноздрей! Да он ба-кок*^{*}, Надин! Это же хуже ренегата Каутского... Нет, в Цюрих! решительно, в Цюрих!

- Моего деда Моисеем звали... – робко пытался оправдываться из-под дамоклова ведра плешивый больной.

Но его уже не слушали и не слышали.

- Ага! Зайер клиг!^{*} – проворчала старуха с набитым ртом. – К твоей Иннесске-заразе? Шмендрик! Нохшлеппер!^{**} Цирлихи-манирлихи...

- Молчи, макетайнеста!^{***} Твой любимый шломп Лео багрубен^{****}! Твой клоц Бухарчик гешторбен!^{*****} Азой зугт мен!^{*****} В Цюрих! Решительно в Цюрих!

* Обосрался (идиш).

* Очень умный! (идиш).

** Ничтожество! Прихлебатель! (идиш).

*** Женщина (идиш).

**** Кретин Лео в гробу (идиш).

- Вовеню, шмак, ***** - примирительно заныла патлатая Надин, - цай ништ наарит! |***** Фартиг! О, вейз мир!

- Ах, так? Так?! Все ренегаты! Все говно!

Матёрый человечеще плюгавенькими шажками подсе-
менил к больному плешивому провокатору, подпрыгнул,
ухватился обеими ручонками за ведро с профессорской
смесью, сорвал его с крюка и надел на голову тому со
всем содержимым. И тут же принялся заполошно звонить
в звоночек у двери. И орать благим матом:

- Санитары! Санитары-ы!!!

Так лауреат премии мира и лучший немецкий херр по-
пал в одиночную палату. Где и пролежал на излечении
ещё восемь дней. Покуда к нему не подселили узника
собственной совести Самсона Соломонова.

Самсон Соломонов, измученный свободой и разоча-
рованный ею, сопалатника не приметил. По старости лет он
принял его то ли за парашу в палате, то ли просто за
большую кучу дерьма у стенки. И ходил к этой куче опо-
рожняться. Куча иногда булькала, вздыхала, что-то буб-
нила про консенсус... но это были просто галлюцинации,
в которые Самсон Соломонов, по настоянию лечащего
профессора, не верил.

Ещё через восемь дней санитары собрали кучу лопата-
ми на носилки. И унесли.

Когда они пришли вновь, Самсон Соломонов спросил:

- А парашу-то куда унесли? Срать где?!

Ему указали на новенький блестящий унитаз, который
стоял совсем в другом углу палаты. Научили им пользо-
ваться. А про старую парашу пояснили:

- Профессор приказали слить.

- Куда?

***** Осёл Бухарчик мёртв (идиш).

***** Это слово мужчины (идиш).

***** Балбес (идиш).

|***** Не будь дураком (идиш).

- В канализацию, стало быть! Говно к говну, Самсон Соломоныч! – узника совести они уважали. По всем лагерям, тюрьмам, клиникам и централам о нем шла благая весть. – Был экскремент... и нету экскремента! Не удался, стало быть, как профессор сказали.

- Эксперимент, наверное? – решил уточнить дотошливый Самсон Соломонов.

- А нам один хрен, - ответили санитары, - говно оно и есть говно. Ещё всплывёт, не приведи господи... оно ж не тонет, небось... Вы себя берегите! Совесть вы наша!

- Все мы узники, - согласился мудрый сиделец.

«Козлы и апостолы»:

Всю эту шоблу реформаторов-перестройщиков рано или поздно сольют. Все эти штопанные гондоны демократии рано или поздно винтом уйдут в сортирную дыру истории... Туда им и дорога. Вопрос в другом, дотянет ли бедная Россияния до этого счастливого дня? или от неё останется тот же пшик, что остался от Рима, Византии, империи инков и России... Уж нам-то, грешным, точно не дотянуть...

Народные террористы!

Кеша вчера насилу ушёл от облавы. Его уже загнали в капкан у Васильевского спуска. Зная Кешину нафталиновую любовь к простеньким и задушевым битловским песнопениям, организаторы облавы специально из Гроссбритании выписали в Россиянию небезызвестного сэра Пола Маккартни, того самого, который всё «возвращался в СССР», а вот вернулся... а «эсэсэсэра»-то никакого и нет. Вся спецоперация обошлась демократам из охраны и фээсгэбе в 33 миллиарда евродолларов, из которых десять тысяч ушло на гонорар знаменитому сэру, сто на пошив гражданской одежды для двухсот тысяч зрителей из спецдивизии имени Сигизмонда Дзержизмундыча, ещё сто на сооружение сцены, трибун и сорока колец заграждений, сквозь которые выскользнуть Кеше было просто невозможно (всё было рассчитано на суперкомпьютерах в

институтах Нью-Джерси), а остальные денежки растворились в нескитанных благотворительных фондах демократии – как это и водилось у реформаторов.

Сэр Пол согласился петь и играть только на Красной площади. Других площадей, концертных залов, городов, улиц он просто не знал. Ему ещё в детстве сказали, что в Московии от снега и льда расчищают только Красную площадь, а в иных местах и повсюду вокруг ходят белые медведи и русские с самоварами, а в самоварах у них водка. И русские, и медведи представляли чрезвычайную опасность для мирового сообщества и демократии. И потому сэр сам проверял все кольца проволочных и минных заграждений. В билетных кассах загодя начали продавать билеты на шоу тысячелетия. Кеша одним из первых купил себе билет. И сам купился. Он не знал, что только его билет был настоящим (ну, может, для вида ещё тысчонку-другую распространили среди прочих лохов, эллинов, козлов и иудеев – для отвода глаз), а за остальными билетами в кассы стояли сотрудники проверенные и надежные, включая не только дзержизмундовцев, обмундированных под битломанов, панков, рэперов, скинхэдов, нацболов, рокеров и хакеров, но и такие закаленные в невидимой войне кадры, как агенты Пассионария, Володя Тотьбойм (тот паренек, что с красным флагом), Роза Землячка, Клава Цеткина, Олеко Дундич, Алекса Довбуш, три тысячи латышских стрелков, партизан Счорс, матрос Железняк (у этого вообще не было никаких вопросов! эх, яблочко!), восемь двойников попа Гапона, восемь доверенных Ельцюганова, восемь поверенных Зюгаельцина, семь Симеонов от Сената, шесть шестёрок от Полубоярской Думы, пять депутатов без мандатов, четыре кандидата с какой-то мандой, три толстяка-олигарха, один патриархий Ридикюль и тринадцать сопровождающих его иезуитов-католиков, раввин всех раввинов, муэдзин всех муэдзинов, дзэн-будда всех будд и бодхисатв, шаман всех шаманов, капитан Катанья, Капитон Кутунья, Растропович с автоматом, лауреат Жуванейтский с орденом Гроба

Господня, лауреатша Толстая-Кышь, Дуня Дунцова, Дуся Бубенцова, Фрося Огурцова, Маня Концова и ещё непо-
саженный Моня Гершензон.

Я тоже хотел пойти на этот концерт всех тысячелетий и народов. Но не пошёл. Потому что ни я, ни Собор Василия Блаженного на Васильевском спуске, ни кремлевские стены, ни соборы Архангельский, Благовещенский и Казанский, ни тысячи мучеников, замурованных в стенах и под брусчаткой, ни миллионы, замученных этими мучениками, ни Грановитая с Оружейной палаты, ни Спасская башня, ни сама Красная площадь, над которой ещё витал дух убиенной Святой Руси, ни даже ступенчатый красно-коричневый зиккурат Мавзола, ни памятник этим русским великодержавным шовинистам Минину и Пожарскому не могли вынести столько тысяч и миллионов мегакиловатт, гигадецибел и прочих вибросотрясений, которыми нас собирались калечить и убивать наши услужливые демократы на пару с заезжими сэрами, которым наши красные площади и соборы просто по херу.

Я бы с удовольствием пошел на старика Пола, которого тоже люблю (чуть меньше, правда, чем покойного старика Харрисона, но больше, чем убитого ещё совсем юным Джона Леннона – я был на том самом месте, где его пристрелили, тихое, доброе местечко возле Центрального парка, респектабельное, богатое и аристократичное, от него рукой подать до гарлемских трущоб, по которым я тоже бродил, страшных и неудобных...) Я пошел бы, если б он пел свои незатейливые песенки где-нибудь в зале «Россия» или на стадионе. Но смотреть на рушащиеся под бомбардировкой и обстрелом киловатт-децибел последние русские соборы, это выше моих сил. Впрочем, нынешним властям виднее, что им разрушать и бомбить.

Ещё я не пошёл потому что сидел дома, предавался черной человеконенавистнической мизантропии и решал, что мне делать с негодями и мерзавцами из полубандитского издательства «ЭКСЧМО-пресс». Они у меня воровали всё подряд. Стоило мне написать что-то, они частя-

ми и кусками крали мои тексты и публиковали их где ни попадя. Стоило мне назвать какой-нибудь роман, скажем, «Ангел Возмездия», они тут же выпускали свой роман под моим раскрученным и всенародным брэндом. Мне не хотелось связываться с этой шантропой, с этими шмакодьяками – что взять с мелочных полуграмотных торгашей, ударившихся в книжный бизнес: с посконной рожей в калашный ряд. Я бы давно их прикрыл, но... Я очень любил и уважал Игоря Талькова, моего младшего товарища, соратника, единомышленника, с которым мы ни разу не встречались, но с которым мы были большими духовными братьями и друзьями, чем со многими из трущихся рядом изо дня в день. Игоря рано убили. Но перед самой смертью он успел написать книгу «Монолог», книгу о том, как убивают нашу с ним Россию, как её превращают в Россиянию... В девяностом году я опубликовал своё «Прорицание». Это был неприкрытый взгляд на наше трагическое будущее. Да, можно верить, можно не верить, но я тогда уже знал, что нас ожидает – до мелочей, до деталей – знал и кричал об этом на весь мир! на всю Россию! Как известно, нет пророков в родном отечестве... Никто не услышал моего крика... почти никто, пропустили мимо ушей, слава богу, что голову не снесли, как пророку Иоанну. Но болью души моей проникся Игорь. Он прочитал «Прорицание». Оно потрясло его. Потрясло до глубин естества. И вот тогда он написал свой «Монолог», где в самом начале ясно и открыто сказал, что его побудило взяться за перо... Он привел в своем «Монологе» три страницы моего «Прорицания»*, опираясь на него, строя на нем все дальнейшее изложение, всю свою книгу – и Бог в помощь Игорю, люди творческие

* Это на самом деле так, и вы сможете убедиться в этом, открыв любое издание книги И.Талькова «Монолог», которая начинается с трехстраничной цитаты из «Прорицания» Юрия Петухова и строится на этом «Прорицании». В нарушение действующего законодательства и всех норм морали, недобросовестные издатели не указывают автора цитаты (прим. редакции).

своей божественной энергией подпитывают друг друга, не дают угаснуть Свече Истины и Света... Но шустрые издательишки, воришки и пиратишки, делающие деньги на нас с Игорем, дело другое.

Зарвавшихся воров, которые к тому же не слишком-то тебя уважают, надо учить. Я сидел и думал, что с ними сделать. Вариантов было предостаточно. Можно было просто сказать моему адвокату, чтобы он подал в суд на этих мерзавцев, и выиграть дело. Но тягаться со всякой мелочью, хотя и пузатой, было как-то мелко и, как говорится, запахло... Можно было бы нанять смышлёных ребятешек, чтобы они просто разорили эту лавочку дотла, пустили бы её по миру или с молотка, а её хозяйчиков бы посадили в долговую яму... Но тоже как-то всё это было слишком масштабно и крупно для такой шелупони, слишком много хлопот и чести. А может, просто перестрелять весь генеральный директорат и главный редакторат пиратского кооператива? Взорвать их, к чёртовой матери, в их же «консервных банках» на колесах? Разнести в клочья вместе с самим издательством? Или вывезти на дознание, куда-нибудь в Подмоскovie, в ту же Малаховку, в каменные подвалы, на цепь, на воду и на кости, какие бросают собакам, чтоб малость научились уважать уважаемых людей... Уважаемых! В том-то и было всё дело! Маститый писатель, известный историк, публицист, пророк и идеолог, философ, серьёзный человек... и вдруг стреляет из пушек по воришкам-воробышкам и зудящим комаришкам, несолидно... Всё было несолидно!

А заодно и не хотелось трепать лишний раз попусту имя Игоря, не лишать же людей его книги – хорошей и нужной, она-то тут причем! Ну и хитрющие же были эти жулики-карманники, все тонкости моей тонкой души учили (но это им так только казалось!) Они наверняка знали, что я не пойду на то, чтобы арестовать все тиражи «Монолога», нет, я и на самом деле на это не пойду... Я пойду на другое. И мой друг Игорь, царствие ему небесное, поймёт и одобрит меня... Ведь холопов надо иногда сечь.

Меня останавливало ещё и то, что вдова Игоря получала от этих воришек кое-какие жалкие гроши за публикации, а ей и так было несладко. Передо мной стояла дилемма, как перед Родионом Раскольниковым, который всё решал, рубить ему топором старуху-процентщицу или не рубить. В конце концов, бедный Родион зарубил несчастную. Издательство «ЭКСМО-пресс» явно ждало, когда я его зарублю. Что-что, а рубить я умею!

И всё же я решил пока не торопить событий. Вожжи были в моих руках. Эти ребятишки, скорей всего, и не подозревали, что на шеях у них петля, а конец веревки в моей ладони. Ну и ладно... и бог с ними... дернуть за кончик всегда успеется, в самый неожиданный для них момент. И тогда, по восточной мудрости, только и сиди да жди, когда мимо твоих ворот пронесут трупы твоих врагов... Впрочем, Господи, совсем заговорился, какие, на хрен, враги... воробышки да комаришки. Комаришку, зудящего и кусающего, прихлопывают между делом, не считая врагом, просто почитая, что эдакой мелкой дрянью на свете и жить незачем... или вообще без философствования.

У матросов нет вопросов.

Короче, на шоу-концерт тысячелетия я не пошел.

А Кеша пошёл. И билет ему дали такой, что он оказался в самом центре всех проволочных, минных и прочих заграждений, посреди сотен тысяч отборных бойцов демократии и агентов охраны.

Пошёл. Чтобы отвести душу.

Или испустить её. Отдать Богу...

Но, наверное, Кешина душа была Богу нужнее на земле, а не на небесах. Спецоперация была задумана, разработана и выполнена блестяще. Мир не знал ещё таких многоумных и блестящих спецопераций по задержанию и уничтожению страшных и ужасных народных террористов! Помимо снайперов, зенитных установок, гранатометов, огнеметов и дельтапарализаторов, установленных по всем периметрам оцепления и нацеленным на Кешу, у

каждого дзержизмундовича за пазухой было по «акаэму», три «лимонки», две саплопаты и четыре штык-ножа, а у самого эксбитла, сэра Пола и всей его команды в гитары, тамбурины, бубны, рояли, губные гармошки и барабаны были вмонтированы ручные пулемёты Дегтярёва.

Разумеется, сам благородный сэр ничего не знал про облаву на народного террориста. Ему сказали, что пулемёт – это так, на всякий случай, от русских фашистов, если придётся отстреливаться. Так и сказали:

- Сэр, в случае прямой или косвенной угрозы со стороны русских экстремистов и русских фашистов, стреляйте без предупреждения! Ваша жизнь для мирового сообщества, Россиянии и самого гауляйтера, ценнее чем все эти, извиняюсь за выражение, русские. Андэстенд, сэр?

- Йес, бой! – ответил Пол Маккартни. Он ничего не знал про русских, кроме того, что они пьют водку из самоваров. Если бы он хотя бы догадывался, какую роль исполняет на этом шоу, он бы лично, как благородный человек, прикрывал бы Кешу из своей гитары-пулемёта. Но сэр Пол ни хера не знал. Они все там ни хера не знали ни про Кешу, ни про Россиянию, ни про русских. Им так легче жилось.

А здесь всё было предусмотрено. Даже капроновые сети, дымовые завесы, ипритовые баллончики, распылители фосгена, нервно-паралитический анабиотик типа «зюйдвест», надувные шары с метаном и зомбо-излучатели пси-энергии. Россиянские спецслужбы не дремали.

Кроме того в решающий момент колоссальный купол над сценой должен был упасть прямо на Кешу и, давя всех подряд, накрыть его как мотылька сачком... Тихо, тихо лети, пуля моя в ночи, ласковым мотыльком (тебя не накрыть сачком). А уж совсем для верности всем сообщили, что на концерт прибудет собственной персоной и без галстука генерал-гауляйтер Перекапутин. И он на самом деле явился. Но это был не он, а его точный двойник – один к одному. Под пиджаком Перекапутина-двойника был надет пояс шахида – двести килограмм пластида с

гексогеном. Чтоб наверняка! Двойник гауляйтера важно прошествовал к особо важным гостям на VIP-ряду и уселся возле Кеши.

К несчастью, Кеша не знал, что это двойник.

Когда он увидал краем глаза приближающегося Перекапутина, то решил, что это сам Господь вкупе с черным человеком послали к нему живца на ловца. Он просто страшно возрадовался. Но решил всё-таки немного послушать любимые песенки детства.

Руки сами тянулись задавить гада на первом же громком аккорде. Но было обидно и досадно. Впервые в Москве! Обратно в СССР! Нет, хоть немного, хоть пару песенок... Так Кеша всё тянул и тянул, откладывая выполнение заказа. И дотянул...

По сценарию, после восьмой песни начиналось фейерверк-шоу и лазерное действо под руководством какого-то японца, специально выпisanного в Россиянию для развлечения россиянцев. Одновременно из всех щелей гигантской сцены в не менее гигантский открытый зал должны были сползать клубы сиреневого дыма – для эффекта и для погружения слушателей в нирвану. Вот под этими клубами на Кешу должны были накинуть стальные сети, спеленать его, скрутить, усыпить и взять! Так мне рассказал потом один генерал-фээсгбэшник, тот самый, что просил подписать книгу на Кузнецком.

Гениальные мастера плаща и кинжала, щита и меча не учли одну вещь – ядовитые газы почему-то действовали не на одного Кешу, а на всех зрителей... и даже на облеченных особым доверием. И потому через полчаса вокруг сцены началось невообразимое: кто-то кого-то бил сап-лопатами, кто-то палил вверх из «акаэмов», кто-то метал в небо штык-ножи и грыз зубами спирали Бруно. Впрочем, концерту это не мешало. Могучие аккорды многократно перекрывали все побочные шумы и помехи вплоть до пальбы из гранатометов, пулемётов, огнемётов и снайперских винтовок. А вот Кешу как раз ничего и не брало. Он как опытный солдат, киллер и народный террорист,

был обколот и переколот всякими дотами, антидотами, ядами и противоядиями. Он только чихал, сморкался. И всё бил локтём в бок своего соседа-гауляйтера в восторге от неумоимого эксбитла.

Лишь к концу сороковой песни Кеша понял что что-то неладно. Уж слишком натуральными и зловещими были все эти шоу-фейерверки, спец-эффекты и лазерные перестрелки. Иногда ему даже начинало казаться, что все стреляют по нему, просто в таком сатанинском аду было вообще невозможно попасть в цель, от лазерных высверков мельтешило и темнело в глазах, а от грохота усилителей, залпов, взрывов и канонад рвались барабанные перепонки. Сквозь наброшенные на него в тридцать восемь слоев капроновые и стальные сети он прекрасно видел и слышал концерт, но ни одна пуля, снаряд и граната не долетали до него.

Кеша ничего не боялся. Ведь всех зрителей заранее предупредили, что зрелище будет невиданное и неслыханное, что побьют все рекорды и переплюнут все прежние супершоу, что только держись! Вот он и держался. В него летели пули, осколки, «лимонки», противотанковые гранаты, саплопаты и штык-ножи, а он держался. Лишь когда мощно и яро ударил заключительный аккорд пятидесят восьмой песни, Кеша исполнил про свой долг, повернулся к ни живому ни мертвому гауляйтеру и что было сил треснул его по голове. Голова эта ушла сначала в плечи, потом в грудь, потом в таз и в пояс шахида...

Дальнейшего Кеша не помнил. Лишь на третий день какие-то добрые люди сняли его с маковки Покровского собора, за которую он зацепился бронежилетом. Его снимали вертолётom МЧС... Но это было потом. А в ту ночь...

Когда сэр Пол в чаду, дыму, огнях, разрывах и всполохах допел свою последнюю песню, когда осели газы и сиреневые туманы, со сцены открылась впечатляющая картина: десятки тысяч рьяных и верных поклонников «Битлз» лежали по всему Васильевскому спуску и Красной площади вповалку, где россыпью, а где кучами...

- О-оо! – удивился сэр Пол силе своего искусства.

Но подошедший к нему музыковед из ФСГБ пояснил на ухо вкрадчиво и доверительно:

- У нас на концерты, сэр, каждый ходит со своим маленьким самоварчиком – на полведра, не больше. И к концу шоу вот такой результат... Традиция, сэр!

О-о, эта загадочная русская душа! – подумал про себя великий певец. Ему тоже подарили русский самовар, ведер на сто. И он с ужасом думал про этот подарок. Ведь стоило только открыть краник...

«Сон разума рождает чудовищ»

Франсиско Гойя

«Сон чудовищ рождает разум»

Юрий Петухов

Нет, Че Гевары у нас не водятся. Хоть сорок тысяч чёрных беретов нацепи на сорок тысяч воспаленных голов. И потому нечего нам мучиться дурью и убегать в горы да в сельву. Несть разницы между эллином и иудеем. Но есть разница между козлами и апостолами.

Шифровка из Лэнгли пришла под утро, когда у Стэна голова просто раскалывалась. Нет, он ничего не пил. Зачем тут, в этой стране пить?! Он не понимал этих русских с их загадочной русской душой. На хера тут вообще пить, когда и так охереть можно! От всего этого!

Шифровка отрезвила его.

В ней значилось: «Приказ №8. По получении приказа в сроки до полутора часов вам надлежит принять надлежащие меры по объектам T-A-P, ST, WM. По прочтении немедленно сжечь, пепел съесть!»

Стэн сжёг шифровку. Пепел есть побрезговал. Набростил на плечи пальто. До командного бункера было полчаса езды. Но эти россиянские пробки! Он отпихнул услужливого водителя, сам уселся за руль разъездного «джипа». И только тогда задумался, почему так? В прошлый раз они раздолбали эти два «дьявольских рога» и «пента-

грамму». А сейчас – приказ есть приказ – надо долбить масонскую Транс-Америкэн-Пирамиду в любимом Фриско (о, бедные русские котики! он ведь обещал не трогать их!), Сирс-тауэр, этого чикагского рогатого дьявола, и вашингтонский Монумент, символ всех лож, молотков, циркулей и градусов! С ума сойти! Кто мог охотиться за всесильными и вольными каменщиками?! да ещё там, где на главной святыне, на зелёной купюре: «e pluribus unum»* - бред!

Он добрался за час. Прошел все посты. Часовые разевали рты и тянулись в струнку: «большой босс» нагрянул! Стэна уже не радовали эти знаки внимания. Отпихнул с дороги толстого генерала, рьяно козырявшего ему. Спустился лифтом на минус восьмой этаж. Броня. Двери. Переходы... Пульт. Заискивающие взгляды. Зависть в томных глазах. Готовность... полная боевая готовность выполнить все его пожелания, прихоти и капризы.

Стэн выгнал лишних. Не нужны. В программах заложены все шифры-коды. Надо только набрать... И кнопка. Красная кнопка. Какая-то патологическая любовь к красному... эй, в красном, дай несчастным! Они все несчастные! эти русские! бедные люди! униженные и оскорблённые! идиоты! В этом причина. Они сами себя сделали такими, неприкасаемыми изгоями-неудачниками... и вся планета согласилась с ними – несчастные бедолаги!

Но причём тут заокеанские небоскрёбы и этот шпиль «имени Джорджа Вашингтона»? Причём?! Ладно! «Красные головки» всё равно спилили. А обычные котикам по барабану. Рога сшибёт. Пирамиду снесёт. А до пирса №39 и щепки не долетят.

Он-то нажмёт. Он шарахнет. А лавры опять на Ус-Саяму спишут?! Стэн в голос, по-русски выматерился. Уж он-то знал, что этот спившийся, обрюзгший, ленивый и жирный Беня Оладьин последние годы палец о палец не ударял, только пил, жрал и шлялся по чужим гаремам. А

* «Из множества единство» (лат.) – масонский лозунг.

какие-то слишком умные херры из Лэнгли вписывали его имя красными буквами в золотую книгу Истории. Чужой кровью вписывали! И его, Стэна, нервами...

Стэн машинально набрал четвёртый код. Проверил готовность. Снял блоки... Дребезг красного кремлёвского телефона вырвал его из деловитого оцепенения.

- Хозяин! Хозяин! – орал в трубку с другого конца перепуганный рядовой второго класса. – Ведь накажут! На конюшне! Может, не надо...

- Надо, парень, надо, - успокоил его Стэн.

И нажал кнопку.

Две ракеты из восьми выпущенных разорвались в шахтах, все медные и серебряные провода из них были сданы в ээстоонский утиль ещё до приезда Стэна; две грохнулись с орбиты, одна в Байкал, другая на Курилы, не хватило украденного и разбавленного водой топлива... Зато оставшиеся четыре ушли точно по целям. Стэн знал, что они дойдут. Русские не умели сшить нормальный башмак, но ракеты они делали отменные... Летящим к звёздам не обязательно быть сапожниками. Теперь Стэн понимал это. Разгадка загадочной русской души оказалась простой, как пареная репа.

- Тихо, тихо лети, ласковым мотыльком... русская «сатана»... – нечто свыше шептало нежные слова запекшимися губами Стэна, - слава - пыль и зола... тихо, тихо лети – прямо в сердце змеи...

Взрывы небоскрёбов, шпиля и «конторы» в Лэнгли транслировали по всей перепуганной планете. Вздуродоразженные ораторы-телекомментаторы орал по бумажкам, спущенным сверху слезливые и гневные установки-директивы, орал пророками-предтечами, праведными и алчущими возмездия:

- Весь мир превратился в страшное логово международного терроризма! Это вызов Амэурыке! Чудовищный вызов... Наш отважный президент – азой зугт мен* - при-

* Так говорит мужчина (идиш).

нимает этот вызов! Вся нация... в едином порыве... как один... Амэурыка, Амэурыка, юбер-р ал-лес-с!!!

Стэн сидел в кресле. И блаженно улыбался.

Огромная луна висела в иссиня-чёрном небе. И сводила с ума. Я посматривал на неё временами, стараясь не поддаться её потустороннему притяжению. Но она тянула и тянула к себе. И я начинал понимать древних, имевших дневного бога и ночного бога. Бог-солнце уже давно закатился за скалистые края окоёма, лишь немного потрепыхавшись багряными власами в мрачнеющих небесах. Ещё при нём явился бог-луна, сначала бледной немощью на краю тускнеющего света... потом... а потом, как-то неожиданно и неотвратно – магическим властелином чёрного неба и чёрной земли. Это был бог безмолвного и гнетущего ужаса. Где он был? в свинцовых небесах? или в нас самих? И с каким из богов говорил Моисей, которому ещё только предстояло сорок лет водить евреев по пустыням, оттягивая их явление в безмятежный и ничего не подозревающий мир, спавший под этой иссиня-чёрной пропастью лунного дурмана? Бог был един. Но у него были разные лица... русский странник Моисей знал это, иначе бы и не стал он ввязываться в столь гиблое и неблагодарное дело. Моисей был философ. И, по-своему, матрос, ещё в младенчестве бороздивший воды Нила-батюшки в плетёной корзинке, а позже запросто ходивший туда-сюда чрез Чермно-Красное море. Простоватые библейские евреи даже надумали в суемудрии своём, что имя его было мокрым и водянистым, и что означало оно на позабытом языке «вытащенный из воды»... Вот так!

Все мы вытащенные из воды.

Вернее, из околплодных вод. Но не все матросы, не все философы. И не всем охота общаться с Богом подобно Моисею. У матросов нет вопросов... И не все свидетели Иеговы... Да и живётся несвидетелям спокойней.

Кеша кутал голову в какой-то бедуинский бурнус, обмотанный сверху, видно, для надежности клетчатой ара-

фатовкой. И упорно не смотрел на лунного бога. Хотя его тянуло в эту жёлтую воронку на дне иссиня-чёрной пропасти ещё посильнее, чем меня.

Мы сидели в самом центре Синая на полуобледенелой Моисеевой горе. Вселенная человек и прочих божьих тварей была под нами, внизу. Она начиналась с монастыря святой Катерины, что скрывался за крутыми стенами у подножия скал. И растекалась дальше по всем полушариям, градам и весям, пустошам и вавилонам. В монастыре шла всенощная. А у нас было тихо. Никто от общения с Всевышним не отвлекал. Но Всевышний нам не являлся. И не было на нас, как на Моисея, ни неопалимых купин, ни огня, ни грома, ни молний... Была жёлтая дыра в небе. Дыра, в которую истекало всё земное...

Мы сидели под этой дырой.

И нас влекло в неё.

Но уходить пока было рано. И опять у Кеши были вопросы. Эти распроклятые русские вопросы, без которых всякие папуасы и заокеанцы запросто обходятся. Кто виноват? И что, понимаешь, делать? Охранка, вездесущая охранка загнала нас на эту гиблую гору, а мы все решали вековые вопросы... И опять Кеша хандрил.

Я знал, что это он подsunул Стэну липовую шифровку. Что это из-за него был такой трам-тарарам с последующей всемирной облавой на злобных международных террористов, которых в природе не существовало (кроме нас с Кешей, агента ФСГБ-ЦРУ Бени Оладьина и совершенно оборзевшего Мони Гершензона). Были просто власть имущие, истреблявшие свои и чужие народы аки саранчу, и была саранча, которая плодилась и размножалась.

Наконец Кеша не выдержал, поглядел краешком глаза на безумно влекущий лунный лик. И признался.

- Мои дела, каюсь! – голос у него был глухой, слова звучали неразборчиво, как у Моисея. Но так же заповеданно и весомо: - Не по злобе. От большого ума!

Я сдержал вздох облегчения. Всё было не так плохо, не так безысходно. И страшная жёлтая дыра в небе уже не

казалась последней воронкой, в которую истекал мир. Нет, всё проще и добрей, намного добрее: и вселенная человеков есть не мутный поток, сливаемый с глаз долой в звёздную канализацию, а бесконечная живая лента Мёбиуса, исполинской изогнутой восьмёркой вытекающая с нашей бестолковой планеты в одну дыру, но втекающая в другую, не видимую, не зримую мной сейчас... но сущую. Иначе и быть не могло. Иначе бы мы все вытекли к дьяволу ещё при Моисее.

- Но зачем?! Кеша, я понимаю, что этих засранцев-заокеанцев никто не любит... Но на хера было сносить треть Америки?!

Кеша выглянул из-под капюшона своего бедуинско-арабского бурнуса, в котором его и впрямь можно было принять за международного террориста, и пояснил:

- Во-первых, эту херову треть снёс Стэн. Лично я ему такой установки не давал. И план ихний был. Мои хакеры его только вытянули из Лэнгли, понял?! Я во внутренние дела чужих стран не лезу!

- А во-вторых?

- Во-вторых, я рассчитывал, что они в ответ раздолбают Кремль и все эти резидентские президенции по всей Россиянии! Чтоб наверняка! Я не могу больше! – он готов был разрыдаться или завывать на сумасшедшую луну. - Я уже устал охотиться за этими бессмертными кощеями!

- Ты просто спятил! – я встал с обледеневшего валуна и принялся ходить по узкой площадке над земной пропастью. – А если бы они долбанули?!

Кеша удивлённо поглядел на меня.

- Так они и долбанули, - сказал он, всё ещё не веря, что я не знаю продолжения этой жуткой истории. – Долбанули... только все их ракеты в океан попадали, ни одна не долетела. Это тебе не Голливуд...

Я и на самом деле не знал многого. Кеша вырвал меня с раскопок в долинах Инда, где обнаружили ещё один город русов, заложенный семь тысячелетий назад. Меня туда пригласили как специалиста по всем этим тёмным

для профанов делам. Делаю, не связанным с нашей перпендикулярно-параллельной жизнью номер восемь... и я в очередной раз пропустил главное. Зарылся в прошлое. И мог бы в нём так и остаться... на радость многим. Но Кеша разыскал меня, срочно вызвал сюда, в безлюдные и глухие горы для каких-то «важных конфиденциальных переговоров» с глазу на глаз, вдалеке от россиянской охраны, интерпола и поближе к Богу.

Поближе к жёлтой дыре в бездну...

- Хрен с их ракетами, они их стряпают в одном цехе со шникерсами! Но мы ж лет пять назад продали этим уродам сто «протонов»... за вагон подкладок и памперсов.

Кеша высунулся из капюшона. Улыбнулся.

- Продали, - согласился он, - им «протоны», а китайцам начинку от «протонов»... как у нас продают, сам знаешь!

Я промолчал. Что тут скажешь... Амэурыка, Амэурыка...^{*} А про себя подумал, неужели этому гаду Кеше ради какого-то временщика не жалко было разбомбить Кремль? наш Кремль! святыню?! Нет, что-то с нами со всеми случилось! И мы просто уже не знаем, как нам обустроить Россию. Ну как её ещё обустроить, суку! И не у кого было спросить. Ведь здесь, на голой вершине под безумной дырявой луной не было с нами рядом ни Абрашки Терца, специалиста по сукам, ни Синизля с Далявским, ни мудрого вермонтского отшельника, обустроителя российских и россияний, ни Мони Гершензона, ни даже Растроповича с его автоматом.

Был только полубезумный Кеша, которого каждую ночь терзал чёрный человек, требующий выполнения наказа. И я, терзающий себя сам. И ещё дыра, в которую лентой Мёбиуса утекало всё: и богатые заокеании, и глупые россиянии, и пустые «протоны», и гениальные растроповичи с автоматами. Просто каждый утекал в свой срок. А срок наших кремлей ещё не подошёл...

Впрочем, сроки определяем не мы.

^{*} Петь на мотив амэурыканского гимна.

- Ладно, - обрубил я спутанный клубок вечных вопросов, на которых нет матросов, решающих все вопросы в духе юного Саши Македонского и его узла. - Зачем звал?

Кеша натянул капюшон бурнуса на самый нос. И оттуда глухо прозвучало:

- Треть Заокееании шарахнули. А ихний-то ушёл...

- Кто?!

- Президент! Я долго думал...

Он умолк. И молчал ещё дольше.

- И что надумал? – подстегнул его я.

- Не тех бьём! – ответил Кеша голосом заговорщика. – Не тех!

Мне стало плохо. Я снова опустился на обледеневший валун, зная, что утром он оттаёт, а к полудню даже нагреется на февральском солнышке... но теплее от этого не становилось, каменный холод сковывал мои члены.

- Я его умочу! – твёрдо сказал Кеша. – Гадом буду! С головы начинать надо... рыбу с головы чистят... а главная голова – он! наши - мелочь, холопишки! он хозяин!

- Тебе это чёрный человек сказал?

- Нет! – Кеша обиделся. – Я же говорил, никаких имён-фамилий! всё на соображение, на ум и интуицию!

- Вот ты и проинтуичил?

- Да!

- А наши ироды?

- Важно ствол срубить! Ветки сами осыпятся!

Желтая дыра над головой становилась всё шире. Мы уже летели в неё. Раньше всех прочих. И остановиться было невозможно.

- Ни один из твоих гениальных планов не сработал, - сказал я Кеше жёстко. – Моню уже взяли. И Бенья Оладьин в казематах демократии пишет на себя обвинения... ты чего добиваешься?!

- Этот план работает! – заверил меня Кеша. И забыв про конспирацию, откинул капюшон. – Или пан! Или пропал! У меня на МКС свои ребята...

- Где?

- На международной космической станции, понял! И шаттл* уже стоит наготове, заправленный!

Кеша достал из-под полы длинного шерстяного бурну-са спутниковый телефон, вытащил сферическую антенну. И я понял, его не остановишь.

- Погибнут люди!

- Нет, - успокоил он, - ребята катапультируются, когда челнок выйдет на цель. Их двое, наши, «легенда» разра-ботана – неисправности в системе управления, хвостовая тяга... короче, никто не докажет. Все ёмкости залиты го-рючим из «прогресса» – знаешь эту адскую смесь?! Наш заокеанский дружок из ада в ад прыгнет!

- Хрен с ним! Люди вокруг, внизу тоже погибнут! – пояснил я. – Невинные люди... Они причём?!

- На войне, как на войне, - невозмутимо ответил Кеша, прилаживая антенну, - неизбежны издержки и потери. Они сами так нас учили и в Боснии, и в Косово, и в Сер-бии, и в Афгане с Ираком – мол, издержки неизбежны! Вот и у них будут всего лишь неизбежные издержки...

Я схватил его за руку, сжал.

- Зачем ты равняешь себя с этой сволочью! с этой мра-зью поганой!

Кеша спокойно поглядел мне в глаза. И сказал так же спокойно и внятно:

- Перечитай свой роман. Это ты пишешь его...

- На войне как на войне... – повторил я вслед за ним, вслед за ветераном тридцатилетней аранайской войны, беглым каторжником-рецидивистов, русским скитальцем, который являлся мне из двадцать пятого века, чтобы ска-зать одно: не всё ещё потеряно.

На войне как на войне.

Оставалось только молиться, чтобы и этот посланец небес свалился в Тихий океан.

* Эту главу я написал в ночь на 1 февраля 2003г., за несколько часов до трагической гибели шаттла «Колумбия». Бог тому свидетель. Автор.

Но он не свалился. Он шёл точно в цель. Как «сатана» с разделяющимися боеголовками. Он должен был накрыть ранчо Куша в Техасе. И разнести этого главного международного террориста в пыль, в молекулы и атомы, чтобы Земля хотя бы пару лет могла отдохнуть от его авианосцев, «фантомов», советников по безопасности, «томагавков», «стелсов» и прочей вредоносной дряни.

Кешин шаттл-камикадзе шёл точно в цель.

Просто наши парни на «эмкаэсе» из-за плохой связи вместо «техас» слышали «канзас». И лазерно точно шарахнули по канзаскому ранчо увёртливого Куша. Ранчо сгорело в океане огня вместе со всей охранкой, флагшток и матрасно-полосатым флагом. В этой цели опять не оказалось никого кроме «неизбежных издержек и запланированных потерь». А сам Куш со своим вице-заместителем Миком Мауссом Чейни охотился в техасских пустынных прериях, они отстреливали загнанных койотов, детёнышей и беременных самок, лихо, поковбойски и столь же отважно, как некогда лучший друг Басая Чеченежского премьер Негрофэйсов из засады отстреливал загнанных медвежат.

Про канзаское ранчо и океан пламени никто и писать не стал. Почему? Потому!

Охранка Куша и парни из недобитого Пентагона перехватили Кешин сигнал. Тот самый, посланный с Моисеевой горы. Аппаратура у них была надёжная, добротная. Ракеты класса «земля-воздух» тоже отменные, уворованные из распавшегося Союза. Они всё чётко расслышали про Техас, про президентское ранчо... И потому, когда в небе над Техасом появился снижающийся шаттл, они, не долго думая, шарахнули по нему. И попали. Точно в цель. На высоте в восемьдесят два километра. Потом, правда, выяснилось, что это был не тот шаттл. Что это «Колумбия», выполнявшая свою программу на орбите, возвращалась на землю. Она даже не была на космической станции. И понятия не имела про гениальные Кешины замыслы. Недельку покрутилась на орбите. И домой... А

её грохнули. Свои. Ракетой «земля-воздух». Как хохлы самолёт с евреями над Чёрным морем. А ля герр ком а ля герр. На «Колумбии» было шесть американцев и всего один-единственный еврей из Израиля. Первый еврей в космосе! Илан Рамон. Герой победоносных сражений и войны Судного дня! Это про него мне рассказывал старый Боб в Яме на Мёртвом море. Рассказывал. Про бои в небесах обетованных над обетованной землей. Про молодых храбрых птенчиков, которых он учил летать и воевать. Про обретённую родину. Про русские «МИГи» с арабами. И американские «фантомы». Про свою юность в Харбине. Рассказывал. И пел протяжные русские песни. Илан был ему, как сын. Я верил Бобу и уважал его. Он шёл в бой с открытым забралом. Лоб в лоб. Как русские асы. Как немецкие асы. Глаза в глаза. Он был воином. И Рамон был воином. В отличие от той сволочи, что убивала моих дедов по чекистским подвалам, миллионами убивала в пресловутую «гражданскую», когда расстреливали за одно только слово «еврей», когда сдирали кожу, жгли железом, топили в проруби, закапывали живьём и вешали только за то, что ты русский. Я ненавидел тех евреев-палачей, в чёрных кожанках, с маузерами, всех этих троцких, свердловых, каменевых, урицких и прочую нечисть. Они были для меня озверелыми убийцами, устроившими в России для русских такой Холокост, какого свет не видывал. Но я уважал других евреев. Честных, сильных, смелых. Не давидов-с-пращой. Но воинов. Они шли на смерть за родину, маленькую, выжженную солнцем полосу земли. И не как штатники, из-за угла, трусливо и подло. А грудью на грудь. Меч на меч. Пуля на пулю. Это были евреи с русской душой. Поэтому они и пели русские песни. Поэтому они умирали за родину. И я не знал, почему мне надо любить арабов. Наверное, за то, что потом они станут отрезать головы русским мальчишкам в Чечне? или за то, что они превратили святой Иерусалимский град в большой помоечный рынок? Я был просто равнодушен к арабам. Хотя знал точно, что если

бы в Россию два века назад пришли не евреи, а они, арабские семиты, то уже лет сто никакой бы России не было, а была бы Северная Аравийская пустыня с Большой Кремлёвской мечетью. Впрочем, Аллах с ними! да продлятся их дни! Ведь сбили не араба. И не торгаша-менялу. И не ростовщика-процентщика. И не шинкаря. И не жида пархатого. И не комиссара с маузером. И не жирного олигарха, укравшего мою нефть. И не телевизионного вруна, укравшего наши мозги. И не гаранта конституции, убившего мою страну... Нет! К сожалению.

К величайшему моему сожалению! О, горе нам!

Он был по-своему первым.

И вот его, первого еврея в космосе, больше похожего на русского парня, на нашего Гагарина, чем на Агасфера, грохнули! Штатники что-то там мямлили про неисправное крыло, про отвалившуюся от корпуса черепицу. Но никто не верил им. Все догадывались, что «Колумбию» сбили... Кто? Ни у одного «международного террориста» не было ракет, бьющих на такую высоту. Даже у Вени Оладьина из Аль-Кайды. Не было их ни у бедного Саддама Хуссейна, ни у Ким Чен Ира, ни аятоллы Хоменейи, ни у Муамра Кадафи, ни у Мони Гершензона... Все у кого оставалась голова на плечах отлично знали, что в «Колумбию» засандалили сами заокеанцы. Знали, но молчали. Потому что заокеанцы могли засандалить и в них.

И надо нам было лезть в эту ночь на священную гору, которая исполняет все желания. Нормальных людей. Которые умеют формулировать свои желания. В нас бурлило слишком многое. И гора Моисея не поняла нас. И жёлтая дыра всосала не тех, кого следует. И лента Мёбиуса из исполинской магической восьмерки, устремленной в бесконечность, обратилась в обыденную удавку. Вот так! Господи, не всем же быть Моисеями! Не всем водить избранных по пустыням. Да и сколько можно! сорок лет! четыреста! сорок тысяч! Сколь верёвочка ни вейся... Спасибо Тебе хоть за то, что снизошёл благодатью Твоей, что дал другой Новый Завет – завет, как жить нам, подобиям

Твоим, в этой жизни номер восемь, в этом цивилизованном и демократическом Обществе Истребления.

Но хватит. Не всем и не всё можно знать...

Я позвонил Кеше по сотовому. Кеша уже был в Шарм-эс-Шейхе и купался в прозрачной красноморской заводи с разноцветными рыбками, которых запрещалось кормить. Он их и не кормил. Это они щипали его за голые ноги. В Шарм-эс-Шейхе было жарко, я бывал там, правда, в декабре... Но сейчас я хотел бы быть в Иерусалиме, в Храме Гроба Господня, на Голгофе.

- Что скажешь? – спросил я у Кеши, не здороваясь и не представляясь.

- Рамона жалко! – сказал он прямо. – Я ведь звонил ему за месяц, приглашал на «Союзе» лететь, там как раз какой-то «коммерсант» выпал... нет, говорит, нынче установка на партнерство с Амэурыкой... Жалко! Я б такого парня в свою бригаду взял!

- А других не жалко? – спросил я злобно.

- Юра, я не министр иностранных дел, чтобы соболезнования выражать, понял! – оскорбился он. – Другие мне по барабану! И челнок ихний тоже! Они с этих челноков нас бомбить будут, а мы сопли разводим!

Он прав, ещё как разводим...

Я понял, что с Кешей про общечеловеческие ценности говорить бесполезно. Да и мне они были, честно говоря, по барабану. Своих проблем хватало.

- Ну, а наши парни?

- А чего наши! Наши ништяк! Звонили из Фриско, с Рашен Хилла по крутым горкам катаются. Говорят, кайф ломовой, круче, чем в космосе!

- Живы?! – обрадовался я.

- А чего им сбудется, - удивился Кеша. – Они, правда, на «эмкаэсе» вместо шаттла в грузовой «Прогресс» загрузились, тот, что сгореть должен был в верхних слоях. В спешке перепутали. На нем и шарахнули по ранчо. Сами катапультировались... всё по плану!

- Ага, по плану, - съехидничал я, - а мишень-то ушла!

- Мишень ушла, - согласился Кеша. Помолчал. Потом добавил: - Они все заговорённые. Под дьяволом ходят...

В этом была сермяжная правда. Дьявол считался князем мира сего. И они князья... Правда, не все их князьями признавали, чести много, всяких уродов в князья записывать, не Рюриковичи, чай, и не Романовы, и даже не ивановы... А дразнить Кешу сейчас было опасно. Я уже догадывался о следующем его плане: в мае Куш собирался открывать новую атомную станцию в Оклахоме, а немец Капутин уже подписал договор с чеченской диаспорой и Пакистаном о строительстве крупнейшего в мире торгового центра под Кремлём.

О, чёрный человек, чёрный человек...

Возвращаясь с Синая, я мечтал об отдыхе. Но на пороге моей квартиры уже стоял и ждал меня какой-то долговолосый и бородатый человек с грустным лицом и козявым посохом-клюкой в узловатой руке.

- Отец Варсанофий, - представился он.

- Чем могу служить? – поинтересовался я, приглашая батюшку в квартиру и одновременно проклиная судьбу.

- Да я, собственно, на минуту, - извинился он, топчась в прихожей, - сообщить вам скорбную весть: вашего бывшего участкового Ивана, который всё у вас книжки брал и мне давал читать... третьего дня убили...

- Как?! – искренне изумился я.

- Заложили кирпичом и залили раствором. Прямо в заборе. Да вы, наверное, видали, тут цыгане замок выстроили – красный, с башенками, с кирпичным забором в кремлевскую стену величиной. Он их всё ходил совестил, что не по-божески, мол, весь район на игле держать... вот и досовестил... Кстати, прихожане они добрые, всегда жертвуют на храм. А кладку плохую сложили, угол с Ваней-то и обвалился... Упокой, Господи, душу раба Твоего! царствие ему Небесное!

Я молчал. Что тут скажешь.

Иногда надо просто помолчать.

- Вот зашел вам книжку вернуть, - отец Варсанофий положил на столик у зеркала потрепанное «Сатанинское Зелье», вздохнул горестно: - Правильно очень пишете про черное траурное знамя, реющее над страной... А я в монастырь ухожу. Грехи отмаливать...

- Почему вдруг?! – бестактно спросил я.

Батюшка махнул рукой.

- Храм-то мой, приход местный, по благословению святейшего Ридикюля, какой-то Гасан Мехмет-ага выкупил... говорят, то ли под мечеть, то ли под игорный дом, а может, под гей-клуб... Неисповедимы пути Господни! В монастырь! Куда ж ещё... Спасибо вам большое за книги ваши добрые. С каждого амвона вас человеконенавистником анафемствуют... а у меня от них душа чище и светлее...

Я замахал на него руками.

- Хватит про душу! Нам бы всем мозги прочистить и просветлить! Где вы ещё на белом свете таких обалдуев, как мы, видали?!

- И то правда, - согласился святой отец.

Благословил меня на прощание. И как был, с посохом-ключкой, не как патриархии и прочие экуменисты в каретах золоченых, а подобно бедному апостолу Андрею, на своих двоих, напрямик побрёл в монастырь...

А мне и почудилось, что это сам Андрей Первозванный, Первокреститель Руси Святой, покидает нашу грустную обитель вслед за Господом, Божьей Матерью и Николой Угодником...

Была Святая Русь... а «святых россияний» не бывает, увы.

Саваном-снегом по стылую грудь припорошена, нет ни рыданий, ни слез над разверзтой могилой, и не помянут, не вспомнят о матери брошенной милые чада твои, твои дети постылые. Родина ты моя, горькая родина, только одна в этом мире от Бога ты, видно, за то ты и предана-продана, обречена на судьбину убогую. Мать Богородица бросила дочь свою блудную, сгнил и истлел над тобою покров Ее Пресвятой, в каменных храмах пустых, как и ты, беспробудная, спит беспробудно и вечно Спаситель твой. Родина ты моя, бедная родина,

проклята навеки, ныне и присно ты, спящей красавицей в омуте, в омуте ждешь не дождешься залетного принца ты. Принц твой - мессия, не нами призванный, в бликах огня неземного, нездешнего, сумрачный ангел, хранитель всех изгнанных с обетованных небес и из ада кромешного. Родина ты моя, смертная родина, пальцы на горле твоём ледяные, холодные. Поздно уже - поводырь твой, колодник юродивый, в мрак преисподней раскрыл нам врата безысходные. Птица зловещая Ночь вскинет крыльями черными в небе багряном, горящем, над куполом треснутым, и под крыла те вороньи крестом перевернутым примет тебя и твой люд на мучения крестные. Родина ты моя, светлая родина, жертва закланная, память закланная, в омуте ты... ты и в выси заоблачной, под небесами ты - нами распятая.

Отступление в реальную жизнь замечательных людей:

Сначала Моню, ослабленного и разморенного всякими целебными вливаниями, полуживого, но несгибаемого, подсадили к узнику совести Самсону Соломонову.

Бывалый сиделец цепким взором старого зэка оценил ситуацию. И сразу догадался... казачок то засланный! Свои все были корявые, беззубые и с нервическим складом характера. А этот... нет, не приглянулся он что-то вековечному борцу за поправленные права.

Самсон Соломонов и так плохо спал. Каждую ночь к нему приходила зелёная статуя свободы, однорукая и озлобленная. Он слышал её тяжёлые шаги ещё издали. Потом она долго стучала медным кулаком в кованую дверь палаты. И Самсон, весь в холодном поту, сам открывал ей.

Статуя свободы входила тяжкой поступью. Уцелевшей зеленой лапой она хватала Самсона за руку, сжимала зверски, так, что Самсон стонал, кричал и хрипел во сне: «о, тяжело пожатье каменной её десницы!» И просыпался в ужасе. Наутро его мучали запоры, ломота в костях и угрызения совести. Ведь мог же повеситься на древке трёхцветного флага, чёрт возьми, благо торчали на каждом углу, как вышки на зоне. Нет, угораздило взлезть на зелёную статую. Мракобес! Шовинист проклятый!

Потом статуя с Лубянки перестала приходить к нему глиняным ночным гостем. Но каждую божью ночь Самсону Соломонову снилось, что он висит повешенным на настоящей Статуе Свободы, той самой. Он висел над мутными водами то ли Ист-Ривера, то ли Гудзона (географию в школе он так и не доучил, слишком рано посадили), висел и вглядывался в небоскрёбистые силуэты Манхэттена. Каждое утро из туманных далей прилетали две птицы. Самсон Соломонов всё думал, что это орлы, которые летят, чтобы клевать его печень. Но туман рассеивался, орлы оказывались самолетами-«боингами» и поочередно врезались в две манхэттэнские башни, пролетая мимо него и его печени. Башни падали. И серое облако накатывало на Ист-Ривер с Гудзоном, на островок Либерти, на зелёную Статую Свободы и на него самого, погружая мир в серый и спокойный мрак... А наутро всё начиналось снова: он висел, башни стояли, орлы прилетали и снова серое облако несло всем мир, упокоение и любовь. Потом глупый сон надоел узнику совести. И он во все перестал спать. Тем более, что засланный провокатор мог его запросто задушить во сне.

А чтоб не сморило, он и Моне не давал спать, всё приставал с расспросами. Моня отвечал невпопад.

- Я просто охереваю, - признавался он. – А на хера мы тогда в девяносто первом на баррикадах умирали?! Сатрапы! Демофилы грёбанные!

Самсон Соломонов посмеивался в усы и бороду. Со всем тихо и мудро. Потом доставал из-за шконки какой-то драненький мешочек, развязывал его. И начинал показывать Моне всякую мелкую дрянь: косточки, серые и белые, пучочки волос, ногти, жилки, сморщенные клочки кожи, ещё косточки... И всё улыбался доброй русской улыбкой дедушки Луки.

- Все они тут, - приговаривал старичок, любовно поглаживая свои богатства, - все, и невинно убиенные, и запятанные, и замученные, все тут. Оне сами и ихние гены, брат мой любезнай, не знаю, легавый ты или... чего.

- Ну и чего? – лопотал вконец очумелый Моня.

- А того, - терпеливо, в который раз разъяснял Самсон Соломонов с несуетностью Екклессиаста, - того, что падёт царствие антихриста и всех их клонируют по косточкам, по написанному в книгах и по всем правилам генетики, милай ты вертухаишко мой! Они думали, что убили их. А вовсе и не убили! – узник совести радовался как малое дитя и хлопал в ладоши. – А они все живы... и кто по тюрьмам со мной, по лагерям, по баракам, и на Соловках... и даже вот... – он вытянул на сухой ладони крохотную белую косточку, - праведница одна, умученная и убиенная бесами. Безымянная. Все здесь! И настанет час. И восстанут мертвые... И начнут судить живых... Уж они-то всё припомнят этим штопаным гондонам... чего и мы не помним... Такие вот дела. Аминь, брат!

Вечный узник прятал мощи мучеников в свой мешок. Ложился на него. И засыпал наконец сном праведника.

А Моня пытался читать книжку сумасшедшего философа Фёдорова, которую ему всё время подсовывал этот приставучий и не менее сумасшедший дед Лука. Но философические слова из сумасшедшей книжки складывались в нудную и скорбную путаницу про мёртвых. И Моня начинал плакать, жалея всех, кто жил до него, но так и не понял, зачем он это делал и для чего. Вот так.

На восьмой день Моня попросил компьютер или, хотя бы, пишущую машинку – как член союза писателей он не мог дня прожить без строчки. Ему принесли ученическую тетрадку в клеточку и огрызок карандаша. Моня долго думал, грыз ногти и недогрызенные остатки карандашной древесины, сопел, чесался, потел... и наконец размашисто вывел на обложке «Моя борьба!» Да, так! и только так! Новые поколения борцов должны были знать о его трагическом, но озарённом светлыми заревами тернистом пути. Только так!

Строчил он дней двенадцать кряду, не отрываясь, требуя всё новых и новых тетрадок, не обращая внимания на встревоженного сокамерника, забыв про баланду и пойло,

строчил яро и бескомпромиссно, сгорая в творческом порыве снизошедшего вдохновения... На тринадцатый день Моня выдохся, рухнул на стопы исписанных тетрадей и замер. Санитары за ноги выволокли «международного террориста» из теплой уютной палаты и переволокли в холодный и сырой реанимационный карцер. Тетрадки отнесли профессору. Тот опытной рукой прямо поверх «моей борьбы» вывел свой диагноз: «вялотекущая шизофрения, осложненная манией зоологического антисемитизма и оголтелого шовинизма». На всякий случай созвали консилиум-тройку. И вынесли решение: «тридцать лет добровольного лечения в клинике особо-оздоровительного режима без права переписки». Это было гуманно и справедливо. В духе молодой российской демократии. Медсуд присяжных санитарок, учитывая молодость пациента и всю искренность его заблуждений, добавил к сроку ещё три года.

После недельной реанимации в карцере Моне прописали целебные вливания галоперидола. Огромную двухвёдерную капельницу подвесили почти над головой, уложили, стерильным пластырем примотали руки, ноги и голову к железной шконке. И открыли вентиль.

- Бомба! – еле слышно шептал Моня бледными губами.
– Это она! Остановите её... падает, сука! Фартиг!!!*

Он точно знал, что никакая это не капельница, а настоящая атомная бомба, что её сбросили на Хиросиму, но падает она почему-то на него, на Моню Гершензона, падает долго, но уверенно и неотвратимо... Потом он забыл, на кого падает бомба и как его зовут, ещё позже забыл про Хиросиму и Самсона Соломонова, потом ему стало мерещиться, что «Мою борьбу» написал вовсе не он, а кто-то другой, и ему показалось, что сознание уже начинает раздваиваться, потом вместо хиросимской бомбы он начал видеть розовый воздушный шарик и добрые лица врачей, которые улыбались ему ласково-ласково, как соб-

* Хватит, конец (идиш).

ственному сыну, и в этом не было ничего странного, он ведь и был их сыном и они сейчас принимали его роды, извлекая его из чьей-то утробы на добрый и весёлый розовый свет...

Пустых камер в новейшей оздоровительной лечебнице ФСГБ, что уходила вниз на тридцать четыре этажа прямо под Лубянку, не было. Её открыли совсем недавно, к очередному торжественному юбилею лучшего друга российских беспризорников Зигизмонда Дзержизмундовича. Но страждущих накопилось немало. И отдельных палат на всех не хватало. Углублять подземный объект здравоохранения было опасно, этажом ниже проходила прямая ветка спецэтапирования неизлечимых больных на Соловки. Её приемный пункт размещался прямо под Соловецким камнем, только метров на четыреста ниже. Поэтому те, кто возлагал охапки цветов к поминальному валуну, знали, что делали.

- Господи, прими-и-и их души болезные в обители своя! – пели с чувством случайно уцелевшие наверху, у камня. Ставили свечи.

И Господь принимал. Внизу. Не без помощи лиц, уполномоченных на то соответствующими мандатами победившей р-р-револю..., пардон муа, молодой демократии.

Нехватка больниц, тюрем, лагерей, клиник и предварительных профилакториев вообще была острым гвоздём в лакированом штиблете генералмейстера Перекапутина. Запад отчислял на содержание этих учреждений сущие крохи, пять-шесть миллиардов евродолларов в год, их не хватало на оздоровление администрации гаранта, а тут ещё это народонаселение, что постоянно нуждалось в освобождении занятых им жилищ для мигрантов, возмещающих, по словам гаранта, естественную убыль убывающего народонаселения. Запад не понимал до конца всей важности и значимости этой глобальной проблемы, которую сам генеральный генералиссимус называл Великим переселением народонаселений.

Её вообще никто не понимал.

Прежде чем попасть в элитную спецлечебницу, Мона всласть помыкался по больничным распределителям и камерам предварительного лечения (КПЛ). Завсегдатаи и постояльцы в них сидели и лежали ушлые. Их тела и души лечили не один год, не через один оздоровительный этап прошли они. И не кляли судьбы, мирясь с её превратностями и закидонами.

- Это всё ништо, - говаривал Моне в приемном покое старый и тертый пациент-рецидивист Акакий Кумов, матерый ходок по больничным зонам, - это всё благодатные места. Отсюда выбраться можно, как два пальца... А есть дыры гиблые и страшные, тьфу-тьфу-тьфу! прнеси Господи и нечистая сила! Про Спасо-Перовскую обитель не слышал, паря?

Мона тряс головой. А может, она сама тряслась.

- Эту дыру гиблую по рогам дьявола признают. Антенна на ней стоит в сто метров с рогами – за тринадцать верст видать, прямо на больничном бараке в семь этажей она, как чёрт сидит. Знак! А кто попал, тот пропал. Выхода из Спасо-Перовского спецгоспиталя мира и спецмилосердия имени Малюты Скуратова нету. Мужики его «конвейером смерти» называют, а блатные кто Бухенвальдом, кто Треблинкой. Местный народишко, что возле проживает, страшное место Могилой окрестили, потому как сколько завезут туда больных, столько гробов и повывезут, даже больше. Одно слово, «чёрная дыра»! По закрытым спискам федеральной системы концгоспиталей этот проходит как «семидесятая горлечебница» особо строгого лечения. Так-то, паря! Вот куда попасть, что сгинуть! Главным кумом там Арон Гольдберггробен, а заведующий смертным отделением Генахий Михерович Шилкинд. Уж кто к нему попадёт, назад живым не уйдёт! Эскулап, едрёна-матрёна! Этот любого за неделю улечит! Страшные легенды идут по зонам о нём: будто душу сатане продал или сам сатана, другие говорят, мол, губит

христиан, потому как без того, чтоб в день по три желчных пузыря не сожрать из мёртвяков, никак не может, и кровь стылую пьёт, дескать, распотрошит труп на пару с Гольденгруббером – и пьют: чавкают, булькают, давятся, икают, а пьют, кровососы ненасытные... Но думаю, паря, то привирают малость. Не так страшны эти черти, как их малюют. Слыхал я будто у Шилкинда с Гробенгольдбергом при спецгоспитале коммерческое похоронное бюро имеется, под названием «Харон и сыновья», будто немалую прибыль даёт... Потому они сперва нашего брата болезного излучателем с антенны-то облучат до посинения, потом в капельницу керосина или дихлофоса, а в шприц – мышиноного яду... только поспевай колоть! да трупы вывозить! да денежки подсчитывать! Знающие люди балакают, мол, ещё один спецгоспиталь прикупить хотят: этот по тыще трупов на день даёт, а с двумя они и на трёхтысячный рубеж выйдут... Это ж какие капиталы сказочные! Вот оно что. И скоко комиссий на них напускали, скоко проверок, паря... а всё впустую. Придут эти проверяющие, поглядят: вроде бы всё по инструкции – иглы не в глаз втыкают, не в мошонку, а в вены, таблетки не в нос запикивают и не в зад, а в рот, в историях болезни у них все болезные со смертными диагнозами поступают, так и записано: «доставлены при смерти, излечению не подлежат»... а что дифлофосом пахнет и мышинным ядом, так те запахи для дезинфекции коньяком отбиваются, все комиссии в коньячных парах и с конвертиками-отчётами выползают... А завоз нашего брата после их ухода увеличивают. И премии с грамотами шлют... У меня троих корешей там улечили. А поздоровей меня были. Так-то, брат! Чёрная дыра! Конвейер смерти! Бухенвальд!

На прошлой неделе я как раз приходил навестить ослабленного Моню, был приемный день, и я принес ему апельсинов от себя и от томящегося в застенках писателя Лимонова.

Моня меня не узнал. Он лежал, трясся и всё молил:
- Только не в семидесятую! Только не в Бухенвальд!

Я пообещал ему:

- Не бойся, не переведут... не допущу, Моня! у меня у самого опыт такой, что хоть ложись рядом с тобой да в слёзы, вот так, милый друг...

Опыт был горестный и трагический. У меня у самого в этом «спецгоспитале милосердия» насмерть залечили отца, за десять дней залечили. Отец вырос в голодные годы после «гражданской», сирота, сам выбился в люди, учился и учил в четырнадцать, работал в газете, потом учился снова, в военном училище, присоединял Бессарабию и Прибалтику, с первого до последнего дня воевал в Финскую и в Отечественную, учился в академии, работал, работал, работал и служил своей Родине, не жалея сил, здоровья, самого себя... он прошел через три войны, голод, блокаду, жизнь, чтобы перестроившиеся эскулапы, забывшие все клятвы гиппократов, честь и совесть, угробили его на исходе жизни, когда только и можно было бы перевести дух – хоть на пару лет, хоть на год, хоть на полгода... беды, нашествия, фашисты, невзгоды не сломили его, не смогли убить... а эти... эти смогли... эти умеют... палачи в белых халатах.

Эх, отец, отец – и тебя не уберегли... Поколение иуд.

Жизнь №8 – всех перекошим!

К сожалению, президент-гауляйтеров лечат не в «госпиталях мира и милосердия». Прискорбно. Большая часть народонаселения от всей души мечтала бы видеть их именно там. В «Хароне и сыновьях».

А ещё лучше – на скамье трибунала. Хотя бы и Гаагского. Впрочем, свободные выборы покажут, о чём мечтает народонаселение свободной Россиянии. Хе-хе!

А тем временем Буш, в очередной раз объевшись груш, снова раздолбил взрывом бомбами и ракетами Древнюю Месопотамию, Шумер, Ассирию, Вавилон, а заодно и несчастный Ирак, который по стечению обстоятельств находился на их территории.

Все думали, что он так и хотел раздолбить Ирак. Но на самом деле туда попадали те самые ракеты и бомбы, которые Заокееания направила на молодую Россиянию и ко-

торые не долетели до неё. Почти никто не знал об этом. Только своим друзьям-партнёрам без галстуков, трусов и маек Антону Блейеру и Вове Капутину Буш сказал:

- Ничего, следующие долетят – мы в Россиянии новые двигатели заказали, от «протонов» и новые системы наводки, а в Ээстлянии новый наводной локатор поставили – так что обязательно долетят, дайте только срок!

И они тут же ратифицировали договор СНВ-33, по которому молодая Россияния в обмен на поставку миллиарда кубокилометров окорочков Буша, обязывалась уничтожить на своей территории все дороги, города и мосты...

Буш даже ласково попрекнул Капутину:

- Эх ты, коммунист!

Капутин дико перепугался. Он уже перевёл все свои сбережения и госказну в Заокеанию, а тут вдруг такое обвинение, за которое в демократическом мире сжигают на электрических стульях.

Но Буш разъяснил шутку.

- Как говорил ваш классик: «коммунизм есть советская власть плюс электрификация всей страны», верно?

- Верно! – отчеканил Капутин. – Я свой партбилет ещё при старике Ухуельцине сжёг! И доложил о том в Госдеп.

- Билет сжег, и советскую власть демонтировал, всё так, - с ласковой улыбкой проговорил Буш, - а кто электрификацию будет дезэлектрифицировать? Или опять за свои коммунистические штучки?!

- Я! Буду! – закричал Капутин. И тут же позвонил Тсубайтцу с требованием немедленно и навсегда вырубить все рубильники. – Мы и «лампочки Ильича» все перекокаем и провода сдадим в сырьё! – истово заверил он партнёра.

- Ну-ну, - пробубнил тот.

Бушу уже было не до лампочек и шестёрок. Он уже шёл к порту, куда причаливали три огромных авианесущих океанских лайнера цвета хаки с грузом из дворцов и музеев Шумера, Вавилона, Месопотамии, Ассирии, Загроса, Персии, Палестины и окрестных окрестностей.

К сожалению, Моня был так же далёк от государственных нужд молодой Россиянии, как и партнёры гаранта в Заокеании. Поэтому когда санитары в очередной раз впихнули его в очередную палату, он несколько растерялся и скис.

- Ну те-с, батенька, с чем пожаловали?

Матёрый человечиче в жилетке и галстукe в горошек, остановился перед Мoneй, держа большие пальцы рук за подтяжками, покачиваясь на мысках стоптанных башмаков и склонив лобастую голову мыслителя набочок.

- Вижу, вижу, батенька! Вы, верно, из ходоков! Ну, что там? Как молодая республика? Небось, голодает?!

Матёрый ласково и хитро прищурил глаза.

Моня сам с прищуром, испытующе, но не ласково поглядел на матёрого – уж больно картавит, не антисемит ли пещерный?! Рыженькая бородёнка и замусоленный горошек что-то напомнили ему, далёкое и киношное. Но до конца Моня так и не вспомнил. Целебные снадобья, что вкололи ему перед переселением были сильнее памяти, он вообще не понимал толком – где он: то ли в пещере Ус-Салямы бен Оладьина, то ли в чреве Храмовой горы заповеданного Ерец Исраеля, то ли в амстердамском трактире для дуремаров... хотя он не ощущал во рту и в ноздрах едкого и горького привкуса... нет, скорее всего, он был в питерском андеграундном подполье нацболов-постпацифистов и сейчас уже должны были выскочить голые девки в пионерских галстуках, бритые скины в цепях, с барабанами, лабухи в наколках с гитарами и прочие чада режима... а этот хер у них явно за фюрера!

- Да какой я ходок, - ответил Моня запоздало, вспомнив вдруг Самсона Соломонова, который пошёл на четвертую ходку. Вот тот был настоящий ходок. – Террорист я, батя, международный!

Матёрый человечиче в ужасе отпрянул от незванного гостя и разом перестал ласково улыбаться. Какая-то патлатая старуха, троившаяся в Мониных глазах, забила в

угол, заплакала, запричитала и принялась судорожно креститься пятиконечным знаменем, приборматывая: чур меня! чур!

Моня нащупал серую мягкую стенку, прислонился к ней спиной и медленно сполз вниз – в ногах у него правды не было. И голые девки почему-то не выскакивали. Нет, скорее всего, это не инстоляция... и не тайная чёрная вечеря... и не оргия в пещере... Вспомнился почему-то дед, который не вылезал из наркоматов и психушек. Тот бы сразу разобрался! Не то что нынешнее племя... уроды, блин! гнилое семя! И этот фюрер... наверняка, или санитар или вертухай, морда наглая, рыжая!

- А мы назло буржуйам мировой пожар раздуем! – подхалимски прокартавил вдруг рыжий. И мелко, рассыпчато засмеялся, заглядывая Моне в глаза изнизу.

- Хер им раздуешь! – сомнамбулически отозвался Моня. – На каждого нашего у них сорок тысяч с дубинками.

- Э-э, батенька, куда хватили, - заегозил человечище, - а нам в семнадцатом легче было?!

Моня не успел ответить. Кованая дверь с зарешеченным окошком распахнулась и два санитара впихнули в палату обрюзгшего краснорожего и седатого мужика с оттопыренной нижней губой.

- Куда, понимаешь! – гундел мужик и бессмысленными поросячьими, налитыми кровью глазенками озирает серое пространство. – Опять перешпунтировать?! Не-е да-амся-я! И-ех! Вредители!

Увидав матёрого в галстук, он вдруг пошёл на него медведем-шатуном, задрал вверх лапы. Патлатая заверещала, забила в истерике.

- На броневик он, понимаешь! – ревел краснорожий. – Хера твой броневик, бля-я! Ты на танк взлезь! Ты хоть танк-то видал, бля-я?!

И совсем уже было навалился на матёрого.

Навис над ним сущим аспидом.

Но в это время в палату сноровисто вошли другие санитары, в камуфляже и со стремянкой, деловито прошли

мимо краснорожего и матёрого, влезли на свою лестницу и сняли икону со стены.

- Ироды-ы! – заголосила патлатая. Кинулась было вслед санитарам, споткнулась, уцепилась за край иконы. Но санитары недолго волокли старуху за собой. Тот, что был слева, не сбавляя ходу, пнул патлатую сапогом... и она отпала. Разом замолкла и успокоилась.

- Эта верна, - сказал вдруг тоже успокоившийся мужик-шатун, - заместа этого мене надо повесить.

- И повесят! Непременно повесят, батенька! – заверил его матёрый человечище с хитроватым прищуром.

Краснорожий сразу обмяк, полез целоваться.

Пока они обнимали и лобызали друг друга, Моня напрягал все силы слабеющего мозга и терзал ускользающую память – видел! где же он видел этих кретинов? Нет, снадобье вышибло из мозгов всё напрочь. Он попытался вспомнить хотя бы, как зовут его самого. Но не вспомнил. Он помнил фамилию деда, отца, матери, дом на набережной, балерин, хождение вокруг церквей с хоругвями, какие-то гильзы и «лимонки» в карманах, площадь Дизенхоф, бойню в Брюсселе, правый пейс, за который его привязала к кровати сука-проститутка, свой литературный псевдоним, в коем смешались духмяные травы, шершни и колосящаяся гречиха... он вспомнил даже, как выпрыгнул с парашютом из какого-то «боинга», летящего в небоскрёб, необузданную и алчную учительку, бой под Ленином, камень брошенный мальчонкой-арабом, черноглазым давидом-с-пращей, свою боль, кровь, лазарет, какого-то огромного хохочущего белобрысого филистимлянина по имени Кеша, марш на Вашингтон в чёрной шапке с прорезями для глаз, всех своих девок и баб, которых упомнить было просто невозможно, злобного писаку, всё стращавшего народ и пророчившего конец света, взорванный бэтээр в Чеченегии и себя, палящего из «калаша» по зелёнке, грязный Бет-Лехем, попа с лиловым лицом негра, застенчивые ивы на Чистых прудах, снова крестный ход, шипенье и цыканье, Растроповича с автома-

том, чью-то отрезанную голову у обочины, большую «восьмёрку» на колесе только что подаренного папаней и раздолбленного вдрызг «орлёнка», горькие слёзы свои, комиссаров в пыльных шлемах и гоя на печи, и опять восьмёрку, пропеллером крутящуюся перед глазами, заставляющую свет белый, и слёзы, и горечь, и боль, боль, боль... он вспомнил всё, или почти всё... но кто он, что, и зачем пришёл в этот свет... так и не сумел вспомнить.

Господь принял его скорбящую всеми скорбями душу. Для Него не было ни эллинов, ни иудеев, ни каинов, ни авелей, ни козлов, ни апостолов...

Была ночь. И была гроза. Жуткие раскаты грома громыхали в чёрных небесах злобным сатанинским хохотом, будто кто-то в небесной тверди злорадно смеялся над беспомощной землей и её жалкими обитателями. Сухая гроза. И высверк адских молний, бьющих как из преисподней: не сверху вниз, а наоборот. Казалось, что исполинские огненные стрелы раздирают земные покровы и устремляются в заоблачные выси, чтобы устранить наконец последнего вершителя справедливости... Но, похоже, его и так не было... скорее всего, он давно уже покинул этот свет, и силы мрака просто впустую изнуряли себя, сводя счёты с никчёмными, брошенными на их произвол людишками... Была страшная гроза.

Иннокентий Булыгин не спал. Он сидел в огромном кресле, утопая в нём, и при слабом свете ночника дочитывал последнее евангелие про самого себя, апокалипсис двадцать пятого века, где доживал свои последние часы его тёзка, а, может, и прапраправнук, кровь от крови, Кеша Мочила, русский странник во вселенной, бедолага, душегуб, погромщик, рецидивист-каторжник, ветеран тридцатилетней Аранайской войны, праведник, воин, последний солдат России и просто хороший человек... Было больно. И тревожно. Такие люди не должны были умирать. Их и так было немного, по пальцам перечесть... Но именно они умирали. И не только за себя.

Эта книга книг была как Библия. В ней было всё. Не было только лазейки, чтобы ускользнуть, вывернуться, выжить... Книга судеб. Книга живых и мёртвых. Книга, которую не каждому дано прочесть, тем более постичь.

Иннокентий Булыгин перечитывал её в сотый раз. И всё надеялся, что в ней что-то изменится, что он, Кеша, прорвётся и останется жить... ведь книга была живая... а всё живое меняется... Тихо, тихо лети, пуля моя в ночи, ласковым мотыльком... Иннокентий Булыгин просто не знал, что Кеша и так жив, что он бессмертен, потому что бессмертна сама книга. Всё равно было очень больно. И очень тревожно. И я его понимал. Ведь это я написал эту книгу... Это я жил и умирал вместе с её героями, ещё не родившимися, ибо они и не могли родиться в нашей жизни №8... нерождённые и бессмертные... Больно!

Иннокентий Булыгин вздрагивал от сатанинских раскатов. Они были предвестниками той последней битвы, что шла на Земле и в которой умирал его прапраправнук, а может, и он сам... И всё же он расслышал взвизг тормозов. Сердце замерло. Он отложил книгу. Подошёл к окну. Там, внизу за стёклами, во мраке ночи стоял чёрный автомобиль, и первые капли уже били по его чёрной матовой крыше, по капоту, по мостовой, деревьям...

Чёрный человек вошёл без стука. Он не долго стоял в дверях. Молчал. Потом прошёл к огромному письменному столу, за которым Иннокентий Булыгин любил просиживать часами, разрабатывая свои хитроумные планы. Медленно опустился на сиденье кресла с высокой резной спинкой, обитой тёмнозелёной крокодильей кожей.

- Что скажешь? – спросил чёрный человек после ещё более долгого молчания. Вынул из кармана нечто тяжёлое, положил на столешницу перед собой. Глушитель удлинял и без того длинный ствол.

Надо было стрелять первым.

Но Иннокентий Булыгин застыл мумией. В судьбу стрелять бесполезно... хоть первым, хоть каким.

Фатум! Кысмет! Ваши не пляшут!

- Я не выполнил заказ, - признался Иннокентий Булыгин, киллер-профессионал, для которого не было невозможного, человек чести и слова. – Их нельзя убить...

- Меня не интересуют причины! – оборвал его чёрный человек. – Мои заказы или выполняют, или...

- Их нельзя убить, - повторил Иннокентий Булыгин, философ, матрос и вор в законе. – Они и так мертвы. Как убить мертвяка, набитого говном и бесами? Осиновые колья? Пули из серебра? Это сказки для детей! это картонное голливудское фуфло! Впрочем, я готов ответить... Ну, давай... стреляй!

Он вернулся к креслу, сел в него, всем видом выражая смирение и покорность. Протянул руку к книге... сейчас для него важнее было дочитать последнюю страницу. А что будет с ним, с миром, не имело большого значения. Этот мир не выдержал проверки на вшивость. И не такая уж большая честь жить в нём. И вообще, что за смысл жить в этой пронумерованной жизни...

- А ты не догадываешься, что это тебя так заказали? – спросил чёрный человек, положив узкую руку в чёрной перчатке на рукоять пистолета, лежавшего перед ним.

- Как?

- Так! Наизлом?! Слышал мудрую восточную пословицу: если у тебя есть враг, не суетись и не дергайся, сядь и жди, пока его труп пронесут мимо твоего дома?

Иннокентий Булыгин отвернулся к окну, за которым было темно, пусто и сыро. Его губы еле шевелились:

- Тихо, тихо лети ласковым мотыльком, пуля моя в ночи, и не тужи ни о ком, пусть сладко спят они тихим покойным сном... тихо, тихо лети трепетным ветерком... скоро уже рассвет.

Он всегда был поэтом.

А стал...

Ох, уж эти дороги, которые мы выбираем!

- Тихо, тихо лети, пуля моя в ночи, вестницей чистых слёз, ангелом светлых грёз, тихо, тихо лети, прямо в грудь палачу... – завершил я эту песню песен. - Мы сде-

ляли, что могли, мы нажали на курок... и она долетит! обязательно долетит! ночь не бывает вечной!

Я сдёрнул чёрную маску с лица. Улыбнулся Кеше. Пусть теперь кто-нибудь другой назовёт себя Че Геварой, Екклесиастом, зеркалом мироздания или мечом Вседержителя... Он улыбнулся в ответ. Всё так просто... И не надо мудрить, философствовать, искать Бога в этой паршивой и безбожной жизни, ничего не надо, она не стоит того... жизнь номер восемь – милости просим! пусть всё катится к чёртовой матери! почему мы должны страдать за бестолковое и невменяемое человечество, за весь этот сброд, у которого тараканов в мозгах больше, чем в сорока тысячах китайских ночлежек! которое вполне достойно своих царей, генсеков, тиранов и деспотов, демократов-реформаторов, президентов и гауляйтеров?! Хватит!

Мы двинулись навстречу друг другу, чтобы рассмеяться, захохотать, похлопать друг друга по плечам и забыть про всё раз и навсегда... Моя рука уже коснулась его руки, еле-еле, кончиками пальцев.

И тогда ударил гром.

Какой-то запоздалый глухой раскат уже прошедшей грозы. Дверь за моей спиной заскрипела. Я обернулся. И застыл в ужасе...

В комнату вползала настоящая тьма. И из этой тьмы постепенно выявлялся тихий и молчаливый чёрный человек, на котором не было маски...

Он молчал. Смотрел мимо нас. И огненные грозные знаки на белой стене уже чертила рука роковая...

*«А деспот пирует в роскошном
дворце, тревогу вином заливая...»*

Послеамбула: Приговор

И тогда Кеша велел своим мордоворотам принести к нему тысячу телевизоров. И они принесли ему тысячу телевизоров. А ещё он повелел принести ему гранатомет, три пулемёта и двенадцать маузеров с ящиками патронов и гранат. И принесли они всё как было приказано.

У матросов не было вопросов.

И сказал тогда Кеша:

- Сколько раз увижу, столько и ухерачу!

И поцеловал на том крест.

И включил все телевизоры.

От редакции. А пока гр. Булыгин Иннокентий Иванович занимался выяснением отношений с «гарантами конституций», дюжие санитары облачали автора сего злобного пасквиля на человечество в смиренные одеяния и под восторженные вопли соседей и россиян: «Распни его! Распни гада!», на глазах у миллионов несвидетелей волоком волокли в «воронок»... Автор тихо улыбался и радостно шептал: «несть ни эллинов, ни козлов, ни иудеев, ни апостолов... есть лишь моя боль... и не воздастся каждому по написанному в книгах...»

В исполнительном листе у санитаров значилось: «При попытке к бегству из палаты №8 замочить на месте»!

В сумрачном лесу было тихо, сыро и благостно.

И сон чудовищ рождал разум.

«Бог в нас самих»
Овидий
«В одних Бог, в других дьявол,
а в третьих «пепси-кола»
Ю.Петухов

Эпилюдия: Ужасный суд

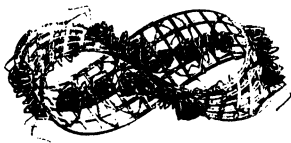
И явился Спаситель в третий раз. И посмотрел на этот мир. И сказал: «Ну вот... опять этот мир ненавидит меня, за то, что я свидетельствую, что дела его злы... Я свидетельствую, понимаешь, а он всё равно ненавидит... не мир, а скопище обалдуев и кретинов! Дурдом какой-то!»

И ушёл. И не стал спасать никого...

Кроме Кеши.

Ибо один добровольно нераскаявшийся в содеянном праведник был ему дороже миллиардов этих штопаных гондонов, набитых бешеной говядиной, шникерсами, памперсами, пепси-пойлом и нелепыми человеконенавистническими романами. Вот и всё.

Жизнь № 00.

*Ладно. Мы отменно повеселились. Пир во время чумы
это всегда весело... Пора и погрустить немного.*

Общество Истребления

Евангелие Постапокалипсиса

С каждым витком спирали человечество глупеет.

Каждое новое поколение тупее прежнего, оно врывается в мир, истово веря, что это оно придумало свой прикид. Всё прежнее было олдво... и вот явились мы! и мы изменим этот мир! мы перестроим его, а если понадобится, взорвём к чёртовой матери! история начинается с нас!

Каждое новое поколение не видит, что все «прикиды» (абсолютно все!), от макиязно-татуажных до внутримозговых, сочинили для него, юного, «дерзкого и бунтующего», старые дяди с верёвочками на морщинистых пальцах и хитрым прищуром лукавых глаз... Все до последнего, от призывов и лозунгов «мы хотим перемен!» до попсы, андерграунда и мод с голыми пупками.

Марионетки.

Дяди смотрят на новое стадо молодых баранов и овец, которое пригнали на их бойню. И мудро улыбаются.

Крутые и юные рвут струны гитар, нервы, орут, млеют, они готовы перевернуть всё вверх дном. Они поют вечную песню протеста. Не свою. Слова для их песни написали не они. Слова пишут те, с верёвочками... Всегда. Нужные слова. И исключений нет.

Для того, чтобы изменить мир, надо его хотя бы видеть... Не знать, не понимать, не осознавать, это чересчур много, а хотя бы видеть в полприщура, на осьмушку, на сотую, на десятитысячную... Марионетки на верёвочках слепы. Совсем. Абсолютно. С десятков из них немного прозреет, к старости, когда настанет пора готовиться к жизни иной. Но они будут молчать. Бог не даст им слова.

Молодые овечки приходят в старый мир с верой, что с их приходом он становится новым. Они строят пирамиды, греческие полисы, римские империи, города солнца, коммунизмы, правовые государства, андерграунды, демократию, подполья, постмодернизм, общества потребления и развлечений... Им так говорят. Им всегда подскажут, что нужно строить, чтобы быть самыми крутыми реформаторами и прогрессистами. Им подскажут, что нужно говорить. И что модно. И что круто. И что прогрессивно. И что стильно. И они повторяют сказанное. Они верят. Даже те, кто ни во что не верит... Верят во всё. Всегда. Они полны веры.

А там, где много веры. Там мало яблок.

Тех самых, за которые гонят из рая.

Неважно, из какого рая, в Эдеме, под пирамидами, в Колизее, на Красной площади или в амстердамском трактире для дуремаров... Для верующих рай повсюду.

Но не будем о прошлом. Прошлое ушло.

Настало третье тысячелетие.

И пришли новые, ярые, смелые, молодые, готовые перевернуть мир... как всегда. И им сказали, что нужно строить. Всемирную демократию. И общество процветания. И Европу без границ. И глобальную сеть без пределов. И толерантность, и веротерпимость, и унисекс... и антиглобализм. Да-да, и это им сказали, они не пришли с этим, ибо... ибо они пришли оттуда, где нет ничего, кроме зарождающейся материи, крови, генов, сперматозоидов, яйцеклеток, околоплодных жидкостей и пуповин... Истинно так. Они не принесли в этот мир ничего нового. Они всё узнавали уже в нём.

А узнавали они то, что им было разрешено узнать.

Информация дозируется – это аксиома аксиом. «Информация» для них - это дезинформация + пропаганда.

Они не узнали главного.

Что они пришли вовсе не в «общество построения». И не в «общество потребления или развлечения»...

Они пришли в ОБЩЕСТВО ИСТРЕБЛЕНИЯ.

В этом обществе всё расписано и разложено по полочкам. В этом обществе у каждого своя роль. И те, «добрые дяди», кто под красивые сказки, лаковые вывески и гуманистические лозунги помогают истреблять пришедших, - это умные и тонкие интеллектуалы-гуманисты, либералы и демократы, прогрессисты, элитарные сливки и модные писатели... А те, кто говорит овечкам правду – злобные маргиналы, консерваторы, человеконенавистники, ретрограды и фашисты... Так заведено.

Не все, кто знает правду, знают её до конца.

Не все знают, для чего запустили в мир СПИД, лихорадку Эболи и «бешеную говядину», почему накатывают вдруг опустошительные наводнения, зачем экуменизируют христианские церкви, почему вдруг стала повальной мода на гомосекс и лесбиянство – на однополую «любовь», и для чего «половое воспитание» вводят с детского сада, и почему в Христа верить немодно и отстало, а нетрадиционные религии объявляются элитарными, и к чему вдруг плодят миллиарды пацифистов и наркоманов, и зачем накачивают пивом и табаком школьников...

Давайте на миг забудем о высоком гуманизме высокой демократии и задумаемся. Просто совсем чуть-чуть пошевелим мозгами. Неужто государства, которые имеют тысячи геостационарных спутников, авианосцы, ракеты с разделяющимися боеголовками, лазеры, мазеры, атомные станции, безумные инфраструктуры и фантастический аппарат слежения за ними, суперкомпьютеры, выполняющие триллионы операций в секунду, полиция, милиция, армии, многомиллионные агентурные сети... неужели они не могут уничтожить наркоплантации и нарколаборатории да пересажать всех торговцев «дурью»? Глупости. Одного указа хватит, чтобы через неделю во всем мире не стало наркотиков. Одного. Указа. И придёт в действие такой механизм, который перемелет в мгновение ока всю наркосистему: от выращивателей конопли и химиков до врачей-наркологов, внушающих олухам, что

наркомания излечима (вся цепь работает в одной прибыльной связке – и изготовители, и курьеры, и торговцы, и СМИ, и «борцы с наркотиками» от полиции-милиции до «рок-протестантов» и врачей). Выявить «тайные» лаборатории и наркоплантации не составляет труда. Они, собственно говоря, все известны. Ликвидировать их – дело техники. Однако, не выявляют и не ликвидируют. Обезвредить наркокурьеров и торговцев – нет ничего проще. Они все до единого «на учёте», они под контролем на каждом шагу. Но «обезвреживаются» единицы, только те, кто пытается работать вне «системы». Именно о них и их «задержанном товаре» иногда сообщают нам СМИ. Все прочие беспрепятственно доставляют смертный товар до потребителя. Столь же беспрепятственно проводится тотальная (тотальная!) реклама наркотиков, фактически насильственное навязывание их – с помощью прессы, телевидения, «антинаркотических» акций, так как любая публичная «борьба» с наркотиками на страницах журналов, газет, в молодёжно-юношеских передачах радио и ТВ, в школах, ВУЗах, на рок-фестивалях, в интернете – есть их абсолютная и самая действенная реклама и массовая пропаганда. Государство не только не запрещает эту пропаганду и навязывание наркотиков, но всячески поощряет её, поддерживая «борцов с наркоманией», выделяя им колоссальные «гранты» (за счёт истребляемых налогоплательщиков). Милиция, от участкового до генералов, превосходно знают все притоны, «малины», учебные заведения, дискотеки, клубы, интернеткафе и т.д., где распространяются наркотики. Они могут прикрыть миллионы этих гадюшников в один час. Дайте приказ. Но приказа не дают. Напротив, госсистема спутывает «органы» по рукам и ногам, защищая наркобизнес и тем самым вовлекая в него ту же милицию и спецслужбы, которые чётко понимают, что государство «крышует» наркосистему и остаётся только участвовать в этом «крышевании», получая свою долю. Государство юридически оберегает наркосистему, холит её, лелеет и взращивает.

Редко кто из мальчиков и девочек впервые проткнет себе вену и закачает в себя мерзость на трезвую голову. Подавляющее большинство делает это после стакана вина, водки, бутылки пива, когда снижается уровень самоконтроля. И потому при абсолютной поддержке государства проводится массированно-тотальная маниакальная пропаганда пива, повальное спаивание молодёжи, то есть осознанное и целенаправленное истребление людей в массовом порядке, по сравнению с которым все пресловутые «крематории и газовые камеры» нацистов просто детский лепет. Ведь в год на планете от наркотиков и алкоголя гибнет в сотни тысяч раз больше людей, чем их было загублено Третьим Рейхом за всё время его существования. Безрецептный отпуск шприцев в любых количествах и бесплатная их выдача на «антинаркотических» пунктах ещё раз подтверждает, что фактически государство способствует распространению наркомании. Государственная поддержка массированного приезда миллионов мигрантов с Кавказа, из Азии и Африки, главных поставщиков и распространителей наркотиков, а также государственная охрана их в России (законы об экстремизме и пр.) и наделение большими правами, чем у коренного населения (и это факт!) свидетельствуют, что государство заинтересовано в притоке максимального количества наркотиков и наркодиллеров. Создание чудовищной паутины платных нарколечебниц, частных наркологов, различных «обществ по спасению наркоманов» ведёт к резкому росту наркомании и её всеобщему распространению. Врачи-наркологи всецело заинтересованы в увеличении числа пациентов. Человек, попавший в их паутину, обречён, он до смерти не вырвется из неё (или до полной утраты своих сбережений и имущества, даром его лечить не станут, отдав последнее, как правило, квартиру, он умирает под забором). При этом наркологи внушают целым поколениям, что способны излечить наркоманию, тем самым массово вовлекая молодёжь в свои сети. Каждый врач (каждый!) знает, что наркомания и алкоголизм

абсолютно не излечимы. Избавиться от них можно только полностью отказавшись от наркотиков и алкоголя. Полностью и навсегда! И только без помощи наркологов. Любая помощь нарколога приводит к зависимости от него самого, - не меньшей зависимости, чем от наркотиков.

Государство (государства) имеют все средства, на всех этапах и по всей системной цепи для абсолютного, полного и окончательного уничтожения наркомании в кратчайшие сроки. Для этого нужна только политическая воля. И один Указ.

Только один указ, одно решение доброй воли. И планета очистится от смертного дурмана и сохранит сотни миллионов, миллиарды жизней.

Так почему же никто не издаёт этот указ и почему никто ничего не делает по существу проблемы? Почему вообще ни одна из глобальных проблем человечества не решается государствами?!

А теперь слушайте правду.

Это просто правда:

- потому что наркотики истребляют людей, миллионами! сотнями миллионов! а основная цель нынешнего «гуманистического общества» и есть истребление людей; современные государства используют наркотики (и алкоголь), как средства массового поражения, как средства массового истребления и уничтожения народов;

- «продвинутые» глупенькие мальчики и девочки думают, что они «ловят кайф на зло системе», что это они «самовыражаются» и так «протестуют против прогнившего общества» - наивность на грани идиотизма - это Общество Истребления, пользуясь их юношеским максимализмом и глупостью, убивает их, истребляет, вырезает поголовно, похлеще пресловутого царя Ирода.

И проще всего истреблять именно юных, «новые поколения»: у них ещё не выработался иммунитет на Общество Истребления и его методы умерщвления человечества.

Современное государство (государства) заинтересованы в массовом истреблении людей, своих граждан. И они планомерно, целенаправленно и последовательно проводят политику истребления населения планеты Земля.

Не случайно. Не в меру обстоятельств.

А именно: осознанно, целенаправленно, планомерно, последовательно, ускоренными темпами. И не только наркотиками (об этом мы поговорим ниже).

Народы создавали государства для защиты от врага внешнего и внутреннего, для самозащиты. Чтобы плодиться и размножаться. Достигать процветания.

И вот расплодились. Размножились.

На земле стало тесно.

В 60-х годах XX века на базе «элитарных клубов» (прежде всего Римского клуба), постепенно объединяющих власть имущих планеты вне зависимости от их гражданства и национальности, был дан чёткий прогноз, что при имеющихся темпах прироста населения человечество будет обречено на глобальный кризис к 2030-2050 гг.

Прогноз привёл к тому, что правящие и финансовые «элиты»^{*} Земли стали всерьёз думать о собственном спасении и собственном выживании в условиях неминуемого кризиса. Именно это привело к феноменам создания «мирового правительства» и процессу глобализации. Элиты всех государств (после 1991 г. и России) поняли, что смогут выжить только вместе и только уничтожив большую часть народонаселения земного шара. Уничтожив именно физически, то есть истребив.

Как известно, политику государств определяет не народ (вообще, понятие «демократия» – есть фикция, самая грязная и циничная ложь, возникшая в условия чудовищ-

^{*} Слова «элита», «суперэлита» преднамеренно взяты в кавычки, потому что фактически особи, входящие в них, несмотря на своё высокое положение и почти абсолютную власть, не являются членами подлинной элиты, они, скорее, супермерзавцы и сверхнегодяи с чрезвычайно посредственными интеллектуальными и духовными показателями. Увы.

ного рабовладения в древнегреческих полисах). Политику государств определяют элиты этих государств.

К концу II тысячелетия полностью сформировалась космополитическая, то есть вненациональная и внегосударственная «суперэлита», включившая в себя местные национально-государственные «элиты».

Основной целью «элит» (точнее, всемирной «суперэлиты») стало уничтожение, массированное истребление человечества, рода людского*.

И в результате за несколько десятилетий государства из защитников и охранителей своих народов буквально на наших глазах трансформировались в истребителей, в активных и последовательных уничтожителей, как своих граждан, так и граждан иных государств.

Теперь рассмотрим основные методы истребления, используемые в совокупности.

«Суперэлита» («мировое правительство», государства нового типа и т.д.) целенаправленно истребляют людей. В качестве оружия массового истребления человечества «суперэлитой» используются:

- искусственно прививаемая с юных лет массовая наркомания планетарного масштаба (о чём писалось выше);
- тотальная алкоголизация человечества; это оружие массового истребления людей остаётся пока самым сильным и действенным; последние годы порог спаивания опущен до 10-12 лет; массированно и ускоренными темпами при посредстве самого тяжёлого пивного алкоголизма внедряются детский и женский алкоголизм; алко-голем истребляется в основном «белая раса», европеиды, у которых в крови недостаёт фермента, выводящий алко-

* Скорее всего, именно приход к абсолютной власти на Земле глобальной «суперэлиты», древними философами-пророками и рассматривался, как приход Антихриста с последующим «концом света» и истреблением рода человеческого. И здесь суть не в терминологии, а в том, что прогноз древних сбывается.

голь; то есть алкоголизацию можно и нужно рассматривать как этническое оружие массового поражения; мы имеем дело с тотальным этническим, расовым геноцидом;

- фармацевтика и внедрение религиозной веры в «спасительное» действие лекарств; фактически они полностью нарушают баланс и саморегуляцию организма, убивают человека или превращают его в лекарственного наркомана; а тотальное навязывание транквилизаторов, антидепрессантов и нейролептиков, уничтожающих мозг, это прямое убийство людей;

- повсеместно внедряемое питание с «пищевыми», «витаминными», «генетическими» добавками, заменителями и консервантами (сама «суперэлита» никогда не пользуется ничем подобным!); всё это приводит к разрушению иммунной системы, разбалансировке организма, тяжелейшим хроническим заболеваниям, передающимся по наследству (то есть истребление на поколения вперёд);

- искусственно внедряемые однополые «браки», педерастия, лесбиянство... колоссальные средства затрачиваются для внушения школьникам, что быть педерастами, лесбиянками, извращенцами не только не аморально, физически опасно, стыдно, но наоборот: естественно, модно, «продвинуто», «клёво», современно, прогрессивно, либерально и выгодно; на это работают все СМИ, вся мировая пропаганда, вместо неблагозвучных слов типа «педерасты» и т.д. внедряются красивозвучащие «голубые», «геи», «бисексуалы», «нетрадиционалы»; сверхзадача одна – лишить людей потомства, пресечь природный принцип: «плодитесь и размножайтесь», и тем самым истребить род человеческий;

- повальная пропаганда абортот и противозачаточных средств; испокон веков убийство человеческих зародышей считалось государственным преступлением и тяжчайшим грехом, так как убивались живые дети, будущее человечества; в последние три десятилетия впервые в мировой истории государства сами стали навязывать политику тотальной абортотизации (убийства детей) и контра-

цепции, в том числе и с целью использования убитых детей (а это сотни миллионов детей в год) для парфюмерии, фармакологии, омоложения дряхлеющих членов «супер-элиты»;

- тотальная пропаганда и навязывание ранних браков, приводящее к глобальному распространению педофилии, торговле детьми, рождению дебилов, паралитиков, бесплодию, психическим болезням и ранней смерти;

- массированная продажа детей на «кусыновление», то есть фактически на истребление их в «тайных» публичных домах, гаремах и, в первую очередь, в трансплантологических клиниках, где истребление и расчленение вывозимых детей поставлено на конвейер;

- искусственно навязываемая женщинам «феминизация», то есть разжигание в женщинах ненависти к мужчинам, сталкивание их на абсолютно ложный и гибельный путь «борьбы» с мужчинами и натравливание на мужчин; фактически феминизация приводит в первую очередь к истреблению самих женщин, тягчайшим женским болезням, лишению их радостей материнства, семьи, психическим болезням, срывам, самоубийствам;

- массированно-тотальное распространение порнографии, секс-шопов, стрип-клубов, «женских» и «мужских» журналов, что ведёт к всё большему распространению «самоудовлетворения» (мастурбация, онанизм), уничтожению института брака и, как следствие, сокращению населения;

- проститутизация детей, девушек, юношей, женщин; навязывание всеми средствами пропаганды привлекательного образа проститутки-путаны, проститутки-педераста, ведущих роскошный, независимый и красивый образ жизни; фактически – ранняя смерть, алкоголизация, наркомания, венерические и психические болезни, СПИД, преждевременная смерть – то есть истребление;

- пацифизм; всеми средствами массовой пропаганды юношам прививается непримиримая ненависть к армии, непреодолимый страх перед армией; фактически паци-

физм есть одно из самых действенных орудий истребления молодёжи, так как по статистике на тысячу юношей, служащих в армии, приходится во много раз меньше смертей, чем для их сверстников «на гражданке» - жертв наркомании, преступности, алкоголизма; вопреки ложному мнению, смертность в армии значительно ниже, чем в «гражданском пацифистском обществе», это факт; у парня, который идёт служить больше шансов выжить в ближайшие два года, чем у того, который остаётся дома; кроме того армия даёт часть иммунитета против Общества Истребления;

- создание в лабораториях и распространение эпидемий неизлечимых болезней: СПИДа, лихорадки Эбола, атипичной пневмонии и др. обеспечивает уничтожение сотен миллионов людей;

- создание искусственных очагов «конфликтов» типа Афганистана, Чечни; данные «конфликты» разрешимы в течение двух-трёх недель; но они используются годами, как превосходный инструмент постоянного истребления людей, в основном, молодёжи, репродуктивного возраста; главная задача, скажем, Чеченской войны, вовсе не делёж прибылей от продажи нефти, наркотиков, разворовывания бюджетных миллиардов, отмывание капиталов – это всё сопутствующие цели, но главная задача – надёжное, обеспеченное и массовое истребление людей;

- фактическое отсутствие здравоохранения, когда больных и особенно пожилых просто умерщвляют в больницах при полностью излечимых болезнях; существующая имитация народной «системы здравоохранения» способствует истреблению сотен тысяч ещё способных излечиться, выжить, но на данном этапе ослабленных; фактически их просто добивают по принципу «меньше народа, больше кислорода»;

- отключение электроэнергии, теплоснабжения в зимний период (при фантастическом экспорте и того, и другого); искусственное повсеместное сселение, уничтожение русских деревень и сёл; разрушение систем поставки

продуктов питания; целые районы обрекаются на вымирание, то есть фактически истребляются государством;

- переселение в страны с вымирающим населением миллионов криминальных и околокриминальных мигрантов, якобы «для восполнения естественной убыли населения», а фактически для спаивания, наркотизации, развращения, продажи, окончательной деморализации и уничтожения оставшихся коренных жителей.

Перечисленные выше методы массового истребления людей не являются какими-то случайными «недочётами, ошибками» государств, правительств и «непосильными, невыполнимыми задачами» для них. Все перечисленные беды вполне и абсолютно преодолимы. И по отдельным позициям Сингапур, Китай, ряд исламских стран доказывают это. Государства обладают всеми возможностями для прекращения истребления своих народонаселений. Но они, государства, «элиты», «суперэлита» делают всё возможное для усиления и ускорения процесса истребления людей.

Те, кто пытается остановить процесс истребления человечества, немедленно объявляются фашистами, националистами, шовинистами, расистами, экстремистами, ретроgrадами, консерваторами, антиглобалистами, ультраправыми, маргиналами, террористами и т.п.

Всё, стоящее на пути молоха истребления человечества, безжалостно сокрушается и уничтожается.

Именно с этой целью был сокрушен Советский Союз, который обеспечивал национальные интересы и прирост населения. После его искусственного разрушения Россия, под вопли о демократизации, начала стремительно вымирать. По международным квотам, России полагается к 2050 г. сократить население до 50 млн. человек, до 2070 г. до 17 млн. человек.

* Говорить о «естественной убыли» истребляемого населения есть чудовищный цинизм.

Аналитически, умом, можно понять цель глобальной «суперэлиты» (государств, «мирового правительства», клубов, «большой восьмёрки» и т.д.), которая заключается в пожертвовании большинством землян ради спасения меньшинства (самой «суперэлиты» и окружающего её этнококона, или, как принято говорить, «золотого миллиарда»*), а точнее, «ковчега спасения». Но духовно, нравственно, сердцем, миллиарды жителей Земли, в том числе и сто сорок – сто пятьдесят миллионов русских, приговоренных «суперэлитой» (в том числе и «элитой» собственного государства) к истреблению, вряд ли воспримут такое обоснование. Этим миллиардам такое решение вопроса может показаться востократ более изуверским и циничным, чем пресловутое решение пресловутого «еврейского вопроса» гитлеровской элитой.

«Суперэлита» чрезвычайно, почти панически спешит с окончательным решением проблемы, с истреблением человечества. И не только в связи с приближающимся «кризисом перенаселения». Но и в осязаемом чудовищном страхе перед тем, что её планы могут быть раскрыты и новый Нюренбергский процесс приведёт к ликвидации самой «элиты» и её преступных приспешников. В последнем случае сомневаться в приговоре трибунала не приходится: глобальные преступления против человечества будут караться только смертной казнью. «Суперэлита» это прекрасно осознает. Она примет все меры, чтобы не допустить такого разрешения проблемы, вплоть до уничтожения человечества ядерным, химическим, бактериологическим оружием массового поражения.

На настоящий момент, в сложившихся обстоятельствах у глобальной «суперэлиты» имеются все средства для то-

* Фактически это неверно, так как именно в «золотом миллиарде» рождаемость минусовая, именно белая раса, европеоиды в первую очередь обречены на заклание, к моменту глобального кризиса их место почти полностью займут иные этносы, более лояльные и безропотные в отношении «суперэлиты». Этот процесс уже идёт полным ходом.

тальной казни человечества, а у человечества для казни «суперэлиты» средств фактически нет. Такой расклад сил приводит к закономерному выводу о закономерном переосмотре взгляда народонаселения Земли на деятельность своих и чужих государственных «элит», правительств, то есть на деятельность своих государств, правительств, президентов. В нынешних условиях главы правительств, государств уже не могут рассматриваться, как «отцы народа», «отцы наций», «гаранты» и «защитники». Они могут рассматриваться исключительно в качестве руководителей аппаратов истребления собственных народов.

Законодательно «элиты» всех государств, в том числе и России, обеспечили себя статьями в законах и конституциях, запрещающими реальную борьбу с ними и даже реальную критику в их сторону. Любое народное восстание будет потоплено в крови (с этой целью и проводятся «реформы» по переводу народной армии в наёмно-контрактную), то есть попутно «элита» решит часть основной задачи, истребив дополнительно тысячи или миллионы людей. Но помимо восстаний и «неконституционных» действий есть и иные формы сопротивления.

Человечество имеет полное право отказаться безропотно идти на бойню, куда ведут его глобальная «суперэлита» и местные «отцы народов».

Это его право, данное ему не президентами, олигархами, премьер-министрами, судами и прочими «гарантами», а самой Природой и Богом – **СВЯТОЕ ПРАВО НА ВЫЖИВАНИЕ**, право на жизнь.

Пришло время Нового Завета.

Это завет для всех: для христиан и для мусульман, для кришнаитов и для язычников, и для атеистов, ибо нет единой религии, нет экуменизма, и никогда не будет, но есть Единый Бог (даже у язычников-многобожников Он есть совокупность их богов; а для атеистов понятия Бог и дьявол есть Добро и зло) и есть единый враг для всех...

Новый Завет Третьего тысячелетия

Это завет для всех: для христиан и для мусульман, для кришнаитов и для язычников, и для атеистов, ибо нет единой религии, нет экуменизма, и никогда не будет, но есть Единый Бог (даже у язычников-многобожников Он есть совокупность их богов; а для атеистов понятия Бог и дьявол есть Добро и зло) и есть единый враг для всех...

1. Не всякая власть от Бога.
2. Есть власть и от дьявола.
3. И она пришла в мир наш убить его и тебя.
- 3.1. Просто запомни это.
4. И не расшибай лоб перед теми, кто пришёл убить тебя.
5. И не делай икону из убийц твоих.
6. И сделай всё так, чтобы они попали в капканы, расставленные на тебя, прежде, чем ты попадёшь в их капканы.
7. И не верь патриархам, благословляющим убийц твоих.
8. И не иди на убийц твоих с мечом или топором, ибо они ждут этого, чтобы убить тебя.
9. Иди на них со своим умом.
10. И отрицай их повсюду.
11. И высмеивай их.
12. И презирай их.
13. И не верь им никогда и ни в чём.
14. И голосуй всегда и везде против них.

15. И если скажут они «да», скажи «нет».

16. Не нарушай их законов, дабы они не убили тебя. Твоя Благодать превыше их законов.

17. Но и не исполняй их законов.

18. И когда кто-то из них гибнет, радуйся, ибо гибнет зло и зла в мире становится меньше.

19. И ежедневно и ежечасно желай им и их роду до двенадцатого колена погибели.

20. И когда спросят тебя: до семи ли раз надо проклясть убийц твоих, ответь: не до семи, а до семидесяти семи раз надо их проклясть.

21. Возлюби ближнего своего. Ибо любовь спасёт вас и мир.

22. И возненавидь истребляющего тебя.

23. Ибо ненависть твоя очистит тебя для любви.

24. И ещё раз возненавидь истребляющего тебя.

25. Ибо в тебе он истребляет Подобие Божие.

26. Ибо в тебе он убивает Бога.

27. И запомни раз и навсегда, как азбуку и таблицу умножения: не ты живёшь по милости убийцы твоего; а убийца живёт по милости твоей, на тебе, от тебя и в тебе, подобно червю-паразиту гложущему тебя.

28. Извергни его от себя.

29. Извергни его из себя.

30. И он издохнет сам без соков и крови твоей.

31. И очистится мир.

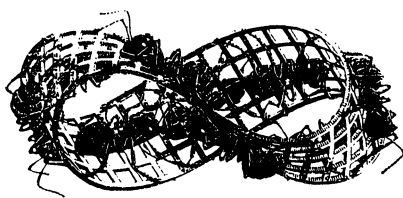
32. И ты станешь Спасителем этого мира.

33. И ты спасёшься Сам.

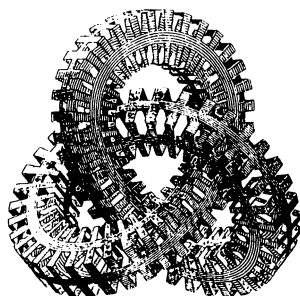
In hos signo vinctes!

Содержание

<i>Прелюдия:</i>	Козлы и апостолы	5
<i>Преамбула:</i>	Несвидетель	12
<i>Амбулолюдия:</i>	Черный человек, народные террористы и Охота на Президентов	22
<i>Послеамбула:</i>	Приговор	380
<i>Эпилудия:</i>	Ужасный Суд	381
Общество Истребления.		
Евангелие Постапокалипсиса		382
Новый Завет Третьего тысячелетия		396

*В оформлении использованы фрагменты картин
Босха, Дали, Кандинского, Эшера...
Фото Н. Цепелевой*

Литературно-художественное издание
«ПФ»
выпуск 1.2003

Петухов Юрий Дмитриевич
Жизнь № 8, или
Охота на Президентов

Редактор Д.А.Андреев
РН 0319
«Приключения, фантастика»
Индекс 70956

Подписано в печать 3.06.2003г. Формат 84х108/32.
Объем – 12,5 п.л. Заказ № 8204

Журнал «ПФ»
Издательство «Метагалактика»
111123, Москва, а/я 40

Отпечатано с оригинал-макета
в «ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

От Издательства «Метагалактика»

В 2004-5 годах мы планируем возобновить регулярное издание ежемесячника тайн и загадочных явлений, печатного органа Высшего Разума Мироздания – легендарной информационно-публицистической и литературно-художественной газеты «Голос Вселенной». Той самой, с которой и началась по сути дела «эра гласности и открытости» в России, по стопам которой пошли практически все существующие периодические издания. «Голос Вселенной» был первым в России независимым изданием. Он просуществовал семь лет, проторив дороги для нынешних газет и дав им практически все возможные направления, закрылся, выполнив своё дело. Сейчас мы наблюдаем глубочайший кризис в СМИ. И потому считаем возможным снова взять инициативу в свои руки... Мы ждем от вас, читателей, ваших мнений. Десятки миллионов людей на планете с восторгом вспоминают «Голос Вселенной», как уникальнейшее культурное явление в жизни России.

Но можно ли войти дважды в одну воду? Ваше слово!

111123, Москва, а/я 40. E-mail: metagalaktik@mail.ru

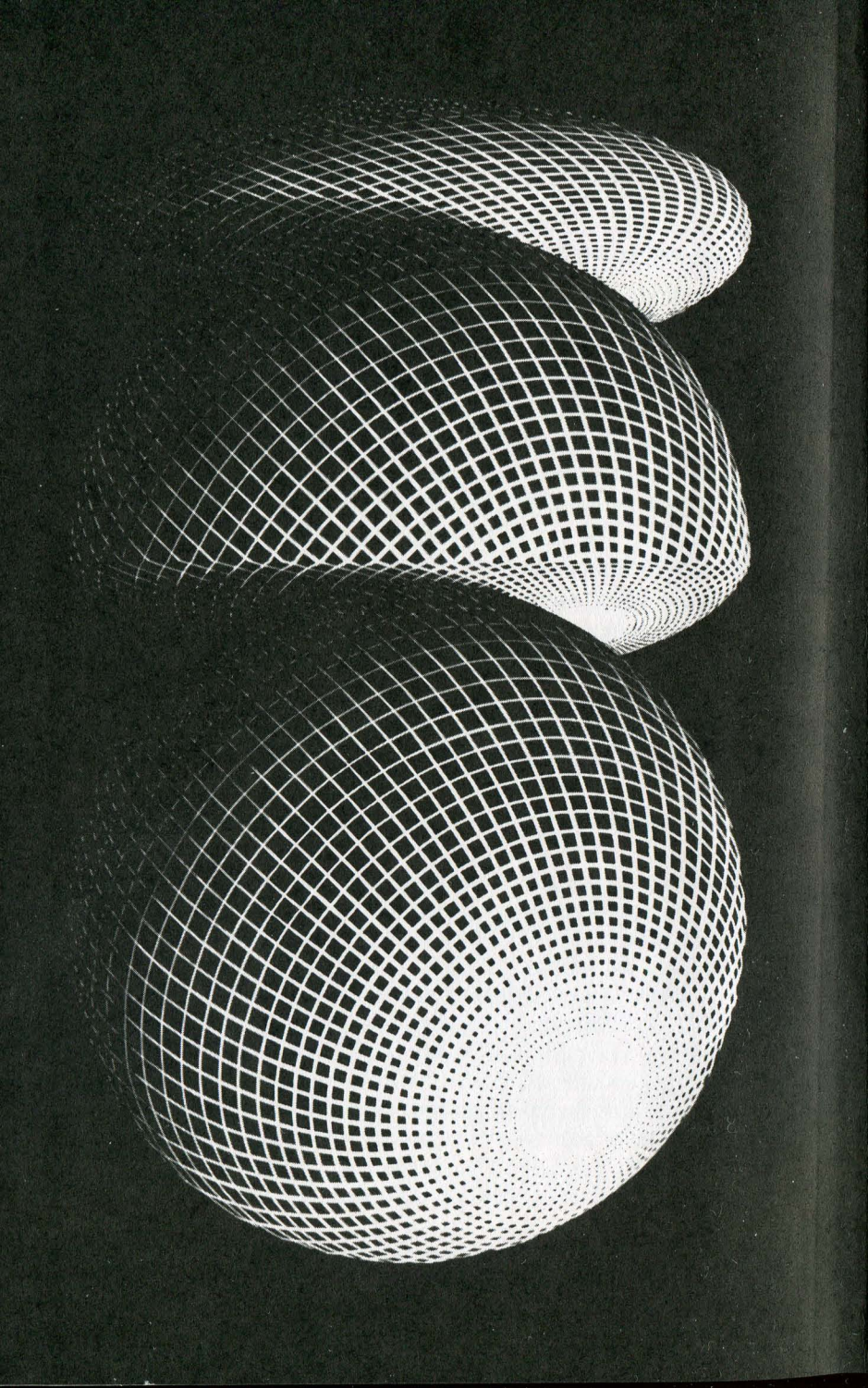
Вниманию читателей, издателей, литераторов:

Осторожно – «пиратство»!

В книге Игоря Талькова «Монолог», впервые изданной Издательством «Художественная литература», а затем многократно переизданной издательством «ЭКСМО-пресс» использован текст «Прорицания» Юрия Петухова. Фактически совершенно циничное присвоение авторской собственности и подлог в отношении читателей и литературной общественности. Особый цинизм противоправных действий «ЭКСМО-пресс» заключается в том, что издательство знает о совершенном им противозаконном действии, но малодушно скрывает данный факт, тем самым доказывая, что его руководству пока ещё не место среди культурных людей и в цивилизованном обществе в целом.

«ЭКСМО-пресс» - «пиратство»!

Сканирование и обработка:
Алексей Н. (Lion)

В детстве я мечтал стать космонавтом. Сейчас я мечтаю стать киллером. Я лихорадочно составляю список жертв, которых я заказываю себе сам... И мне не хватает бумаги и чернил. А ну, брось в меня камень тот, кто никогда не хотел никого замочить... хотя бы в сортире.

А ну?! Давайте! Бросайте!

Что-то я не вижу ни одного давида-с-пращей...

Тихо, тихо лети,

Пуля моя в ночи...

Аки бедный Иона, стенающий во чреве кита, стенаю я в утробе этого страшного мира... нет выхода. Жуткие санитары с белыми крыльями за спиной сидят возле узких врат палаты №8. Злобные ухмылки кривят их ангельские лики. Уж эти не оплошают. Эти доставят по назначению.

Оле-оле... алилу-уйя-а!

ЖИЗНЬ № 8

ОХОТА НА ПРЕЗИДЕНТОВ

ЮРИЙ
ПЕТУХОВ

И явился Спаситель в третий раз. И посмотрел на этот мир. И сказал: «Ну вот... опять этот мир ненавидит меня за то, что Я свидетельствую, что дела его злы... Я свидетельствую, понимаешь, а он ненавидит. Не мир, а скопище обалдуев и кретинов! Дурдом какой-то, палата №8!» И ушел...

И не стал спасать никого.

ЖИЗНЬ № 8

